Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

XXIX международная научно-практическая конференция

(2-3 апреля 2026 г.)

Материалы конференции

Часть 1

Ответственный редактор Д.В. Ким

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД РОССИИ
2026

ББК 67.4:67.411:67.73:67.52
УДК 343

Ответственный редактор Д.В. Ким, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:
Л.Л. Абрамова, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.В. Афанасьев, кандидат педагогических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).
С.В. Бабин (Сибирский юридический институт МВД России);
О.Х. Галимов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Ю. Иванов, кандидат философских наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Г. Калугин, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
М.В. Кондратьев, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
А.И. Кравчук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Ю.В. Леонтьева (Сибирский юридический институт МВД России);
С.М. Мальков, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.В. Молоков, кандидат технических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Д.Д. Невирко, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
П.Ю. Овсянников, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России);
О.А. Суров, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.Н. Цуканов, доктор юридических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);
В.Е. Шинкевич, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России).

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIX международной научно-практической конференции (2-3 апреля 2026 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2026. – ISBN 978-5-7889-0392-7. – Ч. 1. – 359 с. – ISBN 978-5-7889-0393-4.

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников XXIX международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики», прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 2-3 апреля 2026 г.

При подготовке сборника максимально сохранена авторская редакция материалов.

ISBN 978-5-7889-0392-7
ISBN 978-5-7889-0393-4 (ч. 1)

© Сибирский юридический институт МВД России, 2026

Federal State Public Educational Institution of Higher Education
«SIBERIAN LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION»

ACTUAL PROBLEMS OF FIGHTING CRIME: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

XXIXth International Scientific-Practical Conference
(April 2-3, 2026)

Conference proceedings

Part 1

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim

KRASNOYARSK
SLI OF THE MIA OF RUSSIA
2026

BBK 67.4:67.411:67.73:67.52
UDC 343

Editor-in-Chief Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia)

Editorial Board:
L.L. Abramova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor(Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.V. Afanasyev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
S.V. Babin (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
O.H. Galimov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.Yu. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.G. Kalugin, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
A.I. Kravchuk, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
M.V. Kondratiev, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
Yu.V. Leontyeva (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
S.M. Malkov, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
V.V. Molokov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
D. D. Nevirko, Candidate of Law Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
P.Y. Ovsyannikov, Candidate of Law Sciences (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
O.A. Surov, Candidate of Law, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia);
V.E. Shinkevich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Siberian Law Institute of the MIA of Russia).

Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXIXth International Scientific-Practical Conference (April 2-3, 2026) : in 2 parts / editor-in-chief Dmitry V. Kim ; Federal State Public Educational Institution of Higher Education «Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». – Krasnoyarsk : SLI of the MIA of Russia, 2026. – ISBN 978-5-7889-0392-7. – P. 1. – 359 p. – ISBN 978-5-7889-0393-4.

The collection of proceedings includes abstracts of reports, speeches and presentations of the participants of the XXIXth International Scientific-Practical Conference «Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice» held at Siberian Law Institute of the MIA of Russia on April 2-3, 2026.

When preparing the collection, the author's edition of the materials is preserved as much as possible.

ISBN 978-5-7889-0392-7.
ISBN 978-5-7889-0393-4 (p. 1).

© Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 2026

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Морозов А.В. 35 лет на страже закона: к юбилею создания подразделений наркоконтроля 12
Гармаев Ю.П., Гулина Е.В. Проблемы расследования высокотехнологичных коррупционных преступлений 18
Суров О.А. Данные о типичных способах контрабанды кокаина как элемент криминалистической характеристики международного наркотрафика 21

Секция «КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

Бабурин В.В. Взаимосвязь системы преступности с ее детерминантами 25
Комлев Ю.Ю. Новые методы цифровой криминологии 27
Беляева Л.И. Актуальные вопросы современной уголовной политики и ее реализации 31
Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Типология массовых убийц 33
Решняк О.А. Проблемы борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством использования сети Интернет 36
Тепляшин П.В. Криминологические аспекты обеспечения антиэкстремистской и антитеррористической безопасности исправительных учреждений 38
Филиппова О.В. Модели противодействия рецидивной преступности в криминологической науке и мировой практике 41
Шекк Е.А. Состояние и тенденции повторной преступности в России 45
Овчинко О.А. Общественная опасность коррупционной преступности 50
Баландин А.Л. Общественная опасность служебной преступности и проблемы борьбы с нею 53
Молоков В.В. Анализ динамики наркопреступности в Сибирском федеральном округе 55
Пустовойт Е.С. Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности 57
Поздняков А.Н. Парадигма развития современной преступности в контексте правоохранительных инициатив 59
Кашкина Е.В. Наркоугроза в условиях гибридных социальных рисков: криминологический анализ 61
Серен-Чимит К.К., Тулуш А.М. Правовое конституирование системы исправительных учреждений на территории Республики Тыва 65
Глотов И.И. Криминологические риски наркотрафика в структуре миграционной преступности России: правовые механизмы и превентивные стратегии ... 67
Заварыкин И.Н. Некоторые проблемы противодействия продаже несовершеннолетним никотиносодержащей продукции и устройств для ее потребления 69

Маркотенко В.Н. Объективные и субъективные критерии общественной опасности групповых наркопреступлений ... 71
Горелик А.В., Евтушенко А.А. Криминологический взгляд на проблему противодействия уголовно-противоправным деяниям, совершенным медицинскими работниками в связи с оказанием некачественной медицинской помощи или услуг ... 74
Высоцкая Н.В. Актуальные вопросы правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних ... 77
Цуран В.Д., Баринова С.Г. Профилактика агрессивного поведения подростков в образовательной среде ... 80
Климов В.Д. Правовые основы сотрудничества органов внутренних дел юга Дальнего Востока России и Министерства общественной безопасности КНР в сфере противодействия транснациональной преступности: исторический аспект (1991-2011 гг.) ... 82
Далгалы Т.А. 30-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: динамика изменений в контексте противодействия преступности ... 84
Акиева Д.Ю. Понятие функций уголовного права в современной доктрине ... 87
Кузнецова Д.А. Интерпретация категории «общественная опасность»: исторический аспект ... 89
Цепелев К.В. Влияние качества уголовного закона на противодействие преступности ... 92
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Психологический возраст уголовной ответственности ... 95
Карелина Ю.В. К вопросу о подходах к дифференции уголовной ответственности при наличии квалифицирующих признаков преступления ... 97
Иванова Л.В. Пособник преступления, совершаемого с использованием цифровых технологий ... 100
Вердиян Д.А. Квалификация преступлений в процессе предварительного расследования в ходе оперативно-розыскной деятельности ... 102
Середа И.М., Ступина С.А. Пробелы уголовно-правового регулирования ответственности за незаконный оборот органов или тканей человека ... 105
Сипягина М.Н. Уголовно-правовое противодействие навязчивому преследованию (сталкингу): за или против ... 108
Дзебниаури О.А. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России ... 111
Куричков Д.О. Проблемные аспекты квалификации кражи по признакам субъективной стороны ... 114
Попова Е.М. «Цифровое хищение»: проблемы квалификации деяний по статье 159.6 УК РФ ... 117
Мусин И.Р. Об усилении уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества ... 120
Садовых К.В. Предмет как разграничительный признак смежных составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконные производство и (или) оборот алкогольной продукции ... 121
Мальков С.М. Устойчивость как конструктивный признак бандитизма (ст. 209 УК РФ) ... 124
Антонова Е.Ю. Содействие диверсионной деятельности: вопросы законодательной техники ... 127

Ругина О.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям террористического, диверсионного и экстремистского характера: проблемы законодательной регламентации и правоприменения 130
Эйсмонт Я.А. Размер наркотических средств и психотропных веществ как критерий дифференциации уголовной ответственности по ст. 228 УК РФ (ретроспективный аспект) 132
Токманцев Д.В. К вопросу о соисполнительстве в незаконном приобретении наркотиков 135
Алыева К.М. Формально-юридический подход к конструированию санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков (с использованием инструментов статистического моделирования) 138
Вологдина Я.В. Учет пределов санкций уголовно-правовой нормы, предусмотренной статьей 228.1 УК РФ 141
Кириллов И.А. Уголовно-правовой компромисс как основание освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 144
Гайворонский А.В. Сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за небезопасные услуги в УК РФ и УК КНР 148
Байкалов В.А. Отграничение дезертирства от самовольного оставления части или места службы 151
Баяржаргал О., Батжаргал Г. Некоторые результаты исследования психологических услуг, предоставляемых заключенным, осужденным за преступления, связанные с наркотиками и психологическими веществами, в Монголии 153
Андреева Ю.В. Принцип добровольности при применении пенитенциарной пробации 163
Урусов А.А. Выговор как неэффективная мера взыскания по предупреждению правонарушений в местах лишения свободы 165
Постников М.М. Прогностическая модель обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе на основе ситуационного анализа и оценки рисков радикализации 168
Радченко Т.В. Об эффективности привлечения осужденных к ответственности за татуировки, символизирующие приверженность к АУЕ 171
Корбут Н.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность 174

Секция «ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»

Гаврилов Б.Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: рудимент российского уголовного процесса 177
Лебедев Н.Ю. Целесообразность введения в УПК РФ главы, регламентирующей порядок производства по уголовным делам с участием военнослужащих – назревшая необходимость или излишняя перезагруженность закона 183
Диваев А.Б. Юридические и нормативные конструкции – ключ к систематизации уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального законодательства 186

Калугин А.Г. Пути повышения эффективности досудебного производства: нормативно-правовой аспект 189
Сардарян Л.А. Современные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в Республике Армения 192
Вастьянова О.Д. Современная структура уголовно-процессуального права России и ее элементы 195
Михайлова Т.Н. Подотрасли как структурные элементы уголовно-процессуального права 198
Вяткин А.А. О роли международного сотрудничества в раскрытии, расследовании киберпреступлений 201
Абрамова Л.Л. Тенденции оптимизации досудебного уголовного производства 203
Семенов Е.А. Всестороннее, полное и объективное расследование как основной вектор развития органов предварительного следствия 206
Поезжалов В.Б. Некоторые проблемные аспекты применения оценочных понятий в нормах уголовного закона 209
Овчинников Ю.Г., Бессонова А.В. Некоторые социально-психологические и правовые аспекты изменения возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних 211
Майорова Л.В. Особенности статуса потерпевшего по делам о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 214
Логинова Н.Г. О субъекте производства дознания по уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией 217
Калачева А.В. Основные направления деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел 219
Попова И.П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в досудебном производстве 222
Бурнашов М. Р. Природа полномочий прокурора по рассмотрению жалоб на действия и решения должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу 225
Курбатова С.М. О неурегулированности процессуального статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела 227
Гунина О.А. Формализм в деятельности адвоката-защитника на этапе досудебного производства по уголовному делу: причины и пути решения 230
Замуруева Е.Ю. Этапы становления и развития свидетельского иммунитета как института уголовно-процессуального законодательства в отечественной истории 233
Ларин Э.Н. Предотвращение дачи ложных показаний как одна из функций свидетельского иммунитета 236
Савельева М.В. О проблемах расширения компетенций нотариуса в уголовном процессе в современных условиях цифровизации 238
Лукашенко К.Е. Место функции законного представительства в системе уголовно-процессуальных функций 241
Галимова М.А. К вопросу использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве 243

Овсянников Ю.В. Соответствие процедур оперативно-розыскной деятельности требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теория и правоприменительная практика 246
Серова Е.Б. Некоторые вопросы доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств 248
Монид М.В. Специфика и содержание правоотношений от момента фактического задержания до момента доставления задержанного по подозрению в совершении преступления в орган дознания или к следователю 251
Шайденко Д.А. Прошли ли основания задержания проверку временем? 254
Мезинов Д.А. О предмете изучения мотивации обвиняемого (подозреваемого) при избрании меры пресечения 257
Ахметгалеев В.Р. Автоматизация процессов избрания мер пресечения: перспективы и риски 259
Шаповалова Т.И. В чем причина непринятия залога в качестве меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве? 262
Ткачёва Е.С. О роли прокурора в судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения в досудебном производстве 264
Якубова С.М. Проведение проверки по сообщению (заявлению) о преступлении и цифровые технологии 267
Семенов И.А. Особенности ограничения права частной собственности на стадии возбуждения уголовного дела 269
Галимова А.О. Проблемы возбуждения уголовных дел об уклонении от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) 272
Недобор А.Н. О важности судебного контроля за производством следственных действий, ущемляющих конституционные права и свободы человека и гражданина 275
Галимов О.Х. Проблемы развития законодательства о допросе несовершеннолетних в современном уголовном судопроизводстве 278
Мещерякова Т.А. Осмотр, допрос, проверка показаний при расследовании преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности 281
Янин С.А. О некоторых аспектах допроса свидетелей в ходе расследования контрабанды культурных ценностей 284
Миняшева Г.И. Проведение следственных действий в формате видео-конференц-связи: допустимость доказательств 286
Лебедева Ю.В. В УПК РФ не закреплена форма взаимодействия «следственно-оперативная группа», но следственная практика доказала ее незаменимость 289
Назарова М.Д. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением на стадии предварительного расследования 292
Чистова Л.Е. Досудебное соглашение о сотрудничестве как важный механизм противодействия наркопреступлениям 295
Прыткова Е.В. К вопросу о производстве проверки показаний на месте и следственного эксперимента с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве 297
Михайлов А.Н. К вопросу о процессуальной форме применения судом некоторых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования 299

Куряхова Т.В. Вопросы изменения обвинения и иные аспекты порядка устранения органом расследования препятствий рассмотрения судом уголовного дела в контексте п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 301
Тараскин М.В. Выявление противоправной деятельности в цифровом пространстве: проблемы правового регулирования и документирования 304
Магомедова З.И. Отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности сектантов и организаторов сект 307

Круглый стол
«ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ»

Волынкин Е.Н. О потребности оперативной информации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков 310
Никитин Е.Л. Актуальные вопросы использования доказательств, основанных на результатах оперативно-розыскной деятельности, государственным обвинителем по уголовным делам о наркопреступлениях 314
Хавабу Э.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях специальной военной операции 317
Помелов А.А. О проблемах ведомственного нормативного правового регулирования ОРМ «проверочная закупка» 319
Хусаинов Р.Р. Этапы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков 322
Кузьмин Н.Т. О необходимости судебного санкционирования проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в мобильных зданиях или сооружениях 325
Полуянов С.А. Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий с позиций провокаций по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков 328
Беспамятнов Р.В. Особые условия, влияющие на раскрытие и расследование преступлений: некоторые вопросы международно-правового и российского регулирования 331
Скибенко А.Ю. Оперативно-розыскное обеспечение поводов для возбуждения производства при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора: постановка проблемы 333
Гайбашев Р.Н. Судебный контроль при проведении обследования жилых помещений: проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства 334
Нечаев А.С. Совершенствование методов борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на особо важных и режимных объектах в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины 337

Секция «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ НИКАРАГУА »

Железняк И.Н., Поляков Н.В., Дэвид Лазо Валле. Маршруты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Центральной Америке 341
Ладыга А.И., Поляков Н.В., Антонио Кольман. Наркоситуация в Республике Никарагуа 345
Поляков Н.В., Вильфредо Элой Карраско Карраско. Осмотр места происшествия при расследовании контрабанды наркотиков в странах Латинской Америки и Карибского бассейна 347
Поляков Н.В., Роберто Хосе Гарсия Флорес. К вопросу о производстве обыска в Республике Никарагуа 351
Поляков Н.В., Хувания дель Сокорро Лопес Харкин. Организационно-тактические особенности предъявления для опознания в Российской Федерации и Республике Никарагуа 355

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Морозов А.В.,
кандидат юридических наук
Управление по борьбе с преступлениями
в сфере незаконного оборота наркотиков синтетического происхождения и прекурсоров
ГУНК МВД России (г. Москва)

35 лет на страже закона: к юбилею создания подразделений наркоконтроля

Знание истории имеет большое значение для развития нашей страны. И это не только потому, что она богата и интересна. Ошибки и просчеты в государственном управлении должны быть учтены в будущем, а полученный положительный опыт даст новый толчок к его совершенствованию. Достоверное изложение и понимание прошедших исторических событий способствует правильному воспитанию нашей молодежи, обеспечивает непрерывность, содержательность и глубину преемственности поколений, формирует гордость и патриотизм.

Полиция России как один из важных элементов государственного управления имеет богатую и глубокую 307-летнюю историю. Подразделения по контролю за оборотом наркотиков российской полиции, стоящие на охране жизни и здоровья наших граждан, защите экономики и безопасности государства от деятельности наркоформирований, не могут похвастать тем же, но при этом за недолгий срок их службы произошло немало ключевых, важных и интересных событий.

В самом начале XX в. на территории нашей страны имели распространение всего два современных наркотических средства: опий и кокаин. Конечно, традиционно для Российской империи в больших объемах выращивалась конопля, которая могла быть предметом злоупотреблений в виде курения. В дальнейшем появились морфин и героин, имевшие аптечное происхождение, причем изначально отпускавшиеся без рецептов врачей. Потребителями являлись в основном хорошо обеспеченные люди из так называемой «богемы», а о негативных последствиях их потребления, как и о самом понятии наркомании, медицина еще не знала. Потребление этих веществ не запрещалось, поэтому городская, уездная полиция и отдельный корпус жандармов Российской империи задач по борьбе с распространением наркотиков не имели.

В 1905 г. китайское правительство приняло программу запрета опиума, что побудило китайцев переносить выращивание мака и производство опиума в Россию. В итоге в приграничных регионах начало активно распространяться опиекурение, что привело к изданию 7 июня 1915 г. первого антинаркотического законодательного акта - указа императора Николая II «О мерах борьбы с опиекурением»[1].

Последствия первой мировой войны, а также февральской и октябрьской

1 В Приамурском генерал-губернаторстве, в Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства посев мака запрещался. Запрещалось привозить из-за границы курительный опий, а также трубки и другие приспособления для курения опия.

революций 1917 г. привели к политическому и экономическому хаосу в стране, в котором нашлось место наркотикам. Аптечные вещества вышли из-под контроля, спровоцировав не только активизацию злоупотребления ими, но и многочисленные преступления.

31 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издает предписание № 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином»[1], а в составе ВЧК в отделе по борьбе со спекуляцией создается подотдел по борьбе со спекуляцией наркотиками – первое в российской истории подразделение «наркоконтроля».

К началу 1930-х гг. основная нагрузка в борьбе с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН) стала возлагаться на милицию, а конкретнее – на Главное управление рабоче-крестьянской милиции (ГУ РКМ) в составе Народного Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР. В составе милиции основная нагрузка ложилась на уголовный розыск.

В тот период в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. (в редакции 1935 г.) появились санкции за выращивание опийного мака и индийской конопли, наряду с ответственностью за изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения, а также содержание притонов для их потребления.

16 марта 1937 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР создается отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС, на территории – отделения, группы). Одной из задач таких сотрудников милиции стала борьба с расхитителями выращиваемого в фармацевтических целях опийного мака. Эта работа осуществлялась ими и в период Великой Отечественной войны.

18 января 1963 г. специальным распоряжением Министерства охраны общественного порядка (МООП) РСФСР лидирующей службой милиции в сфере борьбы с НОН определяется уголовный розыск[2], которому ставятся задачи выявления крупных сбытчиков наркотиков, организации взаимодействия с оперативными аппаратами ИТУ, следствием, государственными учреждениями, общественными организациями, средствами массовой информации и т.д.

Спустя 10 лет, 7 июля 1973 г., в составе Управления уголовного розыска МВД СССР создается самостоятельный отдел по борьбе с наркоманией со штатной численностью 6 человек.

В 1989 г. отдел по борьбе с наркотиками был реорганизован в 3-е Управление по борьбе с НОН и преступлениями, связанными с иностранными гражданами, ГУУР МВД СССР[3]. В 1990 г. за счет перераспределения штата ГУУР и ГУБХСС МВД СССР создается Управление по борьбе с распространением наркомании ГУУР МВД СССР.

Между тем незаконный оборот наркотиков в СССР только набирал силу.

1 Предписание определяло необходимость «совершенно немедленно принять самые решительные меры к открытию очагов и притонов этих спекулянтов, проследить их способ действия, склады кокаина, взаимные отношения между этими спекулянтами и аптеками и аптекарскими магазинами и беспощадно арестовывать всех этих мерзавцев, наживающих деньги на полном расстройстве жизни и смерти огромного числа людей». Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК), Московскому совдепу, Управлению городской милиции, уголовному розыску, комиссариатам юстиции, здравоохранения и внутренних дел предписывалось «сейчас же выработать особое постановление, особо жестоко карающее этот род спекулянтов».

2 Подр.: История подразделений по контролю за оборотом наркотиков. Хронологический справочник памятных дат и событий : справочное пособие / А.В. Морозов, А.В. Парфенов, Ю.А. Лапунова, М.Н. Тимонин. М. : Академия управления МВД России, 2021. 164 с.

3 Локтева О.А. Причины появления и упразднения Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков // Вестник науки и образования. 2021. № 10(113).Ч. 3.

К началу девяностых годов «мода» на наркотики в России значительно возросла.

6 декабря 1991 г. приказом МВД СССР[1] на основе этого Управление по борьбе с распространением наркомании ГУУР МВД СССР образуется Бюро по контролю за незаконным оборотом наркотиков МВД СССР (четвертое бюро, штат 48 человек), которое становится самостоятельной отраслевой службой милиции. Именно эта дата считается началом создания отраслевой службы криминальной милиции по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В этот день сотрудники подразделений наркоконтроля МВД России отмечают свой профессиональный праздник[2].

В 1992 г. Бюро сливается с отделом Управления по борьбе с наркоманией УУР МВД РСФСР, в результате образовано Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УНОН) МВД России (место дислокации – г. Москва, ул. Житная, д. 16). Управление являлось самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата МВДРоссии, оперативно-розыскным подразделением криминальной милиции, созданным в целях организации и осуществления противодействия незаконному обороту наркотиков.

В дальнейшем создается действующая сейчас нормативная правовая база противодействия НОН, включая Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах»[3], 7 антинаркотических статей в УК РФ и Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации[4].

В ноябре 2001 г. управление реорганизовано в Главное управление по борьбе с НОН СКМ МВД России (ГУБНОН). Для выполнения обязанностей по борьбе с наркопреступностью и противодействию НОН непосредственно при Главном управлении создается Оперативно-розыскное бюро по раскрытию преступлений межрегионального и международного характера, связанных с НОН, и Центр межведомственного взаимодействия в сфере пресечения НОН при МВД России, который выполнял функции координации в системе органов – субъектов противодействия НОН.

В 2002 г. ГУБНОН СКМ МВД России реорганизован в Государственный комитет по противодействию НОН при МВД России. Он входил в состав криминальной милиции, но являлся самостоятельным структурным подразделением МВД России, обеспечивая полномочия Министерства в области противодействия НОН непосредственно, а также через подразделения по противодействию НОН при МВД, ГУВД, УВД, горрайорганов. На 1 января 2003 г. их штатная составляла 8200 единиц.

В 2003 г. произошла значительная реорганизация системы органов, осуществляющих противодействие НОН[5]. Все эти подразделения с 1 июля 2003 г. упразднялись. С целью объединения усилий органов государственной власти, дальнейшей активизации антинаркотической деятельности образован Государственный комитет РФ

1 Об организационно-штатных вопросах МВД СССР : приказ МВД СССР от 06.12.1991 № 409.

2 Об объявлении Дня образования подразделений по контролю за оборотом наркотиков системы МВД России : приказ МВД России от 23.11.2016 № 750.

3 О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ.

4 Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681.

5 Подр.: Морозов А.В. О некоторых вопросах эффективности организационно-штатных мер подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 8.

по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ[1] (ГККН, Госнаркоконтроль России, с 2004 г. – Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, ФСКН России[2]). 11 марта был установлен профессиональный праздник сотрудников наркоконтроля[3].

В структуре центрального аппарата ГККН находились 4 главных управления, 12 управлений и самостоятельные отделы.

В составе ФСКН России на базе Управления физической защиты ФСНП России было создано Управление специального назначения и охраны, которое включало в себя оперативно-боевые отряды и кинологическую службу. Отряды специального назначения (ОСН) в территориальных подразделениях наркоконтроля имели специальное наименование «Гром».

Учитывая, что в соответствии с федеральным законодательством обязанность органов внутренних дел на всех уровнях административно-территориального деления осуществлять борьбу с НОН, включая предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие наркопреступлений, а также осуществлять профилактику злоупотребления наркотиками сохранилась[4], в июле 2003 г. в структуре ГУБОП СКМ МВД России создано Оперативно-розыскное бюро (ОРБ) ПНОН[5] № 4 (впоследствии ОРБ № 14). ОРБ определено как головное оперативное подразделение, непосредственно осуществляющее борьбу с организованной преступностью и координацию деятельности подразделений ОВД по противодействию НОН в системе МВД России. Таким образом, ОВД продолжали оставаться антинаркотическим правоохранительным органом.

В 2008 г. подразделения по организованной преступности, в том числе входящие в их состав ОРБ (на региональном уровне – ОРЧ) были упразднены[6], при этом возложенные функции внутриведомственной координации антинаркотической деятельности ОВД были вновь переданы в подразделения уголовного розыска (в центральном аппарате – ОРБ № 14 МВД России, а с 2011 г. – Управление по организации деятельности органов внутренних дел в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков ГУУР МВД России), в ГУ (У) по субъектам Российской Федерации – в Управления (отделы) УР[7] (штат – 50 единиц).

Следует отметить, что между ФСКН России и МВД России в практике организации ОРД часто возникали различные (иногда конфликтные) проблемы, связанные с межведомственной разобщенностью и несогласованностью.

5 апреля 2016 г. коренным поворотом в реформировании подразделений по борьбе с НОН органов внутренних дел стало решение Президента РФ об упразднении ФСКН России с передачей всех полномочий в МВД России[8].

1 Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 11.03.2003 № 306.

2 Вопросы Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков : Указ Президента РФ от 28.07.2004 № 976, ст. 1.

3 О Дне работника органов наркоконтроля : Указ Президента РФ от 16.02.2008 № 205.

4 О наркотических средствах и психотропных веществах : Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ, ст. 41.

5 Приказ МВД России от 30.06.2003 № 500.

6 О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1316.

7 О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 06.09.2008 № 1316 : приказ МВД России от 12.09.2008 № 795.

8 О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156.

13-летняя история работы ФСКН России закончилась.

В июне 2016 г. на базе ФСКН России и УОБПНОН ГУУР МВД России создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (далее – ГУНК) МВД России, призванное выполнять функции головного подразделения Министерства в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере противодействия их незаконному обороту[1], имеющее в составе 8 управлений, 3 самостоятельных отдела и специальный отряд быстрого реагирования, созданные для решения всех сложных и разноплановых задач противодействия современной наркопреступности и обеспечения контроля за оборотом наркотиков в стране.

Во всех территориальных органах МВД России на региональном уровне за счет штатной численности территориальных подразделений ФСКН России созданы Управления НК (КОН), в территориальных органах на районном уровне – отделы (отделения, группы) НК (КОН)[2], их кадры составили наиболее опытные сотрудники уголовного розыска и бывшие оперуполномоченные наркоконтроля ФСКН России.

Необходимо отметить, что по сравнению с ФСКН России ГУНК значительно повысило эффективность проводимой работы. Так, сравнение итогов 2015 г. (период работы ФСКН России) и 2025 г. на фоне снижения общего количества выявленных наркопреступлений (-9,4%), показывает значительный рост их качественной составляющей. Это особо тяжкие составы (на 58%), незаконный сбыт наркотиков (на 33,9), незаконный оборот прекурсоров (на 907%), незаконное производство наркотиков (на 977%). Существенно выросло и количество изымаемых подконтрольных веществ: всех наркотиков на 7,9%, из них наиболее опасных – синтетических на 227,8%; прекурсоров на 7258%; сильнодействующих веществ на 386,4% (информация представлена в таблице).

		2015	2025	
Выявлено всего преступлений		236939	214770	-9,4%
	Особо тяжких	92784	146743	+58,2%
	Наркопроизводство	90	969	+977%
	Сбыт	118521	158727	+33,9%
	Прекурсоры	42	423	+907%
Изъято НС	33 т 132 кг	35 т 748 кг	+7,9%	
	из них синтетических НС	5 т 370,5 кг	17 т 602,2 кг	+227,8%
Изъято прекурсоров	629 кг	46 т 283 кг	+7258%	
Изъято СДВ	738,9 кг	3 т 594,2 кг	+386,4%	

История не стоит на месте. За 10-летний период (с 2016 г.) на фоне появления и развития новых тенденций в наркобизнесе уже в ГУНК МВД России и антинаркотическом законодательстве происходили определенные изменения.

Так, в 2019 г. в результате внутренней реорганизации создано Управление организации оперативно-профилактических мероприятий, противодействия наркоугрозе в сфере IT-технологий и легализации наркодоходов[2]. Во всех территориальных управлениях нарко-

1 Об утверждении Положения о Главном управлении по контролю за оборотом наркотиков МВД Российской Федерации : приказ МВД России от 23.04.2016 № 209.

2 Об организационно-штатных вопросах : приказ МВД России от 07.05.2019 № 298.

контроля создаются отделы, отделения, группы по IT-преступности. С этого момента организуется целенаправленная работа не только по блокировке совместно с Роскомнадзором запрещенных пронаркотических сайтов, но и изобличению организаторов наркомагазинов (маркетплейсов) и крупных теневых площадок. Например, в 2022 г. ликвидирована даркнет-платформа «Гидра».

В 2020 г. ГУНК подготовлена новая Стратегия антинаркотической политики РФ[1], утвердившая основные направления антинаркотической деятельности в стране на период до 2030 г. Разработаны и приняты к реализации соответствующие межведомственные планы.

По инициативе ГУНК в 2021 г. установлены меры контроля в отношении закиси азота[2], создан Перечень одурманивающих веществ[3].

В 2021 г. внесены изменения в ст. 140 УПК РФ в части упорядочения порядка возбуждения уголовных дел по фактам сбыта наркотиков и сокращения количества таких дел в отношении неустановленных лиц[4].

В 2021 г. установлена административная ответственность за пропаганду закиси азота (ст. 6.13.1 КоАП РФ)[5].

По инициативе ГУНК МВД России в 2023 г. установлены обязательные правила идентификации и регистрации данных отправителей и получателей почтовых отправлений[6], а также о принятии мер по выявлению запрещенных предметов и веществ, отправляемых транспортными компаниями[7].

В августе 2024 г. реорганизованы Управление обеспечения специальных мероприятий, Специальный отряд быстрого реагирования и все территориальные оперативные подразделения «Гром». Их личный состав перешел в Росгвардию.

В 2024 г. разработан и утвержден решением ГАК (протокол от 19 декабря 2024 г. № 55) Межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности[8].

В январе 2025 г. Управление организации оперативно-профилактической работы реорганизовано в Управление по контролю за легальным оборотом наркотиков с наделением полномочиями в сфере ОРД.

В 2026 г. введена уголовная ответственность за пропаганду НС, ПВ, аналогов и прекурсоров (ст. 230.3 УК РФ)[9].

За 10 лет существования ГУНК в Перечень внесены: 134 НС, 45 ПВ, 131 прекурсор, 27 СДВ. Для многих веществ (например, для метадона) снижены размеры для целей статей УК РФ[10]. Прорабатывается вопрос об усилении мер

1 Стратегия антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

2 Об ограничении оборота закиси азота в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2020 № 472-ФЗ.

3 Об утверждении перечня одурманивающих веществ : постановление Правительства РФ от 24.07.2021 № 1259.

4 О внесении изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 05.04.2021 № 67-ФЗ.

5 О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 04.02.2021 № 4-ФЗ.

6 Об утверждении правил оказания услуг почтовой связи : приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 17.04.2023 № 382.

7 О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ.

8 Межведомственный стандарт антинаркотической профилактической деятельности /Г.Н. Василенко, Д.Н. Шурухнова, Н.В. Артемьев [и др.]. М. : МВД России, 2025. 106 с.

9 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 08.08.024 № 226-ФЗ.

10 Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений,

контроля в отношении специального химического оборудования.

В настоящее время в составе ГУНК 7 управлений (4 из них наделены функциями ОРД) и 3 самостоятельных отдела. Общий штат – 435. Начальник – генерал-лейтенант полиции Горбунов Иван Валентинович.

Активная и наступательная борьба с наркопреступностью продолжается.

Гармаев Ю.П.,
доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Гулина Е.В.,
кандидат юридических наук
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

Проблемы расследования высокотехнологичных коррупционных преступлений

Проблема эффективности предупреждения и расследования коррупционных преступлений по-прежнему стоит довольно остро. Председатель СК России А.И. Бастрыкин в одном из своих интервью отметил, что противодействие коррупции – это прежде всего системная работа, которая ведется совместно правоохранительными и иными государственными органами в соответствии с Национальным планом противодействия коррупции, федеральным законодательством. С учетом криминогенной обстановки Следственный комитет России реагирует и анализирует новые проявления коррупции, в том числе с использованием цифровых технологий[1].

Таким образом, в деле борьбы с коррупцией открылась еще одна серьезная проблемная ситуация – новые, наиболее опасные ее проявления тесно связаны с использованием «цифры». А значит острейшей потребностью правоприменительной практики является ее вооружение, а точнее перевооружение, самыми современными цифровыми средствами противодействия высокотехнологичным коррупционным и сопутствующим им преступлениям.

По мнению В.В. Полякова, высокотехнологичные преступления – это преступные деяния, совершаемые высокотехнологичным способом, включающим элементы подготовки, совершения и сокрытия следов преступления и преступников, осуществляемые преступной группой, путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях программных, программно-аппаратных или аппаратных средств, с использованием дистанционного доступа к объекту преступного посягательства, сопровождаемые противодействием расследованию, отличающиеся высокой латентностью и

содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.10.012 № 1002.

1 Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1844699/ (дата обращения: 15.01.2026).

криминалистической сложностью расследования[1].

Высокотехнологичные преступления выделяются не по уголовно-правовому, а по криминалистическому критерию, поскольку тесно связаны со способами преступления и, соответственно, с методикой их раскрытия и расследования, а не с квалификацией деяния[2]. А значит, высокотехнологичными зачастую являются наиболее опасные коррупционные и сопутствующие им преступления.

Кратко и на основе иных исследований перечислим лишь некоторые цифровые средства предупреждения, выявления и расследования высокотехнологичных коррупционных и сопутствующих им преступлений:

– анализ транзакционной активности. С помощью Big Data и специализированных программ правоохранительные органы могут отслеживать переводы между физическими и юридическими лицами, выявлять регулярность операций, цепочки перевода средств, даже если они происходят через офшоры или криптовалютные кошельки;

– анализ поведения в интернете. При наличии соответствующих поводов и оснований необходимо проверять активность на криптовалютных биржах, учетные записи в социальных сетях, переписки в мессенджерах, особенно в тех, где используются технологии сквозного шифрования;

– прослушивание переговоров и видеонаблюдение, доступ к данным геолокации;

– анализ электронных документов и облачных хранилищ. При обысках и выемках по делам данной категории следует изымать не только и даже не столько печатные документы, но и ноутбуки, смартфоны, внешние цифровые носители, не нарушая при этом требований закона, не парализуя работу организаций. Особый интерес обычно представляют удаленные, облачные сервисы и электронная переписка, ключи доступа;

– детализация цифровых следов. Даже удаленные файлы можно и нужно восстанавливать с помощью компьютерной экспертизы[3].

Дан лишь краткий перечень. Все эти и многие другие цифровые инструменты и рекомендации по их эффективному использованию представляют относительно новая система знаний, именуемая либо цифровой (электронной) криминалистикой[4], либо, что выглядит точнее, – теорией информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности[5]. Эта система знаний вероятно должна охватываться теорией «Высокотехнологичного права»[6].

1 Поляков В.В. Понятие «высокотехнологичные преступления» в криминалистике // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 28. № 4. С. 151-162.

2 Россинская Е.Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России 2021. № 2(97). С. 190-200.

3 Вихлянов Р.И. Цифровой след взятки: как технологии помогают выявлять коррупционные преступления и как защититься, если вы под подозрением. URL: https://dzen.ru/a/aGbiGwmP-mtsIjzF (дата обращения: 15.01.2026).

4 Вехов В.Б. Электронная криминалистика в XXI веке: тенденции развития // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. . СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 51-54; Цифровая криминалистика / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М. : Юрайт, 2021. 417 с.

5 Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193-202.

6 Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 4. С. 735-749.

Однако проблема не в определениях понятий и иных теоретических изысканиях, а в остром практическом дефиците прикладных инструментов и разработок. Следует признать, что нынешний уровень цифровизации уголовного судопроизводства и обеспечивающих его наук, прежде всего криминалистики, не соответствует современным потребностям практики предупреждения, раскрытия и расследования высокотехнологичных преступлений, в том числе коррупционных и им сопутствующих. Налицо отмеченная А.Ю. Афанасьевым острая необходимость «снижения дисбаланса в дуализме преступной деятельности и деятельности по ее доказыванию»[1].

Обзор публикаций показывает, что бóльшая часть антикоррупционных частных криминалистических методик посвящена выявлению и расследованию взяточничества и иного коррупционного подкупа. Зачастую авторы изданий, называя свой труд методикой расследования коррупционных преступлений, фактически пишут только о взяточничестве или даже еще у́же – только о получении взятки. Заметно, что большинство разработок очень похожи, зачастую почти полностью копируют друг друга. Помимо уже названной причины – непонимания сущности и классификации, типологии коррупционных и сопутствующих им преступлений, тому есть и иные причины.

Закономерности дачи/получения взятки, иногда посредничества во взяточничестве в разных сферах, в типичных ситуациях имеют больше общего, чем специфического. Вот почему почти все диссертации и пособия по методике расследования «взяточничества и коррупции» содержат сходные, почти совпадающие научные положения и прикладные рекомендации о типичных версиях, следственных ситуациях и путях их решения. Например, атрибут практически всех разработок – описание тактической операции «Задержание с поличным взяточника» на основе оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «Оперативный эксперимент». Нет сомнений – это нужно и полезно для практики. Но в том-то и проблема, что в современной криминальной реальности высокоуровневое взяточничество, передача взяток в особо крупных размерах, в составе ОПГ/ОПС, как правило, не реализуется в конвертах из рук в руки. Это чаще атрибут низовой и бытовой коррупции. Высокоуровневая коррупция манипулирует финансовыми ресурсами с помощью высокотехнологичных инструментов: от переводов на счета подконтрольных фирм по мнимым сделкам до криптовалютных операций.

В целом реальная специфика коррупционных преступлений в той или иной сфере деятельности, ее высокотехнологичная составляющая, в криминалистических научных разработках отражена пока довольно редко. Рекомендации по использованию нейросетей, иных средствинформационно-компьютерного обеспечения антикоррупционной криминалистической деятельности в большинстве научных работ отсутствуют.

Таким образом, расследование и предупреждение высокотехнологичных коррупционных и сопутствующих им преступлений должны быть обеспечены самыми современными цифровыми средствами и методами, в том числе и высокотехнологичными криминалистическими методиками, иными научными разработками.

1 Афанасьев А.Ю. Методология исследования механизма доказывания преступной деятельности : дис. … докт. юрид. наук. 5.1.4 / А.Ю. Афанасьев. Нижний Новгород, 2025. 698 с.

Суров О.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Данные о типичных способах контрабанды кокаина как элемент криминалистической характеристики международного наркотрафика

Глобальные мировые изъятия кокаина достигли рекордного уровня в 2023 году. Рост был зарегистрирован как в регионах производителях (Колумбия, Боливия, Перу), так и в регионах транзита (Бразилия, Эквадор). За период 2019-2023 годов количество изъятого во всем мире кокаина выросло на 68%.

Основные потоки незаконного оборота кокаина по-прежнему идут напрямую из стран Андского региона в Северную Америку и Европу, а также транзитом через Западную и Центральную Африку. Потоки кокаина в Европу (Бельгия, Нидерланды, Испания, Германия, Франция, Румыния, Италия) резко возросли в последние годы, что отражается как на росте изъятий, так и на увеличении потребления кокаина. Изъятия кокаина, зарегистрированные в Западной и Центральной Европе в 2023 году, пятый год подряд превысили изъятия, зарегистрированные в Северной Америке.

Этот всплеск частично является результатом расширения площадей культивирования кокаинового куста, а также связан с оптимизацией процесса производства гидрохлорида кокаина и увеличением доли чистого продукта при его производстве путем совершенствования агротехники, целенаправленной селекционной работы, повышения эффективности экстрактивных процессов в ходе переработки сырья. Если в 2016 году из тонны листьев коки подпольные лаборатории получали 1,87 килограмма базовой кокаиновой пасты, то сейчас «выход» поднят до 2,14 килограмма.

В 2023 году седьмой раз подряд государства – члены ЕС сообщили о рекордном количестве изъятого кокаина – 419 тонн. Бельгия, Испания и Нидерланды по-прежнему лидируют по объемам изъятий, что отражает их значимость как пунктов ввоза кокаина в Европу. В последние годы некоторые другие страны также стали важными пунктами ввоза кокаина в Европу. К ним относится Португалия, где в 2023 году было изъято почти 22 тонны кокаина. Германия в этом же году конфисковала 43 тонны кокаина. За счет повышения эффективности каналов поставки количество кокаина на наркорынках Европы значительно выросло, что в конечном счете повлияло на его доступность для европейских потребителей.

Данные о мировых изъятиях свидетельствуют о том, что незаконный оборот кокаина распространяется и на другие регионы за пределами основных рынков Северной Америки и Европы, при этом увеличивается объем незаконного оборота в Африку и Азию.

В Российской Федерации с 2021 года также прослеживается тенденция увеличения количества изымаемого кокаина, в 2024 году объем изъятого наркотика составил 4550,703 килограмма, а количество конфискованного кокаина в одной партии превысило 1500 килограмм.

Рост количества изъятий и укрупнение партий кокаина в Российской Федерации, перераспределение основных маршрутов поставок наркотического средства в Европу и Африку ставят задачу по противодействию транснациональному наркотрафику кокаина, в том числе разработке криминалистического обеспечения противодействия данному явлению.

Как ранее было отмечено, незаконный наркотрафик имеет несколько стадий, совершение которых может осуществляться на территории нескольких государств. Так, выращивание листьев коки осуществляется на территории государств с благоприятным для этих растений климатом Андских стран (Перу, Колумбия, Боливия), транзит в Российскую Федерацию через отдельные государства Южной и Центральной Америки, Африки и Европы. Сбыт происходит на территории Российской Федерации[1].

В содержание криминалистической характеристики транснационального международного наркотрафика включают следующие структурные элементы:

– данные о типичной обстановке международного наркотрафика (время, место, способ, а также географические особенности производства и транзита наркотиков, нормативно-правовое регулирование и др.);

– данные о типичном предмете преступного посягательства (прекурсоры наркотических средств, оборудование необходимое для производства наркотических средств, непосредственно предмет международного наркотрафика, предмет легализации (отмывания) наркодоходов);

– данные о типичных способах преступления (этапы международного наркотрафика, способы производства, транспортировки, контрабанды, сбыта и легализации наркодоходов);

– данные о типичной следовой картине (следовая картина производства, транспортировки, контрабанды, сбыта наркотических средств и легализации полученных наркодоходов);

– данные о типичной личности преступника и организованных преступных группах, вовлеченных в международный наркотрафик[2].

К основным способам контрабанды кокаина в Российскую Федерацию относят поставки, осуществляемые морским, воздушным и наземным способом.

При транспортировке кокаина морским маршрутом выделяют следующие способы.

Контейнерные перевозки. При транспортировке международными наркоторговцами зачастую используется метод «Rip-on/Rip-off» (слепой зацеп), при котором упаковки с кокаином тайно помещаются вместе с товарами в контейнер непосредственно перед отправкой без ведома владельца груза, а также используются составные части контейнеров (технологические полости контейнеров и системы охлаждения рефрижераторов).

Использование частных парусных судов и яхт. Технологические достижения и доступность морской навигации позволяют физическим лицам использовать частные парусные суда и яхты для загрузки их кокаином на атлантическом побережье и переправке его в Европу и Африку.

Использование мелких рыболовецких судов для погрузки/разгрузки кокаина с судов, осуществляющих международные поставки товаров, в нейтральных международных водах вблизи портов отправления или назначения.

Использование быстроходных катеров или полупогружных судов для транзита кокаина весом более 500 кг на протяженных морских участках. Быстроходные катера стали «золотым стандартом» транснациональных наркокартелей для перевозки кокаина. Их сочетание скорости, низкой заметности и грузоподъемности делает их опасным инструментом, особенно на ключевых маршрутах из Южной Америки в США

1 Подр.: Суров О.А. Понятие, содержание и структура криминалистической характеристики незаконного международного наркотрафика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57). С. 100-106.

2 Там же.

и Европу. По данным UNODC (2024), на долю этих судов приходится 38 % всех перехваченных тонн кокаина в морских зонах.

Использование судов общего назначения и сухогрузов. Примером использования судов общего назначения может служить задержание грузового судна MSC Gayane, на борту которого обнаружили крупную партию кокаина. Это стало одним из крупнейших изъятий наркотиков в истории правоохранительных органов. Судно MSC Gayane, принадлежащее швейцарской компании Mediterranean Shipping Company (MSC), прибыло в порт Филадельфии (штат Пенсильвания) после заходов в порты Колумбии, Перу, Панамы и на Багамские острова. В результате проведения обыска судна было обнаружено около 18 тонн кокаина, спрятанного в нескольких грузовых контейнерах. Наркотики были обнаружены после того, как корабль прибыл на морской терминал Packer в Филадельфии. Шести членам экипажа судна были предъявлены обвинения в сговоре с целью хранения кокаина на борту. По данным следствия, наркотики были загружены на судно в открытом море при помощи 14 небольших лодок во время транзита между Перу и Панамой. Члены экипажа дали признательные показания, указав, что использовали судовой кран для погрузки тюков с кокаином за вознаграждение в 50 тысяч долларов в криптовалюте[1].

Использование кустарно изготовленных полупогружных субмарин или дронов, с заранее запрограммированным маршрутом движения. Конструкция полупогружных судов предполагает маскировку и погружение их в воду так, что над поверхностью остается лишь 30–50 см корпуса и выхлопная труба с фильтром для снижения тепловой сигнатуры. Их радарная заметность снижена за счет углепластиковых корпусов и формы «стелс». Грузоподъемность современных судов данного вида составляет 5–12 тонн кокаина. Автономность рассчитана на преодоление 3000–4000 морских миль без дозаправки.

Метод «паразита». Метод «паразита» представляет собой один из наиболее изощренных способов контрабанды наркотиков морским транспортом. Его суть заключается в прикреплении контейнеров с запрещенными веществами (преимущественно кокаином) непосредственно к наружной поверхности корпуса судна, ниже ватерлинии.

Способы транспортировки кокаина воздушным маршрутом предполагает.

Использование «наркомулов».[2] «Наркомулы» представляют собой людей, используемых наркокартелями для перевозки наркотиков, в частности кокаина, через международные границы или внутри стран. Этот метод получил широкое распространение из-за своей относительной эффективности и низких затрат для организаторов наркотрафика.

Использование почтовых отправлений и услуг транспортных компаний для закладки кокаина[3]. При сокрытии кокаина в почтовых отправлениях активно используется международная почтовая связь для контрабанды кокаина из-за относительной анонимности, доступности и большого объема отправлений, затрудняющих полный контроль.

Использование частной авиации. Частные самолеты позволяют наркокар-

1 How a Cocaine-Smuggling Cartel Infiltrated the World's Biggest Shipping Company URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2022-12-16/how-world-s-top-shipping-compa ny-became-hub-for-drug-trafficking (дата обращения: 20.07.2025).

2 Домодедовские таможенники задержали наркокурьера из Бразилии Официальный сайт таможенной службы. URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/658279 (дата обращения: 20.07.2025).

3 В России задержали организатора канала контрабанды наркотиков из Европы и США. URL: https://life.ru/p/1774548 (дата обращения: 20.07.2025).

телям организовывать прямые рейсы из стран-производителей кокаина (Колумбия, Перу, Боливия, Эквадор) в Европу с минимальным количеством промежуточных посадок. Такие рейсы часто проходят через страны Латинской Америки и Западной Африки, служащие транзитными точками.

На сухопутном маршруте выделяют следующие способы контрабанды кокаина в Российскую Федерацию. Автомобильным транспортом (легковым и грузовым) через пункты пропуска на государственной границе Российской Федерации, расположенные в Ленинградской, Псковской и Смоленской областях[1].

Выделенные способы контрабанды кокаина реализуются организованными преступными группами на территории государств, расположенных как в южной, так и центральной Америках, Африке и Европе. Транзит наркотических средств проходит в открытых водах Атлантического океана. Для контрабанды наркотических средств в Российскую Федерацию используются способы преступной деятельности, «зарекомендовавшие» себя в других странах и приспособленные к особенностям противодействия незаконному обороту наркотических средств в России. Данные о предмете контрабанды и типичном способе контрабанды кокаина в Российскую Федерацию обуславливают данные о типичной обстановке международного наркотрафика (время, место, способ, а также географические особенности производства и транзита наркотиков, нормативно-правовое регулирование и др.), а также о типичной следовой картине (следовая картина производства, транспортировки, контрабанды, сбыта наркотических средств и легализации полученных наркодоходов) и типичной личности преступника и организованных преступных группах, вовлеченных в международный наркотрафик, что позволяет определить уголовно-правовые цели расследования конкретного преступления, выдвинуть общие и частные версии по уголовному делу и разработать тактику производства следственных действий.

1 Подр.: Суров О.А., Чеснокова Т.А. Противодействие международному наркотрафику кокаина из государств Латинской Америки в Российскую Федерацию : аналитические материалы с предложениями. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2025. 60 с.

Секция
«КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ»

Бабурин В.В.,
доктор юридических наук, профессор
Омская академия МВД России

Взаимосвязь системы преступности с ее детерминантами

Преступность – это система преступных деяний, обусловленных недостатками общества и недостатками правосознания граждан, требующих профилактического и предупредительного воздействия со стороны государства. При этом преступность как социальная система представляет собой не простую совокупность преступлений, складывающуюся из количественной суммы всех преступных деяний и имеющая статистическую количественно-качественную характеристику, а сложную систему, состоящую из подсистем нескольких, взаимосвязанных между собой, иерархичных видов разного преступного поведения, связанных с основными сферами жизнедеятельности общества. А точнее, вызванных нарушениями в этих сферах жизнедеятельности общества и особенностями способов нарушения, обусловленными спецификой этих сфер жизнедеятельности общества.

Система преступности представляет иерархическую совокупность элементов, взаимосвязанных между собой как вертикально (от отдельных преступлений и их самостоятельных групп преступлений до всей преступности в целом), так и горизонтально (самостоятельные, отдельные виды преступности неосторожная, женская, рецидивная, профессиональная, и т. д.), вместе образующих новое единое целое – крайне негативное социальное явление общественной жизни.

При этом в системе преступности надо различать виды или группы преступлений и виды преступности, что далеко не одно и то же[1]. Виды преступлений – это по главам УК РФ, а виды преступности это по неразрывной взаимосвязи субъекта и деяния, образующих новое понятие преступности, а не просто группы преступлений. Иными словами, сами по себе виды преступлений, их группы преступности, даже видовой преступности, не образуют, не могут образовывать.

Преступность образуется только соединением преступления с личностью преступника, умноженным на реальное множество случаев их совершения[2]. Преступность образуется не преступлением и не их совокупностью, а прежде всего личностью преступника, как основной движущей силы преступного поведе-

1 Никитенко И.В. Криминологическая типология преступности: основные подходы, проблемы, перспективы развития // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 2(63). С. 54–61; Антонян Ю.М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 64.

2 Антонов И.М., Бойко Н.В. Детерминанты преступности: терминологический аспект // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 4-5. С. 75-77.

ния, как в единичном варианте, так и в множественном варианте[1]. В этом плане личность преступника и его преступное деяние, как проявление во вне преступной сущности такого человека, становятся неразрывными, представляют собой единое целое, которое в множестве случаев их совершения, в разнообразии способов их совершения и взаимодействия, образуют саму преступность.

Только при таком подходе сходятся вместе все объекты криминологии, такие как преступность, ее детерминанты, личность преступника и ее предупреждение. По большому счету, предупреждение преступлений возможно только путем воздействия на личность преступника, настоящего или будущего. Поэтому в центре системы преступности лежит не преступное деяние и не их многочисленная совокупность, в основе системы преступности лежит человек, с его преступным деянием и, соответственно, их множество[2]. Причины и условия совершения преступления как детерминанты никак не могут воздействовать на само преступление, они воздействуют на человека, поскольку сам человек его совершает.

И поскольку преступность в конечном счете образует сам человек, своим преступным поведением, преступное поведение нельзя оценивать без человека. Поэтому преступность – это социальное явление, которое является таковым не по последствиям (преступлениям), а по механизму совершения его человеком (человек и преступление). И в этой системе человеку принадлежит большая роль в формировании преступности, чем самому преступлению, и по причинам возникновения, и по возможностям предупреждения совершаемых преступлений и предупреждения возможных преступлений в будущем, поскольку воздействовать на само преступление как по причинам его возникновения, так и по его предупреждению мы никак не в состоянии.

Исходя из этого и термин «предупреждение преступлений» не является точным, поскольку он не передает сущность предупредительного воздействия. Преступление – результат, а надо говорить о «предупреждении человека от совершения преступления», предотвращении человека от совершения им преступления. А сейчас получается, что термин «предупреждение преступления» нацелен в пустоту, поскольку преступление само по себе об этом не узнает и никак не сможет реагировать на предупредительное воздействие, не сможет само себя предупредить.

Поэтому и о детерминантах надо говорить не как о «детерминантах преступлений», а как об «обстоятельствах, провоцирующих людей на совершение преступлений», поскольку детерминанты воздействуют не напрямую на само преступление, а воздействуют на человека, который потом совершает его в будущем.

При этом для того чтобы узнать, как и какие причины и условия конкретно провоцируют граждан на совершение конкретных видов преступлений, необходимо обратиться к соответствующей аналогии с достижениями медицинской науки в направлении изучения и разработки теории причин заболеваний. Так, в медицине есть теория патологии, которая изучает основные патологические процессы, лежащие в основе конкретных видов болезней: дистрофию, некроз, атрофию, нарушение кровообращения, воспаление, аллергию, лихорадку, гипоксию, а также компенса-

1 Антонян Ю.М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 63.

2 Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. С. 632.

торно-приспособительные реакции, шок, стресс и опухоли, и т.д.

Соответственно, в криминологии для объяснения причин преступности необходимо в рамках общей криминологической «патологии» разрабатывать теорию типовых «патологических процессов», лежащих в основе отдельных видов преступного поведения, вместе образующих систему всей преступности. И уже в рамках этой теории можно будет вести речь о конкретных причинах и условиях конкретных видов преступности и разработать соответствующую классификацию и преступлений, и их причин.

В отличие от иных классификаций преступлений такая классификация имеет действительно криминологический характер, поскольку она непосредственно направлена на выполнение чисто криминологических задач. Такая криминологическая классификация может быть названа «причинной классификацией», поскольку требует знания его основной причины, которая в целом объясняет суть преступного воздействия, которое эта причина оказывает на человека, и сущность вызываемых им при этом особых, специфических признаков (симптомов конкретного преступления) и других факторов[1].

Комлев Ю.Ю.,
доктор социологических наук, профессор
Казанский юридический институт МВД России,
Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань)

Новые методы цифровой криминологии

В последнее десятилетие в силу активного распространения цифровых технологий, массовой вовлеченности каждого из нас в цифровой мир возникли и получили распространение негативные социальные последствия цифровизации и сетевизации в форме массовой киберпреступности. Особое беспокойство в обществе и профессиональной среде вызывает бум кибермошенничества. По отчетам МВД России, представленным в открытых источниках, в 2022 г. каждое четвертое преступление, в 2023 г. каждое третье преступление, в 2024 г. в целом по стране 40% преступлений совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, причем среди киберпреступлений практически половина – в форме мошенничества[2]. В 2025 г., по ведомственным данным, киберпреступность снизилась на 11,8%, в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 40,0% до 38,1%, однако появились новые способы киберхищений. Особенность киберпреступности в 2020-е гг. состоит в их подвижных, быстро меняющихся и технологически более совершенных формах. Так, еще в начале нулевых годов киберпреступность была направлена против корпоративных операционных систем. Сегодня ее жертвами, наряду с корпорациями, все чаще становятся потребители сотовой связи, банковских и иных цифровых услуг – обычные инди-

1 Подр.: Бабурин В.В., Сурихин П.Л. Теория причин преступности в российской криминологии: проблемы становления и перспективы развития // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 138-143.

2 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Сайт МВД Российской Федерации. URL: https://МВД РФ/reports/item/60248328/?ysclid=mir6bueknd141960129 (дата обращения: 08.01.2026).

видуальные цифровые пользователи – субъекты цифровых данных.

Реальные вызовы кибервиктимизации, с одной стороны, и развитие цифровой криминологии – с другой, стимулируют профессиональное сообщество развивать и использовать новые эмпирические методы для изучения киберпреступности.

Контент-анализ ряда публикаций и дискуссий в академической среде показывает, что, наряду с традиционными методами эмпирического изучения киберпреступности, применяется и новая цифровая методология со своим понятийным аппаратом и инструментарием. К новым методам цифровой криминологии следует отнести количественные методы (онлайн-опрос, вебометрика, цифровое наблюдение), качественные методы (онлайн-фокус-группа, сторителлинг), метод анализа социальных сетей.

Онлайн-опрос (интернет-опрос). Метод реализуется по аналогии с классическим вариантом опроса в рамках методики онлайн-анкетирования, либо онлайн-интервью.

Онлайн-анкетирование осуществляется путем рассылки писем с анкетой по электронной почте определенным адресатам. Для его использования необходима информация из базы данных почтовых адресов респондентов. Онлайн-анкетирование можно реализовать и путем рассылки писем по принципу «снежного кома». В этом случае адресат, ответив на вопросы анкеты, пересылает письмо своим коллегам (знакомым) и те действуют аналогичным образом.

В настоящее время все чаще для распространения анкетных листов используются интернет-форумы, телеконференции в группах новостей, чаты мессенджеров. Весьма практично проводить анкетные онлайн-опросы для сбора экспертных оценок по проблемам противодействия преступности и других девиаций с помощью google-форм, если есть адреса респондентов из профессионального сообщества. Полученные первичные данные формализованного опроса в дальнейшем «выгружаются» из google-форм в специализированный пакет SPSS для статистической обработки и получения вторичных данных. Технологию самозагружающихся веб-опросников поддерживают интернет-ресурсы Anketog.ru Testograf.ru.

Онлайн-интервью. Сбор данных в ходе онлайн-беседы осуществляется по структурированному списку вопросов с рассылкой бланка и гайда (инструкции) адресатам по электронной почте. Онлайн-видеоинтервью проводятся в формате конференц-связи или в режиме чата с помощью платформ (Zoom, Яндекс Телемост, Max и др.). Этот прием позволяет не только собрать ценные данные, но и учесть субъективную реакцию респондентов на вопросы, тему исследования.

Убедительным примером продуктивного изучения кибермошенничества методом онлайн-опроса является работа А.Ю. Сергеева и О.В. Широкова[1]. Авторами были изучены различные варианты кибермошенничества. Среди них: телефонное мошенничество, СМС-мошенничество, фишинг, снифферинг (перехват сообщений), скимминг (кража данных карты). Исследовали проанализировали феноменологию кибермошенничества в условиях социальных изменений, вызванных пандемией COVID-19 и другими социальными и технологическими факторами. Были описаны жертвы кибервиктимизации и даны рекомендации по их защите и повышению цифровой грамотности населения.

Вебометрика. Один из самых распространенных методов сбора и обработки как качественных, так и количествен-

1 Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений. Цифровая социология // Digital Sociology. 2023. № 6(1). С. 59-71.

ных данных из цифровой среды с целью изучения контента сайтов на основе формализованных матриц. В качестве интернет-контента используется любое информационно значимое наполнение интернет-ресурса (сайта, портала, банка данных, электронной библиотеки). Формат данных может быть представлен в виде текста, таблицы, графика или рисунка, мультимедиа, профиля, поста. Инструментарий вебометрики строится на основе классического, как правило, формализованного контент-анализа с определением единиц анализа, тематических блоков с выделением авторства, миссии, оценки, установки, утверждений. Примером успешного применения вебометрики является исследование содержания постов по вопросу наркомании в российском сегменте социальных медиа, проделанное Фоминым Е.В. и Волковым П.В. с помощью цифрового инструмента «Крибрум.Про»[1]. Для отбора постов (репостов) был составлен авторский лингвистический список с использованием специальной системы знаков, учитывающий альтернативные названия наркотиков. Исследователи выявили типы медиа, основные тематики (новости, реклама, юмор) контента о наркомании, особенности медиаконтента, определили степень вовлеченности в эту тему аудитории. Авторами работы показана интерактивность, мгновенное распространение контента. Причем нецензурируемость и мнимая анонимность авторов выступают главными факторами, способствующими трансляции материалов противоправного характера. Исследователями установлено, что в мессенджерах доминирует реклама наркошопов и наркокурьеров. В социальных сетях преобладают продукты поп-культуры о наркомании (фильмы, музыка, клипы). Представление о наркомании в социальных медиа характеризуется как амбивалентное.

Цифровое наблюдение. Метод основан на том, что цифровые технологии в программном обеспечении современных смартфонов, планшетов дают возможность фиксировать и отслеживать цифровые действия и местоположение их владельцев, следы от которых никуда не исчезают. Это то, что позволяет реализовать цифровое наблюдение в социальных сетях и повседневных цифровых практиках пользователей цифровых девайсов. Цифровое наблюдение может использоваться для изучения и поиска в системе цифрового социального контроля полицейскими преступников, террористов; социальными службами для обнаружения людей, нуждающихся в экстренной медицинской и другой чрезвычайной помощи; социологическими службами для подсчета и анализа числа и практик поведения мигрантов. Так, во время пандемии через систему «цифровых пропусков», власти Москвы и других мегаполисов отслеживали перемещения горожан. Весьма совершенную интегрированную систему создали, начиная с 2014 года в Китае, под названием система социальных кредитов, которая позволяет генерировать «черные списки» девиантов и влиять на них.

Среди недостатков цифрового наблюдения можно выделить этические и правовые проблемы, поскольку тотальное слежение может происходить и за теми людьми, кто изначально не был его объектом, не является носителем криминальных проблем. Применение этого метода в системе социального контроля ведет в итоге к тотальному цифровому надзору, ограничивая конфиденциальность и личные свободы цифровых пользователей, что требует соответствующих законодательных решений в данной сфере. Иначе в цифровом мире утвердится практика, которую хорошо описывает метафора «паноптикума» М.

1 Фомин Е.В., Волкова П.В. Контент о наркомании в российском сегменте социальных медиа: источники, особенности, вовлеченность пользователей // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 3. С. 53-64.

Фуко для обеспечения так называемой «дисциплинарной мечты».

Онлайн-фокус-группа. Этот метод представляет собой вариант коллективной беседы на криминальную тему под управлением модератора. Онлайн-фокус-группа проводится в рамках видеоконференции с небольшим числом экспертов для одновременного обсуждения той или иной проблемы с видеозаписью для последующего разбора высказываний и предложений всех участников, их транскрибирования. Фокус-группа в формате чата мессенджера предполагает не только одновременную звуковую запись высказываний, но и фиксацию реплик, текстовых комментариев, пояснительных записей участников дискуссии.

Сторителлинг. Это цифровой вариант нарративного анализа или биографического метода, который широко применяется для изучения криминальных карьер. Он опирается на детальное изложение в цифровой среде откровений и жизненных историй криминальных элементов. Многие люди считают приемлемым для себя рассказывать почти интимные подробности из своей жизни, выставляя их на всеобщее обсуждение. Такая неформальная информация весьма ценный источник данных о самоидентификации личности в виртуальном мире, поворотных моментах жизненного пути человека. Нарративы девиантов (алкоголиков, наркоманов, проституток, преступников) раскрывают сложные этапы биографии, ошибки и проблемы, связи и влияние других людей в их жизни через осмысление и субъективную интерпретацию прошлого в ходе повествования.

Метод анализа социальных сетей. Он применяется для изучения структуры и динамики сетевых сообществ, публичных дискуссий, дискурсов, сообщений, переписки. Метод основан на использовании теории графов, что позволяет анализировать разнообразные виды социальных связей в киберпространстве. Эти связи фиксируются как гиперссылки, комментарии, упоминания, подписки, рейтинги, лайки, посты и репосты в коммуникациях между разного рода девиантов. Узлами сетевой структуры являются акторы коммуникации. Связи между ними фиксируют ребра графа, которые их соединяют. Например, это могут быть отношения кибербуллинга, виртуальные сексуальные связи или криминальные отношения. Метод позволяет выявлять паттерны взаимодействия субъектов внутри сетевых сообществ: то, как они коммуницируют, участвуя в конструировании киберреальности, оказывают одностороннее или взаимное влияние.

Таким образом, эвристический потенциал цифровой криминологии, как девиантологической науки, существенно прирастает за счет внедрения в исследовательскую практику новых методов исследования. Цифровая методология позволяет эффективно проводить эмпирическое изучение различных проявлений киберпреступности и цифрового социального контроля над ее проявлениями в условиях ставшего реальностью цифрового мира. Пришло время молодым исследователям активно овладевать новыми цифровыми методами и компетенциями по извлечению разноплановых данных из различных цифровых источников, их обработки и анализа в криминологических исследованиях.

Беляева Л.И.,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России (г. Москва)

Актуальные вопросы современной уголовной политики и ее реализации

Уголовная политика любого государства может быть стабильной, но не может быть неизменной. Она меняется под влиянием внешних и внутренних обстоятельств: социально-экономических и социально-политических условий, уровня культуры и нравственности населения, особенностей идеологических и религиозных установок, характера и особенностей преступности и пр. Определенные изменения происходят и в уголовной политике Российской Федерации.

Активное развитие современных технических средств (телефоны, компьютеры), информационные сети, интернет-пространство, искусственный интеллект (ИИ) вызвали к жизни новые виды преступлений. Соответственно активному проникновению в жизнь информационных технологий сегодня отмечается возрастание числа преступлений, совершенных с их использованием. Общее их количество возросло более чем на 60%. Примечательно, что каждое второе такое преступление совершается с использованием Интернета, каждое третье – с использованием средств мобильной связи.

Стоит подчеркнуть, что каждое двенадцатое такое преступление связано с незаконным оборотом наркотиков; в сбыт и потребление наркотиков активно вовлекаются несовершеннолетние, что вызывает особую тревогу и ориентирует на активизацию профилактической работы[1].

С развитием информационно-телекоммуникационных технологий персональный компьютер уже не рассматривается как средство, обеспечивающее хранение, обработку и передачу информацию. Теперь компьютер стал инструментом, позволяющим реализовывать преступные намерения не только отдельных индивидов, но и преступных групп. Таким образом, формируется специфический вид правонарушений, преступлений и преступности. Причем они будут развиваться и совершенствоваться. Это требует совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Мы наблюдаем активизацию экстремистской и террористической деятельности националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленной на насильственное изменение конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Деятельность таких преступных организаций, группировок и частных лиц зачастую связывается с вовлечением несовершеннолетних в противоправные действия экстремистского характера, с целью дестабилизации социально-политической ситуации в стране, разрушения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

1 Дульцев М.В., Бульбачева А.А., Котяжов А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: организационные и правовые основы. М.: Академия управления МВД России, 2021; Кантемирова Ю.В. противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в современных условиях. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 4(71). С. 119-125; Хамидуллин Р.С. Обеспечение национальной безопасности путем противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 93-95.

Экстремизм и терроризм представляют большую опасность для общества и государства. Активную деятельность по привлечению россиян к совершению терактов, в том числе в качестве смертников, осуществляют спецслужбы Украины, которые пристальное внимание уделяют молодежи, в том числе несовершеннолетним. В диверсионно-террористическую деятельность активно вовлекаются разного возраста, пола, вероисповедания граждане Российской Федерации.

Заметно растет число несовершеннолетних, которые привлекаются к совершению террористических и экстремистских преступлений. Если в 2022 г. их было 13, то в 2024 г. уже 48. Они по указанию кураторов поджигают двери военкоматов, полицейских автомобилей, устраивают диверсии на железной дороге. И в настоящее время никого не удивляют имена несовершеннолетних в списке террористов.

Существенное влияние на социальное, экономическое, культурное и духовное развитие и безопасность страны оказывают миграционные процессы[1]. Незаконные мигранты представляют интерес для террористических и экстремистских организаций, зарубежных спецслужб. Известно, что Украина вербует мигрантов в качестве исполнителей преступлений различного характера[2].

Значительную угрозу общественной безопасности представляет коррупция, которая ослабляет государственные и социальные институты, подрывает доверие населения к органам государства. Коррупция разнообразна, системна, дистанцирована от легальной жизни и деятельности и тесно связана с криминальными структурами.

Обращает на себя внимание то, как меняется характер коррупционного поведения, как оно мимикрирует соответственно изменяющимся социальным, экономическим, общекультурным условиям современной жизни. Установлено, что коррупционные преступления совершаются в удаленном доступе, используются офшорные зоны, различные платежные системы, аффилированные через третьих лиц фирмы, взятки выражаются в виде услуг нематериального характера, факты которых доказать сложнее. При этом появляются новые методы конспирации, видоизменяется предмет взятки и способы ее передачи[3].

Как совершенно верно отмечают исследователи, коррупция – это такие отношения между людьми, при которых принятие значимых решений уполномоченным на то лицом превращается в товар и обменивается на деньги или услуги различного рода[4].

Стоит отметить, что в общем и целом стратегические цели уголовной политики в сфере обеспечения личности, общества и самого государства определены. Они обозначены в документах государственного стратегического планирования, коих более 100. Для достижения этих целей необходимо системное решение тактических задач по реализации уголовной политики, что предполагает необходимое правовое, организационное, информационное, кадровое, материально-техническое обеспечение.

1 Богданов А.В., Хазов Е.Н., Уткин Е.Н. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1(66). С. 73-79.

2 Сизов С. Г. Бесконтрольная миграция как угроза национальной безопасности России // Социально-гуманитарный вестник : всероссийский сборник научных трудов. Выпуск 35. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. С. 71-78.

3 Киреев Е.В. Коррупция в России как угроза национальной безопасности // Экономика. Право. Общество. 2020. № 5(2). С. 90.

4 Гирько С.И. Лесников Г.Ю. Общественная безопасность и противодействие коррупции в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2014. № 3. С. 22-25.

Ахмедшин Р.Л.,
доктор юридических наук, профессор
Томский университет систем управления и радиоэлектроники

Ахмедшина Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Томский университет систем управления и радиоэлектроники

Типология массовых убийц

Традиционно уравнивая аффективную деятельность и массовость совершаемых преступлений, авторы выделяют классических массовых преступников (classicmassmurder) и запойных массовых преступников (spreemurder)[1]. В целом массовые преступники характеризуются совершением преступных действий в рамках одного преступного события в отношении нескольких лиц (четырех и более) без периода эмоционального покоя между эпизодами. Классический массовый преступник совершает преступления на ограниченной территории, а запойный преступник – в местах, значительно удаленных друг от друга, но и тот, и другой действуют в рамках незначительного по протяженности временного промежутка. Данная классификация стала классической в современной науке о расследовании преступлений, однако выделенные группы имеют слишком широкий диапазон варьирования Modus operandi.

Ранее проведенное нами исследование показало, что в группе классических массовых преступников целесообразно выделять стихийных (эмоциональных) и планирующих (взрывных) массовых преступников. В группе запойных массовых преступников целесообразно выделять мобильных и ритмичных[2].

Представители запойных массовых преступников встречаются в нашей стране редко, в отличии от классических массовых преступников, прежде всего убийц. В силу сказанного необходимы более детализированные криминалистические профили отдельных групп массовых преступников, особенно в контексте увеличения количества случаев массовых расстрелов в школах, которые как раз и относятся к классическим массовым преступлениям. Анализ случаев массовых убийств на территории нашей страны за последние 10 лет показал, что ранее предложенная типология массовых преступников нуждается в дополнении.

Для стихийного классического массового преступника характерна внезапность преступного поведения, его определенная неожиданность и хаотичность.

Анализ биографий 10 представителей данного типа показал, что все они обладали выраженными конформными характеристиками личности, склонностью к безагрессивному поведению с точки зрения психологической, и принадлежностью к группе отверженных с позиций социометрии.

Даже поверхностный анализ демонстрирует неоднородность характеристик стихийных (эмоциональных) массовых убийц. Четко просматривается существование двух выраженных подгрупп:

персекуционный стихийный (эмоциональный) массовый убийца;

дизапунктивный стихийный (эмоциональный) массовый убийца.

1 Burgess A.W. Mass, spree and serial homicide // Crime classification manual: a standard system for investigating and classifying violent crimes / ed. by J. E. Douglas [et al.]. San Francisco : Jossey-Bass, 2006. P. 437.

2 Подр.: Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. С. 42-52.

Персекуционный (от лат. persecutio – преследуемый, затравленный) стихийный массовый убийца – это вариация преступника, выступающего классической жертвой травли (буллинга) со стороны малой группы, в которой происходит его социализация. Понятно, что различие социального окружения предопределяет незначительные различия в modus operandi рассматриваемой группы лиц. В отечественной литературе интерес сконцентрирован только лишь на феномене скулшутинга (School shooting), то есть массовых убийств в образовательных учреждениях.

Одним из ярких представителей рассматриваемой группы преступников является А. Ахляйтнер, совершивший массовое убийство в г. Граце (Австрия) 10 июня 2025 г.

Стихийное массовое убийство рассматриваемого типа – естественное следствие травли (буллинга), которая, в свою очередь, выступает естественным следствием индивидуалистской культуры, в которой, как известно, прямо или косвенно пропагандируются идеи социал-дарвинизма.

С точки зрения криминалистического профилирования рассматриваемая разновидность стихийных (эмоциональных) массовых убийц характеризуется следующим:

во время совершения преступления склонны одеваться по молодежной моде (сейчас это оверсайз) с вызывающим рисунком в виде символов деструктивных сообществ.

очень краткой протяженностью во времени события преступления;

выраженной тенденцией к совершению самоубийства после завершения серии, однако случаи самоубийств при угрозе захвата полицией встречаются редко;

выраженными параллелями между жертвами своего преступления и своими обидчиками;

склонностью к контркультуре массовых убийств;

склонностью оставлять записки или видеообращения.

Дизапунктивный (от лат. disappunctus – разочарование) стихийный массовый убийца встречается в практике расследования гораздо реже вышерассмотренной вариации, хотя именно представители этой подгруппы были проанализированы криминологами первыми. В отличие от ранее рассмотренной подгруппы классических массовых убийц, генезис становления связан не с преследованием окружающими, а с цепочкой неудач жизненных сценариев (на работе, в личной жизни, в самопознании).

В качестве представителя рассматриваемого типа массовых преступников можно привести Ч. Уитмена, устроившего бойню в 1966 г. в Техасском университете.

С точки зрения криминалистического профилирования рассматриваемая разновидность стихийных (эмоциональных) массовых убийц характеризуется следующим:

философией маскулинности;

отсутствием сексуального партнера;

их много раз отвергали потенциальные партнеры;

во время совершения преступления склонны надевать официальную одежду (военную форму, строгий выходной костюм);

активной деятельностью, направленной на собственное саморазвитие;

гораздо большей протяженностью во времени события преступления (до двух часов);

отсутствием тенденции к совершению самоубийства после завершения серии;

отсутствием связи между жертвами своего преступления и своими обидчиками;

несклонностью оставлять записки или видеообращения.

Для планирующего классического массового преступника характерна планомерность преступного поведения как уникальное сочетание целесообразности и организации деятельности.

Анализ биографий 10 представителей данного типа показал, что почти все они обладали выраженными установками на лидерство в малых группах, склонностью к безличностному взаимодействию со свои окружением и принадлежностью к группе пренебрегаемых (большое количество отрицаемых выборов и небольшое количество положительных) с позиций социометрии.

Анализ случаев массовых убийств демонстрирует неоднородность характеристик планирующих (взрывных) массовых убийц. Четко просматривается существование двух выраженных подгрупп:

интрагрупповой планирующий (взрывной) массовый убийца;

экстрагрупповой планирующий (взрывной) массовый убийца.

Количественно различия между этими двумя вариациями планирующих (взрывных) массовых убийц не значительны, в отличие от качественного аспекта.

Интрагрупповой (от лат. intra – внутри) планирующий (взрывной) массовый убийца ориентирован на совершение массового убийства применительно к группе, в которой происходит его социализация, но в отличие от ранее рассмотренных видов массовых преступников лицо не подвергается травли со стороны этой группы. Характерные черты:

субъектами совершения рассматриваемых убийств обычно являются фрустрированные юноши в возрасте 15-20 лет;

преступник, как правило, ранее с жертвами контактировал и возможно имел конфликтные ситуации;

могут наблюдаться попытки причинить телесные повреждения до убийства;

во время преступления присутствуют элементы личностной коммуникации с жертвами.

В качестве примера рассматриваемого типа преступников можно привести Э. Харриса и Д. Клиболда, устроивших бойню в 1999 г. в школе «Колумбайн» штата Колорадо (США). Данный эксцесс получил столь широкий резонанс, что случай в Колумбайне стал нарицательным.

Экстрагрупповой (от лат. extra – вне, снаружи) планирующий (взрывной) массовый убийца ориентирован на совершение массового убийства применительно к группе, в которой не происходит его социализация.

Вот некоторые черты, свойственные рассматриваемой разновидности планирующих (взрывных) массовых преступников:

субъектами совершения рассматриваемых убийств обычно являются фрустрированные юноши в возрасте 17-25 лет;

преступник, как правило, ранее с жертвами не контактировал и не имел конфликтные ситуации;

попыток причинить телесные повреждения до убийства не происходит;

во время преступления отсутствуют элементы коммуникации с жертвами, а если они есть, то имеют целевой (например, предложение открыть дверь), а не адресный личностный характер (брань в отношении адресно неопределенного лица сюда не входит).

Решняк О.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

Проблемы борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством использования сети Интернет

Использование сети Интернет в современном обществе стало абсолютной нормой и неотъемлемой частью жизни. Начиная с детского возраста, люди пользуются различными возможностями глобальной всемирной паутины для удовлетворения собственных потребностей. Это может быть получение и оказание различных услуг, консультаций, развитие, образование, общение, выполнение работы, игры и т.д. Кроме использования возможностей, заложенных в информационно-телекоммуникационном пространстве, в положительных целях, некоторые люди совершают там противоправные действия. Таким примером может служить совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Данные преступления носят особо опасный характер, так как являются угрозой для психического и физического развития детей, которые составляют продолжение рода всего человечества, а от здорового поколения зависит будущее нашей страны. Многие преступления данного вида осуществляются на протяжении длительного времени, так как ребенок не сразу может понять действия, которые с ним совершаются.

Особую тревогу вызывает тот факт, что от действий одного преступника, имеющего расстройство в сексуальном поведении, страдает не один ребенок, а их может быть большое количество. Так, в Республике Татарстан был осужден 33-летний мужчина, который посредством различных интернет-платформ, предназначенных для общения, знакомился с несовершеннолетними под видом подростка (девочки или мальчика), завоевывал их доверие и убеждал присылать свои фото- или видеоснимки в обнаженном виде. После чего начинал шантажировать и требовал личной встречи. Встречаясь с потерпевшими, совершал с ними развратные действия сексуального характера. Всего его жертвами стали 56 детей, из которых 51 девочка и 5 мальчиков[1].

Латентность позволяет преступникам длительное время оставаться безнаказанным и продолжать совершать противоправные действия. Родители могут даже и не знать о том, что в отношении ребенка совершаются развратные действия, так как преступник запугивает жертву, угрожая обнародовать порнографический материал, «залить» в сеть, в чат к одноклассникам и т.д. Поэтому перед правоохранительными органами стоит задача, направленная на борьбу с преступностью в данной области, с целью защиты детей и полноценного их развития, а также изоляции от общества психически больных людей.

Создание глобальной сети Интернет позволило людям перейти от традиционного способа общения и проведения досуга к дистанционному. Несовершеннолетние представляют основную часть пользователей сети Интернет. Так, по данным исследования Mediascope, опубликованного в феврале 2025 г., 90% детей в возрасте от 4 до 5 лет активно пользуются интернетом, к 9-11 годам этот показатель достигает 99%. Основным устройством для выхода в Интернет яв-

1 Молчание ребят // РИА-новости : сетевое издание. URL: https://ria.ru/20171129/ 1509785749.html (дата обращения: 19.01.2026).

ляется смартфон, он есть у 77%, а обходить блокировки и пользоваться VPN умеют уже с пятилетнего возраста[1]. Дети являются пользователями различных интернет-площадок, таких как мессенджеры (Telegram, WhatsApp (запрещенный в России), Viber), социальные сети (ВКонтакте, Instagramm (запрещенный в России)), платформы для игр, творчества и общения (Roblox, Likee, Tik Tok, Mamba, Tinder) и т.д. Данные платформы содержат не только положительный контент, но и отрицательный. Лица, общающиеся с несовершеннолетним по ту сторону электронного устройства, могут выдавать себя не за тех, кем представляются, и оказывать негативное влияние на ребенка.

О криминогенном влиянии социальных сетей на несовершеннолетних пишет С.А. Сашенков, указывая, что возможна «угроза ознакомления с негативной информацией…, несущей угрозу физическому и психическому развитию…»[2].

Особую тревогу вызывают преступления, связанные с сексуальными домогательствами к несовершеннолетним со стороны взрослых, что влечет психологическую опасность формирования личности подростка.

Как отмечают К.А. Киселев и Е.И. Ярошенко, подростки, становящиеся жертвами интернет-растлителей, «характеризуются чрезмерной открытостью поведения, импульсивностью, отсутствием понимания возможных последствий и характера действий, совершаемых в их адрес со стороны взрослого»[3].

В настоящее время уровень такой преступности, совершаемой посредством Интернета, растет. М.А. Львова-Белова, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, акцентирует внимание на высоком уровне преступности против половой неприкосновенности детей в России[4]. Отмечается совершение указанных преступлений лицами, ранее судимыми за аналогичные преступления, вышедшими на свободу.

Проблемами выявления и раскрытия таких преступлений является невозможность идентификации преступника по цифровым следам, таким как IP-адрес, MAK-адрес, так как для выхода в интернет ими используется VPN, который скрывает реальное место нахождения пользователя.

Недостаточный контроль со стороны родителей также порождает указанные проблемы. Полагаем, частично решило бы данную проблему введение обязательной верификации аккаунта при регистрации с указанием паспортных данных с предоставлением ксерокопий документа, а аккаунт несовершеннолетнего привязывался бы к аккаунту родителя.

Также стоит создать отдельный отдел в подразделениях по борьбе с IT-преступлениями, который работал бы непосредственно с преступлениями, связанными с половой неприкосновенностью несовершеннолетних.

Правоохранительным органам поставить на особый контроль лиц ранее судимых за аналогичные преступления

1 См. Радио РБК. Как дети и подростки в России пользуются интернетом. Инфографика. А также что смотрят, читают, слушают и во что играют. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3 (дата обращения 19.01.2026 г.)

2 Сашенков С.А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 215-219.

3 Киселев К.А., Ярошенко Е.И. Проблема преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормальному поведении. 2017. С. 18-20.

4 Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2022 год // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/ documents/202 (дата обращения: 19.01.2026).

и осуществлять проверку их аккаунтов в смартфонах, компьютерах на наличие запрещенной переписки.

Возможно, данные меры помогут снизить преступность, связанную с половой неприкосновенностью несовершеннолетних.

Тепляшин П.В.,
доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Криминологические аспекты обеспечения антиэкстремистской и антитеррористической безопасности исправительных учреждений

Исследование современных криминологических аспектов антиэкстремистской и связанной с ней антитеррористической безопасности исправительных учреждений указывает на необходимость формирования системы научных суждений на политику противодействия пенитенциарной преступности – с одной стороны и, с другой, реальных практически значимых итогов ее реализации, а также закономерностей развития соответствующей правоприменительной практики.

Научный интерес представляет рассмотрение криминологических аспектов обеспечения антиэкстремистской и антитеррористической безопасности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Думается, что именно сквозь призму обозначенного скрипта, очерчивающего относительно узкий сегмент общественных отношений, допустимо обозначить методологическую платформу и фактическую конфигурацию соответствующих криминологических позиций антиэкстремистской безопасности исправительных учреждений. Обратим внимание, что п. 31 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 28 декабря 2024 года № 1124, закрепляет следующий тезис: «Серьезную угрозу общественной безопасности создает распространение экстремистской идеологии среди лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Предварительно следует отметить, что криминальные проявления в исправительных учреждениях крайне информативно отражают характер социально-экономических процессов, протекающих в как в целом в обществе, так и правоохранительной сфере в частности, четко высвечивают трансформацию исправительно-профилактической работы субъектов исполнения уголовных наказаний и неизбежно вторят спорадическим, но крайне негативным идеологическим деформациям общественного развития. Широкий перечень видов исправительных учреждений отражает значительный спектр исправительно-профилактической деятельности государства, важный период нахождения осужденного в условиях изоляции от общества, задачи обеспечения безопасности общества и государства, а также повышения интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития данных лиц.

Распространение случаев террористической и экстремистской идеологии в пенитенциарной среде выступает не только проявлением общественной опасности с точки зрения дестабилизации функционирования исправитель-

ных учреждений, но и деструктивным фактором для нормального исправительного и воспитательного воздействия на осужденных. При этом попытки распространения идеологии терроризма и экстремизма имеют место практически во всех видах исправительных учреждений (возможно, за исключением тюрем). Данные факты (в отдельных субъектах Российской Федерации фактически лишь единичные) приводят к социально-психологическому напряжению, что начинает подталкивать людей к ощущению опасности, якобы проистекающей со стороны лиц, отбывающих лишение свободы, а также освободившихся из исправительных учреждений. Не случайно, повышение эффективности осуществления оперативно-разыскной деятельности, в том числе в отношении лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера, отнесено Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года к одной из мер обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы.

Следует обозначить положительные качества современной антиэкстремистской и антитеррористической политики, заключающиеся в соответствующих криминологических скриптах, которые показывают систематичность, своевременность и необходимую достаточность профилактики распространения деструктивной идеологии в исправительных учреждениях. Такая работа ведется по нескольким основным направлениям: гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание осужденных, развитие форм и методов первичной профилактики распространения экстремистских взглядов и террористических устремлений, реализация правоохранительных механизмов противодействия распространению деструктивной идеологии в пенитенциарной среде (в частности, оперативно-розыскные мероприятия, дактилоскопирование и иные формы диагностики), меры контрольно-надзорного характера, в том числе с использованием средств видеоаналитики.

Безусловно, что данные направления в основном ограничены пенитенциарной средой. Соответственно, профилактические мероприятия должны осуществляться и с родственниками осужденных лиц, а также иными лицами, способными оказывать на них воздействие, но находящимися за пределами пенитенциарной среды. Данное направление выступает одной из практически значимых перспектив так называемой фронтальной профилактики экстремистских проявлений и террористической идеологии в исправительных учреждениях. Отмеченные и иные особенности такой профилактики свидетельствуют о необходимости появления в науке новых криминологических скриптов, поскольку противодействие экстремистским проявлениям и террористической идеологии в местах лишения свободы продолжает оставаться сложной правоохранительной проблемой.

Представляется, что перспективным направлением реализации подобных криминологических скриптов выступает формирование теории антиэкстремистской и антитеррористической безопасности исправительных учреждениях. Методологической платформой обозначенной теории выступает криминологическая теория мер безопасности, общепризнанным научным пионером которой является профессор Николай Васильевич Щедрин. Согласно данному теоретическому направлению краеугольной категорией в доктринальном каркасе противодействия преступности выступает антикриминальная безопасность, под которой следует понимать «необходимое для устойчивого развития состояние социальной системы, при котором уровень опасных посягательств на системообразующие социальные

конструкции находится ниже порога, за которым начинается распад или трансформация одной социальной системы в другую. Одновременно антикриминальная безопасность – это цель системы противодействия преступности»[1].

Меры безопасности – это «меры некарательного ограничения поведения физических, деятельности юридических лиц, организаций, объединений, социальных групп и государств, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта усиленной охраны от вредного влияния любых источников опасности»[2]. Меры безопасности представляют одну из ограничительных санкций, а именно: наказания (ответственности), безопасности (защиты), восстановления (компенсации) и поощрения (позитивного стимулирования). Соответственно, меры безопасности включают правила безопасности и санкции безопасности.

Теория мер антиэкстремистской и антитеррористической безопасности исправительных учреждений может предполагать весьма разнообразную систему мер безопасности, в рамках которой данные меры могут быть сгруппированы на основании различных критериев.

Можно резюмировать, что система антиэкстремистских и антитеррористических мер безопасности исправительных учреждений включает: 1) меры наказания (ответственности); 2) меры безопасности (защиты); 3) меры восстановления (компенсации); 4) меры поощрительно-стимулирующего характера. Рассмотрение мер безопасности через призму средств правового воздействия на процессы и явления, связанные с проявлениями экстремистских и террористической угроз в исправительных учреждениях, дает возможность решить сложные научные задачи, находящиеся на стыке криминологической доктрины, теории уголовно-исполнительного права, административного и уголовного права, способствует оптимизации антиэкстремистского и антитеррористического просвещения и приближает правоприменителя к результативному преодолению назревших проблем профилактики правонарушающего поведения в среде осужденных. В результате антиэкстремистским и антитеррористическим мерам безопасности в пенитенциарной среде присущи фактически все характерные качества мер безопасности.

Обращаясь к антиэкстремистским и антитеррористическим правилам безопасности исправительных учреждений, включая как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы, необходимо отметить, что они должны представлять собой специальные запреты, ограничения и обязанности, фиксируемые в соответствующих нормативных правовых актах с целью противодействия появлению и(или) разрастанию фактов распространения экстремистских настроений и террористической идеологии.

Антиэкстремистские и антитеррористические запреты, ограничения и обязанности могут охватываться обобщенным понятием «антиэкстремистские стандарты поведения», которые, по сути, являются правилами антиэкстремистской безопасности и выражают «каркас» антитеррористических правил безопасности в области пенитенциарных правоотношений. Как представляется, формирование антиэкстремистских стандартов поведения в пенитенциарной сфере еще находится на начальном этапе развития.

1 Щедрин Н.В. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 321.

2 Щедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : КГУ, 2006. С. 43.

Антиэкстремистские санкции безопасности в пенитенциарной среде выступают структурными элементами соответствующих правовых норм, фактически ориентированными на возможность принудительного ограничения способности осужденных, нарушившего антиэкстремистское правило безопасности (не только прямой запрет на распространение экстремистских воззрений и террористических идей, но и, например, участие в соответствующих антиэкстремистских мероприятиях), к дальнейшему распространению соответствующей идеологии. При этом нарушение антиэкстремистского правила безопасности приводит к применению санкции безопасности либо санкции ответственности. Возможно их применение одновременно.

Таким образом, изложенный материал демонстрирует как проблемы формирования, так и определенный потенциал антиэкстремистских и антитеррористических мер безопасности в пенитенциарной среде, прочную связь данных мер с перспективами эффективного противодействия распространению террористической идеологии в исправительных учреждениях, а также показывает необходимость дальнейшего обогащения скриптов криминологической теории учением об антиэкстремистских и антитеррористических мерах безопасности.

Филиппова О.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (г. Улан-Удэ)

Модели противодействия рецидивной преступности в криминологической науке и мировой практике

Развитие криминологической мысли и эволюция уголовной политики различных государств обусловили формирование нескольких устойчивых концептуальных моделей противодействия повторной преступной деятельности. Указанные модели отражают не только различия в стратегиях уголовно-правового реагирования на рецидив преступлений, но и расхождения в теоретических представлениях о природе рецидива, механизмах его детерминации и системе предупреждения. Тем самым анализ моделей позволяет выявить доминирующие ценностные ориентиры уголовной политики и степень ее ориентированности на репрессию, контроль либо ресоциализацию личности.

В обобщенном виде в современной криминологической науке можно выделить следующие модели противодействия рецидивной преступности: репрессивно-изоляционная, контрольно-надзорная, риск-ориентированная, реабилитационно-ресоциализационная и интегративная. Данная типология проводится по двум взаимосвязанным критериям – по преобладающему механизму воздействия на личность рецидивиста и по характеру институциональной организации профилактической деятельности.

Репрессивно-изоляционная модель исходит из предпосылки повышенной общественной опасности рецидивиста как лица с устойчивой криминогенной направленностью. Ее теоретической основой выступают положения классической школы уголовного права[1], а также концепция специального предупрежде-

1 Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980.

ния, реализуемая посредством лишения возможности совершения новых преступлений. В рамках данного подхода центральным механизмом противодействия рецидиву выступает ужесточение уголовной ответственности при повторном преступлении и применение длительных сроков лишения свободы.

Наиболее ярким выражением указанной парадигмы в зарубежной практике стала политика «three strikes and you're out»[1], реализованная в ряде штатов США. Ее сущность заключается в резком увеличении срока лишения свободы при совершении третьего тяжкого преступления независимо от конкретных обстоятельств последнего деяния. Подобные механизмы основаны на презумпции устойчивости криминогенной установки рецидивиста и ограниченной возможности его исправления.

К числу преимуществ репрессивно-изоляционной модели относится формальная определенность правового реагирования и выраженный краткосрочный эффект снижения повторной преступности за счет физической изоляции наиболее активной части правонарушителей. Вместе с тем в научной литературе обоснованно указывается на ее ограниченную долгосрочную эффективность. Исследования свидетельствуют о риске вторичной девиации, усилении криминальной субкультуры в местах лишения свободы, росте численности тюремного населения и значительных финансовых издержках. Кроме того, изоляция сама по себе не устраняет социальные причины рецидива и не формирует устойчивых правомерных моделей поведения.

Контрольно-надзорная модель основывается на признании необходимости систематического постпенитенциарного наблюдения за лицами, характеризующимися повышенной вероятностью повторной преступности. Ее теоретическую базу составляют положения теории социального контроля и ситуационной профилактики. В рамках данного подхода рецидив предупреждается посредством регламентации образа жизни освобожденного лица и ограничения криминогенных возможностей.

К числу основных инструментов контрольно-надзорной модели относятся административный надзор, институт пробации, применение средств электронного мониторинга, обязанность периодической явки в уполномоченные органы, а также установление ограничений на перемещение и осуществление определенных видов деятельности. В отличие от изоляционной модели контроль осуществляется преимущественно в условиях свободы, что позволяет сочетать надзорные меры с элементами социальной адаптации.

В государствах Западной Европы и Северной Америки координацию постпенитенциарного сопровождения, как правило, осуществляют службы пробации, обеспечивающие взаимодействие правоохранительных и социальных структур. Эффективность контрольно-надзорной модели во многом зависит от степени индивидуализации надзорных мер и качества межведомственного взаимодействия. При избыточной формализации контроль может трансформироваться в квазикарательный механизм, не сопровождаемый реабилитационной работой, что усиливает стигматизацию и социальную изоляцию освобожденных лиц.

Таким образом, положительной стороной контрольно-надзорной модели является снижение вероятности немедленного рецидива в постпенитенциарный период. Однако при отсутствии комплексной социальной поддержки ее профилактический потенциал остается ограниченным, что предопределяет необходимость сочетания надзорных мер с программами социальной интеграции.

1 Wilson J. Q. Thinking About Crime. Basic Books, 1975.

В научной литературе выделяется риск-ориентированная модель противодействия рецидивной преступности, сформировавшаяся в рамках канадской криминологической школы и получившая распространение в ряде зарубежных стран. Теоретическую основу данного подхода составляет трехзвенная конструкция, включающая принципы учета уровня риска, криминогенных потребностей и индивидуальной восприимчивости лица к воспитательному воздействию. Интенсивность государственного вмешательства ставится, прежде всего, в зависимость от вероятности совершения новым лицом повторного преступления. Иными словами, чем выше установленный уровень риска, тем более содержательными и продолжительными должны быть меры коррекционного воздействия. Вместе с тем воздействие ориентируется не на формальные признаки судимости, а на изменяемые криминогенные характеристики личности – антисоциальные установки, зависимость от психоактивных веществ, дефицит трудовых навыков и иные факторы, поддающиеся коррекции. Существенное значение придается также учету индивидуально-психологических особенностей осужденного, что предполагает дифференцированный выбор форм и методов работы.

Рецидив в рамках указанной модели рассматривается как результат сочетания неизменяемых и изменяемых факторов риска, подлежащих предварительной диагностической оценке с использованием специальных методик. На основе полученных данных формируется индивидуальная программа коррекционного воздействия. Следует подчеркнуть, что достоинством данной модели является ее опора на эмпирические исследования и стремление к научно обоснованной индивидуализации профилактических мер. В то же время в научной среде высказывается критика в связи с чрезмерной формализацией оценки личности и риском сведения сложной социальной природы рецидива к совокупности количественных показателей. Кроме того, полноценная реализация данного подхода требует развитой организационной инфраструктуры и подготовки специалистов соответствующего профиля.

Наряду с этим в зарубежной практике получила развитие реабилитационно-ресоциализационная модель, характерная прежде всего для скандинавских государств и Германии. Ее методологической основой выступает социально-гуманистическое понимание причин рецидива, согласно которому повторная преступность обусловлена преимущественно социальными деформациями, нарушением устойчивых социальных связей и процессами маргинализации.

Центральное место в указанной модели занимает принцип приближения условий исполнения наказания к обычным условиям жизни в обществе. Изоляция трактуется как вынужденная мера, необходимая для защиты общественной безопасности, однако не должна сопровождаться созданием избыточно карательной среды. В этой связи особое значение придается профессиональному обучению осужденных, их трудовой занятости, оказанию психологической помощи, подготовке к освобождению и обеспечению социальной поддержки после выхода из мест лишения свободы. Существенную роль играет взаимодействие уголовно-исполнительных органов с муниципальными и социальными службами.

В рамках данной модели рецидив понимается как показатель недостаточной социальной интеграции личности. Предполагается, что устойчивое снижение повторной преступности достигается путем уменьшения стигматизации, восстановления социальных ролей и формирования правомерных жизненных стратегий. Вместе с тем следует

учитывать, что реализация указанного подхода сопряжена со значительными материальными затратами и во многом зависит от общего уровня социально-экономического развития государства.

Особое место в современной теории занимают интегративные модели противодействия рецидивной преступности, представляющие собой сочетание элементов контроля, оценки риска и социальной поддержки. Их исходной предпосылкой является признание неоднородности лиц, совершающих повторные преступления, и необходимость дифференцированного подхода к различным категориям рецидивистов.

В рамках интегративного подхода лица с высоким уровнем общественной опасности подлежат усиленному контролю и более строгим мерам воздействия, тогда как в отношении лиц со средним и низким уровнем риска приоритет отдается реабилитационным программам и социальному сопровождению. Основным условием результативности признается межведомственная координация, обеспечивающая согласованность действий уголовно-исполнительных органов, органов внутренних дел, служб занятости и социальной защиты. Преимуществами интегративной модели являются ее гибкость и способность адаптироваться к индивидуальным особенностям личности; вместе с тем она отличается высокой сложностью организационного обеспечения.

Анализ действующего российского законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что отечественная система противодействия рецидивной преступности носит фрагментарный и преимущественно ведомственный характер. В ее структуре прослеживаются элементы различных моделей: усиление уголовной ответственности при рецидиве и широкое применение лишения свободы отражают признаки изоляционного подхода; институт административного надзора и ограничения после освобождения свидетельствуют о развитии контрольных механизмов; предпринимаются отдельные шаги по внедрению оценки риска в деятельности уголовно-исполнительной системы и формирующегося института пробации.

Однако указанные элементы не объединены в единую концептуально оформленную систему. Отсутствует устойчивая межведомственная координация, не сформирована единая информационно-аналитическая база оценки риска, нормативно не закреплена целостная модель сопровождения лица на всех стадиях – от исполнения наказания до постпенитенциарной адаптации. В результате отечественная практика в значительной степени воспроизводит изоляционно-контрольный тип реагирования при недостаточной развитости реабилитационного и интегративного компонентов.

Представляется, что сложившаяся ситуация предопределяет ограниченную эффективность мер противодействия рецидиву и объективно обосновывает необходимость разработки концептуально целостной модели, сочетающей дифференцированную строгость в отношении лиц с высоким уровнем общественной опасности, научно обоснованную оценку криминогенных рисков и системную социальную реинтеграцию освобожденных лиц. Только при условии комплексного подхода возможно достижение устойчивого снижения повторной преступности.

Шекк Е.А.
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Состояние и тенденции повторной преступности в России

На протяжении последнего десятилетия происходит снижение основных показателей повторной и рецидивной преступности, что свидетельствует о системных изменениях в характере криминальной активности ранее совершавших преступления и ранее судимых лиц.

Анализ статистических данных показал, что за анализируемый период наблюдается устойчивая отрицательная динамика количества преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления[1]. Абсолютный показатель снизился на треть – с 688 817 деяний в 2015 г. до 458 861 в 2025 г. (-33,4%). Наиболее значительное сокращение произошло в 2024 г., когда количество таких преступлений уменьшилось на 82 375 случаев (-13,8%) относительно уровня 2023 года. 2023 г. также характеризовался заметным спадом (-4,7%), продолжая общую тенденцию, которая была кратковременно нарушена незначительным ростом показателей в 2021 г. и 2022 г. на 0,2% и 1,2% соответственно. В 2025 г. количество расследованных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, сократилось на 10,7%, до 458 861 преступлений.

Несмотря на снижение абсолютных значений, удельный вес преступлений, совершенных данной категорией лиц, в общем массиве расследованных деяний остается высоким (более половины всех расследованных преступлений). В 2025 г. он составил 53,7%, что, однако, демонстрирует нисходящий тренд по сравнению с 59,8% в 2023 г. и 57,1% в 2024 г.

Параллельно фиксируется снижение доли и абсолютного количества преступлений, совершенных ранее судимыми лицами. Их удельный вес сократился с 34,9% в 2023 году до 29,4% в 2025 году. Абсолютное число соответствующих деяний уменьшилось с 347 818 в 2023 году до 251 216 в 2025 году, причем в последнем отчетном году снижение составило 12,9% относительно показателя 2024 года (288 531 преступление).

Таким образом, можно констатировать выраженную тенденцию к сокращению как абсолютного числа, так и относительной доли преступлений, совершаемых лицами с криминальным прошлым.

При этом следует отметить, что положительная тенденция к уменьшению числа повторных преступлений в определенной степени обусловлена изменениями правовых оснований освобождения от уголовной ответственности некоторых категорий лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, а равно проходивших военную службу в указанные периоды или время[2]. Возникает статистически слабо фиксируемая группа лиц с кри-

1 Использованы данные форм федерального государственного статистического наблюдения № 4-ЕГС «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» и № 2-ЕГС «О лицах, совершивших преступления».

2 Речь идет об особенностях статистического учета лиц, совершивших преступления и являющихся участниками специальной военной операции (далее – СВО). Федеральными законами от 24.06.2023 № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 23.03.2024 № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенно-

минальным опытом, проходящих военную службу, что искажает фактические характеристики этого вида преступности. Корректировка аналитического подхода к анализу рецидивной преступности в новых условиях требует методологической перестройки, учитывающей законодательные новации и изменение структуры учетных контингентов.

Динамика по категориям тяжести совершенных преступлений лицами, ранее совершавшими преступления, существенно различается. Наиболее выраженное сокращение за десять лет отмечается в преступлениях средней тяжести (-50,7%, с 188 308 в 2015 г. до 92 771 преступлений в 2024 г.). Количество тяжких преступлений сократилось на 26,7% (с 114 796 до 84 106), а преступлений небольшой тяжести (-15,6% с 356 221 до 300 524 соответственно). При этом количество особо тяжких преступлений напротив выросло почти на четверть – на 23,8% (с 29 492 до 36 514).

Данная динамика свидетельствует о структурном сдвиге внутри рецидивной преступности в сторону увеличения доли наиболее опасных деяний, что требует отдельного криминологического анализа и корректировки профилактических мер.

Рост количества особо тяжких преступлений (на 3,5% ежегодно в среднем), особенно заметный в 2023 г. – на 25,8% к предыдущему году, привел к увеличению доли наиболее опасных деяний в структуре рассматриваемого вида преступности с 4,3% до 7,1%.

Сокращение количества тяжких преступлений (за десять лет в среднем на 3% в год) происходило неравномерно: после снижения в 2015-2019 гг. (-3,7% ежегодно) последовал рост в 2020-2022 гг. (1,7% в год), затем резкое снижение в 2023-2024 гг. (-5% и -1,5% соответственно).

Самое заметное снижение количества расследованных преступлений за 10 лет отмечается в категории преступлений средней тяжести (на 50,7%). Наиболее интенсивное снижение количества преступлений средней тяжести отмечается в 2023-2024 гг. (-14,5% и -21,7% соответственно). Это привело к тому, что их доля в структуре преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, снизилась с 27,3% до 18%.

В общей структуре всех выявленных за совершение преступлений лиц за десять лет несколько снизилась лишь доля лиц, ранее совершавших преступления (с 56,3% в 2015 г. до 51,8% в 2024 г.). Однако по-прежнему более половины всех выявленных за совершение преступлений лиц, совершили криминальные деяния повторно. При этом удельный вес лиц, совершивших опасный и особо опасный рецидив, за 10 лет фактически не изменился.

Отмеченные тенденции, с одной стороны, демонстрируют некоторое ослабление криминальной напряженности. Однако высокая частота повторной преступности свидетельствует о сохраняющейся угрозе национальной безопасности, что подтверждается и экспертными оценками.

Проведенное в Университете прокуратуры Российской Федерации исследование проблем противодействия рецидивной и повторной преступности показало, что лишь 9,1% прокуроров и 21,7% сотрудников УИС считают ситуацию неопасной, тогда как 32,5% про-

стях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» установлено, что в период мобилизации, в период военного положения и в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации может быть заключен с некоторыми категориями граждан, совершивших преступления, в том числе имеющих судимость. При этом согласно Федеральному закону от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» эти лица при соблюдении определенных условий подлежат освобождению от уголовной ответственности.

куроров и 43,3% сотрудников УИС оценивают ее как опасную, а 15,6% и 11,7% соответственно констатируют ее усугубление[1].

Результаты опроса экспертов о лицах, отличающихся повышенной склонностью к повторному совершению преступлений, показало, что 76,6% респондентов – прокурорских работников и 95,8% сотрудников исправительных учреждений – уверены, что лица, ранее совершившие преступления, обладают такой склонностью. Среди прокурорских работников, придерживающихся указанной точки зрения, свыше половины отметили наличие повышенной склонности к повторному совершению преступления у лиц, ранее совершивших уголовно наказуемые деяния против собственности (66,1%), жизни и здоровья (64,4%), связанные с незаконным оборотом наркотиков (54,2%)[2]. Почти каждый третий уверен в наличии такой склонности у лиц с криминальным опытом посягательства на половую свободу личности (27,1%), и каждый десятый – у лиц, совершивших ранее преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта (11,9%), а также с использованием возможностей информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (10,2%).

Сотрудники УИС отмечают схожие категории (незаконный оборот наркотиков – 53%, против собственности – 52,2%, против жизни и здоровья – 50,4%), но придают большее значение рецидивной опасности лиц, осужденных за преступления в сфере компьютерной информации (27,8% против 10,2% у прокуроров), против безопасности движения (27,8% против 11,9%), преступлений с использованием оружия (9,6% против 5,1%). Уникальной оценкой сотрудников УИС представилась связь повторности с коррупционными (19,1%), налоговыми (10,4%) и экологическими (2,6%) преступлениями, которые прокурорами в этом контексте не отмечались. Кроме того, сотрудники УИС в два раза чаще, чем прокуроры, видят повышенную криминальную угрозу со стороны лиц, совершивших первое преступление в несовершеннолетнем возрасте (26,7% против 15,6%), и безработных (44,2% против 24,7%).

В структуре повторной преступности статистически большая часть лиц, совершают преступления против собственности, в сферах незаконного оборота наркотиков, безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта.

Гендерный анализ рецидивной и повторной преступности, как и в целом по всей преступности, показывает существенное превалирование мужчин над женщинами. В то же время отличительной особенностью последних лет является сильное различие в динамиках изменения числа лиц мужского и женского пола.

Если число мужчин, ранее совершавших преступления, сократилось за пять лет на 26,1% (с 436 587 в 2020 г. до 322 758 в 2024 г.), то число женщин, ранее совершавших преступления, в 2024 г. по сравнению с 2020 г. уменьшилось только на 5,8% (с 55 520 до 52 328).

Кроме того, анализ статистических данных о лицах, освобожденных из мест лишения свободы, и совершивших преступление в течение первого года после

1 В рамках исследования рецидивной и повторной преступности в 2025 г. был проведен опрос экспертов из числа прокурорских работники прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Кроме того, в качестве экспертов в исследовании приняли участие сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) (всего 197 экспертов, в том числе 77 прокурорских работников из 10 спец. прокуратур и 120 сотрудников исправительных учреждений в Республике Мордовия, Владимирской, Новосибирской, Ростовской и Свердловской областях).

2 В этом вопросе можно было выбрать до трех наиболее подходящих варианта ответа.

освобождения, показывает, что при сокращении числа этих лиц, число женщин среди них, наоборот, увеличилось на 16,5% (4584 против 3935). Доля женщин в структуре рассматриваемой категории лиц выросла почти в полтора раза (с 9,4% в 2020 г. до 13% в 2024 г.).

Общеизвестно, что женская преступность, и особенно рецидивная как ее наиболее опасная форма, служит своеобразным индикатором нравственного здоровья общества, в том числе общественного восприятия базовых общечеловеческих ценностей. В связи с этим указанные негативные тенденции женской повторной преступности в совокупности с отмечаемым в науке и на практике сближением женской и мужской преступности как по видам преступлений, так и по способам и орудиям их совершения[1], показывают наличие проблем в ее предупреждении и позволяют предположить рост рисков и угроз общественной безопасности.

В то же время, как уже указывалось, в последние два года статистическое изменение женской рецидивной преступности связано с формальными особенностями, обусловленными, скорее, военно-политическими и правовыми процессами.

Важнейшей положительной тенденцией состояния рецидивной и повторной преступности стало значимое снижение участия несовершеннолетних лиц. На протяжении пятилетнего периода число несовершеннолетних, ранее совершивших преступление, неуклонно уменьшалось в среднем на 10-12% каждый год. Отмеченные позитивные изменения могут быть результатом развития молодежной политики, успешной реализации профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних лиц, могут объясняться трансформацией подростковой субкультуры и др.

Вместе с тем перспективы развития в целом криминальной ситуации, связанной с повторным совершением преступлений, эксперты оценили очень критично. Каждый второй респондент (52,6% прокуроров и 52,9% сотрудников исправительных учреждений) уверены, что в течение 2025-2027 гг. будет происходить усиление общественной опасности рецидивной и повторной преступности.

С высокой долей вероятности можно предположить, что некоторые существенные расхождения в оценках прокурорских работников и сотрудников исправительных учреждений обусловлены спецификой деятельности экспертов, накопленным опытом их правоприменительной практики. Например, как неоднократно отмечалось Генеральной прокуратурой Российской Федерации по результатам проверок полноты и достоверности отражения в формах федерального статистического наблюдения информации о преступлениях и совершивших их лицах, имеют место факты искажения сведений в документах первичного учета. Это негативно влияет на объективность статистической информации и разработку мер противодействия преступности. Так, прокуратурой г. Москвы выявлены многочисленные нарушения, связанные с искажением показателей в документах первичного учета. В 2024 г. практически по каждому третьему лицу, обвиняемому в совершении преступления, следователи и дознаватели не учитывали имеющиеся судимости. Основная часть нарушений допускались по причине недостаточного внимания осуществляющих расследование лиц к заполнению статистических карточек, а также фактам замены первичного наказания, наличию судимости, рецидиву преступлений, нахождению лица ранее в исправительном

1 Молев Г.И. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4 (32). С. 99-107.

учреждении. При этом, несмотря на неоднократные разъяснения в информационно-аналитических документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации порядка отражения соответствующих сведений, нарушения продолжают носить системный характер. Искажение сведений о криминальном прошлом обвиняемых может привести к неправильному применению судом уголовного закона, назначению несправедливого наказания, несоответствующего исправительного учреждения, несоответствию сведений статистики реальному состоянию преступности[1].

Таким образом, количественное снижение сопровождается качественным изменением структуры повторной преступности, выражающимся в росте доли особо тяжких преступлений, доли женской повторности. Эта тревожная тенденция во многом является следствием деструктивного влияния внутри исправительных учреждений представителей запрещенных организаций, таких как АУЕ (Арестантский уклад един) и иных преступных организаций, которые способствуют криминализации осужденных, формированию устойчивых антисоциальных установок и созданию сети для организации тяжких преступлений после освобождения.

Отмеченные тенденции, а также экспертные прогнозы, предсказывающие дальнейшее увеличение общественной опасности рецидивной и повторной преступности, свидетельствуют также о недостаточной эффективности предупредительной работы. Это касается как деятельности уголовно-исполнительной системы по нейтрализации криминальной субкультуры и разобщению организованных преступных групп в местах лишения свободы, так и работы правоохранительных органов по выявлению и устранению факторов, обусловливающих эскалацию тяжести повторного преступного поведения после освобождения. Таким образом, наряду с учетом положительных количественных сдвигов, требуется кардинальное усиление качественной составляющей профилактики, направленной на пресечение воспроизводства особо тяжких повторных преступлений.

Профилактическая работа должна выстраиваться по многоуровневой модели с четким распределением ответственности между субъектами. В частности, внутри пенитенциарной системы необходимо активное внедрение методов, направленных на деструктуризацию криминальной среды и ресоциализацию осужденных. К таким методам можно отнести создание изолированных («чистых») отрядов для лиц, стремящихся порвать с криминальной субкультурой, с активизацией в них воспитательной и образовательной деятельности; системный оперативный мониторинг с целью пресечения фактов вербовки и давления на вновь прибывших осужденных для вовлечения их в противоправную деятельность; реализация специализированных программ психологической коррекции, нацеленных на снижение агрессии и формирование адекватных социальных поведенческих моделей; формирование непрерывных профессионально-трудовых «коридоров», обеспечивающих получение осужденными востребованной профессии и гарантированное трудоустройство после освобождения.

Система мер по противодействию повторной преступности должна быть направлена в целом на трансформацию рецидивной преступности из высокопрофессиональной криминальной угрозы в управляемый риск, где профилактика становится инструментом не ограничения, а восстановления социальных связей и гражданской идентичности. Результатом превентивных

1 Обзор недостатков при формировании статистических данных о рецидивной преступности от 14.11.2024 № 11-12-2024/29932, подготовленный прокуратурой г. Москвы.

мер должна стать не просто статистика снижения числа повторных преступлений и лиц, их совершивших, а устойчивая реинтеграция бывших осужденных и разрыв циклов воспроизводства особо тяжкой преступности.

Овчинко О.А.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Общественная опасность коррупционной преступности

Содержание общественной опасности коррупционной преступности представляет для субъектов профилактической деятельности особый интерес, поскольку позволяет обратить внимание на причинный комплекс и разрабатывать федеральные, региональные и ведомственные программы (планы) по его устранению; анализировать мотивацию преступника и механизм индивидуального коррупционного преступного поведения, а также разрабатывать индивидуальные меры по нейтрализации внутренней убежденности к совершению коррупционного поведения и антиобщественных свойств личности; максимально осуществлять защиту населения от коррупционных издержек путем устранения экономических, социальных и психологических последствий коррупционной преступности. Кроме того, нейтрализация общественной опасности коррупционной преступности позволяет формировать в обществе нетерпимое отношение к коррупционному поведению, которое в соответствие со ст. 6 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» является приоритетной мерой по профилактике коррупции в Российской Федерации.

Общественную опасность коррупционной преступности следует определить как свойство всех коррупционных преступлений и иного коррупционного поведения (административных правонарушений, дисциплинарных коррупционных проступков) производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения, а ее характеристику можно получить через вредоносность и прецедентность[1].

Вредоносность заключается в его способности порождать негативные для общества последствия. Вредоносность коррупционной преступности указывает на способность преступления порождать социально негативные последствия и определяется тем, что наносит реальный вред отношениям, обеспечивающим интересы государственной власти, а также функционированию системы государственной, муниципальной и негосударственной службы.

Вредоносность коррупционной преступности возможно рассмотреть через политический, экономический, социальный и психологический аспекты.

Политический аспект вредоносности коррупционной преступности заключается в таком последствии, как подрыв государственной идеологии и существенном негативном искажении деятельности органов власти и их представителей. Все это негативно влияет на реализацию органами власти Конституции РФ и правовых норм, международных обязательств, государственных Стратегий, концепций, программ, планов.

Так, в п. 47 в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента

1 Шеслер А.В., Мальков С.М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С. 20-21.

РФ от 2 июля 2021 г. № 400, предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств в органах публичной власти и организациях с государственным участием, в том числе при реализации национальных проектов (программ) и выполнении государственного оборонного заказа, признано одной из стратегических целей национальной безопасности. Безусловно, коррупционная преступность крайне негативно отражается на достижении данной цели.

Коррупционная преступность существенно подрывает авторитет государственных, в том числе правоохранительных органов, порождает неверие общества и отдельных граждан в способность органов власти, управления и правоохранительных органов в обеспечении их прав, свобод и безопасности, а также отрицательно сказывается на способности эффективно противостоять иным современным вызовам, например, киберпреступности и информационным преступлениям, наркоугрозе, терроризму, экстремизму, сепаратизму, преступности в сфере государственного оборонного заказа и др.

Экономический аспект вредоносности коррупционной преступности заключается в сращивании коррупции с экономической и организованной преступностью[1]. Все это свидетельствует о создании благоприятных условий для криминальной экономической деятельности, которая оказалась чрезвычайно рентабельной по сравнению с законным предпринимательством, трудовая деятельность в сфере которого не давала для основной части населения даже прожиточного минимума. Так, норма прибыли в наркобизнесе является очень высокой, что в определенной мере объективно создает материальный стимул для занятия этим бизнесом[2]. Коррупционная преступность способствует легализации преступных капиталов, распространению новых видов общественно опасной экономической деятельности, а также проникновению в экономику иностранных криминальных группировок, в том числе тех, которые использовали обычную экономическую деятельность как прикрытие для криминального бизнеса.

Легализация денежных средств в процессе коррупционного прикрытия преступного бизнеса становится максимально защищенной, а доходы приобретают законный характер от выгодных вложений, существенно расширяя возможности организованной преступности.

Социальный аспект вредоносности коррупционной преступности заключается в самых разнообразных последствиях. В частности, в развитии толерантности (терпимости, отсутствия сопротивления) граждан к коррупционной преступности. В свою очередь, толерантность формирует такую причину коррупционной преступности, как правовой нигилизм. Отрицание многими гражданами необходимости существования правовых норм, низкий уровень правосознания и знаний о существующих видах юридической ответственности, минимальный уровень солидарности с уголовно-правовыми запретами порождают появление стереотипов несправедливого применения уголовной ответственности и наказания.

Фактически речь идет об отношении к коррупции как к повсеместному («воруют все», «все берут» и т.п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла». Как следствие, граждане сами активно используют коррупцию, например дачу взятки, коммерческий под-

1 Алимпиев С.А. Причины и условия правонарушений коррупционной направленности: научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2010. С. 8.

2 Шеслер А.В., Жалыбин В.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень, 2006. С. 50-51.

куп, посредничество во взяточничестве, как средство достижения личных целей. На фоне терпимости граждан к коррупции повышается социальный пессимизм в отношении возможностей эффективной борьбы с коррупцией государственных служащих, которым антикоррупционная деятельность прямо или косвенно вменена в служебные обязанности[1].

Психологические последствия коррупционной преступности заключаются в том, что у населения появляется обостренное чувство дискомфорта и беспокойства, что вносит изменения в условия их повседневной жизни. Психологические последствия формируют негативное морально-психологическое воздействие на граждан, вселяют чувство неуверенности в будущем и незащищенности, появляется неверие людей в способность органов внутренних дел защитить их от преступности. Кроме того, психологические последствия порождают изменение образа жизни, а также привыкание граждан к криминальной обстановке.

В рамках социальных и психологических последствий коррупционной преступности стоит указать на разрушение существующих правовых и общепринятых моральных антикоррупционных стандартов, что формирует низкий (примитивный) уровень правосознания, правовой культуры, юридической идеологии и поведения граждан. Все это в итоге приводит к разрушению солидарности с уголовно-правовыми запретами и обеспечения принципов верховенства права, солидарности с преступным поведением, в котором отдельные коррупционные факты становятся социально допустимыми и даже одобряемыми.

Прецедентность коррупционной преступности свидетельствует об угрозе совершения преступлений в будущем и обладает свойством человеческой практики, способностью к повторяемости[2].

В соответствии со статистическими данными в 2020 г. правоохранительными органами зарегистрированы 30813 преступлений коррупционной направленности, в 2021 г. – 35051, в 2022 г. – 35340, в 2023 г. – 36407, в 2024 г. – 38503 преступления. В структуре коррупционной преступности максимальный удельный вес приходится на взяточничество. В 2020 г. зарегистрированы 14548 фактов взяточничества, в 2021 г. этот показатель составил 18591, темп прироста к 2020 г. составил 27,8%, в 2022 г. выявлены 19490 фактов взяточничества, темп прироста составил 4,8%, в 2023 г. – 20279 (прирост 4,1%), в 2024 г. – 23240 (прирост 5,8%). Кроме того, отмечается негативная динамика коммерческих подкупов, мошенничеств при получении выплат, злоупотребления должностными полномочиями, присвоений или растраты. Суммарно преступлениями коррупционной направленности причинен материальный ущерб на сумму более 30 миллиардов рублей[3].

Таким образом, анализ вредоносности и прецедентности как характеристик общественной опасности коррупционной преступности позволяет сделать общий вывод о ее системности, поскольку обнаруживает статистическую закономерность и количественные показатели; устойчивую зависимость коррупции от причин и наличие в ней специфических тенденций; относительную самостоятельность коррупции, выражающаяся в ее воспроизводстве.

1 Кулыгин В.В. Правовой нигилизм и коррупционная психология: грех от закона // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. Хабаровск, 2013.

2 Мальков С.М. Криминология и предупреждение преступлений: курс лекций. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2020. С. 20.

3 Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития. М., 2025. С. 35-36.

Баландин А.Л.,
кандидат юридических наук
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Общественная опасность служебной преступности и проблемы борьбы с нею

Высокая общественная опасность служебной преступности обусловлена тем, что она использует в своих целях систему официальных властных отношений. А.С. Овчинский называет это свойство преступности интрузией, имея в виду ее способности заполнять существующие формы государственной, муниципальной власти, коммерческих структур, обладающих политическим и экономическим влиянием[1].

Служебная преступность обладает уникальным свойством самодетерминации[2], что делает ее еще более опасной, поскольку имеющиеся и приобретенные навыки государственного и муниципального управления используются в криминальных целях. Возникает феномен криминального менеджмента, когда преступная деятельность осуществляется по правилам современного социального и экономического управления. При этом реализуется рискориентированный подход, который выбирает наиболее доходные сферы криминальной деятельности и прогнозирует риски привлечения к уголовной ответственности.

Высокая общественная опасность служебной преступности связана с тем, что ее участники (лица, обладающие статусом специального субъекта), как правило, умело минимизируют уголовно-правовые риски. Для этого устанавливаются и задействуются доверительные отношения с теми руководителями государственных и муниципальных органов, которые оказывают влияние на уголовно-правовую политику, создаются условия для коррупции.

Исключительной общественной опасностью характеризуется профессиональная служебная преступность сотрудников правоохранительных органов[3], поскольку они знакомы с практикой оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия, знакомы с ее сильными и слабыми сторонами. Слабые стороны учитываются и используются при организации преступной деятельности.

Лица, совершающие служебные преступления, как правило, обладают юридическими знаниями либо имеют возможность получить компетентные юридические консультации. Это касается не только организации совершения преступлений, но и поведения на различных стадиях уголовного процесса[4].

В настоящее время служебная преступность нередко имеет четко выраженную антисистемную направленность[5]. Это означает, что ее деятельность угрожает национальной безопасности в различных сферах: военной, экономической, финансовой, демографической,

1 Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность : курс лекций. М., 2007. С. 70–71.

2 Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности : автореф. дис. … канд. юрид наук. М., 2014. 22 с.

3 Подр.: Баландин А.Л. Понятие профессиональных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2020. № 2. С. 91-99.

4 Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 19.

5 Ермоленко А. Понятие антисистемы в исследовании результатов социально-экономических преобразований // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4. С. 120.

миграционной, экологической, общественной.

По материалам проведенного нами опроса населения (1418 человек) респонденты выделили актуальные направления уголовно-правовой политики:

а) борьба с компьютерной преступностью – 295,

б) борьба с должностными преступлениями – 405,

в) борьба с телефонным мошенничеством – 378,

г) противодействие коррупции – 463,

д) борьба с преступностью мигрантов – 248,

е) противодействие экстремизму – 233,

ж) борьба с терроризмом – 538.

Как видим, наиболее приоритетными признаны именно те, которые в значительной мер связаны с эффективностью служебной деятельности и ее системными недостатками: терроризм, коррупция и должностная преступность.

Анализ УК РФ с точки зрения противодействия служебной преступности позволяет выделить очевидный пробел уголовно-правового регулирования, связанный с сокрытием преступлений от учета. Такие правонарушения характеризуются как незаконный отказ в возбуждении уголовного дела и имеют массовое распространение. В 2019 г. отменены 1 308 504 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2020 г. – 1 168 000, в 2021 г. – 1 074 289, в 2022 г. – 1 016 507, в 2023 г. – 963 976, в 2024 г. – 1 217 279.

В практику внедрены множество способов умышленного непризнания преступлений таковыми[1]. Типичным является отказ от принятия заявления от потерпевшего под подлогом, что заявление в соответствии с указаниями руководства вначале должен изучить специальный сотрудник, который в данный момент находится на выезде[2]. По данным работников прокуратуры, наиболее распространенным способом укрытия преступлений от учета является необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава или события преступления (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

В этой связи следует подержать предложение о дополнении УК РФ ст. 285.4. – сокрытие преступлений от учета[3]. Это предложение поддержали 66% опрошенных нами граждан.

Предлагается ст. 288 УК РФ изложить в новой редакции.

«Статья 288. Присвоение звания или полномочий представителя власти.

Присвоение звания или полномочий сотрудника правоохранительного органа или иного представителя власти и совершение в связи с этим действий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, – наказывается принудительными работами на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

То же деяние, совершенное с использованием специальной формы одежды, транспортных средств с отличительными знаками, – наказывается принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок.

Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, – наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет».

1 Скобликов П. Неправомерное противодействие правоохранителей. 12 типичных способов отказать заявителю в возбуждении уголовного дела // Юрист спешит на помощь. 2015. № 3. С. 24-29.

2 Калиновский К.Б., Чечетин А.Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9. С. 10 -14.

3 Кондин А.И. Квалификация сокрытия преступлений от учета // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3. С. 208-212.

Молоков В.В.,
кандидат технических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Анализ динамики наркопреступности в Сибирском федеральном округе

Тенденция изменения наркопреступности на протяжении ряда лет демонстрирует устойчивый тренд на увеличение. В Российской Федерации (РФ) средний темп роста зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (НОН) за период 2021-2025 гг. составил 104,6%, при этом с 2023 г. темпы прироста наркопреступности только положительные. Несмотря на достаточно эффективные меры противодействия данному виду преступлений, процесс динамики состояния наркопреступности можно назвать контролируемым, но не управляемым. Этому способствуют бесконтактные формы сбыта наркотиков с применением современных средств анонимизации интернет-коммуникаций и платежей. Между тем для обеспечения комплекса мероприятий по борьбе с незаконным оборотом наркотиков необходимо осуществлять оперативную оценку состояния показателей наркопреступности и обеспечивать управляющие воздействия на реализацию мер противодействия. Также необходимо учитывать региональные особенности, которые обладают значимыми вариативными признаками.

Рассмотрим оценку динамики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Сибирском федеральном округе (СФО) за период 2021-2025 гг.

Темп роста количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Сибирском федеральном округе в сравнении с Российской Федерацией имеет незначительную тенденцию на снижение. В 2025 г. цепной темп роста в РФ составил 108,4%, в СФО – 99,4%, а показатель среднего цепного темпа роста за период 2021-2025 гг. равен 104,6% и 103,8% соответственно. При этом характерным является увеличение доли наркопреступлений в общем количестве зарегистрированных преступлений. В Российской Федерации доля преступлений, связанных с НОН, в 2025 г. в сравнении с 2021 г. увеличилась на 3,2%, в Сибирском федеральном округе – на 3,4%.

Средние цепные темпы роста числа зарегистрированных преступлений в сфере НОН в регионах Сибирского федерального округа представлены в таблице 1.

Наибольший средний цепной темп роста (средний темп роста) общего числа преступлений в сфере НОН отмечается в Новосибирской и Томской областях, наименьший – в Кемеровской области. При этом в 2025 г. цепной темп роста преступлений в сфере НОН в Новосибирской области составил 172,6%, а в Кемеровской области – 77,1%.

Высокий уровень преступлений составляет сбыт наркотиков, так средний темп роста числа преступлений по ст. 228.1 УК РФ за период 2021-2025 гг. в РФ составил 111,2%, в СФО – 112,4%.

Цепные темпы роста изъятия наркотических средств и психотропных веществ в 2025 г. на территории СФО представлены в таблице 2.

Изменяется структура преступлений в сфере НОН по степени общественной опасности. В 2025 г. в сравнении с 2021 г. доля тяжких преступлений в РФ уменьшилась на 0,4%, в СФО – на 0,4%, доля особо тяжких выросла в РФ на 4%, в СФО – на 4,2%. Доля преступлений в сфере НОН, совершенных в значительном размере, в РФ увеличилась на 1,4%, в СФО – на 1,4%, доля преступлений, со-

Таблица 1

Средние темпы роста преступлений в сфере НОН в регионах СФО
за период 2021–2025 гг.

Регион	Всего зарег. прест. НОН	Тяжких	Особо тяжких	Совершенных в значит. размере	Совершенных в крупном размере	Совершенных в особо крупном размере
РФ	104,6	93,8	114,4	105,0	103,1	106,9
СФО	103,8	90,2	116,5	104,5	101,3	102,1
Республика Алтай	98,3	88,1	127,8	98,2	94,1	69,3
Республика Тыва	96,9	93,7	114,4	97,0	103,6	
Республика Хакасия	102,5	93,0	121,6	98,4	107,7	98,9
Алтайский край	101,7	93,9	113,6	99,6	100,0	112,6
Красноярский край	105,1	89,4	114,9	108,4	98,2	99,2
Иркутская область	108,3	99,5	120,7	109,1	103,7	91,9
Кемеровская область – Кузбасс	94,4	83,4	105,9	83,8	102,0	121,5
Новосибирская область	112,3	88,5	128,2	130,6	105,8	92,1
Омская область	104,0	85,3	113,8	109,1	97,6	102,8
Томская область	112,0	84,8	129,8	114,7	108,7	87,8

Таблица 2

Цепные темпы роста изъятия наркотических средств и психотропных веществ
в 2025 году на территории Сибирского федерального округа

Регион	Наркотические средства, всего	Наркотические средства опийной группы	Наркотические средства каннабисной группы	Наркотические средства амфетаминовой группы	Синтетические наркотические средства	Психотропные вещества	Наркосодержащие растения
РФ	94,5	12,9	114,8	92,5	93,2	210,0	119,3
СФО	76,1	133,8	111,9	57,9	58,6	319,4	156,5
Республика Алтай	106,9	0,0	105,0	224,9	224,9	0,0	44,0
Республика Тыва	48,1	0,0	47,8	197,1	197,1	0,0	96,1
Республика Хакасия	112,5	9562,5	137,5	84,2	64,7	0,0	127,6
Алтайский край	31,3	33,1	69,0	23,0	23,8	580,0	107,3
Красноярский край	61,5	154,7	144,4	19,9	22,2	201,5	223,1
Иркутская область	130,2	183,1	145,7	122,9	122,9	125,0	232,0
Кемеровская область – Кузбасс	165,7	30,4	175,0	172,9	171,5	13387,8	409,2
Новосибирская область	96,0	410,7	51,9	118,6	117,1	31,4	197,0
Омская область	175,4	119,1	264,2	55,8	60,5	268,9	62,6
Томская область	9,1	84,5	84,3	3,1	4,2	57,5	236,4

вершенных в значительном размере, в РФ увеличилась на 1,4%, в СФО – на 1,4%, доля преступлений, совершенных в крупном размере, в РФ увеличилась на 0,9%, в СФО – на 1%, доля преступлений, совершенных в особо крупном размере, увеличилась незначительно.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении ряда лет фиксируется увеличение доли преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков на фоне снижения динамики общего числа регистрируемых преступлений. Изменяется структура преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков по категориям, растет количество особо тяжких преступлений. Сбыт наркотиков, особенно совершенных бесконтактным способом, увеличивается. Региональные тенденции в Сибирском федеральном округе повторяют российские, но гораздо вариативнеее и в отдельных признаках имеют обратные тенденции.

Пустовойт Е.С.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, в регионе ответственности Организации Договора о коллективной безопасности

Следует отметить, что проблема противодействия наркопреступности давно вышла за пределы национальных границ, трансформировавшись в транснациональное явление, содержащее, как верно указывает П.В. Тепляшин, «крайне широкий перечень криминальных вызовов и угроз личности, обществу и государству»[1]. В связи с этим возникает необходимость в координации усилий на международном уровне, что предполагает консолидацию ресурсов нескольких государств для эффективного противодействия данной угрозе. В данном контексте Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ; Организация) выступает в качестве значимого актора противодействия наркопреступности на региональном международном уровне, осуществляющего координацию усилий в данном направлении. Как отмечает В.В. Путин, «совместная работа в рамках ОДКБ приносит видимую практическую отдачу, помогает обеспечивать защиту национальных интересов, суверенитета и независимости наших стран»[2].

Для эффективной разработки стратегий противодействия наркопреступности в данном регионе необходимо выявить и проанализировать комплекс причин и условий, способствующих ее возникновению и стимулирующих совершение наркопреступлений. По мнению С.М. Казакевич, «причины и условия, способствующие совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с криминологической точки зрения тесно взаимосвязаны между собой и постоянно вза-

1 Тепляшин, П. В. Противодействие наркопреступности с учетом положений Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: промежуточные итоги и резервы оптимизации // I Восточно-Сибирский юридический форум : сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 5-6 июня 2025 года. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2025. С. 119.

2 Путин: В работе ОДКБ есть проблемы, но Организация помогает защищать интересы наших стран. URL: https://rg.ru/2022/11/23/v-zone-bezopasnosti.html (дата обращения: 24.11.2025).

имодействуют»[1]. В этой связи, как нам представляется, целесообразно анализировать не отдельные причины и условия, обусловливающие совершение наркопреступлений, а их совокупность, т.е. комплекс тех факторов, которые детерминируют наркопреступность. Например, Г.А. Алиев и Д.М. Борисов классифицировали факторы, способствующие наркопреступности, на социально-демографического, социального, общесоциального, социально-психологического, организационно-правового, а также экономического характера[2]. С.М. Казакевич выделила факторы социально-медицинского, организационно-правового и нравственно-психологического характера[3].

Анализ причинного комплекса наркопреступности в регионе Организации позволяет утверждать, что ее детерминанты находятся прежде всего в плоскости факторов геополитического, социально-экономического, организационно-правового и правоохранительного характера. Приведенные факторы, влияющие на наркопреступность в данном регионе, не являются исчерпывающими факторами, поскольку особенностью современной наркопреступности является ее динамичность и адаптивность к быстро меняющимся реалиям.

Говоря о геополитических факторах, необходимо подчеркнуть первостепенное значение географического положения государств – членов ОДКБ как транзитных регионов. Стоит сказать о том, что в рамках ОДКБ допустимо выделять подгруппы государств (внутренняя типологизация государств – членов ОДКБ) с учетом общих криминологически значимых задач, наиболее связанные традиции в той или иной сферах жизнедеятельности, что обеспечивает понимание специфики контактов и внутренних трендов взаимодействия компетентных органов государств – членов в сфере противодействия различным наркоугрозам[4]. Для Центрально-Азиатского региона, включающего республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, существенное влияние оказывает протяженность и степень прозрачности государственных границ, через которые осуществляется транзит так называемого «северного маршрута» афганского наркотрафика. Северная подгруппа государств, состоящая из Республики Беларусь и Российской Федерации, представляет собой интерес в контексте их использования в качестве стран-транзитов наркотиков. Так, Республика Беларусь располагается в центре Европы, являясь тем самым своего рода транзитным пунктом[5]. Южная подгруппа государств ОДКБ состоит из Республики Армения и Российской Федерации. Республика Армения непосредственно граничит с Ираном, который выступает важным узлом в глобальной сети незаконного оборота наркотиков, известной как «балканский маршрут».

К факторам социально-экономического характера, способствующих разви-

1 Казакевич С.М. Детерминанты преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (на примере Республики Беларусь) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 1. С. 58.

2 Алиев Г.А., Борисов Д.М. Причины и условия преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 59.

3 Казакевич С.М. Указ. соч. С. 59.

4 Подр.: Пустовойт Е.С. Криминологическая характеристика личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 129.

5 МВД: в Беларуси растет число иностранцев, вовлеченных в оборот наркотиков. URL: https://sputnik.by/20251121/mvd-v-belarusi-rastet-chislo-inostrantsev-vovlechennykh-v-oborot-narkotikov-1101823727.html (дата обращения: 24.11.2025).

тию наркопреступности, следует отнести в первую очередь высокую доходность от наркодеятельности, сопряженную с получением максимальной прибыли в короткие сроки, низкий уровень доходов у части населения региона ОДКБ, относительно высокий уровень безработицы, что «позволяет без особых усилий привлекать к «работе с наркотиками», использование сети Интернет в качестве специфического канала наркоторговли, использующей криптовалюты и зашифрованные мессенджеры.

Негармонизированное национальное антинаркотическое законодательство государств – членов ОДКБ является причиной организационно-правового характера, способствующего совершению наркопреступлений. Для полноценного и эффективного функционирования ОДКБ в данной сфере необходимо создание нормативной базы, которая должна быть единообразна. Этот тезис подкрепляется концепцией, согласно которой сущность ОДКБ заключается в необходимости выработки общих подходов для государств-членов к преодолению угроз коллективной безопасности.

Правоохранительные факторы характеризуются недостаточной эффективностью межведомственного взаимодействия компетентных органов. Ключевым фактором решения данной проблемы является реализация механизма проведения совместных операций (в счет не берется проведение Региональной антинаркотический операции «Канал»), который позволяет государствам-членам оперативно реагировать на нарковызовы и координировать действия на межгосударственном уровне.

Таким образом, в основе причинного комплекса, обусловливающего наркопреступность в регионе ОДКБ, находятся факторы геополитического, социально-экономического, организационно-правового и правоохранительного характера, каждый из которых в той или иной степени влияет на распространение наркопреступности в регионе Организации. Комплексный анализ вышеуказанных факторов свидетельствует о возможности их эффективного устранения или минимизации посредством реализации комплексных мер на всех этапах профилактики с максимальной координацией усилий всех заинтересованных субъектов.

Поздняков А.Н.,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России (г. Москва)

Парадигма развития современной преступности в контексте правоохранительных инициатив

Развитие форм современной преступности происходит параллельно с расширением ее географических границ, сфер влияния. Одновременно в процессе ее развития происходит переформатирование национальных организованных групп и преступных сообществ в транснациональные и международные конгломераты, по своему содержанию и структуре мало чем отличающиеся от коммерческих структур, действующих в легальных секторах экономики. Это вынуждает их организаторов и руководителей комплектовать дочерние структуры местными криминальными ресурсами. Причем комплектование происходит и за счет их соотечественников, присутствующих в этих

странах в качестве трудовых мигрантов, или иностранцев, уже получивших гражданство страны, рассматриваемой ранее в качестве страны временного проживания.

Указанное существенно утяжеляет криминологическую характеристику современный преступности в целом, ее правовую и субъектную составляющие, в частности. Модернизация правовой основы по отдельным правоохраняемым сферам уже не дает ожидаемого положительного эффекта, несмотря на предполагаемые усилия в виде разработок стратегий – документов программно-декларативного характера[1]. Поставленные в них задачи обозначают не только стратегические направления развития правоприменительной практики, но и направления развития правовой основы, необходимой для их разрешения правоприменителями.

При разработке стратегий максимально учитывается современное состояние преступности и изменения в ее содержании, требующее соответственной правовой оценки. В числе задач – задачи по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, по борьбе с преступностью иностранных граждан. Но такая правовая оценка правонарушения не всегда осуществляется вовремя – криминальный факт должен пройти юридическую экспертизу, чтобы стать дефиницией конкретной статьи УК РФ или основанием для корректировки уже имеющейся. Но внесение изменений в УК РФ недостаточно для того, чтобы эти новации работали, – изменения должны быть внесены в УПК РФ, иные нормативные правовые акты, прямо или косвенно обеспечивающие правоприменительную функцию органов, реализующих задачи по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию различного рода криминальных проявлений. По каждому направлению должен быть разработан и комплект правовых актов распорядительного характера, конкретизирующий содержание поставленных задач и обозначающий пути их решения.

Для правоприменителей, решающих указанные выше задачи в сфере борьбы с преступностью, основным нормативным правовым актом остается Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), имеющий, по сути, универсальный характер в сфере правоприменения. Вопреки точке зрения ряда ученых[2] он постоянно усовершенствуется и не нуждается в замене – с момента его принятия и до настоящее времени в него было внесено немногим более 40 корректировок и дополнений, что позволяет утверждать: свою функцию он в настоящее время выполняет. Тем не менее ряд его положений явно не в достаточной степени корреспондируются с положениями иных правовых актов, регулирующих отдельные направления правоохранительной деятельности[3], включая положения международных правовых актов, ратифицированных Российской

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124; Стратегия экономической безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208; Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации : Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733.

2 Напр.: Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект Федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1; Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024.

3 В частности, положения ст. 11 Закона об ОРД с положениями ст. 89 УПК РФ; положения ч. 4 ст. 8 Закона об ОРД с положениями ч. 1 ст. 186 УПК РФ и т.д.

Федерацией[1]. Представляется, что эти положения могут быть реализованы как путем корректировки сопутствующих правовых актов, так и принятия новых.

Это одно из основных стратегических направлений, требующих научной и правовой проработки. Тактическое направление связано с конкретизацией субъектов уголовно-правового и оперативно-розыскного воздействия – лицами, криминализирующими оперативную обстановку на территории Российской Федерации. Данное направление напрямую связано как с интеллектуализацией криминалитета и приходом в его ряды специалистов, обладающих навыками использования информационно-коммуникационных технологий, так и с иностранным присутствием, что по отдельным правоохранительным направлениям представляется исключительно важным и требующим перестройку целого ряда позиций в отечественной правоохранительной системе.

Представляется в этой связи, что в качестве основных следует рассматривать следующие направления: незаконный оборот наркотиков, противодействие экстремизму, преступности в сфере экономки. Причем при ближайшем рассмотрении повышенная криминогенность этих направлений объясняется тем, что эти преступления в значительной массе совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий и с выходом на иностранный компонент. Расходясь на первых этапах, связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием обозначенных преступлений, на последним этапе криминальная деятельность их участников преступлений направлена на достижение одной цели – реализации доходов, полученных преступным путем, и, по сути, с использованием одинаковых организационных алгоритмов.

Задача ученых и законодателей – с применением теоретических положений и с использованием законодательных инициатив в ближайшее время решить эту криминологическую парадигму и, по крайней мере, минимизировать их последствия.

Кашкина Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент
НИИ ФСИН России (г. Москва),
Юридический институт РУТ (МИИТ) (г. Москва)

Наркоугроза в условиях гибридных социальных рисков: криминологический анализ

В условиях современного этапа общественного развития проблема наркоугрозы приобретает качественно новые характеристики, обусловленные усложнением социальной структуры, трансформацией ценностных ориентиров и ростом гибридных социальных рисков. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, а также немедицинское потребление психоактивных веществ выходят за рамки исключительно уголовно-правовой проблемы, и все в большей степени проявляются как комплексный социаль-

1 О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : Федеральный закон от 26.04.2006 № 26-ФЗ; О ратификации Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма : Федеральный закон от 26.07.2017 № 183-ФЗ.

но-криминологический феномен, затрагивающий устойчивость социальных институтов и интересы общественной безопасности государства. Указанная трансформация находит отражение и в официальных статистических данных, свидетельствующих о высокой латентности наркопреступности, устойчивости спроса на наркотические средства и смещении структуры незаконного оборота в сторону синтетических и высокоактивных веществ.

Современная наркоугроза в условиях гибридных социальных рисков представляет собой многоаспектный и динамично развивающийся феномен, анализ которого невозможен без учета как его статистических характеристик, так и направленности и интенсивности происходящих изменений. В этом контексте значимой является позиция В.Е. Шинкевича, обосновывающего необходимость комплексного изучения наркоситуации с использованием мониторинговых подходов, позволяющих учитывать как ее статические характеристики, так и динамику изменений, включая направленность и интенсивность их проявления, а также возможное влияние на общественные процессы[1]. Криминологическое содержание указанных изменений находит дальнейшее развитие в выводах П.В. Тепляшина, согласно которым современная наркоситуация характеризуется ростом организованности и транснационального характера наркопреступности, ее выраженным деструктивным социальным потенциалом, прозелитивным распространением наркопотребления, а также способностью наркоугрозы генерировать иные формы преступности и оказывать системное влияние на процессы социального развития и реализацию государством базовых социальных функций[2]. В совокупности данные положения позволяют рассматривать наркоугрозу не как изолированную уголовно-правовую проблему, а как системный криминологический фактор дестабилизации общественных отношений и государственных институтов в условиях нарастания гибридных социальных рисков, под которыми допустимо понимать совокупность взаимосвязанных угроз, возникающих на стыке социальных, экономических, культурных, технологических и институциональных процессов. В рамках настоящего исследования гибридные социальные риски рассматриваются как интегративный комплекс криминогенных факторов, формирующихся в результате одновременного и взаимно усиливающего воздействия традиционных социальных детерминант преступности и новых, сопряженных с рисками процессов, обусловленных цифровизацией, глобализацией и трансформацией социальных коммуникаций. Эти риски обладают кумулятивным эффектом и способны качественно трансформировать условия воспроизводства наркопреступности, изменяя как ее количественные показатели, так и структурные характеристики.

С аналитической точки зрения целесообразно разграничивать уровни воздействия гибридных социальных рисков. На макросоциальном уровне они проявляются в транснационализации наркорынков, ослаблении суверенных механизмов контроля, изменении экономических и миграционных процессов. На мезоуровне гибридные риски затрагивают функционирование региональных и локальных сообществ, трансформируя молодежные субкультуры, криминальные сети и формы вовлече-

1 Шинкевич В.Е. Оценка наиболее значимых факторов, детерминирующих состояние и уровень наркобезопасности, как предмет социологического анализа в ходе ежегодного мониторинга: на примере Красноярского края // Society and Security Insights. 2024. Т. 7. № 2. С. 104-120.

2 Тепляшин П.В. Криминологический анализ наркоситуации в Российской Федерации (с учетом итогов 2024 года) // Научный компонент. 2025. № 2(26). С. 5-11.

ния в незаконный оборот наркотиков. На микроуровне их влияние выражается в деформации индивидуальных установок, снижении порогов девиантного поведения и формировании толерантного отношения к наркопотреблению. Такое разграничение позволяет более точно соотнести гибридные социальные риски с системой криминологических детерминант.

Структурно гибридные социальные риски в контексте наркоугрозы включают: социально-экономические диспропорции и маргинализацию отдельных групп населения, ослабление институтов социализации и социального контроля, ценностно-нормативную дезориентацию, цифровые и сетевые формы криминальной активности, а также институциональные деформации механизмов профилактики и противодействия преступности. В совокупности данные элементы формируют качественно новую конфигурацию криминологических детерминант наркопреступности.

Криминологическая специфика наркоугрозы в условиях гибридных социальных рисков заключается в том, что она формируется не только под воздействием индивидуальных девиантных установок, традиционно относимых к субъективным факторам преступного поведения, но и как результат системных сбоев в функционировании социальных институтов, что позволяет отнести гибридные социальные риски к числу макросоциальных детерминант наркопреступности. Данный вывод подтверждается материалами судебной практики, фиксирующими устойчивые модели вовлечения в незаконный оборот наркотиков через сетевые структуры и анонимные цифровые каналы[1].

Существенное влияние на трансформацию наркоугрозы оказывает цифровизация общественных отношений. Использование информационно-телекоммуникационных технологий, анонимных мессенджеров, криптовалют и теневых сегментов сети Интернет существенно изменило способы организации незаконного оборота наркотиков, повысило его латентность и усложнило выявление преступной деятельности. В данном аспекте цифровизация выступает самостоятельным элементом гибридных социальных рисков, трансформируя как механизмы совершения преступлений, так и социальную базу наркопреступности. По свидетельствам научных исследований, значительная часть выявленных преступлений в сфере сбыта наркотиков осуществляется бесконтактным способом с использованием цифровых платформ[2], что требует пересмотра традиционных моделей криминологического контроля. В этих условиях традиционные формы профилактики оказываются недостаточно эффективными, поскольку не учитывают трансграничный и сетевой характер современной наркопреступности.

Не менее значимым элементом гибридных социальных рисков является изменение ценностных и нормативных установок в обществе. В ряде социальных групп наблюдается формирование толерантного отношения к немедицинскому потреблению наркотических средств, что снижает уровень общественного неприятия наркоповедения и способствует его распространению. Указанные процессы усиливают дей-

1 Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: утверждено Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2024 г. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33761/?ysclid=mkpx5yftae568018945 (дата обращения: 21.01.2026).

2 Пущева А.В., Дорошенко О.М. Проблемные вопросы раскрытия и расследования незаконного сбыта наркотиков, совершенного бесконтактным способом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3 (62). С. 126-130.

ствие традиционных культурно-нравственных детерминант преступности, придавая им новые формы проявления, что сопровождается снижением роли семьи, образования и культуры как ключевых институтов социализации. Для криминологии важно констатировать, что данные процессы расширяют социальную базу наркопреступности и способствуют воспроизводству устойчивых форм девиантного поведения.

Обобщающая оценка социальной опасности наркоугрозы позволяет констатировать, что ее последствия выходят за рамки собственно преступности и затрагивают физическое и психическое здоровье населения, демографические процессы, институт семьи и условия устойчивого социального развития, что объективно придает данной угрозе характер фактора национальной безопасности[1]. В этой связи противодействие наркопреступности не может сводиться исключительно к мерам уголовно-правового и правоохранительного реагирования, а требует комплексной научной проработки ее криминологических закономерностей и механизмов профилактического воздействия. Именно выявление устойчивых и воспроизводимых характеристик наркопреступности в их взаимосвязи с гибридными социальными рисками создает методологическую основу для формирования эффективной антинаркотической политики.

В условиях гибридных социальных рисков особое значение приобретает превентивное направление противодействия наркоугрозе, ориентированное на устранение или минимизацию криминогенных детерминант. Речь идет о необходимости укрепления социальной интеграции, формирования устойчивых духовно-нравственных ценностей, развития механизмов ранней профилактики девиантного поведения и повышения эффективности межведомственного взаимодействия. Криминологическая профилактика должна строиться с учетом гибридной природы социальных рисков, предполагая сочетание традиционных и инновационных форм воздействия на криминогенную среду, включая мониторинг цифровых угроз, профилактику онлайн-вовлечения и развитие специализированных программ социальной реабилитации.

Следовательно, наркоугроза в условиях гибридных социальных рисков представляет собой сложный, динамичный и многофакторный феномен, требующий интегративного криминологического осмысления. Ее анализ показывает, что эффективное противодействие возможно лишь при сочетании уголовно-правовых и социально-профилактических мер, направленных на укрепление социальной устойчивости и снижение криминогенного потенциала общества. Игнорирование гибридной природы социальных рисков неизбежно приводит к воспроизводству наркопреступности в новых формах, тогда как научно обоснованный, ценностно ориентированный и междисциплинарный подход способен обеспечить долгосрочный эффект в сфере противодействия наркоугрозе.

1 Тепляшин П.В., Молоков В.В. Наркопреступность в Российской Федерации: современные статистические закономерности // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 6. С. 602-613.

Серен-Чимит К.К.
Тувинский государственный университет (г. Кызыл)

Тулуш А.М.
Верховный Суд Республики Тыва (г. Кызыл)

Правовое конституирование системы исправительных учреждений на территории Республики Тыва

В новых условиях внешних вызовов укрепление российской государственности зависит от множества факторов, в том числе эффективной деятельности всех ветвей власти, направленной на обеспечение верховенства закона. Дальнейшее правовое развитие многонациональной страны невозможно без изучения и анализа сложных социальных явлений, процессов и пройденного исторического пути ее народов. Именно историко-правовой подход позволяет изучить становление и поэтапное развитие одного из ключевых направлений правоохранительнойдеятельности – отечественной уголовно-исполнительной системы. К числу национально-территориальных органов пенитенциарного ведомства относится, в частности, Управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Тыва (далее – УФСИН РФ по РТ), расположенное в южном регионе Сибирского федерального округа, имеющем сложившиеся в течение столетий самобытные традиционные особенности.

В историографии система и виды уголовных наказаний отражают основные взгляды государства и общества на способы борьбы с преступностью. В настоящее время особое место в генезисе пенитенциарной политики занимают исправительные учреждения, которые исполняют наиболее строгий вид уголовного наказания – лишение свободы. Однако без понимания истории правовых институтов, успешно функционировавших на территории государства в прошлом, невозможно отобразить реальную картину формирования правовой системы[1].

В 1755-1758 годах Джунгарское ханство (ойрат-монгольское государство), в составе которого находились урянхайцы (предки тувинцев), было разбито маньчжурскими войсками Цинской империи. Затем введенное в действие Уложение Китайской палаты внешних сношений (Лифаньюань), предназначенное для управления вассальными окраинами (Танну-Тувой[2] и Монголией), определяло ведение судопроизводства, в том числе систему преступлений и наказаний.

Например, в силу параграфа 6 части 3 Уголовного Уложения умышленное смертоубийство наказывалось взысканием скотин в соответствующем количестве, удавлением, а до получения разрешения – помещением в тюрьму[3]. Таким образом, понятие «тюрьма» использовалось лишь для обозначения специального временного помещения наподобие современного следственного изолятора.

1 См.: Уметбаев Т.Ш., Тепляшин П.В., Будатаров С.М. Становление правовой системы западных монголов в XVII-XVIII вв. (по материалам фонда Г.И. Спасского) // Проблемы Востоковедения. 2013. № 3 (61). С. 28-37.

2 Танну Тува – исторически сложившееся название Тувы от старого Танды Урянхай (страна высокогорных урянхов) в отличие от Алтай-Урянхай и Восточного Урянхая.

3 Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчурского языка С. Липовцева Степана. Санкт-Петербург. Типография Департамента народного просвещения. 1828. С. 78 // Научный архив Тувинского института гуманитарных и социально-прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва

Как отмечает С.Т. Танов, на территории Танну-Тувы применялось заключение в черной юрте-тюрьме в Улясутае (в настоящее время – город Улиастай Монголии, где располагалось управление танну-тувинскими и алтайскими землями с 1768 года) от одного до трех лет[1].

Название «черная юрта-тюрьма», которое использовалось для обозначения места отбывания лишения свободы, происходит от того, что такая юрта являлась и местом пыток. Так, в данном помещении судебный чиновник поджигал лошадиный навоз и наглухо закрывал юрту, где находилось виновное в совершении преступления лицо без пищи (пытка дымом)[2]. Следовательно, во время исполнения наказания закрытое помещение являлось темным, то есть черным. Такое наказание обращалось к исполнению вплоть до свержения маньчжурской династии Цин (1911-1912 гг.).

Параграф-статья 7 Конституции, принятой 15 августа 1921 года на Всетувинском учредительном хурале (съезде) и провозгласившей Республику Танну-Тува Улус свободным государством, закрепил, что для приговоренных лиц создается дом лишения свободы.

Уголовное Уложение от 28 сентября 1923 года, применяемое к коренному местному населению, законодательно установило следующие виды уголовных наказаний: расстрел, лишение свободы с применением принудительных работ, принудительные работы без содержания под стражей, конфискацию имущества. В системе Министерства внутренних дел формировались охрана и администрация мест заключения. Уголовное Уложение Тувинской Народной Республики (далее – ТНР по Конституции 1926 года) предусматривало, наряду с другими видами наказания, лишение свободы, которое назначалось на срок от одного дня до десяти лет и отбывалось в местах лишения свободы (тюрьмах и исправительных трудовых домах).

Таким образом, в наименовании места исполнения наказания в виде лишения свободы было предусмотрено понятие «дом». Несмотря на последующее неоднократное изменение названия исправительных учреждений и их подведомственности, до настоящего времени представители тувинского этноса именуют пенитенциарные учреждения черными домами («кара бажын»[3]).

В рассказе «Кара-бажын – черный дом», вышедшем в «Литературной газете» по теме «Многоязыкая лира России», в диалоге персонажей раскрывается данное общее понятие как тюрьма, действительно, черный дом, где отсутствуют питье, еда, кровать, чистое белье. Автор Донгак Зоя в старейшем периодическом издании представила социально-правовой институт в современном значении, которое сохранилось с давних времен. Иными словами, представление о месте лишения свободы у тувинцев до сих пор ассоциируется с черным домом.

Очевидно, что знания о прошлом, определяемые как историческая память, «живут» не только в официально-деловом языке, но и в литературных произведениях, которые законодательством признаются культурной ценностью.

После вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР в 1944 году в городе Кызыле (ныне – столица Республики Тыва) была организована тюрьма, которая ввиду совершенствования материально-технической базы и режимных требований в 1960 году

1 См.: Танов С.Т. Краткие сведения (об уголовном наказании в Маньчжурском государстве) от 1 октября 1964 года // Национальный архив Республики Тыва. Кызыл. С. 2.

2 Там же.

3 Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. Изд. 2-ое. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 226; . Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д.А. Монгуша. Абакан: Кооператив «Журналист», 2015. С. 594.

перепрофилирована в следственный изолятор (в настоящее время – ФКУ «СИЗО-1 УФСИН РФ по РТ»). В 1945 году создана Кызылская промышленная исправительно-трудовая колония № 1, функционирующая на данном этапе как исправительная колония строгого режима. В 1958 году открыта исправительно-трудовая колония № 2 (строгого режима), которая в 1994 году получила статус лечебного учреждения для содержания и лечения осужденных, больных активной формой туберкулеза, а с 1999 года по настоящее время осуществляет деятельность как ФКУ «Лечебно-исправительное учреждение № 2 УФСИН РФ по РТ». В 1987 году в промышленной зоне города Шагонара Улуг-Хемского кожуна образована исправительно-трудовая колония № 4 в качестве исправительной колонии общего режима. В рамках оптимизации пенитенциарной практики в г. Кызыле создана колония-поселение № 3.

Названные исправительные учреждения находятся в организационном подчинении УФСИН РФ по РТ. Они функционируют в статусе федеральных казенных учреждений, а также являются одними из основных субъектов реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года и пробационной политики, выступающей составной частью политики государства по достижению социального благополучия населения и обеспечению общественной безопасности[1].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что образование и развитие исправительных учреждений в национальной республике характеризуются сложившимися историческими условиями. Первоначально такое учреждение именовалось «черной юртой-тюрьмой», затем – домом лишения свободы, что ассоциируется до сих пор с черным домом. Дальнейшая деятельность региональных пенитенциарных учреждений была основана на унифицированным советском законодательстве. На современном этапе они выполняют функцию непосредственных исполнителей определенной модели пенитенциарной пробации, обусловленной историческими, социальными и ценностными особенностями, позволяющими в конечном итоге определить вектор своего дальнейшего совершенствования. Для достижения целей российской уголовно-исполнительной политики в свете международных стандартов прав человека нужны значительные усилия современного общества и государства.

Глотов И.И.,
Университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург)

Криминологические риски наркотрафика в структуре миграционной преступности России: правовые механизмы и превентивные стратегии

Сегодня противодействие наркотрафику приобретает особую актуальность в контексте глобализации преступности. Транснациональные сети интегрируются в миграционные потоки, создавая комплексные криминологические риски для национальной безопасности мира. В ходе федеральной операции «Нелегал-2025», направленной на профилактику и пресечение противоправных деяний в сфере миграции, выявлены около 128000 нарушений, а также

1 Тепляшин П.В. Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы : монография. М.: Юрлитинформ, 2026. С. 8.

возбуждены более 100 уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств[1]. Данная ситуация подтверждает важность криминологического анализа наркотрафика в структуре миграционной преступности, выступая практическим императивом для формирования эффективных мер противодействия. Однако законодательство и правовая доктрина недостаточно учитывают специфику данного феномена, что порождает пробелы в квалификации, ответственности и превентивных механизмах.

Криминологическая характеристика наркотрафика в миграционной среде предполагает выявление специфических черт, отличающих его от традиционных форм незаконного оборота наркотических средств. Миграционные потоки из стран Центральной Азии, где производство опиатов занимает значительное положение в региональной экономике наркопреступности, служат естественным каналом транспортировки героина, синтетических наркотиков и прекурсоров в Российскую Федерацию. Согласно данным Федеральной службы безопасности, в 2025 году было пресечено более 1,5 тысячи каналов поставок, организованных трудовыми мигрантами из Узбекистана (35,1 % выявленных каналов) и Таджикистана (20,9 %), что подтверждает системное участие миграции как фактора наркотрафика в транснациональных преступных сетях.

Согласимся с В.Е. Эминовым, который подчёркивает, что миграционно-наркотическая преступность характеризуется повышенной степенью организованности, выраженным трансграничным характером и активным использованием легальных структур занятости для прикрытия криминальной деятельности[2]. В современных реалиях такой подход осложняется социально-гуманитарными аспектами. Маргинализация трудовых мигрантов, отсутствие эффективных программ языковой подготовки, дискриминационные практики в сфере занятости и жилищного размещения существенно усиливают криминальные риски, создавая предпосылки для вовлечения мигрантов в наркосбытовую деятельность. К тому же психологические факторы в виде социальной изоляции, слабого контроля за местами пребывания и возможностью «быстрого» обогащения составляют многофакторные детерминанты таких преступлений.

Криминологические риски усугубляются рядом специфических обстоятельств. К их числу может относится: фиктивная регистрация мигрантов, нелегальная занятость в сфере торговли, строительства, такси и доставки, отсутствие постоянного адреса проживания. Все вышеперечисленное создает условия для образования закрытой субкультуры, устойчивой к традиционным методам превенции. К тому же доминирующий уголовно-правовой аспект должным образом не учитывает социализацию и реабилитацию, что провоцирует рецидивность около 30% среди ранее осужденных мигрантов[3]. Сложившаяся ситуация создает замкнутый цикл «переквалификации» оступившегося иностранного работника в наркопреступника. Более обоснованным представляется рассмотрение проблемы в контексте комплексной политики государства, которая включает не только правоохранительные, но и социальные,

1 Операция «Нелегал-2025»: официальные итоги и влияние на рынок труда // Портал Guest Workers. 31 декабря 2025 года. URL: https://www.guestworkers.ru/blog/operatsiya-nelegal-2025-ofitsialnye-itogi-i-vliyanie-na-rynok-truda/ (дата обращения: 03.02.2026).

2 Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.; В.Н. Кудрявцев. Причины преступности в России : криминологический анализ. М. : Норма, 2006.

3 Жиляев Р., Шамсунов С.Х. Возвращаясь к вопросу противодействия рецидивной преступности иностранных граждан // Человек: преступление и наказание. 2019. №. 3. С. 295-299.

образовательные и реабилитационные элементы.

Превентивные меры должны включать не только ужесточение контроля в виде биометрического учёта и системного мониторинга передвижения, но и социальные программы: языковая подготовка, профессиональное обучение, психологическое консультирование, доступ к здравоохранению и социальным услугам. Представляется, что отсутствие таких благ создаёт вакуум, который заполняется девиантными организациями, формирующими преступное поведение. Гуманитарный аспект проблемы должен получить большее внимание в правовой политике, поскольку исключительный акцент на репрессии без параллельных позитивных мер приводит к циклическому вовлечению прибывших мигрантов в преступность.

Заварыкин И.Н.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Некоторые проблемы противодействия продаже несовершеннолетним никотиносодержащей продукции и устройств для ее потребления

Здоровье, нормальное физическое, психическое, нравственное и интеллектуальное развитие несовершеннолетних являются объектами уголовно-правовой охраны государства. Общественная опасность посягательства на этот объект очевидна, так как Российской Федерации необходимо здоровое, способное к репродукции, работоспособное будущее взрослое поколение.

В последние годы обострилась проблема потребления никотина и никотинсодержащей продукции несовершеннолетними, которая усугубляется за счет активного распространения электронных устройств. Подростки проявляют повышенный интерес к данным гаджетам, рынок которых насыщен предложениями на любой вкус и достаток. Легкая доступность девайсов, включая одноразовые и многоразовые варианты в разных ценовых категориях, способствует их популярности.

Использование вейпов, электронных сигарет и иных устройств для потребления никотинсодержащей продукции приводит к ожогам, хроническим заболеваниям дыхательной, эндокринной, пищеварительной, сердечно-сосудистой и выделительной систем, иммунитета и даже к летальному исходу (примеры острых отравлений детей от вдыхания паров вейпов имели широкий общественный резонанс и обсуждались в средствах массовой информации).

Статья 20 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» установлен запрет на реализацию (продажу) несовершеннолетним, а также самими несовершеннолетними, табачных и никотинсодержащих изделий, кальянов и устройств для потребления никотинсодержащей продукции. Кроме того, запрещаются любые действия, направленные на вовлечение детей в процесс потребления табака или использования никотинсодержащей продукции. К таким действиям относятся: приобретение для них или передача им товаров в виде табачных изделий или никотинсодержащей продукции, кальянов и устройств для потребления никотинсо-

держащей продукции, а также предложение или требование к их употреблению в любой форме и любым способом.

Если у продавца, непосредственно осуществляющего отпуск табачной или никотинсодержащей продукции, кальянов и сопутствующих устройств, возникают сомнения относительно возраста покупателя, продавец обязан затребовать у последнего документ, подтверждающий его личность и устанавливающий его возраст. В ситуации, когда совершеннолетний возраст вызывает сомнения, а подтверждающий его документ отсутствует, продавец обязан отказать покупателю.

За нарушения этих требований в российском законодательстве предусмотрена административная ответственность (ст. 6.23, ч. 3 ст. 14.53 КоАП РФ). А за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции в декабре 2024 г. введена уголовная ответственность (ст. 151.1 УК РФ).

Несмотря на расширение перечня альтернативных действий диспозиции рассматриваемой статьи УК РФ, количество зарегистрированных преступлений в 2024 г. резко сократилось на 32,3% (614 преступлений были зарегистрированы в 2023 г., 416 – в 2024 г.), а количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности, снизилось на 22,3% (543 лица в 2023 г., 422 – в 2024 г.).

Следует сказать, что с 2020 г. по 2024 г. продажи вейпов, электронных сигарет и иных устройств для потребления никотинсодержащей продукции в России выросли почти в 9 раз – с 28 млн до 245 млн штук. Об этом свидетельствует исследование, проведенное мониторинговой компанией BusinesStat. По данным Росстата, в 2025 г. число россиян, которые курят электронные устройства, увеличилось на 19,8% (852 тыс. человек) и составило 5300 тыс. человек[1].

За 2025 г. количество отравлений несовершеннолетних жидкостями для вейпов и вейпами по сравнению с 2024 г. в России увеличилось в 3,4 раза[2].

Проблема «теневой» реализации никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления подросткам остается достаточно актуальной. Выявлением административных правонарушений в рассматриваемой сфере занимается Роспотребнадзор, подразделения организации применения административного законодательства и подразделения по делам несовершеннолтних органов внутренних дел (как правило, в рамках рейдовых мероприятий). Несовершеннолетним же никотинсодержащую продукцию зачастую продают нелегально вне официальных магазинов. Оперативные подразделения МВД России, к сожалению, не заинтересованы в показателях раскрытия административных правонарушений, а привлечь к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 151.1 УК РФ, достаточно сложно из-за особенностей доказывания неоднократности действий и наличия административной преюдиции.

Выявление рассматриваемых преступлений, как правило, происходит в основном по фактам острых отравлений детей. А высокая латентность и распространенность незаконного оборота никотинсодержащей продукции и устройств для ее потребления очевидны.

1 За 2020-2024 гг продажи вейпов и электронных сигарет в России (включая системы нагревания табака) увеличились почти в 9 раз: с 28 до 245 млн шт. // Информационное агенство «РБК» (новость от 27 июня 2025 г.). URL: https://marketing.rbc.ru/articles/15858/ (дата обращения: 15.01.2026).

2 В петербургском парламенте готовятся к получению прав на регулирование продажи вейпов // ИД «Коммерсантъ» (новость от 26 января 2026 г.). URL: https://www.kommersant.ru/doc/8378462 (дата обращения: 15.01.2026).

Как отмечает З.Л. Шхагапсоев, привлечение виновных лиц к административной ответственности далеко не всегда полностью пресекает их противоправное функционирование, и достаточно часто они все также продолжают нарушение соответствующих ограничений и запретов. Экономический эффект от реализации никотинсодержащей продукции в данном контексте значительно превышает опасение негативных правовых последствий[1].

Необходимо также отметить, что повышенную общественную опасность представляет реализация так называемых «конструкторов», в которых отдельно сбываются безникотиновая ароматизированная и никотинсодержащая жидкости. При их смешивании пропорции могут не соблюдаться, что может повлечь негативные последствия для здоровья, в том числе употребившего их детского организма.

Решением вышеуказанных проблем может стать усиление совместной работы оперативных подразделений, подразделений организации применения административного законодательства и подразделений по делам несовершенноелтних органов внутренних дел по выявлению, пресечению, документированию правонарушений и привлечению к соответствующей ответственности лиц, продающих несовершеннолетним никотинсодержащую продукцию и устройства для ее потребления. Для этого следовало бы обозначить такую деятельность приоритетной и внести ее в показатели оценивания работы этих подразделений.

Противодействие розничной продаже никотинсодержащей продукции несовершеннолетним как механизм в системе мер, направленных на защиту их здоровья, нормального физического, психического и нравственного развития, требует дальнейшего научного осмысления и совершенствования.

Маркотенко В.Н.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Объективные и субъективные критерии общественной опасности групповых наркопреступлений

К групповым наркопреступлениям в узком, уголовно-правовом смысле, относятся преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, совершенные в соучастии. Повышенная общественная опасность групповых наркопреступлений выступает материальным признаком (сущностью), отличающим его от единолично совершенных уголовно-правовых деликтов в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Общественная опасность групповых наркопреступлений имеет двойственную природу. С одной стороны, она обладает объективным содержанием, так как вред причиняется реальным общественным отношениям. С другой – ее оценка в правотворчестве и правоприменении в значительной мере опосредована субъективным восприятием общества, законодателя и судьи, что порождает дискуссии о балансе формальных критериев и судейского усмотрения.

1 Шхагапсоев З.Л. Актуальные вопросы борьбы с розничной продажей несовершеннолетним табачной продукции и устройств для потребления никотинсодержащей продукции // Право: история и современность. 2025. Т. 9. № 2. С. 258-266.

Объективные признаки общественной опасности групповых наркопреступлений характеризуются через две взаимосвязанные составляющие: характер и степень.

Характер общественной опасности групповых наркопреступлений – это типовое, качественное свойство вредоносности данной категории преступлений. Он определяет специфику опасности и проявляется в первую очередь в значимости объекта, предмета, способа посягательства и опосредованных последствий.

Наркопреступления посягают на общественные отношения, охраняющие здоровье населения и, как верно подметил Н.Г. Иванов, жизнь, здоровье, достоинство, имущество являются абсолютными ценностями и подлежат приоритетной защите[1]. Таким образом, само посягательство на указанный объект уголовно-правовой охраны представляет повышенную общественную опасность. Вместе с тем групповые преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств в своей совокупности, в отличие от единолично совершенных деяний, воздействуя на особый предмет (наркотические средства), посягают не только на сферу общественных отношений, охраняющих здоровье населения, но и потенциально оказывают негативное влияние на социальное, экономическое, духовное, культурное и нравственное состояние страны[2], являются причиной совершения иных преступлений и правонарушений, а также создают реальную угрозу стабильности правительств большинства стран и вообще всей системе глобального управления[3].

Повышение характера общественной опасности групповых наркопреступлений меняется в зависимости от наличия предварительного сговора и формы совместной преступной деятельности. Данные обстоятельства обусловлены тем, что усиление устойчивости преступной группы повышает результативность группового преступления через возрастающее разделение функций и согласование усилий совместно действующих лиц, а также повышает прецедентность групповых преступлений через усиление стойкости преступных устремлений указанных лиц[4]. Сказанное подтверждается сведениями официального сайта Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», согласно которому в 2025 г. зарегистрированы 217 770 наркопреступлений (182 086 – 2024 г., 179 834 – 2023 г., 165 657 – 2022 г.), из которых 68 502 совершены в соучастии (группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом) (45 962 – 2024 г., 41 868 – 2023 г., 26 896 – 2022 г.). Анализ приговоров судов общей юрисдикции, размещенных на официальном интернет-ресурсе Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт), позволяет констатировать, что в основной массе к уголовной ответственности привлекаются рядовые исполнители сбыта наркотических средств (закладчики), большинство из которых представляют подростки и молодежь, которые зачастую использовались организаторами незаконного оборота наркотиков в своих преступных целях.

1 Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 35.

2 Чуб И.С. Наркопреступность в современной России: современное состояние, тенденции развития и региональные особенности детерминации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 201.

3 Наумов А.О. Наркоугроза как вызов для системы глобального управления в начале XXI века // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. № 4.

4 Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 117.

Таким образом, официальная статистика и судебные акты подтверждают, что устойчивые преступные группы на территории нашей страны благодаря согласованным действиям и распределениям функций увеличили рост совершения тяжких и особо тяжких преступлений связанных со сбытом наркотических средств.

Степень общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных групповым способом – это количественная мера вредоносности этих деяний, обусловлена глубиной этих последствий, а также степенью прецедентности самого преступления, влекущего такие последствия[1]. Применительно к групповым наркопреступлениям она отражает, насколько опаснее вред, причиненный одним из соучастников преступления, вреда, причиненного другим соучастником. Очевидно, что степень вреда пособника менее значительна, чем степень вреда исполнителя. Кроме того, степень общественной опасности группового наркопреступления определяется степенью опасности самого соучастника, обуславливаемая мотивами, целями, наличием судимости, осознанием своей вины. Оценка степени общественной опасности групповых наркопреступлений более конкретна и индивидуальна.

Увеличение вредоносности происходит также от вида и размера самого наркотического средства. Наркотические средства, являясь предметом данного вида преступлений, представляют максимальную угрозу для общества[2] и являются тем самым вредным результатом, который характеризует степень общественной опасности наркопреступления[3]. Размер незаконного оборота наркотических средств, используемого преступными группировками, значительно возрастает, что обуславливается необходимостью поддержания нелегального предложения на «черном рынке» и обеспечением стабильности деятельности преступной группы.

Если характер опасности в большей мере задан законодателем, то точная оценка степени опасности конкретного деяния ложится на суд. Этот процесс не может быть полностью формализован, что порождает субъективную составляющую оценки. Закон прямо предписывает учитывать личность виновного при назначении наказания (ст. 60 УК РФ), однако вопрос о том, входит ли это в оценку общественной опасности самого деяния или является самостоятельным критерием, остается открытым. Позитивное посткриминальное поведение (явка с повинной, активное способствование раскрытию, заглаживание вреда) обычно признается смягчающим обстоятельством, что ведет к субъективному и произвольному правоприменению.

Оценка общественной опасности – не абстрактная задача, а основа для ключевых правовых решений.

1. Криминализации и декриминализация деяний. Законодатель, вводя или исключая уголовный запрет, делает вывод о наличии или утрате общественной опасности определенного вида поведения. Например, в связи с возросшей опасностью наркотизма с 1 сентября 2025 года установлена уголовная ответственность за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков.

1 Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Указ. соч. С. 117.

2 Мальков С.М. К вопросу о содержании общественной опасности наркопреступления и наркопреступности // Преступление: сущность и содержание : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора А.И. Марцева. Омск, 28 февраля 2025 года. Омск : Омская академия МВД РФ, 2025. С. 130.

3 Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. № 2. С. 190.

2. Квалификация преступлений и дифференциация ответственности. Установление характера опасности позволяет отнести деяние к той или иной статье уголовного законодательства, а степень опасности влияет на выбор санкции.

3. Индивидуализация наказания. Характер и степень общественной опасности преступления названы в УК РФ первым критерием для избрания вида и размера наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Именно здесь наиболее ярко проявляется необходимость судейского усмотрения, которое должно быть основано на совокупности всех объективных и субъективных обстоятельств дела. Что порождает проблему единообразия судебной практики, когда схожие обстоятельства по-разному оцениваются разными судами.

4. Разграничение преступлений и иных правонарушений. Анализ степени общественной опасности является ключевым для отграничения уголовного преступления от административного правонарушения. Например, когда размер наркотического средства влияет на признание деяния преступным (ст. 228 УК РФ) или признания его правонарушением (ст. 6.8 КоАП РФ).

Таким образом, общественная опасность преступления представляет собой сложную, многомерную категорию. Ее объективные критерии (характер и степень) создают общую, формализованную шкалу оценки. Однако окончательная юридическая квалификация и индивидуализация наказания невозможны без субъективной оценки судом всей совокупности обстоятельств дела, включая данные о личности виновного и его поведении.

Основной вызов для правовой системы заключается в поиске баланса. С одной стороны, необходимо обеспечить правовые гарантии и единообразие судебной практики, с другой – сохранить за судом дискреционные полномочия, без которых невозможно достижение индивидуальной справедливости приговора.

Горелик А.В.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)
Евтушенко А.А.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Криминологический взгляд на проблему противодействия уголовно-противоправным деяниям, совершенным медицинскими работниками в связи с оказанием некачественной медицинской помощи или услуг

На фоне очевидных проблем, имеющихся в сфере здравоохранения, проявляющихся в дефиците кадров, недостаточно высоком профессиональном уровне медицинских работников первичного звена, неукомплектованности медицинских учреждений необходимым медицинским оборудованием, недостаточности обеспечения населения высокотехнологичной медицинской и лекарственной помощью[1], а также существующих коррупционных проявлений в виде вымогательства денежных средств у пациентов и их родственников, напри-

1 О проблемах реализации конституционных прав и свобод граждан на территории Красноярского края в 2020 году : доклад Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае. Красноярск, 2021. 192 с.

мер за «качественно» проведенную операцию, возникают вопросы, связанные с обоснованными опасениями за сохранение своего здоровья и жизни в условиях медицинского стационара.

Например, как не стать жертвой так называемой врачебной ошибки, от которой никто не застрахован, ведь «любое медицинское вмешательство подразумевает не только наступление каких-либо последствий для пациента «по неосторожности», но и в определенном смысле «умышленное» причинение вреда здоровью пациента»[1], как себя вести в случае предложения застрахованному лицу «денежно поощрить» медицинский персонал за медицинскую помощь, объем и условия которой установлены программами обязательного медицинского страхования. Или когда законный представитель пациента узнает от младшего медицинского персонала о том, что заведующего реанимационным отделением неформально зовут, например, «Князь», что само по себе уже наводит на определенные рассуждения?

Сегодня, как и 20 лет назад, продолжают оставаться актуальными вопросы борьбы с уголовно-противоправными деяниями медицинских работников[2], в том числе в условиях все более агрессивной медицины[3].

Анализ научной литературы[4], информационно-аналитических материалов, касающихся проблем реализации конституционных прав и свобод граждан[5], собственные эмпирические наблюдения свидетельствуют о наличии определенных сложностей в противодействии и профилактике преступлений, совершаемых медицинскими работниками, так называемым ятрогенным преступлением.

Во многом в силу того, что в России отсутствует официальная статистика дефектов оказания медицинской помощи, в том числе повлекших осложнения и смерть пациента, выявление преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 и ст. 124, ст. 124.1 УК РФ, очень затруднительно. Так, по данным отдельных исследователей, «указанные деяния в 90% латентны»[6] и дополнительно осложнены рядом факторов, осложняющих сбор доказательств.

По данным У.В. Грязевой, с 2020 года фиксируется все больше случаев, когда обнаруженные дефекты (ошибки), связанные с оказанием медицинской помощи, в том числе неправильные или несвоевременные диагнозы и ошибки в ходе операций, повлекшие смерть пациента либо причинение тяжкого вреда его здоровью, квалифицируются не по

1 Стукалин В.Б., Васильев И.В. К вопросу о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научной конференции (16-17 февраля 2006 г.) : в 2 ч. / Сибирский юридический институт МВД России; отв. ред. С.Д. Назаров. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2006. Ч. 1. С. 156.

2 Там же.

3 Винокурова, М.А. Виктимность в сфере неосторожных профессиональных медицинских преступлений (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ) // Виктимология. 2015. № 2 (4), стр. 51-54.

4 Лапша В.Л. Уголовно-правовая оценка действий лиц медицинской сферы: история и современность // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV международной научно-практической конференции (8-9 апреля 2021 г.): в 2 ч. / отв. ред. Д.В. Ким. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021.Ч. 2. С. 174.

5 О проблемах реализации конституционных прав и свобод граждан на территории Красноярского края в 2009 году : доклад Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае. Красноярск, 2010. С. 67.

6 Стукалин В.Б., Васильев И.В. Указ. соч. С. 158.

ч. 2 ст. 109 или ч. 2 ст. 118 УК РФ, а по ст. 238 УК РФ[1].

Наблюдаемые тенденции в следственной практике обусловлены тем, что «современная ситуация, связанная с уголовным преследованием медицинских работников, весьма усложнилась»[2], в том числе и во временном аспекте, так как в большинстве случаев наблюдается чрезмерная длительность проведения судебно-медицинских экспертиз, зачастую влекущей истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности, так как ст. 109 и 118 УК РФ отнесены к преступлениям небольшой тяжести.

Заключения судебно-медицинских экспертиз во многом имеют решающее значение для установления причинно-следственной связи между деянием конкретного врача и наступившими последствиями в виде смерти.

Судебное толкование такого признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, как наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) и наступившими последствиями выражено в правовой позиции Верховного Суда РФ, который указывает на запрет привлечения к уголовной ответственности, если нет правовой нормы (правила), регламентирующей поведение лица в профессиональной сфере[3].

Вместе с тем следует поддержать мнение Е.О. Данилова, который утверждает, что «нормативные документы, официально регламентирующие процесс организации и оказания медицинской помощи, в массе своей весьма далеки от совершенства»[4] и поэтому сегодня в правоприменительной практике решение вопросов о противоправном характере тех или иных медицинских действий не должно ограничиваться определением их соответствия лишь требованиям нормативных актов. Для установления признаков противоправности конкретных медицинских вмешательств могут использоваться также обычаи медицинской практики, закрепленные в письменной форме (специальная литература, документы медицинских организаций) либо в традициях медицины, не имеющих документального закрепления[5].

Кроме того, поскольку пациент или его родственники объективно не всегда могут оценить качество медицинской услуги, ее соответствие существующим стандартам и клиническим рекомендациям по оказанию медицинской помощи, которые предусматривают определенную частоту предоставления конкретного мероприятия (лечебного или диагностического) по причине отсутствия медицинского образования, то «как правило, они не обращаются с заявлением в правоохранительные органы, тем самым при наличии оснований исключается повод к возбуждению уголовного дела»[6].

В случае же подачи заявления о преступлении, совершенном медицинскими работниками, заявители, к сожалению, могут столкнуться с непринятием «надлежащих мер по каждому сигналу о преступлении»[7], что существенно на-

1 Грязева У.В. Ятрогенные преступления: спорные вопросы ответственности // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/yatrogennye-prestupleniya-spornye-voprosy-otvetstvennosti/?ysclid=mkw46jmmpq611375691 (дата обращения: 10.10.2025).

2 Лапша В.Л. Указ. соч. С. 175.

3 Определение Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 13-УД15-1.

4 Данилов Е.О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 123-138.

5 Данилов Е.О. Медицинская деятельность как объект правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 134.

6 Стукалин В.Б., Васильев И.В. Указ. соч. С. 157.

7 Химичева Г.П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 23.

рушает права граждан, ограничивает их доступ к правосудию, ущемляет интересы общества и может свидетельствовать о наличии явного нежелания, например, со стороны должностных лиц территориальных подразделений СК РФ разбираться в сложностях ятрогенного преступления и привлекать к уголовной ответственности соответствующих лиц, что, в свою очередь, подрывает авторитет государства, а также органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Например, отсутствие анализа доводов заявителя в полученных ответах, присвоение поданному заявлению о преступлении не номера КРСП (книга регистрации сообщений о преступлении) следственного отдела, а в нарушение норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации номера обращения, без проведения процессуальной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, затягивание рассмотрения ходатайства о назначении и проведении повторной судебно-медицинской экспертизы или судебно-медицинской экспертизы дефектов медицинской помощи в другом регионе (субъекте федерации) или в Судебно-экспертном центре СК РФ и т.д.

Исходя из анализа конфликтных ситуаций, возникающих при оказании медицинской помощи, в целях снижения рисков стать жертвой преступления, мы можем рекомендовать разработку и принятие стандартов организации качества услуг, связанных с медицинской помощью, в том числе организацию видеонаблюдения в одиночных палатах, привлечение представителей страховых организаций к разрешению возникающих конфликтов, размещение информационных материалов, которые, помимо контактов контрольных (надзорных) ведомств и служб, также предусматривали возможность общения с медицинскими работниками любого уровня с помощью использования средств видео- или аудиозаписи, что в определенной мере будет являться обеспечительной мерой безопасности по отношению к объекту охраны (жизни и здоровья граждан РФ).

Высоцкая Н.В.

Юридический институт Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Актуальные вопросы правового регулирования профилактики правонарушений несовершеннолетних

Современный мир претерпевает значительные изменения, которые несут в себе как позитивные начала, так и создают ряд угроз в политической, экономической, социальной сферах. В такие переломные исторические периоды семья часто оказывается в сложном положении, что приводит к ослаблению выполняемых ею функций, в том числе воспитательной, поэтому повышенное внимание государства уделяется поддержке института семьи.

Особо уязвимы в силу возраста несовершеннолетние члены семьи – дети. Забота о них является важной частью политики современного российского государства. Так, 2018-2027 годы Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 объявлены Десятилетием детства. Развитие системы профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних – одна из основных задач в сфере профилактики преступлений,

совершаемых несовершеннолетними, обозначенных в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.

П.В. Тепляшин справедливо отмечает, что «исследование перспектив формирования концептуальных основ государственной политики по противодействию преступности несовершеннолетних не должно восприниматься только как данность юридической инноватике. Такое исследование необходимо оценивать как проявление авангардности криминологического анализа общественно опасных явлений и дополнительный повод для развития отечественной правоохранительной практики»[1].

Российское законодательство, регулирующее различные аспекты защиты прав детей, профилактики правонарушений несовершеннолетних, весьма обширно, начало формироваться еще в начале 1990-х гг. – сначала на уровне подзаконных нормативных правовых актов. 1 июня 1992 г. был принят Указ Президента РФ № 543 «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы»; 6 сентября 1993 г. – Указ Президента РФ № 133 «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» от № 133.

Затем правовое регулирование стало осуществляться на уровне федеральных законов. В 24 июля 1998 г. принят Федеральный закон № 124- ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об основных гарантиях прав ребенка), обязывающий органы власти всех уровней содействовать ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов и закрепляющий понятие «дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации», к которым отнесены по смыслу и дети, совершившие правонарушения. Данный закон провозгласил тезис об обязательности обеспечения приоритета личного и социального благополучия таких детей, специализации правоприменительных процедур (действий) с участием ребенка или в его интересах, учет особенностей возраста и социального положения ребенка, что в последующем сыграло важную роль при формировании системы защиты детства в целом.

Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ) установил принципы и задачи деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, перечень органов и учреждений, образующих систему профилактики, закрепил дефиниции таких понятий как «индивидуальная профилактическая работа», «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», но в отличие от Федерального закона об основных гарантиях прав ребёнка, не упоминающий понятие «несовершеннолетний, находящийся в трудной жизненной ситуации», а вводя новый термин – «несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении», и устанавливая категории «несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа».

Уже более четверти века Федеральный закон № 120-ФЗ является основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Положения этого законодательного акта отражают политические, экономические, социальные реалии того време-

1 Тепляшин П.В. Концепция государственной политики Российской Федерации по противодействию преступности несовершеннолетних: методологические основы и обуславливающие факторы // На страже закона. 2025. № 3(11). С. 29.

ни, когда он был принят, но очевидно, что условия жизни и уровень развития общества и государства за этот период претерпели существенные изменения. Принятый спустя семнадцать лет, 23 июня 2016 г., Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ (далее – Федеральный закон № 182-ФЗ) содержательно весьма отличается от Федерального закона № 120-ФЗ.

Так, Федеральный закон № 182-ФЗ, закрепляя основы общей и индивидуальной профилактики правонарушений, иначе, чем Федеральный закон № 120-ФЗ, трактует понятие «профилактика правонарушений», в частности, включая в него «оказание воспитательного воздействия». Иным образом определяет формы профилактического воздействия (Федеральный закон № 120-ФЗ их прямо не называет), принципы, задачи и основные направления деятельности по профилактике правонарушений.

И, наконец, Федеральный закон № 182-ФЗ, относя к субъектам профилактики правонарушений федеральные, региональные органы власти и местного самоуправления, а также органы прокуратуры и следственные органы Следственного комитета РФ, как видим, не включает в числе субъектов комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, тогда как в соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ эти комиссии создаются в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, и выполнения ряда других важных функций по защите детей.

Очевидно, что необходимость изменений правовой регламентации профилактики правонарушений несовершеннолетних давно назрела. 25 сентября 2019 г. Правительственной комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав принято решение о совершенствовании действующего законодательства, регламентирующего профилактику правонарушений несовершеннолетних, и разработке концепции нового закона, который должен заменить Федеральный закон № 120-ФЗ. Созданная Министерством просвещение Российской Федерации в марте 2021 г. рабочая группа должна была разработать проект нового закона, однако соответствующий законопроект в Государственную Думу РФ так и не был внесен.

Потребность глубокого реформирования законодательства, регламентирующего деятельность по профилактике правонарушений, давно назрела. Необходимо провести систематизацию существующего нормативного материала и разработать принципиально новые законодательные положения, основанные на достижениях науки и практики, с учетом стоящих перед обществом и государством задач в сфере защиты детства и профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Цуран В.Д.
средняя общеобразовательная школа № 9 (г. Черногорск)

Баринова С.Г.,
кандидат философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Профилактика агрессивного поведения подростков в образовательной среде

Проблема агрессивного поведения подростков в образовательной среде приобретает все большую актуальность в связи с социально-психологическими изменениями в обществе. Трансформация ценностей, информационное воздействие, изменение межличностных отношений и семейного воспитания создают предпосылки для роста агрессивности среди подростков. Подходы к работе с агрессивным поведением, основанные на репрессивных мерах, оказываются неэффективными. Следовательно, необходима разработка обоснованной системы профилактики, основанной на создании специальных психолого-педагогических условий, способствующих конструктивному разрешению возрастных кризисов и формированию социально приемлемых способов выражения эмоций и потребностей. Агрессивное поведение подростков негативно влияет на образовательный процесс, психологический климат в школе и социализацию обучающихся.

Агрессия представляет собой сложное многоуровневое явление, которое может рассматриваться как с позиций биологических детерминант, так и в контексте социально-психологических факторов. В широком смысле агрессия определяется как любое поведение, направленное на причинение вреда другому живому существу, которое мотивировано желанием избежать такого обращения. Важно различать агрессивное поведение как внешнее проявление и агрессивность как устойчивую личностную характеристику. Современные теоретические подходы к объяснению природы агрессии включают биологический, психоаналитический, социально-психологический, когнитивный и системный подходы.

Подростковый возраст характеризуется особой спецификой проявления агрессивного поведения, обусловленной возрастными особенностями физического, психологического и социального развития. Физиологические изменения, связанные с половым созреванием, оказывают значительное влияние на эмоциональную сферу и поведение. Психологические особенности подросткового возраста также способствуют проявлению агрессивного поведения, включая формирование личностной идентичности, стремление к независимости и самоутверждению. Социальные факторы связаны с изменением характера взаимоотношений с различными социальными группами, где группа сверстников становится основным источником социального признания и поддержки. Также данный возрастной период связан с вопросами будущего профессионального выбора[1].

Факторы детерминации агрессивного поведения подростков могут быть классифицированы по различным ос-

1 Koreneva V.V., Lutoshkina V.N. Career Guidance for Children in Difficult Life Situations // II International Scientific Forum on Sustainable Development and Innovation (WFSDI 2023) : Conference Proceedings, Porto, Portugal, 27-28 апреля 2023 года. Ekaterinburg: Institute of Digital Economics and Law LLC, 2024. P. 1690.

нованиям и уровням: макросоциальные, мезосоциальные, микросоциальные. В этом же контексте все большую актуальность приобретают особенности развития и функционирования цифровой среды[1]. Важно помнить, что «конфликты самоопределения могут быть как нормативными, обусловленными общими законами социализации подростка в социальной действительности, так и поколенческими, характерными для развития современных подростков»[2]. Например, семейные факторы играют фундаментальную роль в детерминации, включая стиль семейного воспитания, характер внутрисемейных отношений и модели поведения родителей. Школьные факторы включают организационную культуру школы, качество взаимоотношений между педагогами и обучающимися, академические факторы и систему оценивания. Существенным в этом процессе выступает именно деятельностный подход, поскольку «ценностные установки каждой личности определяют как ее мышление, так и деятельность»[3]. Механизмы детерминации агрессивного поведения включают механизм социального научения, фрустрации-агрессии, когнитивные механизмы и эмоциональные механизмы.

Разработка эффективной системы профилактики агрессивного поведения требует глубокого концептуального обоснования психолого-педагогических условий, которые должны составить основу такой системы. При этом психолого-педагогические условия включают совокупность внешних и внутренних факторов, способствующих предупреждению, снижению или устранению агрессивных проявлений у подростков в образовательной среде.

Основные психолого-педагогические условия связаны прежде всего с созданием эмоционально-положительной образовательной среды. Это предполагает обеспечение благоприятного психологического климата в школе и классе, формирование атмосферы доверия и уважения, снижение уровня стресса и тревожности у обучающихся. Другим важным условием выступает развитие социально-коммуникативных навыков обучающихся: обучение эффективным стратегиям общения, конструктивному разрешению конфликтов, развитию эмпатии и толерантности, формированию навыков саморегуляции и эмоционального контроля. Следующим условием является обеспечение психологического сопровождения образовательного процесса. Любой современной школе остро необходима организация систематической психологической помощи, причем проведение как индивидуальных, так и групповых консультаций, а также работа с семьями, организация тренингов и семинаров для педагогов. Отсюда вытекает последнее условие – повышение психолого-педагогической компетентности педагогов. Данная работа предполагает обучение педагогов современным методам работы с агрес-

1 Подр.: Кириллова Д.С., Баринова С.Г. Трансгуманизм как образ будущего человека // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : сборник материалов VI международной научной конференции. Москва, 22 апреля 2022 года. М. : Московский художественно-промышленный институт, 2022. С. 163-166.

2 Финогенова О.Н. Конфликты самоопределения подростков // Медиация в образовании: социокультурный контекст : материалы IV международной конференции. Красноярск, 14-15 октября 2022 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2022. С. 208.

3 Нагорный Н.Н., Нагорная Л.А. Об идейно-ценностном содержании дисциплины «Основы российской государственности» для обучающихся образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 3-4 апреля 2025 года. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. С. 68.

сивным поведением, развитие навыков эффективной коммуникации, формирование толерантного отношения к обучающимся, обучение приемам саморегуляции и профилактики профессионального выгорания, и, конечно же, всесторонняя помощь и поддержка со стороны профессионального сообщества и соответствующих служб.

Профилактика агрессивного поведения подростков в школе – это сложная и многоаспектная задача, требующая комплексного подхода. Создание психолого-педагогических условий, направленных на формирование эмоционально-положительной среды, развитие социально-коммуникативных навыков, обеспечение психологического сопровождения и повышение компетентности педагогов, является ключевым фактором успешной профилактики агрессии в школьной среде.

Климов В.Д.
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск)

Правовые основы сотрудничества органов внутренних дел юга Дальнего Востока России и Министерства общественной безопасности КНР в сфере противодействия транснациональной преступности: исторический аспект (1991-2011 гг.)

Постепенная взаимная интеграция экономических, культурных и человеческих контактов между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой после нормализации отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. имела дуалистический эффект. С одной стороны, она способствовала развитию приграничных регионов, с другой – создала благоприятную среду для активизации транснациональных организованных преступных групп. Юг Дальнего Востока России (Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная и Амурская области), обладающий протяженной границей с КНР, стал особенно уязвим для такого вида угроз, как незаконный оборот наркотиков, контрабанда (включая лес и биоресурсы), траффикинг, незаконная миграция и различного вида экономические преступления. Ответом на эти вызовы стало формирование системы сотрудничества правоохранителей, основанной на многоуровневой правовой базе. Период 1991-2011 гг. охватывает этап от первых контактов до создания устойчивых институциональных механизмов взаимодействия.

Распад СССР и становление новой России совпали с необходимостью выстраивания правоохранительного диалога с Китаем с «чистого листа». Изначально взаимодействие носило эпизодический и во многом экспериментальный характер.

Ключевым документом, задавшим общую картину сотрудничества, стало Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения законности и правопорядка от 29 июня 1992 г.[1] Этот договор закрепил базовые принципы взаимодействия, включая обмен информацией, выполнение запросов о проведении

1 Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам : заключен в г. Пекине 19.06.1992. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901090 (дата обращения: 28.01.2026).

оперативно-розыскных мероприятий и оказание правовой помощи по уголовным делам.

Важную роль сыграло Соглашение между МВД России и МОБ КНР о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 18 декабря 1992 г.[1] Так, 17-19 декабря 1992 г. президент России Б.Н. Ельцин приехал в Пекин с официальным визитом. Это была первая встреча на высшем уровне между Китаем и Россией. Первый визит главы РФ в КНР был непростым. Известный синолог С.Н. Гончаров пишет: «в Пекине до самого последнего момента не были уверены, что такой визит состоится… китайские руководители, похоже, не очень удивились, когда 19 декабря 1992 г. российская сторона сообщила им о решении Б.Н. Ельцина прервать визит…»[2]. Тем не менее первый визит, хоть и в урезанном виде, состоялся. В целом он прошел успешно. В результате заключения договора было принято решение о делегировании непосредственно оперативной работы на уровень центральных аппаратов двух ведомств, что и определило основные направления противодействия (незаконный оборот оружия и наркотиков, организованная преступность, нелегальная миграция).

Для ОВД юга Дальнего Востока наибольшее практическое значение имели соглашения, заключенные напрямую между региональными управлениями МВД и управлениями общественной безопасности (УОБ) приграничных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь). Начиная с 1993 г. были подписаны десятки планов совместной работы между УВД Приморского и Хабаровского краев, Амурской области и их китайскими коллегами[3]. Эти документы, хотя и носили подзаконный характер, регулировали конкретные вопросы: организацию ежегодных рабочих встреч, создание прямых каналов связи и взаимодействия.

Вступление в новое тысячелетие ознаменовалось углублением сотрудничества и попыткой преодолеть фрагментарность раннего периода. На основании ранее подписанных соглашений были сформированы постоянно действующие российско-китайские рабочие группы по борьбе с терроризмом, наркопреступностью, транснациональной организованной преступностью. Их заседания стали площадкой для стратегического планирования.

Вступление в силу Договора о выдаче от 26 июня 1995 г.[4] и Договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 19 июня 1992 г. устранило ключевые процессуальные барьеры. Это позволило ОВД Дальнего Востока более эффективно осуществлять розыск и передачу скрывающихся преступников, а также получать доказательства, находящиеся на территории другой стороны.

К концу первого десятилетия XXI века сотрудничество приобрело черты зрелой системы, о чем говорит:

во-первых, встречи на уровне министров МВД России и МОБ КНР стали регулярными. В 2006 г. было подписано новое, более объемное Соглашение между МВД РФ и МОБ КНР о сотрудничестве, консолидировавшее накопленный опыт;

1 Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики : заключено в г. Пекине 18.12.1992. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902204 (дата обращения: 28.01.2026).

2 Лу Чуньюе, Дацышен В.Г. Россия и Китай в 1990-е годы: от «дружественных стран» через «конструктивное партнерство» к «стратегическому партнерству» // Современная научная мысль. 2019. № 1.

3 Правоохранительные органы Приморья и китайской провинции Хэйлунцзян подписали договор о сотрудничестве. // РИА Новости. 2003. 27 июня. URL: https://ria.ru/20030627/399592.html (дата обращения: 29.01.2026).

4 Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче : заключен в г. Москве 26.06.1995. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901091 (дата обращения: 29.01.2026).

во-вторых, помимо силовых операций по пресечению, все большее значение стало уделяться профилактической работе: обмену аналитическими данными о криминогенной обстановке, прогнозированию тенденций, проведению совместных профилактических кампаний среди населения приграничья;

в-третьих, к 2011 г. была отлажена система ежедневных контактов между оперативными дежурными пограничных территориальных органов. Стали практиковаться совместные патрулирования в ключевых пунктах и скоординированные одновременные задержания участников преступных групп по обе стороны границы.

Несмотря на прогресс, правовая база сотрудничества в 1991-2011 гг. сталкивалась с объективными трудностями:

1) уголовно-процессуальные законодательства России и Китая имели существенные различия в требованиях к сбору и оформлению доказательств, что осложняло их использование в судах другой страны;

2) проблемой оставалась ситуация, когда преступление готовилось на одной территории, а совершалось на другой, что создавало коллизии юрисдикций;

3) необходимость перевода всех процессуальных документов и многоступенчатость согласования запросов иногда замедляли проведение операций.

Период 1991-2011 гг. стал временем формирования целостной и многоуровневой правовой основы для сотрудничества ОВД юга Дальнего Востока России и МОБ КНР. Эволюция от локальных нормативных актов к системе стратегического партнерства позволила создать работающие механизмы противодействия транснациональной преступности. Договоры 1990-х гг. заложили фундамент, а практика приграничного взаимодействия 2000-х гг. наполнила его конкретным содержанием. К 2011 г. сотрудничество вышло на качественно новый уровень, характеризующийся регулярностью контактов, широким спектром решаемых задач и растущим взаимным доверием. Накопленный за эти два десятилетия правовой и оперативный опыт стал прочным базисом для последующего углубления взаимодействия в рамках новых вызовов и угроз преступности XXI века.

Далгалы Т.А.,
кандидат юридических наук
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) (г. Челябинск)

30-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: динамика изменений в контексте противодействия преступности

Принятие УК РФ в 1996 г. стало не формальной заменой устаревшего УК РСФСР 1960 г., но знаковой вехой, обозначающей переход к новой уголовной политике. Архитектура нового уголовного закона основывалась прежде всего на приоритете охраны прав и свобод личности, новой системе уголовных наказаний, декриминализации ряда малозначительных деяний и т.д.

Три десятилетия спустя, в 2026 г., текст УК РФ претерпел значительные изменения, которые отражают сложную, но системную уголовную политику в контексте противодействия преступности. Динамику всех изменений уголов-

ного закона за 30 лет можно оценить по следующим ключевым аспектам.

Прежде всего это оценка изменений в Общую и Особенную части УК РФ. Всего за весь период действия УК РФ Общая и Особенная части претерпели в общей сложности 272 редакции (по состоянию на 1 марта 2026 г.). Каждая редакция вносила изменения как в одну, так и в несколько статей сразу.

В 1990-е гг. изменения касались существенного расширения видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, введением моратория на применение смертной казни, введение института освобождения о уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим. Все это и многое другое свидетельствовало о тенденции экономии уголовно-правовой репрессии, устранения правовых коллизий и пробелов. Одновременно динамика изменений уголовного закона в этот период характеризовалась значительным расширением норм Особенной части, прежде всего это касалось преступлений в сфере экономической деятельности и противодействии организованной преступности.

Следующее десятилетие – с 2000 г. по 2010 г. – характеризовалось стремительным темпом криминализации деяний. Законодатель активно создавал дублирующие или очень похожие составы, где тонкие различия в единичных признаках стираются в правоприменительной практике, порождают проблемы квалификации. Например, группа статей за взяточничество (ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки», ст. 291.1. «Посредничество во взяточничестве», ст. 291.2 «Мелкое взяточничество»). Преступления террористического характера характеризуются также (ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», ст. 205.6 «Несообщение о преступлении»).

Одной из основных тенденций изменений текста УК РФ является ситуативное реагирование на новые социально-экономические условия и криминальные угрозы. Нередко высказывается мнение о том, что УК РФ все чаще используется как инструмент решения политических, экономических и других задач, а не как фундаментальная основа для долгосрочного противодействия преступности. Такая тенденция несет совершенно конкретные правоприменительные риски, а значит, снижает эффективность противодействия преступности.

Вместе с тем структура норм Особенной части за три десятилетия характеризуется активным введением примечаний к статьям, которые определяют термины (например, п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ определяет понятие хищение); размер причиненного ущерба (например, п. 2 примечания к ст. 198 определяет крупный размер суммы уклонения физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов); основания освобождения от уголовной ответственности (например, примечание к ст. 291 «Дача взятки» определяет, что лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки).

Заложенная Президентом РФ в послании Федеральному Собранию РФ[1] еще в 2002 г. гуманизация уголовного законодательства реализуется до сих пор и связана прежде всего с неотвратимостью наказания, а не с его чрезмерной суровостью. Так, применение наказаний, не связанных с лишением свободы, – там, где это обоснованно, – стало широкой судебной практикой. Гуманизация уголовного закона проявляется в повышении пределов определения крупного и особо крупного размеров, например в ст. 171.1 УК РФ крупный размер ранее составлял 2 миллиона рублей, особо крупный – 9 миллионов рублей, а с 17 апреля 2024 г. – 3,5 и 13,5 миллионов соответственно.

Еще одной тенденцией динамики изменений УК РФ является снижение возраста уголовной ответственности. При наличии устойчивой позиции о сохранении возраста привлечения к уголовной ответственности, законодатель тем не менее, все же снижает возраст с 16 до 14 лет по многим составам. Так, ч. 2 ст. 20 УК РФ, содержащая перечень составов, по которым уголовная ответственность наступает с 14 лет, за три десятилетия была расширена на 17 новых составов, включая диверсию (ст. 281), незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 223.1), акт международного терроризма (ст. 361), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208) и др. Следует обратить внимание, что в ч. 2 ст. 20 УК РФ по состоянию на 1 марта 2026 г. всего таких составов 38, то есть почти половина из них – это результат изменения уголовного закона.

Оценивая итоги тридцатилетней динамики изменения уголовного закона с точки зрения противодействия преступности, следует сделать вывод о беспрецедентном расширении уголовно-правовых инструментов противодействия преступности. Появляются все новые угрозы, например цифровая преступность, транснациональные угрозы и многое другое, что требует мгновенного реагирования законодателя и формулирования все новых признаков составов преступлений.

Бесспорно, такие процессы не лишены недостатков, исправление которых ложится не только на правоприменителя, но и на законодателя. Так, количество обращений, по которым Конституционный Суд РФ принял решения за период с 1 января 2014 г. по 29 октября 2025 г. составило 2212[2]. Всего же за три десятилетия Конституционный Суд РФ вынес 13 постановлений, в которых принял решение о несоответствии той или иной нормы УК РФ Конституции РФ.

Представляется, что динамика изменений УК РФ носит не только количественный, но и качественный характер, оценка эффективности в контексте противодействия преступности которого требует дальнейших глубоких исследований и разработки критериев такой эффективности. Перспективы развития уголовной политики будут зависеть от многих факторов, в том числе от способности реализовать уголовный закон как стабильный, предсказуемый и соразмерный инструмент защиты общества от наиболее опасных посягательств, основанный на научных исследованиях и данных правоприменительной и судебной практики.

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/events/president/-transcripts/21567 (дата обращения: 02.02.2026).

2 Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/CommonComplaintA.php (дата обращения: 02.02.2026)

Акиева Д.Ю.,
кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский университет МВД России

Понятие функций уголовного права в современной доктрине

В юридической науке формирование четких и содержательно выверенных понятий выступает одним из ключевых методологических условий исследования. Отсутствие такой категории затрудняет определение предмета научного поиска, снижает объяснительный потенциал теории и препятствует построению целостного представления об объекте. Правовые понятия выполняют ориентирующую и систематизирующую функции, обеспечивая последовательное освоение правовой реальности и отграничение смежных явлений.

Научные категории развиваются исторически: уточняются по мере накопления знания, обобщения правоприменительной практики и трансформации социальной и правовой действительности. Это обусловливает необходимость обновления понятийного аппарата отраслевых дисциплин и сохранения его соответствия реальным общественным процессам. В этой связи особую значимость приобретает методологическое прояснение базовых категорий, включая понятие «функция».

Анализ юридической доктрины показывает отсутствие единого понимания функций права как на общетеоретическом уровне, так и в рамках отраслевых наук, что порождает разнообразие, а иногда и противоположность научных позиций. Уголовное право, к сожалению, в данном аспекте также не является исключением.

Для уяснения содержания рассматриваемой категории представляется необходимым обращение к общенаучным основаниям её понимания. В философском смысле функция трактуется как определённое соотношение между двумя или несколькими объектами, при котором изменение одного элемента влечёт соответствующее изменение другого. В социологическом контексте функция определяется как роль, выполняемая социальным институтом или процессом по отношению к потребностям общества или отдельных социальных групп, что наглядно проявляется, в частности, при анализе функций государства, семьи, искусства и иных институтов[1]. В данном аспекте функция рассматривается как имманентное свойство любой системы, исследуемое с позиций системного подхода.

Вместе с тем проблематика правовых функций по-прежнему нуждается в углубленном методологическом осмыслении. Уже в ранних фундаментальных исследованиях указывалось на отсутствие единства подходов к определению понятия «функция права», что сохраняет актуальность и в настоящее время[2].

В учебных изданиях по общей теории государства и права функции права традиционно определяются как основные направления его воздействия на общественные отношения, обусловленные сущностью и социальным предназначением права на различных этапах исторического развития[3]. Через функции раскрываются сущностные характеристики и социальная природа права, обеспечивается реализация его предна-

1 Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев. М. : Сов. энцикл., 1983. С. 751.

2 Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л. : Ленингр. ун-т, 1965. С. 7-8.

3 Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учеб. / под ред. В.А. Кучинского. Минск, 2013. С. 150.

значения и решение задач, стоящих перед государством и правом.

Указанные общетеоретические положения получают дальнейшее развитие в уголовно-правовой доктрине. Проблематика функций уголовного права занимает в ней важное место, что обусловлено ее значением для понимания социальной роли и назначения данной отрасли. Анализ научных позиций свидетельствует о наличии различных, а порой и конкурирующих подходов к определению понятия функции уголовного права.

В рамках одного из подходов функции уголовного права связываются с категорией социальной роли. Так, А.И. Бойцов рассматривает функции уголовного права как роль, выполняемую им в качестве социального института в процессе удовлетворения общественных потребностей[1]. Аналогичную позицию занимает М.И. Ковалёв, определяющий функцию как роль, реализуемую самим правом, акцентируя внимание на его социальном предназначении[2].

Иной ракурс предложен С.Ю. Бытко, который, опираясь на философское понимание функции, подчеркивает ее значение как роли подсистемы в структуре более сложного целого, а также разграничивает явные и латентные функции, что позволяет глубже раскрыть многоаспектность воздействия уголовного права[3].

В рамках другого подхода функции уголовного права рассматриваются как направления его воздействия на общественные отношения и поведение субъектов. Так, А.Н. Попов определяет их как объективно существующие направления уголовно-правового воздействия, выявляемые посредством теоретического анализа функционирования отрасли в условиях государственно организованного общества[4]. Аналогичной позиции придерживается А.И. Коробеев, который связывает функции уголовного права с основными направлениями его воздействия на преступность, подчёркивая, что именно через функции наиболее ярко проявляется активная роль уголовного права и его социальное назначение[5].

В научных исследованиях также уделяется внимание регулятивному и управленческому аспекту функций уголовного права. В.Д. Филимонов рассматривает функции права как социальную роль, реализуемую в процессе организации и упорядочения общественных отношений, определяемую направленностью и методом правового регулирования[6]. Близкой по содержанию является позиция О.Н. Коваленко, акцентирующего внимание на том, что функция уголовного права выражает его сущность, место в системе государственного управления и основные направления воздействия норм уголовного права на общественные отношения[7].

Более системное определение предлагает С.Ю. Тимохин, рассматриваю-

1 Бойцов А.М. Глава 1. Общая характеристика уголовного права // Уголовное право России : учебник. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Изд. дом СПбГУ; Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 52-53.

2 Ковалев М.И. Советское уголовное право : курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск: Свердловский юридический ин-т, 1971. С. 23.

3 Бытко С.Ю. О явных и латентных функциях уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16). С. 39.

4 Уголовное право. Общая часть : учебное пособие в таблицах / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко [и др.]. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 8.

5 Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. С. 4.

6 Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 23.

7 Коваленко О.Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 14.

щий функции уголовного права как объективные, относительно устойчивые и специфические свойства отрасли, обусловленные её предметом и методом и обеспечивающие реализацию задач уголовного права. Такой подход позволяет рассматривать функции не только как внешние проявления воздействия, но и как внутренне присущие отрасли характеристики[1]. Социально-целевой аспект функций подчёркивается и С.В. Анощенковой, определяющей их как социальное назначение уголовного права, в котором объективируется его сущность, заключающаяся в обеспечении правопорядка в интересах всех членов общества посредством регулирования уголовно-правовых отношений[2].

Относительно обособленную позицию занимает А.Э. Жалинский, предлагающий рассматривать функции права в более широком политико-правовом контексте, связывая их с легитимацией и организацией властных отношений, управлением поведением и разрешением социальных конфликтов, что позволяет выйти за рамки узкоотраслевого понимания функций уголовного права[3].

Таким образом, в уголовно-правовой науке отсутствует единый, общепризнанный подход к определению понятия функции уголовного права. В доктрине прослеживаются множество направлений ее понимания: как социальной роли уголовного права, как направления его уголовно-правового воздействия, как регулятивного и управленческого механизма, а также как объективного свойства отрасли, обусловленного ее предметом и методом.

Обобщая представленные позиции, можно отметить, что понятие «функция уголовного права» трактуется многогранно – от социально-философского понимания роли права в обществе до отраслевого раскрытия направлений воздействия уголовного законодательства на преступность. При этом большинство определений опирается на два базовых подхода, сложившихся в теории государства и права: рассмотрение функции как социальной роли и как направления воздействия на общественные отношения. Уточнение соотношения указанных подходов и их отраслевой конкретизации сохраняет актуальность для развития уголовно-правовой теории и повышения методологической определенности научных исследований.

Кузнецова Д.А.

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

Интерпретация категории «общественная опасность»: исторический аспект

Общественная опасность – фундаментальная категория уголовно-правовой науки, ключевой индикатор разграничения противоправных форм поведения: преступления и административного правонарушения, гражданского деликта, аморального действия, но все же нейтрально-правового факта. Сложность и многогранность природы общественной опасности обуславлива-

1 Тимохин С.Ю. Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Дальневосточный гос. ун-т. Владивосток, 2002. С. 7.

2 Анощенкова С.В. К понятию функций уголовного права // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 135.

3 Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 180.

ет необходимость её исследования на междисциплинарном уровне, учитывая философский, экономический, социологический концепты с привязкой к актуальному историческому периоду. Несмотря на фундаментальность, понятие общественной опасности не лишено исторической динамики как в правопонимании, так и в правоприменении[1].

Актуальность исследования объясняется несколькими причинами:

во-первых, без знания истории понятия сложно понять современные дискуссии о его структуре и содержании: многие противоречия в доктрине восходят к разным этапам развития концепции;

во-вторых, эволюция категории напрямую повлияла на структуру уголовного закона: от неявного присутствия идеи в ранних кодификациях до закрепления в ч. 1 ст. 14 УК РФ как признака преступления;

в-третьих, исторический опыт помогает выделить устойчивые критерии оценки опасности и избежать ошибок при криминализации новых деяний (например, в цифровой сфере).

Проблема исследования состоит в том, что до настоящего времени полемизированы ключевые этапы эволюции рассматриваемого понятия, не определены факторы (социальные, политические, научные), влиявшие на трансформацию содержания. Не прослежена преемственность между дореволюционными, советскими и современными подходами. Слишком разрозненны исследования в области оценки общественной опасности от качественных описаний к формализованным критериям, что затрудняет теоретическое осмысление и правоприменительное толкование понятия.

Истоки концепции общественной опасности прослеживаются в трудах отечественного правоведа Н.С. Таганцева. В курсе «Русское уголовное право» он переосмыслил концепцию общественной опасности через призму объекта уголовно-правовой охраны. Для Н.С. Таганцева преступление, даже направленное на конкретное благо (жизнь, собственность), по своей природе всегда противостоит «господству права в государстве», то есть наносит ущерб системе общественных отношений. Такая трактовка придавала понятию универсальность: общественная опасность выступала как угроза правопорядку в целом[2].

В советский период категория «общественная опасность» приобрела статус обязательного признака преступления и последовательно закреплялась в ключевых нормативных актах. Уже в первых декретах периода становления советской власти (1917-1922 гг.) прослеживается ориентация на оценку деяния через призму вреда, причиненного новому строю, хотя терминологическая определенность отсутствовала.

Поворотным моментом стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., где впервые в ст. 6 преступление определялось как общественно опасное действие либо бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью[3]. Здесь общественная опасность фиксировалась через объект посягательства – «советский строй», что придавало категории классово-политическую окраску.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. развил эту идею: в ст. 46 преступления подразделялись на две группы: направленные против основ советского строя (признаваемые наиболее опасными) и

1 Подр.: Кузнецова Д.А. К вопросу о проблемах рассогласованности института общественной опасности с иными фундаментальными институтами уголовного права // Социальное управление. 2024. Т. 6. № 8. С. 332-341.

2 Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1902. 815 с.

3 Уголовный кодекс РСФСР : постановление ВЦИК от 01.01.1922. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 19.01.2026). Утратил силу.

все прочие[1]. Такая дифференциация подчеркивала иерархию охраняемых ценностей: приоритет отдавался защите политической системы. При этом законодатель избегал формализованных критериев оценки степени опасности, оставляя значительную свободу усмотрения правоприменителю.

Качественно новый этап связан с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и последовавшим за ними Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., в ст. 7 которого преступление определялось как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, социалистическую собственность, личность, права и свободы граждан и социалистический правопорядок»[2]. Здесь категория общественной опасности получила развернутое нормативное воплощение: она стала обязательным элементом легального определения преступления; ее содержание раскрывалось через перечень объектов уголовно-правовой охраны; связь с противоправностью приобрела двусторонний характер: деяние опасно, поскольку запрещено законом, но и запрещено, поскольку опасно.

В дальнейшем были детализированы критерии дифференциации опасности. Это свидетельствовало о попытках сбалансировать репрессивность права с принципом экономии мер принуждения.

Существенно, что доктринально общественная опасность трактовалась как объективное свойство деяния (Н.Ф. Кузнецова[3], А.А. Пионтковский[4]), не зависящее от его правовой фиксации, но становящееся признаком преступления лишь после криминализации. В.Н. Кудрявцев подчеркивал ее классовую природу: опасность выражала интересы господствующего строя и менялась вместе с ним[5].

К концу советского периода (1980-е – начало 1990-х гг.) дискуссия сместилась к поиску более четких критериев измерения опасности. А.И. Марцев настаивал на необходимости раскрывать понятие преступления через совокупность объективных и субъективных признаков, включая общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость[6].

Современные авторы (например, Е. С. Витовская) отмечают, что советский опыт заложил основы современной конструкции общественной опасности; подход к опасности как к комплексному признаку, сочетающему объект, последствия, способ и форму вины, восходит к доктрине 1960–1980-х гг.; идея дифференциации по степени опасности через категории преступлений развила советскую практику классификации по видам наказаний[7].

В настоящее время в доктрине нет единства относительно категории общественной опасности. Так, одни авторы[8]

1 Уголовный кодекс РСФСР : постановление ВЦИК от 22.11.1926 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. N 80. Ст. 600. Утратил силу.

2 Уголовный кодекс РСФСР : утвержден указом Президиума ВС РСФСР 27.10.1960 (ред.от 30.07.1996). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.01.2026).

3 Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: МГУ, 1969. 232 с.

4 Пионтковский А.А. Вопросы общей части уголовного права в практике судебно прокурорских органов. М.: Госюриздат, 1954. 132 с.

5 Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

6 Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права // Правоведение. 1990. № 5. С. 42.

7 Витовская Е.С. Уголовно правовая оценка общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 233 с.

8 Напр.: Филимонов В. Д. Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности // Вестник Томского государственного университета, 2018. № 30. С. 137-146. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева [и др.] // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 140.

видят в ней исключительно признак деяния, критерий отграничения преступлений от иных правонарушений. И.П. Семченков отрицает методологическую состоятельность такой трактовки[1]. Другие связывают опасность с личностью через свойства совершенного деяния и усматривают в нормах о преюдиции и ст. 210.1 УК РФ возрождение идеи социально опасного состояния личности[2].

Таким образом, мы видим, что в литературе ведутся активные дискуссии как о понятии и сущности общественной опасности, так и вообще о необходимости и целесообразности фиксации данного признака в тексте УК РФ. Мы не поддерживаем идею авторов, предлагающих исключить данный признак из текста УК РФ. На наш взгляд не следует торопиться архивировать понятие «общественная опасность», изучая ее лишь в контексте истории уголовного права. В любом случае, неизбежно возникнет необходимость поиска иного основания для определения качественной уникальности преступления, чтобы развезти объекты правовой охраны по отраслям. Полагаем, что новый звучный общетеоретический термин едва ли способен оптимизировать путь к цели уголовного законодательства.

Подводя общий итог, заметим, что современное понимание общественной опасности сочетает историческую преемственность и адаптацию. Доктрина сохраняет опору на классические критерии, такие как характер и степень, объект и последствия, но расширяет их за счет учета цифровых и системных угроз.

Цепелев К.В.,
кандидат юридических наук
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Влияние качества уголовного закона на противодействие преступности

Противодействие преступности является одной из основных задач уголовной политики государства, что имеет под собой конституционно-правовые основания. Так, в соответствии со ст. 45 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. На основании ст. 52 указанного нормативного правового акта права потерпевших от преступлений охраняются законом.

Инструментарий мер противодействия преступности в настоящее время достаточно обширен и представлен как кодифицированными актами, так и отдельными законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Одними из видов рассматриваемых мер являются уголовно-правовые.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в текущий момент по оценкам большинства специалистов в области уголовно-правовых наук находится в состоянии десистематизации, обусловленной многочисленными (счет уже идет на тысячи!) изменениями и дополнениями УК РФ, внесенными в уголовный закон практически за 30 лет его действия. Далеко не все изменения

1 Семченков И. П. Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 41.

2 Напр.: Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90.

являются криминологически обоснованными и необходимыми, что вызывает в профессиональном сообществе непрекращающиеся и порой достаточно острые дискуссии.

Не ставя перед собой цели обобщить и проанализировать все внесенные в УК РФ изменения, что представляется достаточно амбициозной задачей даже в рамках обширного монографического исследования, рассмотрим поднятую проблематику в рамках отдельных изменений, внесенных в уголовный закон в последние годы.

Эффективность противодействия преступности уголовно-правовыми средствами напрямую связана с таким понятием, как качество уголовного закона. В самом общем виде можно определить его как совокупность существенных свойств (характеристик) закона, позволяющих ему выступать в качестве особого регулятора общественных отношений, защищая законные права и интересы субъектов правоотношений, быть социально полезным и удовлетворять имеющиеся общественные потребности. При этом представляется возможным согласиться с мнением Н.В. Сплавской о том, что качество уголовного закона следует рассматривать как «его способность минимально необходимыми, социально-приемлемыми средствами обеспечивать приоритетную публично-правовую защиту наиболее значимых социальных ценностей, которые признаются и разделяются большинством общества»[1].

Потребности общества в сфере уголовно-правовых отношений связаны с ожидаемыми им результатами борьбы с преступностью, противодействие которой является одной из главных задач государства в области обеспечения общественной безопасности.

В этой связи интересными и показательными представляются опросы общественного мнения в сфере борьбы с преступностью. Так, по сведениям ВНИИ МВД России, на вопрос «Чувствуете ли Вы себя защищенным(-ой) от преступных посягательств на Вашу жизнь, здоровье, имущество и т.д.?» в период 2020-2024 гг. были получены утвердительные ответы от 51,1% (+5,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ)) опрошенных в 2020 г., 52,1% (+1,0 АППГ) – в 2021 г., 58,5% (+6,4 АППГ) – в 2022 г., 59,0% (+0,5 АППГ) – в 2023 г., 60,1% (+1,1 АППГ) – в 2024 г.[2]

Примечательно, что по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в период с июня 2024 г. по август 2025 г., в индексе страхов населения разгул преступности оценивается как маловероятный[3].

Приведенные результаты опросов общественного мнения вызывают некоторый оптимизм, однако не свидетельствуют об отсутствии проблем в сфере противодействия преступности. Так, несмотря на то что в результате изменений, внесенных в УК РФ с начала 2022 г., в нашей стране окончательно сформировалось военно-уголовное право как подотрасль уголовного права (совершенствованию подверглись не только нормы военно-уголовного законодательства, применяемые в мирное время, но и установлена ответственность за преступления против военной службы, совершаемые в военное время или в боевой обстановке), что позволяет более успешно решать проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления

1 Сплавская Н.В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства // Научно-практический журнал «Государство и право в XXI веке». № 1. 2017. С. 42.

2 О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2024 году // Официальный сайт МВД России. Режим доступа. URL: https://мвд.рф/publicopinion?ysclid=mg0kd8qel4743983916 (дата обращения: 16.01.2026).

3 Индекс страхов // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/ ratings/indeks-strakhov (дата обращения: 16.01.2026).

против военной службы, отдельные его элементы вызывают вопросы.

Так, в 2024 г. УК РФ был дополнен ст. 781 и 802, в которых предусмотрены новые основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания в связи с участием в специальной военной операции[1]. Первоначально положения указанных статей УК РФ применялись только по отношению к подозреваемым и обвиняемым на досудебной стадии производства по уголовному делу, а также к осужденным, которые отбывают наказание, в ходе исполнения приговора и последующего периода непогашенной судимости. Впоследствии Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 781 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» расширил сферу применения нового основания освобождения от уголовной ответственности и от наказания на стадию судебного производства в судах первой и апелляционной инстанций.

Вместе с тем небесспорными являются положения рассматриваемых норм, позволяющие освобождать лицо неоднократно в случае совершения им нескольких преступлений[2]. Негативным последствием этого может стать продолжение противоправной деятельности такими лицами.

Кроме того, в уголовном законе не имеется прямого запрета на освобождение от наказания по ст. 802 УК РФ пожизненно осужденных преступников. Думается, нет необходимости говорить, к чему это теоретически может привести.

Вызывает также вопросы перечень преступлений, совершение которых исключает возможность применения к лицу ст. 781 и 802 уголовного закона, причем как в плане наличия некоторых составов преступлений, так и в плане их отсутствия.

В качестве еще одного актуального направления совершенствования уголовного закона следует отметить изменения и дополнения, внесенные в УК РФ для повышения эффективности противодействия преступлениям с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Так, на противодействие неправомерной деятельности «дропперов» направлен Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации», позволивший привлекать к уголовной ответственности указанных лиц, которые предоставляют свои электронные средства платежа для совершения преступлений, в том числе кибермошенничества. Ранее такие лица оставались практически безнаказанными.

В последнее время масштабные корректировки внесены в главу 28 УК РФ. Например, в 2024 г. законодателем были приняты дополнительные меры по защите персональных данных. Изменения внесены в ст. 137 и 272 УК РФ, уголовный закон дополнен ст. 2721, в которой предусмотрена ответственность за незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения[3].

В 2025 г. УК РФ также пополнился новыми статьями, направленными на противодействие киберпреступности: ст. 2743 (незаконное использование або-

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ.

2 Гордейчик С.А., Егорова Н.А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 781 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 39-42.

3 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ.

нентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции), ст. 2744 (организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации) и ст. 2745 (организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети Интернет для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса).

Наряду с положительными моментами, связанными с принятием и применением перечисленных норм УК РФ, отметим, что в дополнение к уже имеющимся правоприменительным проблемам неминуемо возникнут новые, в том числе связанные с конкуренцией норм, с установлением отдельных признаков состава преступления и т.д.

Таким образом, корректировки, внесенные в последнее время в уголовный закон, позволяют решать вопросы противодействия преступности, однако при этом в ряде случаев приводят к снижению эффективности этой деятельности в связи с недостатками, которые негативно сказываются на качестве уголовного закона.

Изложенное позволяет говорить об особой необходимости и актуальности обеспечения в постоянном режиме высокого качества уголовного закона, которое должно включать все стадии – от разработки и принятия законопроекта до его реализации в правоприменительной деятельности. В конечном счете это позволит повысить эффективность противодействия преступности уголовно-правовыми средствами.

Шеслер А.В.,
доктор юридических наук, профессор
Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк)

Шеслер С.С.,
кандидат юридических наук, доцент
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Психологический возраст уголовной ответственности

Уголовный закон придает правовое значение не только хронологическому возрасту (календарному, паспортному возрасту), под которым следует понимать время, прошедшее с момента рождения человека и до момента, с которого его можно привлечь к уголовной ответственности в связи приобретением им необходимых для этого социально-психологических и физиологических качеств. Уголовно-правовое значение имеет и психологический возраст в тех случаях, когда уровень психического развития несовершеннолетнего не соответствует достигнутому им возрасту уголовной ответственности. В соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ при таком несоответствии лицо за совершенное общественно опасное деяние уголовной ответственности не подлежит. В литературе мнения о правовой природе такой ситуации разошлись еще до ее отражения в действующем законодательстве несколько десятилетий назад. Одни исследователи полагали, что имеет место невменяемость по возрасту[1]. Другие исследовате-

1 Напр.: Астемиров З.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних. М., 1970. С. 27.

ли справедливо возражали, утверждая, что состояния невменяемости в такой ситуации нет, т.к. нет медицинского критерия невменяемости, т.е. болезненного состояния психики. Однако при этом правовую природу этого явления не определяли[1]. В современный период теория уголовного права в обосновании этого явления существенным образом не продвинулась. Вновь позиции исследователей делятся на два вида: одни утверждают, что анализируемое состояние является возрастной невменяемостью, другие – что такое состояние не является невменяемостью в силу отсутствия медицинского критерия последней[2].

Состояние, указанное в ч. 3 ст. 20 УК РФ, сходно по юридическому критерию с состоянием ограниченной вменяемости, о которой речь идет в ст. 22 УК РФ. В обоих случаях психическое состояние лица во время совершения им общественно опасного деяния характеризуется наличием интеллектуального и волевого моментов, оба или один из которых присутствуют не в полной мере. Однако отличие заключается в том, что источник состояния, при котором лицо не может осознавать в полной мере фактический характер и общественную опасность своего деяния в указанных ситуациях является различным. При ограниченной вменяемости таким источником выступает психическое расстройство, не исключающее вменяемости, при состоянии, указанном в ч. 3 ст. 20 УК РФ, таким источником выступает отставание в психическом развитии. Такое отставание может быть результатом педагогической запущенности, тяжелого соматического заболевания, депривации и т.д. Однако оно не является разновидностью психического расстройства. Не представляется возможным решить эту проблему и с позиции вины, т.к. в основе общественно опасного поведения подростка лежит не его психическое отношение к этому деянию, а особое психическое состояние лица, предшествующее этому отношению. В качестве промежуточного варианта научного решения обсуждаемой проблемы можно взять позицию Г.В. Назаренко, который назвал состояние, описанное в ч. 3 ст. 20 УК РФ, уголовно-релевантным психическим состоянием, исключающим возможность привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности вследствие несоответствия хронологического возраста фактическому достигнутому психологическому возрасту. При этом автор правильно указывает на недостатки используемой законодателем терминологии, которая обозначает качественно разнородные психические состояния несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деянии, а именно: незначительное отставание в психическом развитии, при котором психологический возраст соответствует хронологическому и лицо является вменяемым; значительное отставание в психическом развитии, которое свидетельствует о психическом расстройстве, исключающем вменяемость или ограниченной вменяемости; выраженное отставание в психическом развитии, определяющее возрастную незрелость при отсутствии психического расстройства[3]. На наш взгляд, эта позиция является альтернативной ранее высказанным позициям, т.к. ориентирует исследователей на то, что решение возникшей проблемы следует искать не в плоскости вменяемости или вины, а в плоскости возраста уголовной ответственности.

Вместе с тем сложившаяся на сегодняшний день судебная практика применения ч. 3 ст. 20 УК РФ исходит из не-

1 См., напр.: Чернышев А.И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск, 1981. С. 102-104.

2 Дискуссию по этому вопросу см.: Назаренко Г.В. Невменяемость. СПб., 2002. С. 112-134.

3 Там же.

обходимости назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в целях решения вопросов о психическом состоянии несовершеннолетнего, о влиянии этого состояния на его интеллектуальное развитие с учетом возраста и на способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела[1]. Таким образом, обозначенная проблема в практике применения уголовного закона решается с позиций вменяемости или невменяемости.

Карелина Ю.В.,
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о подходах к дифференции уголовной ответственности при наличии квалифицирующих признаков преступления

Обеспечение принципа справедливости в уголовном праве требует от государства обоснованности и соразмерности применяемых мер уголовно-правового воздействия к виновному лицу. Способствуют реализации законодательного закрепленного принципа институты дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

В научных трудах последних лет, раскрывающих данную тему, основное внимание уделяется вопросам реализации индивидуального подхода при установлении уголовной ответственности и соразмерности построения санкций. Их суждения построены на результатах фундаментальных исследований, опубликованных в разные годы А.В. Василевским, Е.Н. Карабановой, П.В. Коробовым, А.И. Коробеевым, Л.Л. Кругляковым, Т.И. Лесниевски-Костыревой, К.Р. Самвелян и др.

Вместе с тем по-прежнему обсуждаемы авторские позиции относительно используемого понятийного аппарата, безупречности выработанных подходов к дифференциации уголовной ответственности, обоснованности уклона к индивидуализации ответственности, что требует дальнейшего углубленного осмысления, обобщения научных доводов.

Разграничивая используемые категории отразим наиболее принимаемые доктриной позиции. Среди них дифференциация уголовной ответственности предусматривает законодательное установление видов и объемов возможной ответственности и включает в себя предлагаемый выбор различных мер уголовно-правового характера. А.И. Коробеев при этом уместно поясняет, что для выбора конкретных мер необходимы: «законодательный и правоприменительный учет характера и степени общественной опасности, как содеянного, так и деятеля…»[2].

Определяя место института индивидуализации уголовной ответственности, заметим, что она неразрывно связана с процессом дифференциации, поскольку имеет единый предмет регулирования и выступает последующим этапом в установлении уголовной ответственности лица. Индивидуализация производится в пределах установленных (очерченных) законодателем рамок возможной ответственности и предполагает выбор правоприменителя меры ответственности конкретного

1 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1, п. 14.

2 Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С. 33.

лица, в зависимости от степени его общественной опасности. Устанавливая различия рассматриваемых категорий, подчеркнем, что они проходят по кругу полномочных лиц и по последовательности установления мер уголовной ответственности.

Важным ориентиром в выборе справедливой и соразмерной меры наказания выступает деление преступлений по степени общественной опасности на основные, квалифицированные и привилегированные составы. В качестве основного фактора образования квалифицированных составов преступлений выступает оценка степени негативного влияния конкретного признака, его усиливающая роль в содеянном. Заметим, что такое достраивание основного состава квалифицирующими признаками ученым сообществом воспринимается неоднозначно. Некоторые авторы находят достаточным наличие общего перечня признаков, отягчающих ответственность (ст. 63 УК РФ) и их дублирование в конкретных составах преступлений излишне. Избыточная вариативность веса признака выступает предпосылкой к субъективному подходу в выборе мер ответственности. Трудно с этим согласиться, поскольку «тяжесть» одного взятого признака для разных групп преступлений неравнозначна. Так, групповой признак в похищении человека и в грабеже чужого имущества по-разному влияет на выполнение объективной стороны преступления.

Другие авторы напротив находят неуместной унификацию квалифицирующих признаков по степени их общественной опасности, а относительно разных групп преступлений – неприемлемой. Обоснование тому можно встретить в трудах В.А. Костыревой, где автор отмечает, что: «один и тот же квалифицирующий признак неравномерно влияет на увеличение размера санкции в разных составах преступлений… многие квалифицирующие признаки необоснованно и несправедливо приравниваются по силе влияния на вид и размер наказания»[1]. Какой же подход к систематизации квалифицирующих признаков преступления ученые находят приемлемым?

Приведем наиболее обсуждаемые подходы к дифференциации уголовной ответственности по наличию в норме квалифицирующих признаков[2]:

1. Пропорциональность одноименных квалифицирующих признаков. Л.Л. Кругляков и О.Г. Соловьев считают, что: «одноименные признаки должны одинаково повышать ответственность в родственных преступлениях, а признаки, по-разному изменяющие общественную опасность, должны располагаться в разных частях статьи»[3]. По сути, данный подход применяется законодателем, подобное деление признаков учитывается при конструировании основных, квалифицированных и привилегированных составов. В то же время рамки «родственности» преступлений недостаточно ясны.

2. Ранжирование признаков по вертикали. Вышеуказанный подход к распределению квалифицирующих признаков по родственным группам А.П. Козлов счел сложным и предложил выстроить однородные квалифицирующие признаки в ступенчатые горизонтальные ряды по возрастанию их степени общественной опасности. При

1 Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М, 1999.

2 См.: Карабанова Е.Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 271-282.

3 Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Вопросы совершенствования норм об ответственности за легализацию криминальных доходов (ст. 174 и 174.1 УК РФ) // Российский следователь. 2009. № 6. С. 14-16

совмещении признаков по вертикали они будут образовывать группу признаков равных по степени общественной опасности[1]. Как видим, автором произведена попытка закрепления «веса» квалифицирующих признаков в рамках всего уголовного закона.

Однако данный подход подвергнут наибольшей критики со стороны ученых. Т.А. Плаксина находит допустимым ранжирование однородных квалифицирующих признаков в видовых преступлениях. Вместе с тем совпадение признака в вертикале в различных видах преступления не может свидетельствовать об их равном значении[2]. Доказательством тому служит различие степени общественной опасности группового признака в изнасиловании и в кражи.

3. Учет признаков в «баллах». Ряд отечественных ученых предложили альтернативу по заимствованию опыта зарубежных стран в применении балльной системы (например, используемой в правовой системе США), где отдельным признакам преступления присваиваются баллы, они суммируются в зависимости от их совокупности в содеянном. Вместе с тем это потребует отказа от альтернативных санкций в уголовном законе. Такой подход не нашел поддержки среди ученых. К.Р. Самвелян пишет, что альтернативность санкций необходима, она выступает условием обеспечения соразмерности и справедливости наказания, дает возможность выбора видов и размера уголовного наказания[3].

Е.Н. Карабанова подходит к решению вопроса более масштабно и предлагает создать шаблон коэффициентов усредненной величины каждого квалифицирующего признака, основанный на «вычислении среднеарифметического и медианы значений коэффициентов повышения уголовной ответственности»[4]. Она поддерживает научную позицию о приоритетной роли законодателя при установлении пределов уголовной ответственности.

В работах ученых ярославской уголовно-правовой школы (руководитель док. юрид. наук, профессор Л.Л. Кругляков) встречается подход к дифференциации уголовной ответственности «через оценку правоприменителем»[5]. Он основан на оценке индивидуальных признаков содеянного и личности виновного при индивидуализации наказания. Такой подход напротив позволяет отойти от унифицированного подхода, применяя принцип соразмерности. Вместе с тем это потребует от правоприменителя точного определения степени общественной опасности деяния и личности преступника, используя имеющиеся законодательные инструменты.

По нашему мнению, данный подход отличается от вышеописанных, поскольку определяет не законодательные границы уголовной ответственности, а указывает на способы ее реализации правоприменителем. Придерживаясь вышеприведенной терминологии, описанное относится к индивидуализации уголовной ответственности. Солидарны с мне-

1 Козлов А.П. Понятие преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 808-810.

2 Плаксина Т.А. Теоретические основы углубления дифференциации ответственности за убийство // Современное право. 2006. № 2. С. 54-58.

3 Самвелян К.Р. Уголовно-правовые санкции: проблемы конструирования и применения : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 1997. С. 21.

4 Карабанова Е.Н. Проблемы системной пенализации (на примере дифференциации уголовной ответственности за преступления с многообъектным составом) // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 280.

5 Лапшин В.Ф., Некрасов В.Н. Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей северо-западного региона) // Пенитенциарная наука. 2024. № 4(68). Том 18.

нием о разграничении рассматриваемых понятий, где «именно выбор судом конкретного варианта, предлагаемого уголовно-правовой нормой с учетом конкретных обстоятельств, и применение этого выбора к конкретному лицу и есть индивидуализация ответственности»[1].

Из приведенных доктринальных позиций можно заключить, что в научном сообществе согласие прослеживается относительно приемлемости ранжирования квалифицирующих признаков применительно к родственной группе преступлений. При этом сравнению подлежат идентичные по общественной опасности преступления и совершенные при одинаковых обстоятельствах, указанных в составе преступления[2].

Приходим к выводу, что разделение процессов дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности имеет важное практическое значение и позволяет удерживать баланс объективности при выборе мер ответственности конкретного лица. В свою очередь, уклон к индивидуализации снимает установленные законодателем ограничения и придает субъективный характер принимаемых правоприменителем решений, что в последующем может породить значительный разбег в назначаемых видах и размерах уголовной ответственности за однотипные преступления.

Иванова Л.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Пособник преступления, совершаемого с использованием цифровых технологий

Пособник является одним из видов соучастников преступления, наряду с исполнителем, организатором и подстрекателем преступления. Исходя из положений Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), можно выделить несколько видов пособников преступления. Прежде всего это физическое и интеллектуальное пособничество в классическом его понимании, раскрываемое в ч. 5 ст. 33 УК РФ. В научной литературе справедливо отмечается, что положения данной нормы не лишены недостатков ввиду содержания исчерпывающего перечня деяний, составляющих пособничество[3]. Цифровое пространство, характеризующееся трансграничностью, бесконтактным взаимодействием, возможностью сохранять анонимность, позволяет вовлекать в преступную деятельность множество соучастников и влияет на структуру взаимоотношений между ними.

Активное развитие цифровых технологий может привести в том числе к появлению новых субъектов, оказывающих поддержку исполнителю при совершении преступлений в цифровом пространстве или с использованием информацинно-телекоммуникационных сетей, но такие действия не будут подпадать под традиционное понимание пособничества. Такая ситуация в свое время сложилась применительно

1 Соловьев О.Г., Дмитриев Е.С. Понятие, виды и классификация средств дифференциации уголовной ответственности в уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 57.

2 Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023. С. 30.

3 Янковский Д.А. Назначение наказания за соучастие : монография. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 100.

к уголовно-правовой оценке действий «дропперов», предоставляющих свои электронные средства платежа для вывода или хищения денежных средств преступниками. В настоящее время деятельность таких лиц подпадает под самостоятельные составы преступлений (ч. 3, 4, 5 ст. 187 УК РФ). Но до введения данных дополнений в УК РФ действия таких лиц квалифицировались либо как пособничество в основном составе преступления, либо по ч. 1 ст. 187 УК РФ, либо вообще не рассматривались преступными. Все зависело в том числе от установления умысла «дроппера» по отношению к основному составу преступления. Так, суд отметил, что участие подсудимого в преступлении заключалось только в предоставлении банковской карты и получении денежного перевода за это, при этом с потерпевшей подсудимый не общался, каких-либо действий по ее обману и изъятию у нее денежных средств не совершал, то есть не участвовал непосредственно в выполнении объективной стороны мошенничества, а лишь создавал условия для его совершения, что, в свою очередь, и свидетельствует о наличии в его действиях пособничества в совершении мошенничества. При этом сам подсудимый заявлял, что не был осведомлен о преступных планах неизвестных лиц, которые приобрели у него банковскую карту[1]. При этом прямо в ч. 5 ст. 33 УК РФ действия по предоставлению банковской карты не названы в числе пособнических, и судом рассматривались как предоставление «средств совершения преступления». В настоящее время подобные действия образуют самостоятельный состав преступления, предусмотренный соответствующей частью ст. 187 УК РФ. Представляется, что расширение перечня пособнических действий, названных в ч. 5 ст. 33 УК РФ, позволит избежать неточностей при квалификации действий соучастников в ситуациях появления новых способов оказания содействия совершению преступления, с использованием цифровых технологий.

Можно выделить и другие виды пособников преступления: фактический пособник может выступать юридическим соисполнителем преступления, если выполняет часть объективной стороны состава преступления[2] (что закрепляется в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ), либо может выступать исполнителем самостоятельного преступления (так называемые специальные виды пособничества[3]), а также пособником является и лицо, выполняющее часть объективной стороны преступления, но не обладающее признаками специального субъекта для привлечения его к ответственности в качестве исполнителя.

Если пособник входит в состав организованной группы, его действия рассматриваются как соисполнительство. Согласимся, что расширительное толкование соисполнительства посредством включения в такую деятельность и пособников преступления нивелирует дифференциацию их наказания, установленную ч. 1 ст. 67 УК РФ в части учета характера и степени фактического участия в преступлении[4].

В киберпространстве может складываться ситуация, когда отдельные соу-

1 Приговор Волоколамского городского суда Москвоской области от 07.04.2025 по делу № 1–70/2025.

2 Цебекова Г.В. Соучастие в преступлении: законодательная регламентация, теория и практика привлечения к уголовной ответственности. М. : Русайнс, 2023. 86 с.

3 Горенко М.Г. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 188-208.

4 Шеслер А.В. Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 232.

частники привлекаются для выполнения различных операций, не всегда понимая конечный преступный результат, при этом знают, что осуществляют противоправное деяние совместно с другими лицами либо вообще не осознают противоправность своих действий. В преступных группах, действующих в цифровом пространстве, в большинстве случаев присутствует категория «неустановленных лиц», что, однако, не препятствует правоприменительным органам устанавливать взаимодействие между соучастниками преступления и квалифицировать содеянное как совершенное организованной группой. Так, в одном из приговоров указывалось, что «в обязанности неустановленного лица № 2 входило получение от неустановленного лица № 3 сведений о местонахождении тайников с оптовой партией наркотических средств и последующая передача указанных сведений участникам организованной группы, выполняющим функции розничных курьеров»[1]. В эпоху развития цифровых технологий происходит определенная трансформация субъективной связи между соучастниками, но она не превращается в одностороннюю субъективную связь, как предлагается отдельными авторами применительно к пособничеству в киберпреступлениях[2]. Происходит переосмысление содержательного ее наполнения, что потребует в том числе уточнения признака устойчивости применительно к организованным кибергруппам.

В завершение следует отметить, что включение в ч. 5 ст. 33 УК РФ указания на «иные действия, содействующие совершению преступления» позволит расширить категорию пособника. Такое уточнение сделает возможным учитывать любую помощь в цифровом пространстве для совершения преступления как пособничество, что будет способствовать правильной квалификации и, как следствие, назначению справедливого наказания соучастникам преступления, исходя из их роли.

Вердиян Д. А.,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Квалификация преступлений в процессе предварительного расследования в ходе оперативно-розыскной деятельности

Институт квалификации преступлений является одним из базовых понятий уголовного права. Исследуя понятие и содержание квалификации преступлений, можно проследить взаимосвязь между уголовным правом и оперативно-розыскным правом.

В научном исследовании Г.С. Шкабина отмечается, что сыскная деятельность в настоящее время регулируется «субправом», отличающимся дуалистическим характером, выражающемся в том, что существующие в уголовно-правовом законодательстве пробелы и недостатки компенсируются за счет норм права, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, и уголовным законодательством[3].

1 Приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 12.02.2025 по делу № 1-416/2024.

2 Ван Г. Уголовно-правовое регулирование противодействия киберпреступности в Китае: состояние, тенденции и недостатки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 3. С. 672-673.

3 Шкабин Г.С. Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования (Обзор V межведомственной научно-практической конференции) // Государство и право. 2020. №. 7. С. 145.

Проблемы взаимосвязей нормативно-правовой базы, регламентирующей оперативно-розыскную деятельность и уголовного права, не позволяют сформировать в правовой доктрине единого представления о возможности проведения квалификации преступления сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В теории права сформировалось несколько точек зрения.

Сотрудники органов, выполняющие оперативно-розыскную деятельность, осуществляют уголовно-правовую оценку оперативно-розыскной информации о совершенном или планируемом деянии. Уголовно-правовая оценка в данном случае является разновидностью квалификации преступления[1]. Однако данная оценка не является официальной и требует дополнительной проверки в процессе расследования.

Сотрудники органов, выполняющие оперативно-розыскную деятельность, осуществляют квалификацию преступлений[2], т.к. содержание и сущность уголовно-правовой оценки тождественно понятию квалификации преступлений[3]. В тоже время оцениваемая информация сотрудниками в оперативно-розыскной деятельности не может быть правовым основанием для уголовного наказания преступника, т.к. выводы, сформулированные на её основании, являются предположительными и требуют дополнительной проверки.

Очевидно, что различие между представленными точками зрения заключается в понимании соотношения уголовно-правовой оценки и квалификации преступлений, а также их функциональной роли в деятельности оперативно-розыскных органов.

Согласно первой позиции, уголовно-правовая оценка информации представляет собой самостоятельную правовую категорию, выполняющую прогностическую функцию, ограниченную предварительным анализом оперативных сведений. Уголовно-правовая оценка информации позволяет зафиксировать предварительные индуктивно-дедуктивные умозаключения оперативных сотрудников об уголовно-правовой природе деяния в оперативно-служебных документах. В данном случае уголовно-правовая оценка информации носит предварительный характер и служит базой для дальнейших действий по сбору доказательств, что отличает ее от квалификации преступления, рассматриваемой в качестве финального этапа юридической оценки, находящихся вне полномочий сотрудников оперативно-розыскных органов.

Вторая точка зрения предполагает, что уголовно-правовая оценка, осуществляемая сотрудниками оперативно-розыскных органов идентична квалификации преступления, поскольку процесс анализа и подведения индивидуального случая под класс преступных деяний (описанных в уголовном законодательстве) совпадает по своей сути с процессом квалификации. Помимо этого, оперативный документ содержит признаки окончательной квалификации, что позволяет рассматривать действия сотрудников оперативно-розыскных органов в качестве квалификации преступления. Такой подход фактически расширяет полномочия сотрудников оператив-

1 Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, профессора А.Ю. Шумилова, канд. юрид. наук, профессора Н.Е. Симонова. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2012. С. 49.

2 Смолин В.В., Михайлова О.А. правильная квалификация общественно опасных деяний-важное условие раскрытия преступлений оперативными аппаратами органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Право и общество. 2016. №. 5. С. 186.

3 Зацепин А.М. Правильная уголовно-правовая квалификация: ее значение в современной России // Economics, law, society: resume of 2016. 2016. С. 304.

но-розыскных органов, приравнивая их действия к процессуальным.

Проанализировав обе позиции, можно сделать вывод о том, что уголовно-правовая оценка информации о совершенном или планируемом деянии включает в себя квалификацию преступления, т.е. квалификация преступлений является не разновидностью уголовно-правовой оценки, а ее составным элементом.

Как отмечает С.А. Маркунцов, «вопрос о соотношении понятий квалификации преступлений и уголовно-правовой оценки деяний является краеугольным не только с точки зрения формирования единого терминологического аппарата уголовно-правовой науки, но и в предметно-содержательном плане эволюции теории квалификации преступлений»[1].

В результате сотрудники органов, выполняющие оперативно-розыскную деятельность, не осуществляют квалификацию преступления, а дают уголовно-правовую оценку оперативно-розыскной информации о совершенном или планируемом деянии, поскольку:

Уголовно-правовая оценка носит предварительный характер и направлена на прогнозирование возможной квалификации преступления, что служит основой для дальнейших оперативно-розыскных мероприятий.

Материалы, фиксируемые сотрудниками ОРД в оперативно-служебных документах, не обладают статусом юридически значимых доказательств и не закрепляют окончательную квалификацию деяния. Это право принадлежит следственным органам и суду в рамках уголовного процесса.

Уголовно-правовая оценка охватывает не только анализ информации, но и её сопоставление с признаками преступления, предусмотренного уголовным законодательством. Квалификация преступления в данном случае выступает как результат этого анализа, но сама по себе не является задачей сотрудников оперативно-розыскных органов.

В рамках правоприменительной практики квалификация преступления предполагает не только установление соответствия деяния нормам уголовного права, но и внесение его в процессуальные документы (например, обвинительное заключение). Сотрудники оперативно-розыскных органов такими полномочий не обладают.

Таким образом, уголовно-правовая оценка оперативно-розыскной информации представляет собой самостоятельный процесс, включающий аналитическую и прогностическую составляющие, но не переходящий в процессуально закреплённую квалификацию преступления.

1 Маркунцов С.А. О сущности квалификации преступлений в контексте уголовно -правовых запретов // Вестник Академии Ген. прокуратуры РФ. 2014. № 3(41). С. 77.

Середа И.М.,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Ступина С.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск)

Пробелы уголовно-правового регулирования ответственности за незаконный оборот органов или тканей человека

В настоящее время неоднократно озвучивается проблема незаконной торговли органами или тканями человека. Отметим, что это, пожалуй, самая острая проблема сегодняшнего дня, рассматриваемая в уголовном, этическом и гуманитарном контекстах. В статье официального представителя МИД России М.В. Захаровой говорится: «В 2014 г. в ОБСЕ констатировали, что в местах массовых захоронений в районах боевых действий были найдены тела людей с изъятыми внутренними органами, скорее всего, это жертвы нелегальных трансплантологов»[1]. Также отмечается, что больший размах черная трансплантология приобрела после начала российской специальной военной операции на Украине. Этому способствовало принятие киевским режимом законодательства, которое максимально упрощает деятельность трансплантологов в стране[2]. Такая ситуация не может не актуализировать вопросы уголовной ответственности, особенно с учетом того, что потенциальными жертвами такой преступной деятельности могут стать российские граждане.

Как заявил посол МИД РФ по особым поручениям по преступлениям киевского режима Родион Мирошник: «По мере освобождения территорий на Украине у России появляется все больше свидетельств черной трансплантологии, которая процветает на подконтрольных Киеву территориях»[3].

Следует отметить и высокую латентность преступлений в сфере трансплантологии, что, в свою очередь, может свидетельствовать о групповом (совершении организованными группами) и нередко транснациональном характере последних.

Вопросы уголовной ответственности за незаконный оборот органов и/или тканей человека, как отмечают специалисты, связаны с отсутствием комплексной криминализации такой преступной деятельности. Оборот органов и тканей для трансплантации в качестве самостоятельного преступного деяния в УК РФ не предусмотрен. В действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия «торговля органами, тканями и клетками человека»[4].

1 Захарова М.В. Мировой лидер черной трансплантологии: на Украине органами торгуют и в онлайне, и в офлайне // «Российская газета», 7 августа 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1899824/ (дата обращения: 30.01.2026).

2 Там же.

3 Россия получает все больше свидетельств черной трансплантологии на Украине. URL: https://ria.ru/20250211/transplantologiya-1998529241.html (дата обращения: 30.01.2026).

4 Чернышева Ю.А. Проблемы уголовной ответственности за преступления в сфере донорства органов и тканей человека и их трансплантации (пересадка) в РФ // Журнал юридических исследований, 2019. Т. 4. № 1. С. 70; Шавловская В.В. Уголовно-правовая модель криминализации незаконных действий в отношении органов и (или) тканей // Юридические исследования, 2024. № 5. С. 1-7; Шавловская В.В. Уголовно-правовое противодействие торговле органами и (или) тканями в России и

Следует указать, что и в мировой практике констатируется факт отсутствия глобального консенсуса относительно точных границ такого оборота, что приводит к противоречивому судебному толкованию[1].

В УК РФ уголовная ответственность за действия, связанные с использованием органов или тканей потерпевшего, предусмотрена п. «м» ч. 2 ст. 105; п. «ж» ч. 2 ст. 111; ст. 120; п. «ж» ч. 2 ст. 127.1.

Поскольку в деятельности по незаконной трансплантологии в составе организованных групп действуют множество лиц, то и правовая оценка их противоправных действий отличается с учетом отсутствия в УК РФ самостоятельного состава преступления, содержащего все признаки действий, связанных с незаконным оборотом органов или тканей человека.

Соответственно, актуализируется вопрос о том, что правовые рамки должны точно определять вопросы уголовной ответственности не только лиц, непосредственно изымающих органы или ткани человека у потерпевшего, но и различных иных участников («рекламных агентов», уговаривающих на трансплантацию, брокеров, курьеров, лиц, осуществляющих хранение, лиц, участвующих в репродукции и донорстве и т.п) в цепочке такого оборота.

«Торговлю органами или тканями» и «торговлю людьми с целью изъятия органов или тканей» необходимо разграничивать в рамках уголовной ответственности, поскольку объекты такой незаконной деятельности различны.

Соответственно, если рассматривать именно оборот органов или тканей человека в контексте преступной деятельности по торговле ими, то возникает закономерный вопрос о том, что в действующем УК РФ при регламентации ответственности за действия, связанные с органами или тканями человека, акцент в основном ставится на ее цели, т.е. на использовании последних. Использование органов или тканей человека как понятие может включать в себя различные аспекты, т.е. такое использование имеет множество утилитарных значений: от медицинского, до коммерческого, индивидуально-психологического, физиологического и даже ритуального.

Как видно, такая терминология, с одной стороны, позволяет квалифицировать ряд действий по незаконному обороту органов или тканей человека, как преступление, но, с другой стороны, и ограничивает такую возможность, поскольку вне ответственности даже за соучастие могут отказаться лица, действия которых сложно связать с рассматриваемой целью. К последним можно отнести тех, кто, например, координирует логистику, осуществляет набор медицинских работников, изготавливает поддельные документы и т.п.

Открытым остается и вопрос об уголовной ответственности организаторов трансплантационного туризма.

Проблема в том, что в УК РФ законодатель не предусмотрел ответственность за такие общественно опасные деяния, как купля-продажа органов от живых доноров, торговля органами умерших лиц без согласия родственников, посредничество в незаконных трансплантационных операциях и ряд аналогичных общественно опасных действий.

за рубежом: современное состояние // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина : сборник материалов международной научно-практической конференции. Краснодар, 1-2 февраля 2024 года. Краснодар, 2024. С. 691-696; Жинкин А.А. Торговля органами и (или) тканями человека: перспективы криминализации в УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. № 10. С. 110-113.

1 Инструментарий по расследованию и уголовному преследованию случаев торговли людьми с целью изъятия органов / Управление по наркотикам и преступности Организации Объединённых Наций (UNODC). URL: https://www.unodc.org/res/human-trafficking/glo-act2/tip-for-or-toolkit/Module_1_RU.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

Лица, совершающие такие действия, не подпадают и под ст. 120 УК РФ, так как не применяют насилие или угрозу насилия для принуждения к изъятию органов.

Отметим и не вполне удачное законодательное формулирование самого деяния в составе преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ, где используется термин «принуждение к изъятию», что в буквальном смысле не включает принуждение донора к даче согласия на изъятие.

Формулировка объективной стороны преступления, уголовная ответственность за которое установлена в ст. 120 УК РФ, ограничивающая уголовно наказуемое принуждение только двумя способами – насилием либо угрозой его применения, создает правовой пробел, поскольку на практике принуждение может осуществляться множеством и других способов: экономическое принуждение, обман, уговоры, психологическое давление, шантаж, злоупотребление доверием, использование беспомощного состояния лица.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по ст. 120 УК РФ никто не осуждается.

Парадоксальная ситуация: рынок «черной трансплантологии» существует, но при этом ни одного установленного факта принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации нет.

Ответ, возможно, кроется как раз в том, что фактические действия преступников, участвующих в незаконном обороте органов или тканей человека, в ряде случаев невозможно однозначно квалифицировать в соответствии с нормами действующего уголовного законодательства. Таким образом, имеет место правовой вакуум: несмотря на очевидную общественную опасность и криминальный характер деятельности, некоторые лица, участвующие в преступном обороте органов или тканей человека, могут избежать уголовной ответственности.

Если же говорить о торговле людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ), то проблема квалификации прежде всего будет связана с коллизией целей.

Квалифицированный состав преступления имеет место лишь при наличии всех признаков основного, предусмотренного ч. 1 ст. 127.1 УК РФ.

Криминообразующим признаком основного состава для таких действий, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека, является цель – эксплуатация. Однако в том виде, в каком она сформулирована в примечании 2 к ст. 127.1 УК РФ (сексуальная эксплуатация, рабский труд, подневольное состояние), ее сложно установить одновременно с обязательным признаком квалифицированного состава (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) – целью: изъятие у потерпевшего органов или тканей[1].

Одним из вариантов криминализации всех форм коммерческого оборота биоматериалов, независимо от способа их получения и для устранения пробелов в криминализации торговли уже изъятыми органами, может стать установление, например, в ст. 120.1 УК РФ «Незаконный оборот органов и (или) тканей человека» уголовной ответственности за такие действия, как купля-продажа, посредничество в купле-продаже, а равно иные сделки с органами и (или) тканями человека, изъятыми у живого или умершего лица, либо их предложение для заключения таких сделок.

Также обоснованно вести речь и об установлении уголовной ответственности за нарушение порядка изъятия и трансплантации органов и (или) тканей человека, а также за создание и (или) руководство организацией, осуществляющей незаконную трансплантологическую деятельность.

1 Силаев С.А. Вопросы ответственности за торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов и тканей // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 3(25). С. 78.

Сипягина М.Н.,
кандидат юридических наук
Университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург)

Уголовно-правовое противодействие навязчивому преследованию (сталкингу): за или против

В последнее время широкое распространение получило такое социальное явление, как сталкинг (от англ. stalking – преследование).

Сталкинг представляет собой нежелательное навязчивое преследование одного человека другим или группой лиц и включает в себя постоянные телефонные звонки и оскорбления по телефону, посылку нежелательных подарков, выслеживание, нежелательную электронную почту и другие виды оскорблений по Интернету, а также угрозы или запугивающие действия.

Во многих странах мира сталкинг признан нарушением прав человека и получил уголовно-правовую оценку.

Впервые сталкинг был криминализирован в Уголовном кодексе штата Калифорния, США, еще в 1990 г. Одними из первых стран, после США, криминализовавших сталкинг, являются Канада (An Act respecting the Criminal Law, section 264 – 1993 г.), Великобритания (Protection from Harassment Act 1997 – 1997 г.), Япония (Anti-Stalker Act – 2000 г.) и Франция (French Criminal Code, Article 222–33–2 – 2002 г.)[1]. В Южной Корее закон о борьбе со сталкингом действует с 2021 г., предусматривает до 3 лет тюрьмы и серьезный штраф[2].

Тем не менее единство в подходе к криминализации сталкинга отсутствует. Некоторые законодатели относят сталкинг к преступлениям, другие – к мелким правонарушениям либо же вовсе не считают сталкинг угрожающим обществу и личности деянию.

В российском законодательстве составы по данным правонарушениям в КоАП РФ и УК РФ пока отсутствуют.

Жертва в случае обращения в правоохранительные органы с такой проблемой получает отказ, и с правовой точки зрения отказ является обоснованным. Юристы, к которым обращаются жертвы сталкинга, советуют при обращении ссылаться на смежные статьи УК РФ, часть действий которых может подпадать под составы преступления, например, ст. 119 УК РФ – угроза убийством, ст. 137 УК РФ – нарушение неприкосновенности частной жизни и 138 УК РФ – нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений и др. Но проблема, как правило, остается нерешенной, а жертва преследователя не получает должной правовой защиты.

В этой связи в рамках уже не первой законодательной инициативы был подготовлен проект федерального закона о противодействии навязчивому преследованию[3].

Авторами законопроекта являются депутаты политической партии «Новые люди», которые запустили интернет-проект «Сталкингу.нет»[4] с целью выявления данной социальной проблемы в обществе, оказания помощи потер-

1 Шимбарева Н.Г. Хорошунова О.А. Актуальность криминализации сталкинга в Российской Федерации // Вектор научной мысли. 2024. № 12(17). С. 395.

2 В Южной Корее запустят сервис для защиты от преследователей. URL: https://www.mn.ru/short/v-yuzhnoj-koree-zapustyat-servis-dlya-zashhity-ot-presledovatelej/ (дата обращения: 05.01.2026).

3 О противодействии навязчивому преследованию : законопроект № 795873-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8 (дата обращения: 05.01.2026).

4 СТАЛКИНГУ.НЕТ. URL: https://stalking.newpeople.ru/?ysclid=mje6k7dl2f4042 66278 (дата обращения: 05.01.2026).

певшим, придания огласке существующей проблеме и с целью продвижения законопроекта в Государственной Думе за счет общественной поддержки.

В пояснительной записке к законопроекту авторами приводилась статистика обращений от граждан, согласно которой на тот момент в рамках указанного интернет-проекта были поданы уже более 400 заявок от граждан, которые подвергаются навязчивому преследованию.

Законопроект был внесен в Государственную Думу в декабре 2024 г., однако не прошел стадию предварительного рассмотрения, получил отрицательную оценку Правового управления Государственной Думы РФ.

Остановимся подробнее на тех способах правовой защиты, которые предлагались авторами законопроекта.

Во-первых, законопроект предлагал законодательную терминологию таких понятий, как навязчивое преследование, запрет на приближение, преследователь, жертва преследования.

Так, навязчивым преследованием признаются действия, причиняющие лицу психоэмоциональное напряжение и/или психические страдания и опасения за собственную безопасность и за безопасность своих близких, которые продолжались после получения предупреждения о необходимости их прекращения, которое может быть установлено согласно общим правилам установления фактов, имеющих юридическое значение. К таким действиям относятся неоднократные умышленные слежение и/или ожидание жертвы, преследования в местах ее повседневной жизни, а также неоднократные умышленные попытки установить контакт с жертвой преследования различными способами.

Во-вторых, законопроект устанавливал механизм защиты прав жертв преследования, который должен реализовываться посредством подачи искового заявления в рамках гражданского судопроизводства и установления запрета на приближение к жертве на определенный срок. При этом преследователь будет поставлен на профилактический учет в ОВД. Также судом может быть возложен запрет посещать определенные места нахождения жертвы. В случае нарушения запрета на приближение, лицо может быть привлечено к административной ответственности. Соответствующий законопроект, предусматривающий введение новой статьи в КоАП РФ – «Навязчивое преследование», также был направлен в Правительство РФ для получения официального отзыва. Также авторами законопроекта рассматривался вопрос о возможности применения ст. 315 УК РФ при злостном неисполнении судебного решения.

Следует отметить, что данный законопроект содержит, на наш взгляд, множество противоречивых положений, которые должны быть устранены посредством совершенствования нормативно-правового регулирования в иных нормативных правовых актах. Так, механизм подачи искового заявления не может быть реализован без введения дополнительного способа защиты гражданских прав в виде запрета на приближение в ст. 12 ГК РФ. Кроме того, профилактический учет в ОВД может быть реализован посредствам создания правоприменительного механизма, обозначенного в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и иных подзаконных нормативных актах. Возложенная судом обязанность о запрете посещения преследователем определенных мест находится во взаимосвязи с уголовно-процессуальной мерой пресечения в виде запрета определенных действий (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), которая применяется в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений и заключается в существенном ограничении их прав. Возникает вопрос закон-

ности применения таких мер к лицам в рамках гражданского судопроизводства и порядка осуществления контроля за ними. Предложенная авторами законопроекта в пояснительной записке уголовная ответственность по ст. 315 УК РФ не может в полной мере реализовываться в отношении преследователей, так как состав данного преступления предусматривает специального субъекта – представителя власти, государственного служащего, муниципального служащего, а также служащего государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, либо субъект, совершивший административное правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, которое к данному вопросу отношения не имеет.

На наш взгляд, решение данной социальной проблемы не должно находиться в плоскости гражданско-правового регулирования, так как необходимо учитывать недостатки данной правовой защиты, такие как длительность судебного процесса, проблемы, возникающие при исполнительном производстве, недостаточная эффективность гражданско-правового воздействия на лиц, одержимых идеей навязчивого преследования своих жертв.

В юридической литературе предлагалось признать преследование отдельным составом преступления, предусмотрев его в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Под преследованием авторами понимаются умышленные систематические деяния, выражающиеся в физическом преследовании потерпевшего, неоднократных попытках, заведомо для виновного нежелательного контакта с ним и иные действия, вызвавшие у потерпевшего чувство тревоги и опасности за свою жизнь. Квалифицирующими признаками предлагалось признать использование информационно-телекоммуникационных сетей, совершение преступления группой лиц и последствия, выразившиеся в совершении преступления, предусмотренного главой 16 УК РФ, совершение самоубийства или покушения на него[1].

На наш взгляд, предлагаемая формулировка является достаточно спорной. Так, сталкинг может проявляться не только в физическом преследовании, общественная опасность данного явления заключается в психоэмоциональном состоянии жертвы, при котором она нуждается в уголовно-правовой защите. Кроме того, непонятно, как совершение другого преступления может образовывать квалифицирующий признак, и кто должен его совершить: преступник или жертва.

Более эффективным решением, на наш взгляд, может быть признание навязчивого преследования административным правонарушением и создание механизма соответствующей правовой защиты при отсутствии признаков иного состава преступления. Здесь возможно рассмотрение и уголовной ответственности при наличии административной преюдиции. Предполагается, что именно повторные действия лицом, ранее привлеченным к административной ответственности, будут свидетельствовать о повышенной степени общественной опасности субъекта, его неисправимости, продолжительности и систематичности нарушений.

К недостаткам данного правового решения можно отнести возможность появления «ложных доносов», в результате чего могут пострадать невинные люди. В любом случае данный процесс требует глубокого правового осмысления, анализа социальной необходимости, ведения статистики учета подобных обращений с целью выявления действительной общественной опасности.

1 Шимбарева Н.Г., Хорошунова О.А. Указ. соч. С. 397.

Дзебниаури О.А.,
ОМВД России по Волховскому району Ленинградской области

Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России

Активное развития цифровых информационных технологий, социальных сетей и медиаплатформ способствует упрощению и ускорению процессов вовлечения в совершение противоправных или антиобщественных действий.

В процессе формирования умысла на совершение преступления лицо может находиться под влиянием других людей, подстрекающих, вовлекающих и склоняющих его к совершению преступных деяний. Актуальность дискуссионных вопросов о соотношении данных понятий, а также о конкретизации сущности вовлечения сохраняется и в настоящее время.

Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий способствует снижению уровня общественной безопасности государства и развитию противоправных общественных отношений. Общепринятой научной точкой зрения считается, что вовлечение является видом подстрекательства, относящегося к соучастию в преступлении. При этом в некоторых составах преступлений лицо может не вовлекаться в преступление.

Таким образом, вовлечение нельзя считать особым видом подстрекательства, что обуславливает актуальность исследования данной проблемы.

Исследование сущности вовлечения проводится в контексте преступлений против личности, регулируемых ст. 150, 151 УК РФ, а также с учетом ст. 230, 242.2 УК РФ.

Подстрекательство, как более широкое понятие, является формой соучастия в виде определенных действий, которые попадают под данную преступную роль. Объективная сторона подстрекательства выражается в побуждении другого лица к совершению преступления, что отражает синонимичность понятий вовлечения и склонения. Однако, несмотря на идентичные способы вовлечения и склонения, результаты будут различными: результатом вовлечения будет являться фактическое совершение противоправных или антиобщественных действий, в то время как в результате склонения появляется решимость совершать определенные действия.

В общем виде вовлечение является умышленными действиями лица, которые нацелены на мотивирование другого лица на совершение преступных или общественно опасных действий.

Рассматривая исторический контекст особенностей развития правовой нормы о вовлечение, Ф.А. Мосс указывает, что в самом начале данная правовая норма обозначала влияние взрослого лица на несовершеннолетнего для совершения им преступного деяния[1]. Для описания подобного влияния в законодательных актах использовались такие термины, как «подстрекательство», «понуждение» и «привлечение». Дальнейшее развитие уголовного права в России позволило закрепить самостоятельность правовой нормы о вовлечении, при этом в правоприменительной практике встречались как закрытые, так и открытые перечни способов вовлечения.

По мнению Ф.А. Мосс, правовая норма о вовлечении не испытывала на се-

1 Мосс Ф.А. Понятие вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Теоретические и прикладные исследования в области социально-гуманитарных наук : материалы XXXI всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 25 ноября 2023 года. Ростов-на-Дону: «Манускрипт», 2023. С. 299-301/

бе каких-либо значимых изменений на всех этапах исторического развития.

Согласно Н.А. Дьяченко, вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий является признаком объективной стороны составов различных преступлений[1]. А.В. Сынтин отмечает, что ст. 151.2 УК РФ объединяет в себе склонение и другие действия, которые можно расценивать как вовлечение. Понятие вовлечения отражается и в ст. 240 УК РФ, при этом действующие нормы уголовного законодательства не определяют способы, которые могут быть использованы для вовлечения в проституцию, что дает основание подразумевать использование любых возможных способов[2].

Особенностями вовлечения являются: адресность характера; результативность осуществляемых действий; не предусматривает целенаправленность; допускается наличие косвенного умысла к последствиям в виде совершения каких-либо деяний вовлекаемым лицом.

При этом понятие вовлечения существенно шире понятия склонения и отражает как появление желания у лица, так и непосредственное совершение конкретных действий. В таком случае склонение можно считать формой вовлечения, отражающей психологическое воздействие, оказываемое на другое лицо. Общим призраком вовлечения и склонения является цель стимулирования желания у другого лица совершить противоправные деяния. Склонение следует рассматривать как процесс, который может иметь негативный результат, а, в свою очередь, вовлечение является своего рода завершенностью. С этой позиции для ст. 230 УК РФ предпочтительно будет использовать понятия вовлечения.

В отличие от склонения к совершению преступления вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий: не предусматривает инициативу в процессе укрепления решимости или предоставления возможности осуществлять какие-либо действия; является результатом физического и (или) информационного воздействия, цель которого состоит в побуждении к действиям.

В зависимости от объекта посягательства выделяют следующие составы преступлений, включающие вовлечение: преступления против несовершеннолетних (ст. 150, 151, 151.2 УК РФ); преступления против общественной безопасности (ст. 205.1, 212, 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ); преступления против государственной безопасности (ст. 282.1, 282.1, 361 УК РФ).

В зависимости от степени общественной безопасности выделяют: вовлечение в совершение преступление (ст. 150, 205.1, ч. 2 ст. 212, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ч. 2 ст. 361 УК РФ); вовлечение в совершение антиобщественных действий, например, употребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией и др. (ст. 151, 151.2, 240, ч. 2 ст. 242 УК РФ).

Нормы современного уголовного законодательства не определяют сущность понятия вовлечения и его синонимов, что обуславливает необходимость постоянного обращения к правоприменительной практике. Согласно абз. 3 п. 42 постановления № 1 Пленума ВС РФ под вовлечением несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий понимаются действия взрослого лица, целью которых является стимулирование желания совершать противоправные или

1 Дьяченко Н.А. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий: теоретические аспекты // Молодой ученый. 2024. № 2(501). С. 184-186.

2 Сынтин А.В. К вопросу о целесообразности использования термина «склонение» в статье 2301 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 4. С. 433-444.

антиобщественные действия[1]. Формами таких действий со стороны взрослого могут быть обещания, обман, угрозы, разжигание зависти, предложения совершить преступление или какое-либо антиобщественное действие, а также другие действия.

Применительно к ст. 151.2 УК РФ С.В. Молозина отмечает, что вовлечение должно сопровождаться реальной угрозой жизни несовершеннолетнего, при этом действия, к которым был призыв, не должны являться противоправными, но одновременно должны нарушать требования действующих нормативных правовых актов[2].

По мнению А.О. Максимчука, объективную сторону ст. 151.2 УК РФ представляют действия, вовлекающие несовершеннолетнего в противоправные деяния, несущие угрозу его жизни, например, проезд на внешней стороне поезда, хождение по крышам зданий, бег по железнодорожным путям с идущим навстречу поездом и т.д.[3] При этом в законодательстве не раскрываются особенности указанных противоправных деяний. В соответствии с этим следует разграничивать преступления, совершенные по ст. 151.2 УК РФ, от преступлений, ответственность за которые регулируется ст. 110.1 УК РФ: в нормах ст. 110.1 УК РФ присутствует прямой умысел к склонению к самоубийству либо к содействию в его совершении, что позволяет определить цель указанной правовой нормы как наступление смерти несовершеннолетнего. В то время как ст. 151.2 УК РФ не предусматривает наличие аналогичной цели, хотя и не исключает наступление смертельного исхода. Таким образом, А.О. Максимчук указывает на необходимость совершенствования законодательных норм, путем уточнения трактовки «действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Согласно п. 15.1 постановления № 11 Пленума ВС РФ вовлечением для ч. 1 ст. 282.1 и ч. 1 ст. 282.2 УК РФ являются действия по склонению, вербовке и иному вовлечению в деятельность экстремистских организаций или обществ, а также умышленные действия, целью которых является вовлечение в деятельность организаций подобного рода[4].

Согласно нормам ст. 151 УК РФ ответственность возникает за вовлечение в регулярное (систематическое) употребление алкогольных напитков или каких-либо веществ, что является общественно опасной деятельностью. Таким образом, в данном случае на первый план выходит систематичность совершения антиобщественных действий, что оправдывает использование термина вовлечение в положениях ст. 151 УК РФ.

Исследуя проблемы профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий, отметим следующие причины, обуславливающие девиантное поведение: семейные про-

1 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021).

2 Молозина С.В. Юридическая природа понятия вовлечения относительно ст. 151.2 УК РФ // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 8 октября 2021 года. Чебоксары : «Издательский дом «Среда», 2021. С. 156-160.

3 Максимчук А.О., Новикова М.Г. Отдельные аспекты уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий // Современные вызовы и перспективы их решения: анализ и практическое применение : сборник статей международной научно-практической конференции. Киров, 5 июня 2024 года. Уфа : «Аэтерна», 2024. С. 180-184.

4 О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 №11 (ред. от 28.10.2021).

блемы – как крайнюю бедность, так и состоятельность семьи; негативное влияние ближайшего окружения, имеющего противоправную направленность; личностные особенности, негативно влияющие на эффективность социальных коммуникаций; повышенная доверчивость несовершеннолетних, обусловленная отсутствием необходимого жизненного опыта; несформированность психики; взрослые часто используют подкуп для вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий. По мнению большинства специалистов, основным механизмом профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий является налаживание родителями эффективной коммуникации, а также формирование поддерживающего ближайшего социального окружения.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы: историческое развитие норм уголовного законодательства определило терминологическое смешение понятий «склонения», «вовлечения», «привлечения» и «подстрекательства»; проведенный анализ правовых норм позволил выделить ряд отличий понятия вовлечения; действующая система уголовного законодательства требует внесения ряда изменений, направленных на уточнения сущности вовлечения в совершение противоправных или антиобщественных действий.

Куричков Д.О.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемные аспекты квалификации кражи по признакам субъективной стороны

По данным МВД России, в 2025 г. в сравнении с 2024 г. уменьшилось количество зарегистрированных краж – на 9,3%, в том числе квартирных – на 27,1%, краж автомобилей – на 23,7%. Снизилось и число дистанционных краж на 23,6%. Однако в структуре официальной преступности удельный вес краж сохраняется на второй позиции со значением 25,6% (453338), а их раскрываемость увеличилась всего на 1,7%[1].

Кражей признается деяние, если умыслом виновного охватывалось тайное хищение чужого имущества, то есть когда он полагал, что действует незаметно, хотя иные лица видели содеянное, либо в присутствии лиц, не осознававших противоправность деяния или близких родственников виновного, когда имел место расчет на отсутствие противодействия.

Так, умышленные действия подсудимой суд правильно оценил как тайные, поскольку хищение совершено в отсутствие собственника имущества и иных лиц. Тот факт, что продавцы видели действия подсудимой по оплате товаров банковской картой, не влияет на квалификацию действий, поскольку продавцы не осознавали противоправный характер ее действий, считали, что подсудимая рассчитывалась собственной банковской картой, а сама подсудимая, исходя из окружающей обстановки, полагала, что действует тайно[2].

1 Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 31.01.2026).

2 Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 17.04.2025 по делу № 1-379/2025. Здесь и далее судебная практика используется по данным сайта Судебные и нормативные акты РФ: URL: https://sudact.ru/.

Присвоение находки может и должно быть квалифицировано как кража в случаях, если в содержание вины входит осознание факта, что вещь не была выброшена и желание обратить её в свою пользу, либо пользу других лиц.

Анализ судебной практики дает основания утверждать, что вопросы разграничения находки и кражи преимущественно правильно решаются судами. Так, обвинительный приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ был справедливо вынесен в отношении женщины, присвоившей сотовый телефон, забытый на автобусной остановке. Учитывая конкретные обстоятельства уголовного дела, место совершения деяния – общественная остановка, показания потерпевшей о достоверно известном месте нахождения принадлежащего ей телефона, действия, направленные на обращение чужого имущества в свою пользу, а также особенности предмета хищения – сотового телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки, суд счел, что доводы адвоката об отсутствии в действиях его подзащитной состава преступления и о том, что в данном случае имеет место находка, а не кража чужого имущества, являются несостоятельными[1].

Кража с незаконным проникновением в помещение (хранилище или жилище) требует осознания виновным противоправности вхождения наряду с объективным отсутствием у него оснований для этого.

Приволжский районный суд г. Казани отметил, что квалифицирующий признак кражи «незаконное проникновение в жилище» не нашел подтверждения, поскольку между подсудимой и потерпевшей складывались дружеские отношения, подсудимая неоднократно была в жилище, на замок дверь в жилую комнату потерпевшей не запиралась, ею не были предприняты меры по ограничению доступа третьих лиц в жилище, потерпевшая, зная о наличии у родсудимой ключа от двери в подъезд многоквартирного дома и ключа от общего тамбура квартир, не приняла мер по возврату их, тем самым фактически разрешила подсудимой в любое время приходить в ее жилище, то есть подсудимая имела свободный доступ в квартиру, о чем свидетельствуют показания потерпевшей, свидетеля и ее самой, данные показания стороной обвинения не опровергнуты, доказательств обратного суду не представлено[2].

Кража признается совершенной с причинением значительного ущерба, если умыслом виновного охватывалось именно причинение такового, поэтому при не достижении указанной цели по обстоятельствам, не зависящим от его воли, содеянное должно быть квалифицировано как покушение на кражу с названным признаком квалифицированного состава (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ).

По данному признаку квалифицированного состава кражи суд переквалифицировал действия виновной на ч. 1 ст. 158 УК РФ в связи с тем, что не были учтены обстоятельства содеянного и в материалах дела отсутствовали соответствующие доказательства[3].

Есть и обратные примеры, подтверждающие, что суды в целом правильно устанавливают признак значительности ущерба гражданину (потерпевшему). Так, судом апелляционной инстанции не установлено оснований для иной квалификации деяния, приговор и позиция нижестоящего суда была поддержана, а апелляционная жалоба не была удовлетворена[4].

1 Приговор Норильского городского суда от 21.04.2025 по делу № 1-25/2025.

2 Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 27.04.2025 по делу № 1-177/2025.

3 Там же.

4 Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 25.06.2020 по делу № 22-3379/2020.

При отграничении совокупности преступлений от продолжаемой кражи следует установить единый умысел на совершение тождественных действий, в частности направленных на завладение имущества в крупном или особо крупном размере[1].

Показательным примером правильной квалификации кражи с банковского счета как продолжаемого преступления будет выступать приговор Зеленодольского городского суда[2]. Как установлено из материалов уголовного дела осужденная посредством использования найденной чужой банковской карты, действуя с единым не конкретизированным умыслом, направленным на тайное хищение денежных средств с банковского счета, совершила несколько списаний, причинив ущерб на общую сумму 1286 рублей 39 копеек. Возникает резонный вопрос о наличии в содеянном общественной опасности, хотя в практике нет единого подхода, но есть множество примеров прекращения подобных дел за отсутствием состава преступления в связи с малозначительностью и при более значительном ущербе[3], даже на сумму выше 2500 руб. Поэтому с учетом направленности умысла и степени вины, незначительной суммы причиненного ущерба следовало бы применить норму, закрепленную в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Необходимо точно устанавливать момент возникновения и направленность умысла виновного, форму реализации умысла на достижение корыстной цели при отграничении кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств от мошенничества, с использованием электронных средств платежа.

Действия, связанные с бесконтактной оплатой покупок товаров и услуг, переводами безналичных денежных средств со счета потерпевшего на иной счет, при отсутствии обмана или злоупотребления доверием и если списание их осуществляется самим виновным лицом, подлежат квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Правильная и точная квалификация по признакам особо квалифицированного состава кражи обнаруживается в большинстве судебных приговоров, в частности, приговор суда, которым признан виновным в совершении совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Из материалов дела следует, что сначала подсудимый открыто завладел сотовым телефоном потерпевшего с подключенным приложением «Мобильный банк», а затем посредством отправки смс-сообщения осуществил перевод безналичных денежных средств на другой счет. При определении момента возникновения у виновного умысла на хищение денег с банковского счета потерпевшего суд принял за основу показания подсудимого, согласно которым, завладев мобильным телефоном, он принял решение об его использовании в своих корыстных интересах, и путем отправки с него смс-сообщения перевел деньги с банковского счета потерпевшего, привязанного к похищенному телефону последнего, на свою банковскую карту, а далее внутренним переводом между своими счетами. Все описанные действия и финансовые операции виновного по хищению денег последовательно образуют единый состав, т.к. охватываются единым умыслом[4].

1 Преступления, совершаемые с использованием современных цифровых средств: особенности квалификации и толкования : учебное пособие / И.В. Ботвин, А.Г. Брагина, О.В. Ермакова [и др.]. М. : ГУРЛС МВД России, 2024. С. 38.

2 Приговор Зеленодольского городского суда от 28.04.2025 по делу № 1-234/2025.

3 Винокуров В.Н., Тетерятников Н.Ю. Установление признаков состава преступления как опровержимая и неопровержимая презумпция общественной опасности деяния // Уголовное право. 2025. № 12. С. 11-19.

4 Приговор Киржачского районного суда от 23.04.2025 по делу № 1-36/2025.

Таким образом, вопросы квалификации кражи, в том числе по признакам субъективной стороны, остаются актуальными, несмотря на внушительный объем учебной, специальной литературы и наличие разъяснений Верховного Суда РФ. Особую важность имеют установление момента возникновения и вида умысла (конкретизированный или нет), его направленности, корыстной цели, и осознания виновным тайности от момента начала изъятия до фактического завладения чужим имуществом. Точность и правильность квалификации, единство в толковании криминообразующих признаков состава правоприменителями способны обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства, дифференциацию уголовной ответственности и повысить эффективность уголовно-правовой охраны собственности.

Попова Е.М.,
кандидат экономических наук
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

«Цифровое хищение»: проблемы квалификации деяний по статье 159.6 УК РФ

Традиционно критерием разграничения хищений чужого имущества или права на чужое имущество выступал способ совершения противоправного деяния. Однако цифровые технологии внесли коррективы в сложившееся как в уголовно-правовой доктрине, так и правоприменительной практике понимание факультативных признаков объекта и объективной стороны корыстных преступлений против собственности. Показательным примером таких метаморфоз может служить выделение в качестве отдельного состава преступления мошенничества в сфере компьютерной информации, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.6 УК РФ. В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, законодатель однозначно акцентировал внимание на том, что способом хищения является получение доступа к информационной системе и последующие действия с компьютерной информацией. Таким образом, можно наблюдать дополнение классических способов совершения мошенничества новым цифровым способом, не имеющим ничего общего с обманом или злоупотреблением доверия.

Если обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ, изложенным в пп. 1 и 20 постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48, становится очевидным, что законодательные и судебные органы нашей страны взяли уверенный курс на расширение способов хищения, образующих состав мошенничества[1]. Данную позицию категорически не разделяют представители научного сообщества, аргументы которых строятся на концепции «должное не есть сущее».

С.М. Кочои рассуждает о том, что диспозиция ст. 159.6 УК РФ противоречит как основной норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), так и теориям преступлений против собственности, поскольку не содержит субстанциональных способов мошенничества: обмана или злоупотребления доверием[2]. В свя-

1 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48.

2 Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica. 2021. № 6(175). С. 110.

зи с чем ученый предлагает заимствовать подход, реализуемый в уголовном законодательстве Республики Беларусь, согласно которому аналогичное по составу преступление называется «хищение путем использования компьютерной техники». И.И. Евтушенко, Р.Б. Иванченко, А.Н. Малышев отстаивают точку зрения, что состав, описанный в ст. 159.6 УК РФ, является разновидностью кражи, поскольку в момент совершения хищения отсутствует личный контакт с собственником[1].

Анализ описательно-мотивировочной части приговоров, вынесенных по ст. 159.6 УК РФ, показал, что хотя обман или злоупотребление доверием не является способом совершения данного преступления, суды цитируют постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, в части, касающейся разъяснений, что по смыслу уголовного закона следует понимать под обманом.

Приговоромм Новолакского районного суда Республики Дагестан М.Р.Р. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ и ч. 2 ст. 272 УК РФ[2]. Подсудимый приобрел через мессенджер «Телеграмм» логин и пароль от учетной записи личного кабинета Банк «ВТБ», зарегистрированного на С.Н.А, признанную умершей, а также ее персональные данные (реквизиты паспорта, ИНН, СНИЛС). Впоследствии от имени С.Н.А. направил онлайн-заявку на получение кредита в размере 1 725 000 руб., подписав заявление простой электронной подписью, цифровой код для которой был подобран посредством использования программы «скрипт». После подписания договора кредитные денежные средства были зачислены на расчетный счет С.Н.А., однако М.Р.Р. довести преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, до конца не удалось, так как счет был заблокирован сотрудниками Банка ВТБ. Обращают на себя внимание следующие формулировки, описывающие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, которые приведены в тексте приговора:

– М.Р.Р. не имел намерения возвращать в дальнейшем кредитные денежные средства и сообщил тем самым в Банк ВТБ заведомо ложные сведения о личности заемщика;

– по результатам рассмотрения в автоматическом режиме через компьютерную программу Банк «ВТБ» принял положительное решение о предоставлении кредита, принимая указанные действия за достоверные.

Как было отмечено ранее, способом совершения хищения, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.6 УК РФ, выступает воздействие на компьютерную информацию, исключающее личный контакт с собственником имущества или иным лицом. Сложившаяся судебная практика, а также положения уголовно-правовой доктрины однозначно указывают на то, что обмануть можно только человека. Поэтому весьма парадоксальными выглядят вышеприведенные формулировки, учитывая, что злоумышленник взаимодействовал не с сотрудниками кредитной организации, а с компьютерными алгоритмами, которые в уголовно-правовом смысле нельзя обмануть. В этой связи некорректно постановлять в приговоре, что обвиняемый по ст. 159.6 УК РФ сообщил в банк заведомо ложные сведения, а банк принял эти сведения как достоверные. Возникает ситуация, когда «тень» классического мошенничества, подразумевающего использование обмана, пада-

1 Евтушенко И.И. Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 1. С. 337.

2 Приговор Новолакского районного суда Республики Дагестан от 13.04.2025 по делу № 1-26/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации.

ет на трактовку специального состава мошенничества, не имеющего в своей структуре традиционных мошеннических способов совершения хищения.

В судебной практике встречаются случаи, когда деяние квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ, однако способом хищения имущества выступает обман собственника, который, в свою очередь, становится возможным благодаря блокированию компьютерной информации, предварительно совершенному виновным лицом. В качестве примера можно привести приговор Шадринского районного суда в отношении лица, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 159.6, ч. 3 ст. 273 УК РФ[1]. Подсудимый использовал вредоносную компьютерную программу «лкикссстрессер», посредством которой осуществил ДДОС-атаку на информационную систему ООО «Интернет-про». IT-компания выступает аккредитованным хостинг-провайдером, а именно предоставляет облачные ресурсы для размещения сайтов на сервере.

ДДОС-атака оказала воздействие на систему доменных имен, что имело своим следствием блокирование компьютерной информации, которое проявилось во временной утрате работоспособности обслуживаемых хостинг-провайдером интернет-ресурсов (сайтов), принадлежащих в том числе органам государственной власти. После проведенной ДДОС-атаки подсудимый связался с директором ООО «Интернет-про» и предложил услугу по обеспечению защиты от подобных атак, которая состояла во внесении в черный список программы-стрессера IP-адресов компании. Специализированная услуга была оценена в 100 тыс. руб. Директор ООО «Интернет-про» конвертировал сумму денежных средств, эквивалентную 100 тыс. руб., в цифровую валюту «биткоин» и перевел на криптокошелек, принадлежащий подсудимому. Такого способа защиты от ДДОС-атаки не существует, поэтому директор был намеренно введен в заблуждение, что позволило подсудимому совершить хищение.

Неправильная квалификация деяния в сущности является следствием противоречивой конструкции ст. 159.6 УК РФ, которая именуется мошенничеством, однако при этом не содержит классических способов его совершения. Следует признать, что цифровые технологии обусловили появление нового «технологичного» способа совершения хищения, реализация которого требует ввода, модификации, блокирования компьютерной информации либо оказания воздействия на функционирование информационно-телекоммуникационных сетей. Верховный Суд РФ разъясняет, что способ совершения хищения, предусмотренный ст. 159.6 УК РФ, не сводится к авторизации в личном кабинете потерпевшего и переводе денежных средств на счет, подконтрольный виновному, в этом случае содеянное будет квалифицироваться как кража.

Примерами способов совершения хищений по ст. 159.6 УК РФ, которые отличаются большей степенью технологичности и сложности, могут служить оформление кредита от имени владельца личного кабинета или установка злоумышленниками на телефон потерпевшего вредоносных компьютерных программ, которые предоставляют доступ к управлению его банковскими счетами. Единственно верным решением, направленным на единообразное толкование уголовного закона, не идущее в разрез с традиционными составами хищений и устоявшимися доктринальными позициями, видится исключение из названия и диспозиции ст. 159.6 УК РФ термина «мошенничества».

1 Приговор Шадринский районного суда Курганской области от 22.06.2025 по делу № 1-445/2024 1-65/2025 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации.

Мусин И.Р.
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Об усилении уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества

Статья 35 Конституции РФ, декларируя право каждого «иметь имущество в собственности», от лица государства гарантирует охрану частной собственности на основе действующего законодательства. Одним из видов посягательства на частую собственность (имущество) является умышленное уничтожение или повреждение таковой. Предметом данного посягательства являются чужие, то есть не принадлежащие правонарушителю, материальные ценности и другое имущество. Ответственность за умышленное ограничение, а в отдельных случаях и лишение собственника возможности пользоваться своим имуществом в связи с его уничтожением или повреждением, предусмотрена как ст. 7.17 КоАП РФ, применяемой в случаях, когда противоправными действиями правонарушителя не причинен значительный ущерб, то есть установленная стоимость поврежденного либо уничтоженного имущества не превышает 5000 рублей, так и уголовным законом (ст. 167 УК РФ). И в том, и в другом случаях уничтожением считается приведение имущества в полную непригодность путем повреждения, то есть в такое состояние, при котором без исправления недостатков оно уже не может быть использовано по назначению. При этом во втором случае, законодатель отдельно выделяет простой (умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшие причинение значительного ущерба) и целый ряд квалифицированных составов преступления. Так, уголовная ответственность по ч. 2 ст. 167 УК РФ наступает, во-первых, если данные противоправные деяния совершены правонарушителем из хулиганских побуждений, во-вторых, когда злоумышленник намеренно уничтожает имущество другого человека и при этом действует опасным для окружающих способом: путем поджога, то есть умышленного учинения пожара, либо путем организации взрыва с целью умышленного разрушения чужого имущества, иным опасным способом, а также если в результате его неосторожных действий наступила смерть человека или иные тяжкие последствия.

Однако, по мнению автора, в настоящее время меры уголовного и административного наказания, принимаемые к правонарушителям данной категории, являются крайне недостаточными. Так, законодатель не предусмотрел такое основание для привлечения к уголовной ответственности правонарушителя, как неоднократность совершения данного преступления. При этом имеются прецеденты, когда в отношении одного и того же потерпевшего одними и теми же лицами (одним и тем же лицом) неоднократно, осознанно, то есть умышленно, совершались правонарушения, связанные с уничтожением (повреждением) его имущества. Учитывая, что санкции ст. 167 УК РФ не предусматривают обязанность правонарушителя возместить потерпевшему причиненный ущерб, совокупная сумма имущественных потерь в этом случае может являться весьма серьезной. Более того, если имущество повреждено (уничтожено) правонарушителем без выполнения опасных действий, указанных законодателем в ч. 2 ст. 167 УК РФ, то меры наказания, которые могут быть назначены преступнику, не выдерживают никакой критики. Лишь в исключительных случаях суды выносят приговоры, связанные с лишением свободы на срок до двух лет. Иные же ме-

ры наказания, не связанные с лишением свободы, и в первую очередь штраф, как правило, не оказывают никакого профилактического воздействия его на сознание преступника, так как правонарушитель умышленно совершил данное преступление, не раскаивается в этом и не намерен возмещать собственнику причиненный материальный ущерб.

Кроме того, законодатель не предусмотрел и такое основание для привлечения к уголовной ответственности, как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если правонарушителем данные действия были совершены из экстремистских побуждений, то есть по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В условиях многонационального характера нашего государства совершение указанных преступлений должно рассматриваться как посягательство на основы конституционного строя Российской Федерации, а следовательно, санкции должны быть адекватно жесткими.

В то же время на данный момент уголовным законом максимальная санкция за «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, либо повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» предусматривает лишение свободы только на срок до пяти лет, при этом у преступника имеется возможность отделаться наказанием в виде принудительных работам на тот же срок.

По мнению автора имеется настоятельная необходимость усиления мер уголовной ответственности за вышерассмотренные виды преступлений, а также изменения редакции статьи 167 УК РФ, путем внесения в нее дополнительных составов преступлений.

Садовых К.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Предмет как разграничительный признак смежных составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконные производство и (или) оборот алкогольной продукции

Обеспечение национальной безопасности и защита здоровья нации являются безусловными приоритетами государственной политики Российской Федерации, что последовательно закрепляется в ключевых стратегических документах[1]. Одной из основных задач в данной сфере выступает борьба с «теневым» сектором, в частности с незаконным оборотом алкогольной продукции. Установление уголовной ответственности за незаконное производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее – продукции), в первую очередь является мерой борьбы с контрафактной, суррогатной и фальсифицированной алкогольной продукцией, составляющей этот теневой сектор. Указанная продукция причиняет масштабный ущерб экономике страны и несет прямую угрозу жизни и здоровью населения.

1 О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 08.12.2025 № 896; О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208.

В правоприменительной и доктринальной практике нет единых дефиниций данных терминов. Представляется необходимым унифицировать их для четкого разграничения предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом продукции (ст. 171.1, 171.3, 180, 234.2, 238, 327.1 УК РФ).

1. Контрафакт алкогольной продукции. Согласно п. 1. ст. 1515 ГК РФ товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными. Согласно данной норме и Федеральному закону от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» к контрафакту алкогольной продукции следует относить спиртосодержащую пищевую продукцию с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, произведенную на промышленных предприятиях или в кустарных условиях под известным брендом, но без их разрешения, в нарушение гражданского законодательства.

2. Фальсификат алкогольной продукции. Фальсифицированные продукты питания согласно ст. 1 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» – это пищевые продукты, умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качество, информация о которых является заведомо неполной или недостоверной.

При фальсификации продукция производится отлично от требований стандарта по техническим инструкциям и рецептурам для каждого конкретного наименования изделия и нормативных правовых актов, действующих на территории государства, принявшего стандарт.

Для каждого вида алкогольной продукции предусмотрен свой обязательный государственный стандарт (далее – ГОСТ), включающий обязательные характеристики: органолептические и физико-химические показатели, допустимый уровень токсических элементов и метилового спирта, требования к сырью, упаковке и маркировке.

Конечная цель фальсификаторов – придание продукции потребительского вида при существенном отклонении ее органолептических и физико-химических характеристик, установленных ГОСТ, с целью минимизации издержек производства.

Полагаем, что фальсификат алкогольной продукции – это спиртосодержащая пищевая продукция с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, не соответствующая требованиям ГОСТ, пригодная для внутреннего потребления, содержащая в своем составе метанол в концентрации не более 1,0 грамма на кубический дециметр, то есть неопасная для жизни и здоровья населения, реализуемая под видом алкогольной продукции, в соответствующей таре, оклеенная этикеткой с конкретным видом продукции.

К фальсификату алкоголя может быть отнесена и контрафактная продукция, если на таре фальсификата использован чужой товарный знак.

3. Суррогат алкогольной продукции. К обозначенному предмету относится спиртосодержащая жидкость, приобретаемая для употребления внутрь, но предназначенная для иных целей, содержащая в своем составе опасные вещества, в том числе метанол в концентрации более 1,0 грамма на кубический дециметр, то есть опасная для жизни и здоровья населения.

Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка РФ выделяет два вида такой продукции:

а) медицинского назначения (настойки типа «Боярышник», реализуются в аптеках, в сети Интернет);

б) бытового назначения (лосьоны, жидкости для розжига, стеклоомывающие жидкости и т.д.)[1].

Суррогат алкогольной продукции относится к самому опасному виду и требует самых жестких мер контроля со стороны государства и правоохранительных органов.

4. Нелегальная алкогольная продукция. Данный термин является родовым понятием к ранее указанным. К нелегальной продукции следует относить всю неучтенную алкогольную продукцию, выпущенную без уплаты акциза и других налогов.

Отождествление предмета с конкретным термином существенно оптимизирует ориентирование для правоприменителя в сфере незаконного оборота алкогольной продукции и способствует быстрой и верной квалификации деяния. Можно предложить следующий алгоритм квалификации:

если продукция относится к фальсифицированной, то эксперт будет проводить расчет ее стоимости согласно приказу Министерства финансов Российской Федерации от 12 декабря 2024 г. № 191н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляется закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции» как «иная алкогольная продукция». При установлении размера, превышающего 100 000 рублей, и наличии обязательных признаков деяние следует квалифицировать по ст. 171.3 УК РФ;

когда продукция относится к суррогатному алкоголю, то расчет стоимости должен производиться по приказу Министерства финансов Российской Федерации от 12 декабря 2024 г. № 190н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляется закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из непищевого сырья, и денатурированного этилового спирта, произведенного из пищевого и непищевого сырья (за исключением биоэтанола)». Действия лица с суррогатом алкоголя можно квалифицировать по совокупности ст. 171.3 УК РФ (при наличии установленного законом размера) и ст. 234.2 УК РФ. Указанное в полной мере коррелирует с позицией Т.А. Огарь, которая считает, что предмет ст. 171.3 УК РФ может включать в себя и фальсификат, и суррогатный алкоголь, разграничение будет влиять только на расчет стоимости. К предмету ст. 234.2 УК РФ можно отнести только суррогатный алкоголь[2];

продукция относится к контрафактной – лицо оклеило тару этикеткой, содержащей чужой товарный знак, тогда возможна квалификация преступления по совокупности по ст. 171.3 и ст. 180 УК РФ и иным составам преступлений при установлении иных обязательных признаков (ст. 171.1, ст. 238, 327.1 УК РФ).

Таким образом, четкое понимание дефиниций «контрафакт», «фальсификат» и «суррогат» применительно к алкогольной продукции имеет ключевое влияние на качественные и количественные характеристики предмета преступления, что создает основу для разграничения смежных составов преступлений и единообразного применения уголовно-правовых норм, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции.

1 Официальный сайт Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками. URL: https://fsrar.gov.ru/?ysclid=mkml72pdfq631132746 (дата обращения: 18.01.2026).

2 Огарь Т.А. Влияние характеристик предмета преступления на квалификацию деяния по ст. 171.3 УК РФ // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 369-373

Малько́в С.М.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Устойчивость как конструктивный признак бандитизма (ст. 209 УК РФ)

Диспозиция ст. 209 УК РФ, раскрывая понятие бандитизма, указывает на устойчивую вооруженную группу (банду), которая создается в целях нападения на организации и граждан. Одновременно обосновывая содержание форм соучастия, ст. 35 ч. 3 УК РФ раскрывает организованную группу как устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Несмотря на стабилизацию правоприменительной практики и максимальное толкование признаков бандитизма, имеются немало спорных вопросов, требующих единого подхода и расширения критериев к содержанию признака устойчивости.

Понятие устойчивости п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» определяется как стабильность состава группы, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования, количество совершенных преступлений.

В науке обоснованы различные критерии признака устойчивости. Среди объективных критериев устойчивости обращено внимание на временной промежуток времени (длительность (долговременность) существования группы), активность (неоднократность) преступных действий, стабильные методы и средства преступной деятельности[1]. Субъективные критерии указывают на стойкость преступных намерений заниматься преступной деятельностью, при этом обосновывается, что группа может быть устойчивой при стремлении ее участников совершить преступление, требующее длительной подготовки и четкого распределения ролей. При этом твердость преступных намерений состоит в стремлении участников совершить несколько преступных фактов, составляющих в совокупности единое преступление[2]. Признак устойчивости можно рассмотреть и через криминологические подходы. В частности, наличие лидера, четкой иерархической структуры, ролевой дифференциации участников группы, наличие принятых норм поведения, криминальной субкультуры и ценностных ориентиров[3].

Судебная практика, используя многофакторный подход, обращает внимание на наличие как качественных, так и количественных характеристик признака устойчивости. Так, в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» об устойчивости могут свидетельствовать наличие организатора (руководителя), большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность, распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а

1 Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов, 1991. С. 101-102.

2 Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 115.

3 Галиакбаров Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 76.

также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы).

Таким образом, признак устойчивости бандитизма не получил однозначного подхода ни в науке, ни в правоприменительной практике, что свидетельствует об его субъективно-объективном характере, а также может находить свое проявление и в других характеристиках.

При квалификации бандитизма, на наш взгляд, следует учитывать многие обстоятельства, которые могут быть объединены в различные группы и указывать на признак устойчивости.

Во-первых, в основе признака устойчивости в бандитизме следует рассматривать различные характеристики членов преступной группы (банды). В связи с чем необходимо указать на наличие в преступной группе значительного и необходимого количество участников для совершения планируемых нападений. Конечно, данный подход противоречит понятию соучастия в преступлении, под которым понимается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ) и разъяснению Верховного Суда РФ, который отмечает, что субъектом бандитизма может быть лицо, достигшее 16 лет, а лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие преступления в составе банды, подлежат ответственности лишь за конкретные преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14 лет.

Вместе с тем считаем, что минимальное количество соучастников, например 2-3 человека, не дают оснований признать группу устойчивой, поскольку преступный результат при совместной деятельности минимального количества участников также минимален, не соответствует общественной опасности преступления и не может обеспечивать достижения специфической цели преступления (системообразующего признака), то есть нападение на граждан или организации.

Во-вторых, в рамках характеристики состава преступной группы особое внимание следует обратить на длительность существования преступной группы. Продолжительность функционирования преступной группы является оценочным понятием и характеризуется большим временным промежутком. В отличие от группы лиц по предварительному сговору банда редко может прекращать преступную деятельность после совершения одного или нескольких нападений, вместе с тем возможен период приостановления деятельности, но при сохранении состава группы. Для квалификации признака устойчивости важен сам факт существования преступной группы с усеченным моментом окончания преступления, то есть признание преступления оконченным на ранней стадии преступной деятельности, независимо от совершения нападений[1]. При этом организованная группа может существовать в течение длительного времени.

В-третьих, стабильность состава участников банды, которая означает сохранение системы коммуникаций и субъективной связи между членами банды, что практически исключает появление в группе второстепенных соучастников, роль которых минимальна, а также интенсивным выбыванием участников из преступной группы. Благодаря стабильности состава участников банды происходит консолидация преступной среды, которая выражается в масштабной совместной деятельности и направлена на создание условий для совершения значительного количества преступлений[2].

1 Подр.: Мальков С.М. Шеслер А.В. Преступления против общественной безопасности: монография. Красноярск, 2022. С. 59-61.

2 Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 17.

В-четвертых, для определения признака устойчивости важна характеристика самой преступной деятельности группы и совершаемых ею преступлений. В связи с этим следует указать на максимальную интенсивность преступной деятельности; неоднократное совершение нападений; категории совершаемых преступлений, среди которых основная доля приходится на тяжкие и особо тяжкие преступления; тщательная подготовка и планирование преступлений. При этом банда может быть создана для совершения одного, но требующего особой подготовки, преступления (угон воздушного или водного судна, нападение на тщательно охраняемые учреждения и организации (банки, воинские части, административные здания), активное противодействие сотрудникам правоохранительных органов).

В-пятых, наличие в группе определенной иерархии и структуры. Это предполагает деятельность организатора группы, который, как правило, создает и руководит группой, четкое распределение ролей и функций между участниками преступной группы, наличие постоянных связей между ними, согласованность их действий, дисциплину, наличие определенных правил поведения, систему поощрений и наказаний и т.д. При характеристики преступной иерархии следует учитывать и иные обстоятельства, например, специальная подготовка участников организованной группы: военные, медработники, киберспециалисты, наличие четкой конспирации и прикрытия, развитая система безопасности, использование информационных технологий в подборе соучастников.

Следует указать, что в отличие от преступного сообщества (преступной организации) этот признак присутствует не всегда и не во всех организованных преступных группах, в том числе бандах.

В-шестых, постоянство форм и методов преступной деятельности, наличие собственных средств, орудий, иных технических приспособлений и иных условий для совершения преступлений. Так, в соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства.

Так, приговором Санкт-Петербургского городского суда к уголовной ответственности по ст. 209 ч. 1 и 209 ч. 2 УК РФ к различным видам и срокам наказаний были привлечены граждане Ш., Б., П., Ш., которые с 2019 г. в составе организованной группы (банды) совершили ряд тяжких и особо тяжких преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой в крупном размере), ч. 3 ст 222 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, ношение оружия, боеприпасов, совершенные организованной группой), ст. 126 УК РФ (похищение человека), ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством).

Преступная группа тщательно готовилась к совершению преступлений: были распределены роли между участниками группы при нападении; обеспечена конспирация совершенных преступлений; на протяжении длительного времени члены группы неоднократно выезжали на место преступления, где планировали и конкретизировали свои действия, определяли пути отхода; собирали информацию о потерпевших; подбирали и использовали орудия и средства совершения преступлений – боевое огнестрельное и газовое оружие, боеприпасы, ножи, электрошокер, ра-

диостанции, транспортные средства, арендованные квартиры, средства маскировки, комплекты одежды. Некоторые члены преступной группы в уверенно владели огнестрельным оружием поскольку имели специальную подготовку по обращению с ним[1].

Следует указать, что указанные характеристики признака устойчивости в бандитизме максимально должны устанавливаться при расследовании уголовных дел, квалификации преступлений и судебном рассмотрении, а также учитываться только в совокупности.

Антонова Е.Ю.,
доктор юридических наук, профессор
Московский университет «Синергия»

Содействие диверсионной деятельности: вопросы законодательной техники

В последние годы особую актуальность представляют проблемы защиты национальной безопасности, в том числе мерами уголовно-правового воздействия. В научной литературе даже делается акцент на вынужденную модернизацию российского уголовного закона, поиск и внедрение эффективных механизмов нейтрализации новых рисков и угроз национальной безопасности и минимизации их негативных последствий, а также традиционных криминальных вызовов[2]. К таким вызовам, существенно подрывающим экономическую безопасность и обороноспособность России как составных частей национальной безопасности, можно отнести, например, диверсию, ответственность за совершение которой является традиционной для отечественного уголовного закона. При этом долгие годы данное деяние крайне редко фиксировалось в официальной статистической отчетности. Но ситуация изменилась. Так, по данным государственной статистической отчетности, в 2016 г. на территории России были зарегистрированы 2 преступления, предусмотренных ст. 281 УК РФ, в 2017 г. – 3, в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 0, в 2020 г. – 0, в 2021 г. – 1, в 2022 г. – 23, в 2023 г. – 154, в 2024 г. – 158.

Рост диверсионных актов способствовал тому, что в 2022 г. законодатель расширил перечень преступлений диверсионной направленности путем криминализации содействия диверсионной деятельности, прохождения обучения в целях осуществления такой деятельности, организации диверсионного сообщества и участия в нем. К отягчающим наказание обстоятельствам отнесено «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии» (п. «с» ч 1 ст. 63 УК РФ). В 2025 г. законодатель пошел на усиление уголовной ответственности за диверсионные преступления, понизив возраст субъекта до 14 лет.

Данные законодательные решения, с одной стороны, обусловлены повышенной общественной опасностью диверсионной деятельности. С другой стороны, законодательная конструкция новых норм об ответственности за сопутствующие диверсии преступления вызывает некоторые вопросы как теоретического, так и практического свойства.

1 Уголовное дело от 09.06.2023 № 2-10/2023 (2-48/2022). Архив Санкт-Петербургского городского суда.

2 Нудель С.Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 62-72.

Остановимся подробнее на норме о содействии диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ).

Норма введена в уголовный закон в конце 2022 г. и стала активно реализовываться на практике. Согласно статистической отчетности МВД России, в 2023 г. на территории страны были зарегистрированы 24 преступления, предусмотренных ст. 281.1 УК (15,6% от всех зарегистрированных диверсионных преступлений), в 2024 г. – 31 (19,6% от всех зарегистрированных диверсионных преступлений). Вместе с тем проблемы с применением данной нормы остаются. Это, на наш взгляд, связано в первую очередь с особенностями ее законодательной конструкции. Назовем некоторые из них.

Статья 281.1 УК сконструирована идентично норме о содействии террористической деятельности, соответственно она повторяет те же ошибки правил законодательной техники[1].

Объективная сторона преступления, описанного в ч. 1 рассматриваемой нормы, включает несколько альтернативных действий, которые традиционно оценивались как подстрекательство к совершению преступления (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение диверсии) либо пособничество ему (вооружение или подготовка лица в целях совершения диверсии и ее финансирование). Часть 3 нормы устанавливает ответственность за пособничество диверсии, а в ч. 4 речь идет об организации диверсии, руководстве совершением диверсионных актов, а также об организации финансирования диверсии.

Таким образом, пособнические действия, направленные на содействие диверсионным актам, законодатель распределил на две самостоятельные нормы. При этом ч. 1 является специальной нормой по отношению к общей норме – ч. 3, поскольку в ней (в ч. 1) выделены, как мы уже сказали, специальные виды пособничества. Вместе с тем из определения дефиниции «пособничество», раскрываемой в примечании 2 к статье, следует, что субъект преступления, описанного в ч. 3, может содействовать совершению диверсии, в том числе путем предоставления средств или орудий совершения преступления. Данная формулировка вполне могла бы охватывать такие действия, как вооружение и финансирование. С учетом же того, что вооружение и финансирование выделены в отдельный состав преступления (ч. 1), пособничество в ч. 3 не включает в себя предоставление субъектам диверсии (диверсантам) оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств или других предметов вооружения, а также денежных средств и оказание иных финансовых услуг.

Очевидно, что выделение из общей массы пособнических действий вооружения, подготовки лиц и финансирования диверсии обусловлено их повышенной степенью общественной опасности по сравнению с иными формами пособничества. Это, с одной стороны, отражено в санкциях рассматриваемой статьи – пособничество (ч. 3) не предусматривает такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы. Но, с другой стороны, несмотря на то что санкция ч. 1, которой установлена ответственность за вооружение, подготовку лиц и финансирование диверсии, предусматривает возможность назначения пожизненного лишения свободы, альтернативно устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом или без такового. В связи с этим не ясно, почему при пособничестве, о котором идет речь в ч. 3, срок лишения свободы выше – от 10 до 20 лет?

1 Подр.: Антонова Е.Ю., Антонов И.М. Содействие террористической деятельности: вопросы квалификации, криминализации и пенализации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12(204). С. 100-103.

Представляется, что в тех случаях, когда санкция предусматривает пожизненное лишение свободы в качестве меры наказания за содеянное, альтернативой к нему должен предусматриваться максимальный срок лишения свободы, т.е. до 20 лет.

Такой подход к построению санкций демонстрирует отсутствие у законодателя четкого понимания критериев степени общественной опасности деяний, описанных в этих нормах. Данный аспект обсуждается и на страницах научных публикаций[1]. Полагаем, что вопрос о пенализации преступлений в целом[2] и преступлений диверсионной направленности[3] в частности требует дополнительного изучения и повышенного внимания в процессе законотворческой деятельности.

Отметим и то, что определение пособничества в нормах уголовного закона имеет двоякое содержание. В Общей части УК РФ пособник рассматривается в качестве вида соучастника преступления, а в нормах Особенной части УК РФ, в том числе посвященных диверсионным преступлениям, пособничество представлено в качестве самостоятельной преступной деятельности. Другими словами, пособник выступает здесь в качестве исполнителя преступления, для привлечения к ответственности которого не требуется заблаговременное соглашение с лицами, которые будут непосредственно совершать диверсионный акт. В науке уголовного права высказываются сомнения относительно социальной обусловленности такого законодательного решения, поскольку оно «ломает» теорию соучастия и стадий совершения преступления.

Положительно оцениваем решение законодателя предусмотреть в качестве квалифицирующего признака совершение действий, описанных в ч. 1 ст. 281.1 УК РФ, в отношении несовершеннолетнего. Таким образом, данный состав преступления становится специальным по отношению к общему составу о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Введение данного отягчающего признака в норму о содействии диверсионной деятельности исключает дополнительную квалификацию содеянного по общей норме – санкция ч. 2 ст. 281.1 УК РФ значительно строже санкции ч. 4 ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления), поскольку предусматривает наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

Важно подчеркнуть и то, что в последние годы деяния, направленные на вовлечение лиц в ту или иную преступную (в том числе диверсионную) деятельность, зачастую совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТС). Такому воздействию подвергаются не только взрослые, но и несовершеннолетние лица.

Так, в январе 2025 г. 16-летняя девушка получила в мессенджере от незнакомого лица предложение совершить за денежное вознаграждение диверсионный акт (поджог оборудования на электроподстанции), для выполнения которого она привлекла свою 13-летнюю

1 Горшкова Н.А. Пенализация диверсионной деятельности: законодательный и правоприменительный подходы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 4. С. 26-35; Рарог А.И. Текст уголовного закона и правовая позиция законодателя // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5(109). С. 96-108.

2 Антонов И.М. К вопросу о законодательной пенализации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2(206). С. 241-243.

3 Подр.: Антонова Е.Ю. Некоторые вопросы криминализации и пенализации преступлений диверсионной направленности // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 30-31 марта 2023 г. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2023. С. 103-109.

подругу. Содеянное было реализовано за вознаграждение в 25 тыс. рублей[1].

Тот аспект, что вовлечение в совершение преступлений происходит зачастую на цифровых платформах, законодатель учел при внесении изменений в ст. 150 УК РФ (п. «б» ч. 2), но упустил при конструировании нормы о содействии диверсионной деятельности.

Представляется, что норма о содействии диверсионной деятельности также должна быть дополнена квалифицирующим признаком – «с использованием ИТС, включая сеть «Интернет», что соответствует требованиям социальной обусловленности – использование цифровых технологий повышает степень общественной опасности деяний, связанных с вовлечением (вербовкой, склонением) лиц в диверсионную деятельность, а равно организацией такой деятельности, является относительно распространенным и имеет тенденцию к увеличению деяний подобного рода[2].

Сказанное позволяет заключать, что в процессе законотворческой деятельности не всегда соблюдаются правила законодательной техники. Одним из наиболее существенных недостатков является отсутствие четких критериев общественной опасности деяния. Это влечет за собой ошибки в дифференциации уголовной ответственности по степени общественной опасности. Отсюда некорректная структура санкций уголовно-правовых норм, что четко видно, в том числе на примере диверсионных преступлений. Другой проблемой является несогласованность норм между собой, что отрицательно сказывается в процессе юридической оценки содеянного.

Ругина О.А.,
кандидат юридический наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Краснодар)

Уголовно-правовое противодействие преступлениям террористического, диверсионного и экстремистского характера: проблемы законодательной регламентации и правоприменения

В современных реалиях преступления террористического и диверсионного характера, а также экстремистской направленности представляют серьезную угрозу для национальной безопасности, что актуализирует необходимость противодействия им, в том числе уголовно-правовыми средствами. Согласно официальной статистике в России наблюдается значительный рост преступлений этого вида. Так, в 2025 г. были зарегистрированы 5920 преступлений террористического характера и 2241 преступление экстремистской направленности (по сравнению с предыдущим отчетным периодом +59,4% и +30,4% соответственно)[3]. Сложившаяся криминальная ситуация является не-

1 В Архангельске вынесен приговор по уголовному делу о диверсии // Нарьяр-Мар. URL: https://adm-nmar.ru/news/detail/16680/ (дата обращения: 20.12.2025).

2 Подр.: Антонова Е.Ю. Вовлечение в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность с использованием цифровых технологий: уголовно-политический аспект // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов III международной научно-практической конференции: в 6 т. Казань, 20 сентября 2024 г. Казань : «Познание», 2024. С. 14-24.

3 Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 г. // Статистика и аналитика МВД РФ. URL: https://мвд.рф/deljatelnost/statistics (дата обращения: 01.02.2026).

благоприятной и в интересах повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с указанными посягательствами требует дальнейшего совершенствования соответствующих положений уголовного законодательства и практики его применения.

Особенно явственно эта потребность прослеживается применительно к таким наиболее опасным ввиду их «организованности» преступным проявлениям, как организация и участие в террористическом, диверсионном и экстремистском сообществах (ст. 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ), ввиду дефектности законодательного описания перечисленных составов, которая не может быть преодолена посредством судебной интерпретации, а потому нуждается в легальном урегулировании.

В частности, вызывает несогласие, что в действующих редакциях названных статей террористическое, диверсионное и экстремистское сообщества законодателем определяются однотипно – через термин «устойчивая группа лиц». При этом наряду с созданием такого сообщества наказывается «руководство им, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями». Полагаем, что процитированные законодательные формулировки лишь усложняют процесс правоприменения, поскольку не согласуются с содержащимися в Общей части УК РФ дефинициями организованной группы и преступного сообщества.

В соответствии с ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в преступных целях, признается именно организованной группой, а преступное сообщество (специфическими разновидностями которого выступают террористическое, диверсионное и экстремистское) характеризуется иными признаками и представляет собой не просто устойчивую, а структурированную организованную группу или их объединение под единым руководством для совместного совершения его участниками одного или нескольких тяжких или особо тяжких по категории преступлений в целях получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Таким образом, именно наличие в составе сообщества иерархической структуры в виде территориально и функционально обособленных структурных подразделений, действующих под единым руководством, составляет специфику преступного сообщества как одной из уголовно-правовых форм соучастия в целом и его особых разновидностей в частности.

В свете изложенного представляется целесообразным исключить из диспозиций ст. 205.4, 281.3 и 282.1 УК РФ упоминание об устойчивости как определяющем признаке для террористического, экстремистского и диверсионного сообществ, одновременно заменив его указанием на структурированность соответствующего преступного объединения. Наряду с этим полагаем необходимым внести аналогичные изменения в п. 22.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1[1] и в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11[2].

Подводя итог, следует констатировать, что процесс совершенствования уголовного законодательства и практики его применения в сфере противодействия преступлениям террористического и диверсионного характера, а также экстремистской направленности, особенно их организованным формам, имеет незавершенный характер и со-

1 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (в ред. от 03.11.2016).

2 О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025).

храняет резервы для дальнейшей оптимизации.

Эйсмонт Я.А.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Размер наркотических средств и психотропных веществ как критерий дифференциации уголовной ответственности по ст. 228 УК РФ (ретроспективный аспект)

Размер наркотических средств в ст. 228 УК РФ является законодательно учтенным, ключевым критерием дифференциации уголовной ответственности. Трехступенчатая система размеров, установленная в норме, прямо определяет тяжесть преступления и суровость наказания, что формально отражает степень общественной опасности деяния. Однако данная правовая конструкция нормы с учетом дробления размеров на три ступени формировалась несколько десятилетий. Она представляет собой итог сложного, подчас противоречивого историко-правового развития, в ходе которого законодатель реагировал на вызовы наркопреступности, менял акценты уголовной антинаркотической политики, корректируя количественные пороги размеров.

Исторический анализ эволюции размеров наркотических средств направлен на выявление закономерностей и движущих сил изменений, что позволит критически оценить действующую модель дифференциации уголовной ответственности. Исследование основ определения размеров наркотических средств, как справедливо отмечает П.Н. Сбирунов, представляет «одно из перспективных направлений уголовно-правовых исследований, направленных на дальнейшее совершенствование российского антинаркотического законодательства путем дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за наркопреступления по размеру предмета преступления»[1].

Историю развития количественного критерия дифференциации уголовной ответственности за наркопреступления можно разделить на пять ключевых этапов, каждый из которых отражал смену подхода к размерам наркотических средств и влек за собой значимые последствия для правоприменителя.

Первый этап (1974-2003 гг.): формирование критерия. Первое закрепление признака преступления «крупный размер» в 1974 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РСФСР» № 29 заложило основу для количественной оценки тяжести преступления в зависимости от размера предмета преступления. Это качественно изменило структуру санкции. Если по ч. 1 ст. 224 УК РСФСР максимальное наказание составляло 10 лет лишения свободы без минимального порога, то ч. 2 той же статьи за квалифицированный состав устанавливала существенно более строгую «вилку» от 6 до 15 лет. Таким образом, дифференциация выразилась в ужесточении наказания: появился нижний предел и увеличен максимальный предел на 5 лет.

Однако на тот момент отсутствовали конкретные рекомендации установ-

1 Сбирунов П.Н. Дифференциация уголовной ответственности за наркопреступления, совершенные в значительном, крупном и особо крупном размерах // Наркоконтроль. 2016. № 1. С. 29.

ления крупного размера, в связи с этим решение вопроса основывалось на субъективной оценке правоприменителя, что создавало почву для правовой неопределенности и противоречивой практики.

Второй этап (1987-2003 гг.): экспертно-рекомендательная формализация критерия.

Первые количественные показатели размеров, которые служили ориентиром при квалификации, были установлены 25 ноября 1987 г. Постоянным комитетом по контролю наркотиков (далее – ПККН), представляющим собой межведомственный экспертный орган, работающий на общественных началах при Министерстве здравоохранения Российской Федерации[1]. Сводная таблица заключений по размерам наркотических средств, разрабатываемая ПККН, являлась лишь экспертным заключением независимого экспертного органа и носила рекомендательный характер. При отсутствии в законе четких критериев для определения размеров наркотических средств и психотропных веществ решение данного вопроса возлагалось на суд. Вопрос решался исходя из их количества, свойств, степени воздействия запрещенных веществ на организм человека, других обстоятельств дела и с учетом рекомендаций, разработанных ПККН[2]. Таблицы совершенствовались и дополнялись регулярно вплоть до 2003 г. Как отмечалось в примечании к таблицам, размеры определялись по 15-балльной системе, включающей оценку наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ с позиций химической, фармакологической, правовой и др.[3] Разъяснений о других критериях и расчете конкретных цифр в примечании не приводится, однако указание на то, что есть критерии, определенная методика свидетельствует о комплексном, обоснованном подходе.

Третий этап (2003-2006 гг.): переход к правовому государственному регулированию. Масштабные поправки связаны с дополнением новым признаком «особо крупный размер» и установлением нового подхода к определению крупного и особо крупного размера[4] . Отказавшись от фиксированных весовых критериев, вводились новые параметры, привязанные к определению «средняя разовая доза». Так, крупным размером признавалось количество, в 10 и более раз превышающее среднюю разовую дозу, а особо крупным – в 50 и более раз.

Данная правовая конструкция носила отсылочный характер: примечание закрепляло общий принцип, распространяя его действие также на ст. 228.1 и 229 УК РФ, а конкретное количественное наполнение понятия «средняя разовая доза» для каждого вещества делегировалось на утверждение Правительству РФ[5]. Это создавало гибкий, но зависимый от подзаконного акта механизм квалификации. Таким образом, в уголовном законе впервые была закре-

1 Положение о Постоянном комитете по контролю наркотиков : утв. Минздравом РФ 25.12.1992.

2 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.05.1998 № 9.

3 Сводная таблица экспертных заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном владении или обороте : утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков от 06.03.2001 №2/80-01.

4 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ .

5 Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 06.05.2004 №231.

плена конкретная система определения размеров наркотических средств, произошло четкое разграничение на крупный и особо крупный размеры, что привело к развитию системы дифференциации уголовной ответственности.

Четвертый этап (2006-2012 гг.): формализация и унификация размеров через абсолютные метрические пороги. В 2006 г. законодатель отказался от системы расчета, основанной на «средней разовой дозе потребления», ввиду ее ключевого недостатка – невозможности установить объективные и единые стандарты.

Вместо относительных параметров была введена фиксированная метрическая система. Это потребовало от Правительства РФ утвердить конкретные весовые пороги (в граммах) для каждого вещества, определяющие крупный и особо крупный размер, что упростило правоприменение[1].

Пятый этап (2012 г. – наст. время): утверждение современной трехуровневой системы дифференциации уголовной ответственности. В 2011 г. был введен новый квалифицирующий признак – «значительный размер», что сформировало трехуровневую градацию уголовной ответственности. Это нововведение потребовало комплексного пересмотра всех пороговых значений. Реализация данной нормы была обеспечена постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, утвердившим конкретные количественные критерии для каждого уровня. Таким образом, дифференциация ответственности была окончательно формализована в единой системе абсолютных метрических порогов, обязательных для правоприменения.

Представленный исторический анализ эволюции размеров наркотических средств демонстрирует, что формальный количественный критерий, положенный в основу дифференциации ответственности по ст. 228 УК РФ, сформировался в результате противоречивого процесса, лишенного единой научно обоснованной методологии.

От субъективной оценки суда на первом этапе, через попытку введения относительного критерия «средней разовой дозы» на втором, законодатель пришел к жесткой системе фиксированных граммовых порогов на третьем и четвертом этапах. Однако каждый из этих поворотов не сопровождался прозрачным и публичным обоснованием конкретных числовых значений. Рекомендательные таблицы Постоянного комитета по контролю наркотиков, как и последующие обязательные постановления Правительства РФ, не раскрывают расчетных методик, объективных критериев и научных данных, на основе которых устанавливались цифровые границы между «значительным», «крупным» и «особо крупным» размерами.

Методологическая непрозрачность в определении размеров наркотических средств создают правовую неопределенность. Как результат – дифференциация уголовной ответственности за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление или переработку наркотических средств и психотропных веществ теряет связь с принципом соразмерности и объективной оценкой общественной опасности деяния.

1 Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 2281 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 07.02.2006 № 76 .

Токманцев Д.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о соисполнительстве в незаконном приобретении наркотиков

Квалификация соисполнительства в любом преступлении предопределяется правильным пониманием границ его объективной стороны[1]. Без этого невозможно четко разграничить исполнение преступления от пособничества. Применительно к ст. 228 УК РФ это понимание осложняется кажущейся простотой законодательной дефиниции «приобретение» наркотиков.

Пленум Верховного Суда РФ рассматривает приобретение наркотиков как их получение любым способом. К способам приобретения наркотиков относит покупку, получение в обмен, в качестве средства расчета, в долг, присвоение найденного, сбор дикорастущих наркосодержащих растений или их частей.

Анализ указанных способов незаконного приобретения наркотиков позволяет вывести две модели деяния, составляющего объективную сторону этого преступления.

Первая модель – простое, одноактное приобретение. Она характерна для безвозмездных способов, когда наркотики переходят во владение лица в результате единственного поведенческого акта – непосредственного принятия вещества. Примерами служат сбор дикорастущих растений или присвоение найденных наркотиков.

По структуре такое действие неделимо и не содержит самостоятельных этапов. Поэтому соисполнительство возможно только при совместном и одновременном физическом участии всех соучастников в акте завладения. Если несколько лиц совместно собирают части наркосодержащих растений, непосредственно срывая или укладывая их, все они являются соисполнителями. Если же одно лицо лишь указывает место сбора, а другое фактически собирает части таких растения, первое выступает лишь в роли пособника.

Вторая модель – сложное, многоактное приобретение. Она охватывает возмездные способы, которые, несмотря на противоправность, по структуре напоминают гражданско-правовую сделку: имеется согласование, оплата и передача-получение предмета сделки. К этой модели относятся покупка, мена и получение наркотиков в счет оказанной услуги. Характерными чертами здесь являются двухсторонность (продавец – покупатель) и предоставление встречного эквивалента.

Объективная сторона этой модели незаконного приобретения наркотиков складывается из цепочки последовательных и взаимосвязанных действий (актов). При бесконтактном приобретении наркотиков в нее входят:

а) согласование сделки, т.е. договоренность с продавцом (сбытчиком) относительно вида, размера и стоимости наркотиков, способа их получения (например, оформление заказа через специализированные мессенджеры или сайты) - начло объективной стороны;

б) оплата наркотиков (через электронные платежные системы, криптовалюту или счета третьих лиц и т.п.);

в) получение координат места закладки;

г) следование к месту закладки и ее поиск;

д) изъятие наркотиков – завершающий акт установления фактического владения (конец объективной стороны).

1 Данилов Д., Яни П. Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // Законность. 2020. № 1.

Кассационные суды общей юрисдикции последовательно приходят к выводу, что объективная сторона рассматриваемого преступления в подобных случаях включает не только непосредственное изъятие наркотиков из тайника, но и предшествующие этому действия. Например, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в объективную сторону рассматриваемого преступления, наряду с изъятием наркотиков из тайника также включает заказ и оплату наркотиков, получение координат тайника, следование к месту закладки, прибытие к месту тайника и отыскание наркотиков[1].

Аналогичный подход демонстрирует Шестой кассационный суд общей юрисдикции. Обосновывая, что С. и К. незаконно приобрели наркотики, суд указал, что «ими были выполнены все действия по приобретению наркотика – достигнута договоренность с продавцом относительно вида и размера, оплачена его стоимость, получен адрес закладки»[2].

Этот же принцип прослеживается в решениях других судов[3], включая высшую судебную инстанцию. В решении по делу К.В.В. и С.М.Н. судебная коллегия Верховного Суда РФ указала: «... *приискав* предмет преступления – наркотическое средство, произведя *оплату* сбытчику наркотического средства путем перечисления ему денежных средств, *получив сообщение о месте* расположения тайника с наркотическим средством и *прибыв* в указанную сбытчиком местность с целью изъятия находившегося в тайнике наркотического средства, К.В.В. и С.М.Н. *начали выполнять* умышленные *действия, непосредственно направленные на приобретение* наркотического средства, которые образуют объективную сторону преступления и представляют собой стадию покушения на преступление»[4] (выделено мной – Д.Т.).

Особенностью соисполнительства в рамках данной модели является то, что для его признания не требуется, чтобы лицо обязательно физически совместно и одновременно с другими соучастниками участвовало в завершающем акте получения наркотиков – в их изъятии (поднятии закладки). Для признания лица соисполнителем незаконного приобретения наркотиков достаточно, чтобы лицо в рамках отведенной ему роли выполнило любое из предшествующих изъятию действий (заказ, оплата, получение координат, следование к месту или поиск закладки).

По общему правилу действия соисполнителей в преступлении должны вписываться в рамки совместного преступного умысла на совершение одного, общего преступления (субъективный критерий)[5]. Применительно к ст. 228 УК РФ это означает, что умысел соисполнителей в незаконном приобретении наркотиков должен быть направлен на совместное выполнение действий, входящих в объективную сторону преступления. Последующие планы по владению и потреблению наркотиками (цель преступления) – совместное или раздельное – могут быть любыми. Ключевым является не как виновные намеревались хранить и потреблять наркотик (совместно или раздельно), а единство умысла на объединение усилий в процессе самого приобретения наркотиков.

1 Кассационные определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 по делу № 77-2221/2025, от 13.02.2025 № 77-357/2025, от 01.02.2024 № 77-169/2024. Здесь и далее материалы судебной практики находятся в СПС «КонсультантПлюс».

2 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.11.2021 № 77-4995/2021.

3 Напр.: апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.08.2016 по делу № 22-6402/2016.

4 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.06.2025 № 83-УДП25-4-К1.

5 Данилов Д., Яни П. Указ. соч.

Пособник в приобретении наркотиков в отличие от соисполнителя лишь облегчает незаконное приобретение наркотиков, непосредственно не участвует в их заказе, оплате, получении координат, следовании к месту, поиске и изъятии. Например, только предоставляет автомобиль для поездки к месту закладки или предоставляет доступ к сети Интернет. Важно, что пособник не имеет умысла на приобретение наркотиков, его умысел направлен на содействие другому лицу в совершении приобретения.

Моментом, с которого незаконное приобретение следует считать оконченным преступлением для всех соисполнителей, является завершение акта принятия (получения) наркотиков хотя бы одним из них. Даже если физическое распределение наркотиков между соучастниками произойдет позднее. Исключение составляют случаи, когда один из соисполнителей, найдя закладку с наркотиками, поднимает ее втайне от соучастников, не сообщает им о принятии наркотиков в свое владение и прячет их. В таких случаях действия иных соисполнителей квалифицируется как покушение на незаконное приобретение наркотиков[1].

Так как ст. 228 УК РФ не предусмотрены такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, в формуле квалификации не отражается факт соисполнительства в незаконном приобретении наркотиков. Ссылка в таких случаях на ч. 2 ст. 35 УК РФ законом также не предусмотрена[2]. Данное обстоятельство учитывается только в рамках п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ, как отягчающее наказание[3].

Таким образом, оценка содеянного как соисполнительства в незаконном приобретении наркотиков зависит от модели деяния: при простом (одноактном) приобретении требуется совместное физическое участие в акте изъятия (завладения), а при сложном (многоактном) приобретении соисполнителем признается лицо, выполнившее любое действие из объективной стороны (согласование сделки, оплату, получение координат, следование к месту, поиск или непосредственное изъятие), если это сделано в рамках общего умысла на приобретение; данный факт, не влияя на квалификацию, учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание.

1 Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021 № 77-2894/2021.

2 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-1982/2021. Это правило является общим, применяется высшей судебной инстанции и по другим преступлениям. Напр.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.07.2017 № 19-УД17-28.

3 Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 20.09.2023 по делу № 22-1717/2023.

Алыева К.М.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Формально-юридический подход к конструированию санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков (с использованием инструментов статистического моделирования)

Современная система уголовно-правовых санкций, предусматривающих ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков, формировалась преимущественно эволюционным путем, посредством фрагментарных изменений, обусловленных текущими уголовно-политическими задачами государства. При этом представляется, что в процессе конструирования уголовно-правовых санкций законодателем не использовались должным образом формализованные расчетные подходы, обеспечивающие их внутреннюю согласованность, а также соразмерность общественной опасности соответствующих составов преступлений. В этой связи нельзя не заметить, что в специальных криминологических исследованиях широко используются методы статистического (математического) моделирования[1].

Как результат – санкции уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 228.1 УК РФ, характеризуются значительными диспропорциями между нижними и верхними границами санкций, диапазонными сроками, отсутствием логически выстроенной градации их среднего арифметического значения, а также разрывом между законодательной моделью наказуемости и фактической судебной практикой. Указанные недостатки обуславливают необходимость перехода от интуитивного нормотворчества к научно обоснованной модели пенализации, основанной на математико-аналитических методах.

Методика вычисления санкций, основанная на представлении их в виде интервалов с минимальным и максимальным значениями, предполагает первоочередное определение нижней границы, а затем уже верхней.

Минимальный срок уголовно-правовой санкции, предусматривающей ответственность за совершение незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, может быть рассчитан по следующей математической формуле: $min = C \times I + B$, где min – искомая нижняя граница уголовно-правовой санкции; C (Chapter) – коэффициент конкретной главы УК РФ; I (Index) – индекс общественной опасности соответствующего состава преступления; B (Basic) – коэффициент базового наказания.

В структуре ст. 228.1 УК РФ каждый элемент математической формулы способствует формированию уголовно-правовой санкции, обеспечивая логику и четкость соотношения между сроками лишения свободы различных ее частей.

Коэффициент B, представляющий собой фиксированное значение, служит первой составляющей математического выражения и не нуждается в вычислениях; его величина равна 1. Данный коэффициент отражает минимальный допустимый уровень уголовной репрессии и используется как универсальная стартовая величина, позволяющая обеспечить сопоставимость расчетов между различными главами УК РФ.

1 Напр.: Тепляшин П.В., Молоков В.В. Наркопреступность в Российской Федерации: современные статистические закономерности // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 6. С. 602-613; Судакова Т.М. Математическое моделирование в разработке и совершенствовании методологических основ криминологии // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 3. С. 388-395.

Коэффициент С, относящийся к определенной главе УК РФ, играет важную роль в математических расчетах. Этот показатель определяет средний уровень общественной опасности преступлений, описанных в этой главе.

В рамках апробации математической модели коэффициент главы 25 УК РФ был рассчитан как равный 2, исходя из интегральной оценки общественной опасности преступлений данной группы.

При конструировании уголовно-правовых санкций необходимо учитывать такой важный феномен, как общественная опасность конкретного преступления[1]. Так, не менее важным элементом расчета выступает Индекс общественной опасности (I – Index), формализирующий усиление наказуемости при наличии квалифицирующих признаков. Индексация осуществляется по пятиуровневой шкале от 1 до 5 в зависимости от части ст. 228.1 УК РФ, что обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности.

Указанные компоненты формулы min = C × I + B позволяют произвести расчеты и представить минимальные сроки санкций всех частей ст. 228.1 УК РФ.

Математический расчет вероятных нижних границ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков

Часть статьи 228.1 УК РФ	Индекс I	min = C * I + B	Нижний предел срока л/с	Шаг увеличения срока, в годах
Часть 1	1	min = 2 × 1 + 1	3	-
Часть 2	2	min = 2 × 2 + 1	5	2
Часть 3	3	min = 2 × 3 + 1	7	2
Часть 4	4	min = 2 × 4 + 1	9	2
Часть 5	5	min = 2 × 5 + 1	11	2

В отличие от существующих конструкций санкций ст. 228.1 УК РФ, нижние границы которых не имеют линейного роста, представленные расчеты демонстрируют наличие математической логики их увеличения. Так, шаг увеличения срока лишения свободы, исчисляемый в годах, является равным, а сами нижние границы санкции увеличиваются по дискретной нарастающей.

Для определения верхней границы санкции необходимо использовать такой элемент формулы, как коэффициент диапазона (D). Этот коэффициент устанавливает числовую величину разницы между нижней и верхней границами санкции.

После определения медианных значений сроков лишения свободы, назначаемых по ч. 1-5 ст. 228.1 УК РФ, установлено, что 70-80% судебных приговоров по каждой части статьи находятся в интервале отклонения от медианы не более чем на ± 2. Данный устойчивый эмпирический показатель предлагается формализовать в виде коэффициента D, отражающего фактический диапазон судебной дифференциации наказаний. Таким образом, коэффициент D принимается равным 4 годам и характеризует статистически подтвержденный коридор назначения наказаний, в пределах которого суды реализуют индивидуализацию уголовной ответственности. Использование коэффициента D позволяет учитывать реальные закономерности правоприменительной практики при конструировании верхних границ уголовно-правовых санкций.

1 Чечель Г.И. Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения // Общество и право. 2016. № 4. С. 25-26.

Исходя из этого, необходимо ввести коэффициент D, равный 4, в универсальную формула расчета верхней границы уголовно-правовой санкции: max = min + D + I, где min – рассчитанная нижняя граница уголовно-правовой санкции; max – искомая верхняя граница уголовно-правовой санкции; D – коэффициент диапазона, равный 4; I – индекс общественной опасности конкретного состава преступления.

Математический расчет верхних границ санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотиков, с учетом индекса общественной опасности конкретного состава преступления

Часть статьи 228.1 УК РФ	Индекс I	Нижний предел срока л/с	max = min + D + I	Верхний предел срока л/с	Шаг увеличения срока, в годах
Часть 1	1	3	max = 3 + 4 + 1	8	-
Часть 2	2	5	max = 5 + 4 + 2	11	3
Часть 3	3	7	max = 7 + 4 + 3	14	3
Часть 4	4	9	max = 9 + 4 + 4	17	3
Часть 5	5	11	max = 11 + 4 + 5	20	3

Благодаря динамичному характеру границ наказаний, такие выводы обладают достоверностью и защищены от претензий относительно дисбаланса между тяжестью правонарушений и установленными за них наказаниями. Рассчитанные диапазоны санкций находятся в интервале от 5 до 9 лет лишения свободы, что снижает люфт диапазонных сроков. В таком случае правоприменителю предоставляется достаточное «правовое «поле» для последующей индивидуализации наказания при его назначении»[1]. Кроме того, учет индекса общественной опасности при расчете верхних границ уголовно-правовых санкций позволяет определить шаг увеличения диапазона в зависимости от квалифицирующих признаков исследуемых наркопреступлений. Так, шаг диапазона между всеми частями ст. 228.1 УК РФ будет равен 1 году.

Использование математико-аналитического подхода позволяет устранить данные диспропорции путем формирования пропорциональных санкционных интервалов, обеспечивающих постепенное и логически обоснованное усиление уголовной ответственности. В результате санкции приобретают системный характер, а их количественные параметры становятся прозрачными и предсказуемым как для суда, так и для иных участников уголовного процесса.

Дополнительным преимуществом расчетной модели является возможность ее адаптации к изменениям уголовной политики государства без нарушения внутренней согласованности санкционной системы. Внесение новых квалифицирующих признаков либо корректировка уровня общественной опасности отдельных деяний может осуществляться посредством пересмотра соответствующих коэффициентов без произвольного расширения или сужения санкционных диапазонов.

Таким образом, статистическое моделирование санкций уголовно-правовых норм представляет собой перспективное направление оптимизации пенализации незаконных производства, сбыта

1 Валеев М.Т. Цели системы уголовных наказаний и средства их достижения // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 127.

или пересылки наркотиков. Применение расчетных методов позволяет обеспечить научную обоснованность уголовно-правовых санкций, устранить существующие диспропорции и приблизить законодательную модель наказуемости к реальным потребностям правоприменительной практики.

Вологдина Я.В.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Учет пределов санкций уголовно-правовой нормы, предусмотренной статьей 228.1 УК РФ

Обращаясь к санкции уголовно-правовой нормы, стоит отметить, что формируется она посредством учета законодателем характера и степени общественной опасности деяния, которые устанавливают ее пределы. Как верно отмечает Э.В. Густова, при конструировании санкций за преступления, содержащие признаки основного состава, отправной точкой является характер и степень общественной опасности деяния, базирующиеся на значимости для социума объекта посягательства, в том числе дополнительного характера причиняемых им последствий, мотивов его совершения[1].

Так, санкция ст. 228.1 УК РФ является относительно-определенной, поскольку устанавливает верхние и не нижние границы, а также является кумулятивной, так как предусматривает наряду с основным видом наказание еще и дополнительные[2].

Таблица

Санкции уголовно-правовой нормы (ст. 228.1 УК РФ)

Часть статьи	Квалифицирующие признаки	Санкция
Ч. 1	Без отягчающих обстоятельств	4–8 лет л/с с ограничением свободы на срок до 1 года
Ч. 2	Сбыт в спец. учреждениях; с использованием СМИ или Интернета	5–12 лет л/с + штраф,с ограничение свободы на срок до 1 года
Ч. 3	Группа по предварительному сговору; значительный размер	8–15 лет л/с + штраф, с ограничением свободы на срок до 2 лет
Ч. 4	Организованная группа; лицом с использованием своего служебного положения; в отношении несовершеннолетних; крупный размер	10–20 лет л/с + лишение права занимать определенные должности + штраф
Ч. 5	Все указанные деяния в особо крупном размере	15–20 лет л/с + лишение права занимать определенные должности + штраф или пожизненное лишение свободы

1 Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

2 Шуба Е.С. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 23-25.

Проанализировав структуру санкций уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 228.1 УК РФ, следует отметить, что законодатель последовательно увеличивает размеры наказания по мере введения в состав преступления отягчающих обстоятельств.

Этот подход отражает понимание того, что каждое дополнительное обстоятельство (организованная форма, наличие потерпевшего в виде несовершеннолетнего, использование сети Интернет, размер наркотического средства) качественно меняет характер и повышает степень общественной опасности преступления.

Для более дательного анализа санкции данной статьи были изучены приговоры судов первой инстанции путем случной выборки за период с 2020 г. по 2025 г. (по каждой из частей были проанализированы по 50 приговоров).

Анализ ч. 1 ст. 228.1 УК РФ позволил получить следующие данные: в 50% случаев было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года, 10% – наказание в виде лишения свободы сроком 3 года, 10% – наказания в виде лишения свободы условно с испытательным сроком 2-3 года.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, идет тенденция к назначению наказания в виде реального лишения свободы. Но стоит отметить, что наказание по данной части назначается ближе к минимум санкции либо условно. Таким образом, правоприменительная практика по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ характеризуется двумя основными векторами: преобладанием карательного потенциала, но приближенного к минимальному значению и имеющейся устойчивой практики к применению альтернативы в виде условного лишения свободы.

Анализируя судебную практику по чч. 2-5 ст. 228.1 УК РФ, в сравнении с ч. 1 той же статьи, выявлена следующая устойчивая тенденция: в результате случайной выборки приговоров по чч. 2-5 не было найдено ни одного судебного акта с оконченным преступлением. В каждом изученном приговоре деяние квалифицировалось с отсылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ (покушение на преступление).

Стоит отметить, что факт покушения на преступления значительно снижает наказание, предусмотренное санкцией, также стоит отметить, что входе анализа приговоров не встретилось ни одного, где не были учтены смягчающие обстоятельства, особенно п. «и» ч. 2 ст. 61 УК РФ, который также значительно влияет на размер избираемого наказания.

В ходе анализа приговоров по ч. 2 были получены следующие данные: самое часто встречаемое наказание из случайной выборки составило 3 года лишения свободы (25 приговоров); наибольшее наказание составило 5 лет лишения свободы (15 приговоров), оставшиеся распределились в промежутке от 4 лет до 4 лет 8 месяцев лишения свободы.

Стоит отметить, что приговоры, по которым назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет, обусловлены рецидивом преступлений, который выступал отягчающим обстоятельством.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что судебная практика идет по пути минимального назначения наказания, даже при учете рецидива преступлений. Также стоит отметить, что наказание по ч. 2 назначалось в рамках основного вида наказания, без применения дополнительных.

Проведенный анализ судебной практики по делам, квалифицированным по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, позволяет выявить следующие устойчивые тенденции:

– наличие обязательного учета смягчающих обстоятельств. Как и по ч. 2 данной статьи, из всех выбранных случайным образом приговоров, не обна-

ружено ни одного, где суд не учел бы хотя бы одно обстоятельство, предусмотренное ст. 61 УК РФ.

– анализ судебной практики позволяет сделать вывод о доминировании минимальных сроков. Распределение фактически назначенных наказаний подтверждает указанную тенденцию.

Наиболее часто назначаемыми наказаниями стали: 5 лет лишения свободы (20 приговоров), 5 лет 6 месяцев (10 приговоров), 6 лет (10 приговоров). Приведенные данные подтверждают наши выводы о том, что в судебной практике превалирует назначение наказания близкого к абсолютному минимуму.

Сроки, приближающиеся к формально нижней границе санкции, назначались только при наличии рецидива преступлений. Сроки в виде лишения свободы от 8 лет до 10 лет избирались для лиц, имеющих рецидив преступлений. Кроме того, именно при рецидиве встретилась практика назначения дополнительного наказания в виде штрафа, средний размер которого составил 70 тысяч рублей.

Продолжая анализ санкции ст. 228.1 УК РФ, рассмотрим тенденции судебной практики по назначению наказания по ч. 4.

Наиболее распространенный размер наказания составил 6 лет (20 приговоров), если сравнивать с ч. 3, то можно заметить, что наказание по данной части также назначалось в виде лишении свободы сроком на 6 лет, хотя казалось бы по ч. 4 в связи с более повышенной общественной опасностью наказание должно быть выше, чем по ч. 3.

Почти в равных долях распределилось наказание в виде лишения свободы сроком 7 и 8 лет (20 приговоров в совокупности).

Наказание при рецидиве преступлений начиналось от 10 лет лишения свободы, а также аналогично ч. 3 при наличии рецидива преступлений, вместе с основным видом наказания применялся еще и дополнительный в виде штрафа, средний размер штрафа по данной категории составил 100 тысяч рублей.

Анализ судебной практики по ч. 5 позволил получить следующие данные:

Наиболее распространенный размер лишения свободы составил 9 и 12 лет. Минимальное наказание по данной части составило 6 лет лишения свободы, максимальное наказание с учетом рецидива преступлений составило 15 лет лишения свободы. Также имелись приговоры с применением дополнительного наказания в виде штрафа, аналогично иным частям статьи, штраф применялся только при наличии рецидива. Средний размер штрафа составил 70 тысяч рублей.

Проведенный анализ позволяет заключить, что назначение наказания по ст. 228.1 УК РФ представляет собой процесс взвешивания множества факторов, включающих как объективные характеристики совершенного деяния, так и личностные характеристики осужденного, которые непосредственно влияют на размер избираемого наказания.

Наиболее существенное влияние на итоговый размер наказания оказывает наличие судимостей и характер сотрудничества со следствием. На втором уровне по силе влияния находятся положительные характеристики, наличие иждивенцев и признание вины. На третьем уровне находятся прочие личностные характеристики, включая состояние здоровья, возраст и условия жизни.

Таким образом, именно учет характера и степени общественной опасности оказывает влияние на формирование пределов санкций уголовно-правовой нормы, а правильная оценка этих критериев на основе анализа конкретных обстоятельств каждого дела позволяет обеспечить соразмерность наказания характеру и степени опасности преступления, что способствует достижению целей наказания.

Кириллов И.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Уголовно-правовой компромисс как основание освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

Компромиссная (договорная) модель противодействия наркопреступности в Российской Федерации является не только распространенной среди моделей, известных мировой практике, но и одной из самых эффективных[1], так как сочетает в себе не только экономию карательного потенциала, но и наличие альтернативных видов ответственности, мер убеждения, воспитания и идеологического обеспечения.

Формальные составы правонарушений характеризуются завершенностью в момент совершения законодательно определенных действий, без учета возможных последствий, что требует тщательного рассмотрения при анализе добровольной сдачи наркотических веществ правоохранительным органам и последующего определения возможности освобождения виновного лица от уголовного преследования.

Основным условием является осознание виновным фактической возможности и беспрепятственного продолжения преступления, а также быть уверенным в том, что факт незаконного оборота с наркотическими средствами и психотропными веществами не известен правоохранительным органам[2], ввиду чего частичная передача наркотических средств правоохранительным органам не освобождает лицо от предусмотренной законом ответственности за совершенное преступление. Продолжающееся удержание части предметов преступного посягательства указывает на сохранение умысла и фактическое продолжение противоправной деятельности, что делает невозможным применение механизма освобождения от уголовной ответственности согласно действующему законодательству.

Таким образом, это указывает на мотив выдачи наркотических веществ правоохранительным органам на стадии приготовления или покушения.

Для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием необходимы следующие условия: совершение преступления впервые; преступление небольшой и средней тяжести, в данном случае ч. 1 ст. 228 УК РФ и ст. 228.3 УК РФ; явка с повинной лица, совершившего преступление; активное способствование раскрытию преступления; возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание причиненного вреда, при этом некоторые ученые указывают и такой признак, как имеющаяся положительная характеристика личности, соотносящаяся с фактом деятельного раскаяния[3].

Применительно к освобождению от уголовной ответственности с применением судебного штрафа требуется воз-

1 Антонов А.Г. Проблемы применения норм о деятельном раскаянии : практическое пособие. Красноярск. 2019. С. 18.

2 Мальков С.М. Некарательные уголовно-правовые меры противодействия наркопреступности // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков: национальный и международный уровни : материалы XVII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск, 2022. Ч. 2. С. 63.

3 Сайтбеков А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: теоретические и практические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2.

мещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного вреда. При реализации указанных норм в теории уголовного права и правоприменительной практике обозначились три вопроса, требующие конкретного и обоснованного решения, которые являются наиболее актуальными.

Во-первых, в каком объеме следует определять деятельное раскаяние и возможно ли оно при наличии только одного действия.

Во-вторых, что следует отнести к возмещению ущерба или заглаживанию причиненного вреда при отсутствии потерпевшего применительно к ст. 76.2 УК РФ. Существует также точка зрения, в соответствии с которой освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием может последовать и при неполном возмещении вреда потерпевшему. По мнению некоторых ученых[1], с которым мы согласны, данная позиция ошибочна, так как при этом нарушаются права и интересы потерпевшего от преступления лица, а также снижается эффективность экономической функции деятельного раскаяния и восстановления социальной справедливости.

В-третьих, возможно ли освободить лицо от уголовной ответственности за деятельное раскаяние при наличии совокупности либо с наркопреступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 228 и 228.3 УК РФ, либо с иным преступлениями.

Отвечая на первый вопрос, исследователи[2] указывают, что только совокупность перечисленных в диспозиции статей действий образует деятельное раскаяние и их совершение обязательно для применения освобождения от уголовной ответственности.

В связи с этим представляется наиболее обоснованной специальная регламентация института освобождения от уголовной ответственности за наркопреступления и отнесение соответствующих норм к «дискреционным основаниям освобождения от уголовной ответственности за наркопреступления», которые основаны на праве компетентных государственных органов отказаться от уголовного преследования при соблюдении ряда условий.

Для решения второго вопроса определяющим, на наш взгляд, является выяснение непосредственного (прямой) и посредственного (косвенный) механизмов достижения позитивного постпреступного поведения, а результатом их реализации является существенное снижение последствий медицинского, экономического, психологического или социального характера.

Следует обратить внимание на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, согласно которым термин «лицо, впервые совершившее преступление» охватывает широкий спектр обстоятельств, включая ситуации, когда лицо совершило одно или несколько преступлений, но не понесло за них наказание; случаи, при которых на момент совершения нового преступления предыдущий обвинительный приговор оказался необжалованным; а также ситуации отмены уголовных последствий, обусловленные истечением срока давности, погашением судимости, применением актов амнистии, помилованием или использованием обратной силы уголовного законодательства.

Таким образом, считаем, что в случае совершения по совокупности наркопреступлений, предусмотренных ст. 228, 228.2, 228.3, 231, 233, ч. 1 ст. 234.1 УК РФ,

1 Густова Э.В., Марков Е.И. Уголовно-правовая регламентация и реализация деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право и процесс. 2020. № 4.

2 Дадакаев Э.Д. Институт деятельного раскаяния и его реализация при освобождении от уголовной ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

и при наличии условий, предусмотренных в примечаниях или в ст. 75 УК РФ, правоприменитель вполне обоснованно имеет право освободить лицо от уголовной ответственности за совершение всех преступлений.

Среди таких преступлений, на наш взгляд, кроме того следует указать:

– незаконные приобретение, хранение или перевозку прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозку растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.3 УК РФ);

– незаконные производство, сбыт или пересылку прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылку растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.4 УК РФ); склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 1 ст. 230 УК РФ);

– организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 232 УК РФ).

Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2024 г., представляет собой важный документ для исследования темы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Данный обзор обобщает актуальную судебную практику и формирует единообразные подходы к применению норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере[1].

Пункт 13 Обзора судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов гласит: «Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве лицом, обвиняемым в совершении действий, направленных на незаконный сбыт наркотических средств, не препятствует применению в отношении его положений пункта 1 примечаний к статье 228 УК РФ в случае добровольной сдачи им наркотических средств, приобретенных и хранимых им без цели сбыта».

Так, уголовное дело в отношении М. рассмотрено судом в особом порядке судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, с соблюдением правил, установленных главой 40.1 УПК РФ, поскольку М. признала свою вину в совершении ряда преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, согласилась с предъявленным ей обвинением, активно способствовала раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников. Обвинение, с которым согласилась подсудимая, суд первой инстанции признал обоснованным, подтвержденным доказательствами, собранными по уголовному делу.

Рассматриваемый пункт Обзора затрагивает важный аспект применения института освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. В нем указывается, что «заключение досудебного соглашения о сотрудничестве лицом, обвиняемым в совершении действий, направленных на незаконный сбыт наркотических

1 URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1306503481 (дата обращения: 25.12.2025).

средств, не препятствует применению в отношении его положений пункта 1 примечаний к статье 228 УК РФ в случае добровольной сдачи им наркотических средств, приобретенных и хранимых им без цели сбыта».

Данное разъяснение имеет существенное значение поскольку раскрывает соотношение двух самостоятельных правовых институтов: досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного примечанием к статье 228 УК РФ. Верховный Суд РФ подчеркивает их независимый характер и возможность одновременного применения при наличии соответствующих условий.

В судебной практике подчеркивается, что в соответствии с примечанием 1 к ст. 228 УК РФ не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств при задержании лица и при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию указанных средств[1].

Принципиальное значение в данном разъяснении имеет дифференцированный подход к квалификации действий лица в зависимости от направленности умысла. Так, если лицо обвиняется в незаконном сбыте наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ) и заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, это не исключает возможности его освобождения от уголовной ответственности за незаконные приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) при условии их добровольной сдачи. Данный подход отражает принцип справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности является важным правовым механизмом, направленным на достижение целей уголовного законодательства без применения мер уголовной репрессии. При этом особую значимость приобретают специальные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к ст. 228 и 228.3 УК РФ, которые учитывают специфику преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Существенным условием применения специальных оснований является добровольность сдачи наркотических средств и психотропных веществ, а также активное способствование раскрытию и пресечению преступлений, связанных с их незаконным оборотом. При этом важно подчеркнуть, что добровольная сдача должна быть полной и безусловной, то есть лицо должно выдать все имеющиеся у него предметы преступления.

Наряду со специальными основаниями к лицам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, могут применяться и общие основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные главой 11 УК РФ. Это включает в себя деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба и другие основания, при наличии соответствующих условий.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении добровольного отказа от преступления и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности.

1 Напр.: определение Верховного Суда РФ от 28.03.2024 № 49-уд23-39-КБ.

Гайворонский А.В.
Барнаульский юридический институт МВД России

Сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за небезопасные услуги в УК РФ и УК КНР

В условиях современной рыночной экономики обеспечение безопасности товаров, работ и услуг представляет собой одно из ключевых направлений работы правоохранительных и надзорных органов. Стремление предпринимателей к максимизации прибыли за счет снижения издержек, включая использование недорогого сырья и игнорирование норм безопасности, приводит к распространению на рынке услуг, угрожающих здоровью граждан. В российском законодательстве имеется механизм уголовно-правового реагирования на оказание услуг, не соответствующих требованиям безопасности, – ст. 238 УК РФ. По нашему мнению, в правоприменительной практике наблюдается значительное число коллизий в отношении назначения и пропорциональности наказаний.

Согласно официальной судебной статистике, в 2020 г. были вынесены 780 приговоров по чч. 1-3 ст. 238 УК РФ, в 2021 г. – 815, в 2022 г. – 769, в 2023 г. – 778, в 2024 г. – 685, за первое полугодие 2025 г. – 289. При этом наиболее распространенным видом наказания для виновных остается штраф: 2020 г. – 460 случаев, 2021 г. – 444, 2022 г. – 425, 2023 г. – 353, 2024 г. – 332, 2025 г. – 147. Таким образом, примерно половине осужденных назначается штраф как основное наказание. Кроме того, дела часто прекращаются на основании назначения судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ): в 2020 г. – 289, в 2021 г. – 167, в 2022 г. – 60, в 2023 г. – 47, в 2024 г. – 33, в 2025 г. – 16[1]. Зачастую нарушитель, предоставляющий небезопасные услуги, в случае причинения вреда потребителю компенсирует ущерб и стремится к прекращению дела по примирению сторон еще на досудебной стадии.

Так, в практике Советского районного суда Республики Башкортостан директор ООО «Арго сервис» И.М.Ф. обвинялся в оказании услуг, не соответствующих требованиям безопасности здоровья потребителей. В определенный период он самостоятельно смонтировал аттракцион «Сердитые птицы», во время эксплуатации которого из-за отсоединения металлического крепления резинового жгута от деревянной рогатки аттракциона малолетний Г.Т.А. получил телесные повреждения в виде ушиба мягких тканей и ссадины грудной клетки слева. Эти повреждения не повлекли кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности и были квалифицированы как не причинившие вред здоровью человека.

В ходе судебного заседания законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего подала ходатайство о прекращении дела в отношении И.М.Ф. по примирению сторон, отметив, что материальный ущерб полностью возмещен и претензий нет. Подсудимый также согласился с прекращением дела, ему были разъяснены последствия такого решения. Суд установил, что И.М.Ф. совершил преступление небольшой тяжести впервые, примирился с потерпевшим, добровольно компенсировал моральный вред и признал вину[2].

1 Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 27.01.2026).

2 Постановление Советского районного суда Республики Башкортостан от 06.12.2017 по делу № 1-550/2017.

Мы полагаем, что преступление, посягающие на несколько объектов общественных отношений, особенно в сфере услуг, которая наиболее активно используется, требуют законодательного изменения, в частности в части наказаний, учитывая их высокую общественную опасность.

Анализ принципов построения и юридико-технических особенностей зарубежного уголовного законодательства в отношении преступлений в области индивидуализации товаров, работ и услуг позволяет оценить их научную новизну и ценность, обогатить отечественные юридические знания, выявить перспективы и методы совершенствования нормативной базы, а также мер уголовно-правового противодействия таким деяниям[1]. В этой связи мы обращаемся к зарубежному опыту Китайской Народной Республики (далее – КНР).

Китай отличается амбивалентностью: будучи ориентированным на прогресс и инновации, он тем не менее остается мировой колыбелью подделок. Ведь почти две трети экспорта контрафактной продукции приходится на Китай и наводняет большинство стран мира. Китай, ставший «фабрикой подделок», сегодня является ведущим мировым игроком в области незаконного использования товарного знака, что приносит огромную прибыль.

КНР выступает в качестве государства, характеризующегося наиболее строгим и централизованным методом обеспечения безопасности товаров и услуг, при этом уголовная ответственность за нарушения в этой области приобретает ярко выраженный превентивный и карательный характер. Мы согласны с мнением С.В. Козлова, который, характеризуя китайские уголовные законы, сохранившие «отпечаток величайшей древности», отмечал: «Для нас, воспринимавших вместе с христианством догматы прощения обид и общего человеколюбия, они, при всей своей строгости и подчас жестокости, имеют глубокий смысл, непосредственно заимствованный из жизни народной, и прекрасно приноровлены к укоренившимся веками обычаям страны. Черпая материалы для своего законодательства из опыта тысячелетий осмысленной, но замкнутой жизни, Китай не нуждался в подражаниях народам Запада, прозябавшим еще в первобытном варварстве, когда застенное государство в течение уже нескольких десятков столетий жило своей культурной жизнью... Китайское уложение составляет плод освященных трудов поколений древности, в которых прошлые династии последовательно вносили усовершенствования, указываемые самой жизнью, требуемые политическими обстоятельствам эпохи»[2]

Следует подчеркнуть, что в УК КНР отсутствует единая норма, предусматривающая ответственность за небезопасное производство и оказание работ и услуг, как это имеет место в Российской Федерации. Большинство норм в УК КНР распределены по главам, и для анализа были выбраны статьи, направленные на противодействие непосредственно оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

В ходе исследования мы обратили внимание на следующие статьи УК КНР:

ст. 133 УК КНР устанавливает ответственность за нарушение правил транспортных перевозок, повлекшее серьезную аварию с человеческими жертвами или значительным ущербом имуществу –наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом; то же деяние, сопряженное с бегством с места аварии или наличием иных отягчающих обсто-

1 Качаева Т.Ю. Сравнительно-правовой анализ зарубежного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 5. С. 111-119.

2 Козлов С.В. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. СПб., 1899.

ятельств, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет; то же деяние, если бегство с места аварии привело к смерти потерпевшего, –наказывается лишением свободы на срок свыше 7 лет;

ст. 134 УК КНР содержит норму о халатном отношении к административным обязанностям в производственной сфере, включая принуждение рабочих к рискованным заданиям на заводах, в горнодобывающей промышленности или строительстве, что приводит к авариям с жертвами или серьезными последствиями – наказываются лишением свободы на срок до 3 лет или арестом; при особо отягчающих обстоятельствах – наказываются лишением свободы на срок от 3 до 7 лет;

ст. 137 УК КНР устанавливает ответственность за нарушение государственных правил строительства, проектирования или надзора, приводящее к занижению стандартов качества и несчастным случаям с угрозой безопасности – наказываются в отношении лиц, несущих непосредственную ответственность, лишением свободы на срок до 5 лет или арестом, а также наложением штрафа; те же деяния, повлекшие за собой особо тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет, а также наложением штрафа;

ст. 146 УК КНР криминализует производство или реализацию продукции, не соответствующей стандартам безопасности для жизни и здоровья, включая электрооборудование или взрывчатые вещества –наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, а также штрафом в сумме от 50% до 2-кратного размера стоимости реализованной продукции; те же деяния, повлекшие за собой особо тяжкие последствия, – наказываются лишением свободы на срок свыше 5 лет, а также штрафом и сумме от 50% до 2-кратного размера стоимости реализованной продукции[1].

На основе проведенного анализа соответствующих статей УК КНР мы пришли к следующему выводу. В качестве основной меры наказания за предоставление услуг, которые не соответствуют установленным нормам безопасности, предусмотрено лишение свободы, в то время как штраф применяется как дополнительная санкция. Такой подход подчеркивает жесткость уголовно-правовой системы Китая и приоритетное значение обеспечения прав потребителей на получение надежных и качественных услуг.

Также мы считаем, что следует повысить нижний порог санкции по ч. 1 ст. 238 УК РФ, и тем самым представляем следующую формулировку:

Наказываются обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок, а также штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет.

Мы полагаем, что такие корректировки в законодательстве могут способствовать уменьшению числа уголовных дел, прекращаемых в соответствии со статьями 25 и 25.1 УПК РФ.

1 Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / пер. с кит. Д.В. Вичиков ; под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2001. С. 297.

Байкалов В.А.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Отграничение дезертирства от самовольного оставления части или места службы

Квалификация воинских преступлений, связанных с незаконным оставлением места прохождения службы, представляет значительную сложность. Смежность составов преступлений, предусмотренных ст. 337 (самовольное оставление части или места службы) и ст. 338 (дезертирство) УК РФ, обусловливает необходимость четкого определения разграничительных признаков. Ошибка в квалификации влечет за собой не только несправедливое назначение наказания, но и искажает государственную статистику и правоприменительную практику.

Рассмотрим объективные признаки составов преступлений. В качестве обязательного признака оставления части указывается неуважительность причин отсутствия военнослужащего. При дезертирстве совершенно не важно, какие у военного были на это основания. Даже если они более чем уважительные, обвинение по ст. 338 УК РФ не снимается, в отличие от обвинения по ст. 337 УК РФ. Вторым и наиболее очевидным критерием разграничения является длительность отсутствия военнослужащего. Самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ) характеризуется относительно кратковременным отсутствием – от нескольких часов до нескольких суток. Закон прямо устанавливает временные рамки: от двух суток до десяти суток (ч. 1), свыше десяти суток до одного месяца (ч. 3) и с выше одного месяца (ч. 4). Само по себе кратковременное отсутствие (менее суток) может квалифицироваться как дисциплинарный проступок, однако при наличии отягчающих обстоятельств, например, оставление караула, уголовная ответственность наступает независимо от длительности. Дезертирство (ст. 338 УК РФ) предполагает длительное, постоянное отсутствие. Закон не устанавливает конкретного срока, что создает определенные сложности. На практике дезертирством признается отсутствие, длящееся, как правило, несколько недель или месяцев, при этом ключевое значение имеет не сам срок, а цель преступления. Тем самым дезертирство считается завершенным с момента ухода из части, а длительность отсутствия при назначении наказания не учитывается. Также во всех частях ст. 337 УК РФ не фигурируют признаки организованности, предварительной договоренности нескольких человек, вместе оставивших место службы, тогда как в ст. 338 УК РФ эти факторы закреплены в качестве отягчающих обстоятельств. Дополнительным квалификационным и отягчающим признаком для дезертирства считается бегство с вверенным по службе оружием. В статье о самовольном оставлении части о таком атрибуте речи не идет. Таким образом, хотя длительность является важным индикатором, она не выступает единственным и исчерпывающим критерием.

Ключевое различие между составами преступлений заключается в субъективной стороне, а именно в цели и направленности умысла виновного. При самовольном оставлении части умысел военнослужащего направлен на временное оставление места службы для решения каких-либо личных проблем, например, свидание с родственниками, разрешение семейных конфликтов, отдых или развлечения. Важно, что военнослужащий, как правило, не имеет цели уклониться от военной службы окончательно. Он планирует вернуть-

ся в часть, осознавая противоправность своего поведения. При дезертирстве умысел виновного направлен именно на полное и окончательное уклонение от исполнения обязанностей военной службы. Это главный квалифицирующий признак данного состава. Целью дезертирства является уклонение от службы как таковой, а не временное прекращение ее несения. Эта цель может проявляться в активных действиях: переодевание в гражданскую одежду, подделка документов, переезд в другой населенный пункт, сокрытие от военного командования. Если эта цель появляется у военнослужащего после неявки в часть, содеянное квалифицируется как дезертирство. Это правило было подтверждено разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г.

Однако зачастую правоприменители сталкиваются с проблемами квалификации данных составов. Основная проблема заключается в доказывании цели дезертирства. Зачастую на первоначальном этапе действия военнослужащего, задержанного после длительного отсутствия, квалифицируются по ст. 337 УК РФ. Лишь в ходе следствия, при установлении фактов, свидетельствующих о намерении полностью уклониться от службы (например, попытка трудоустроиться под чужим именем, смена места жительства), деяние переквалифицируется на ст. 338 УК РФ.

Еще одной проблемой является квалификация случаев, когда военнослужащий, первоначально самовольно оставивший часть с целью временного отлучения, впоследствии, осознавая тяжесть последствий, принимает решение не возвращаться и скрыться. В данном случае его действия следует квалифицировать как дезертирство, поскольку с момента формирования умысла на окончательное уклонение от службы состав преступления меняется.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Отграничение дезертирства от самовольного оставления части должно проводиться на основе комплексной оценки как объективных, так и субъективных признаков.

2. Главным разграничительным критерием является субъективная сторона – цель и направленность умысла виновного. При самовольном оставлении – это цель временного прекращения службы, при дезертирстве – цель полного и окончательного уклонения от нее.

3. Длительность отсутствия является важным, но вспомогательным признаком, который в совокупности с другими данными (действия по сокрытию, образ жизни в период отсутствия) позволяет установить истинную цель военнослужащего.

Совершенствование практики квалификации данных преступлений видится в тщательном и всестороннем исследовании органами предварительного следствия и судами субъективной стороны деяния, включая мотивы, цели и конкретные обстоятельства, свидетельствующие о намерениях виновного лица.

Баяржаргал О.
Университет внутренних дел Монголии (г. Улан-Батор)
Батжаргал Г.
Университет внутренних дел Монголии (г. Улан-Батор)

Некоторые результаты исследования психологических услуг, предоставляемых заключенным, осужденным за преступления, связанные с наркотиками и психологическими веществами, в Монголии

In recent years, crimes related to narcotic drugs and psychotropic substances have become one of the most pressing global challenges, generating multifaceted negative consequences across social, economic, public health, and security domains. In Mongolia, the incidence of such crimes has also shown a steady upward trend, as clearly evidenced by official statistics from the past three years. Specifically, 229 cases were recorded in 2022, 239 cases in 2023, and 254 cases in 2024, indicating a consistent annual increase compared to previous years (Mongolia, 2024).

Judicial statistical data further reveal a significant rise in both drug-related offenses and the number of individuals convicted of these crimes. In 2024, compared to the preceding year, the number of recorded offenses involving the illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances increased by 0.6%, while the number of convicted offenders rose markedly by 21.5%. This trend reflects a growing proportion of prisoners incarcerated for drug-related crimes within correctional institutions, thereby intensifying the demand for effective psychological and rehabilitative services. (Mongolia, 2025)

Type of Crime	Number of Crimes (2023)	Number of Crimes (2024)	Change (Number)	Change (%)	Number of Convicted Offenders (2023)	Number of Convicted Offenders (2024)	Change (Number)	Change (%)
Illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances	176	177	+1	+0.6	195	237	+42	+21.5

Source: Judicial General Council of Mongolia (2025).

According to the table data, the number of recorded crimes related to the illegal use of narcotic drugs and psychotropic substances increased marginally from 176 to 177 between 2023 and 2024, representing an increase of one case or 0.6 percent. This indicates that the overall growth in the number of such crimes remained relatively stable and at a low level. However, the number of individuals convicted for these offenses rose markedly from 195 to 237, reflecting an increase of 42 persons or 21.5 percent, which constitutes a noteworthy trend (General Executive Agency of Court Decision Enforcement, 2024).

This discrepancy may suggest qualitative changes in the structure of drug- and psychotropic substance-related crimes, such as an increase in the number of offenders per case, a rise in group-based or organized forms of offending, or enhanced detection, supervision, and enforcement efforts by law enforcement authorities. In other words, although the total number of recorded cases has remained relatively stable, the scope of individuals involved

in such crimes appears to be expanding, indicating an increasing level of social harm and broader negative societal impact.

Therefore, these indicators demonstrate that policies aimed at combating drug-related crimes should not be limited solely to strengthening law enforcement measures. Rather, they underscore the necessity of implementing comprehensive, targeted interventions for drug-dependent individuals, including prevention strategies, psychological and social work services, rehabilitation, and reintegration programs tailored to specific risk groups.

Drug-related crime is not merely an issue confined to the domain of legal accountability; instead, it represents a complex phenomenon shaped by multiple interrelated factors, including substance dependence disorders, psychological addiction, behavioral changes, and the influence of social environments. The World Health Organization defines substance use disorder as a chronic, relapsing condition characterized by significant impairments in behavioral control and emotional regulation (WHO, 2019). Accordingly, psychological services provided to incarcerated individuals convicted of drug-related offenses play a crucial role in preventing recidivism and enhancing their capacity for successful social reintegration.

International research indicates that psychological services targeting incarcerated individuals with substance use disorders are primarily grounded in evidence-based interventions such as Cognitive Behavioral Therapy (CBT), Motivational Interviewing (MI), and group-based therapeutic approaches (Beck et al., 2011; Miller & Rollnick, 2013). These interventions aim to enhance individuals' understanding of the interrelationships among thoughts, emotions, and behaviors, thereby facilitating the modification of high-risk and maladaptive behavioral patterns.

Mongolia has progressively integrated into the international legal framework for combating narcotic drugs and psychotropic substances. Specifically, the country acceded to the Single Convention on Narcotic Drugs (1961) in 1991 (United Nations, 1961), the Convention on Psychotropic Substances (1971) in 1999 (United Nations, 1971), the United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (1988) in 2001 (United Nations, 1988), and the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (2000) in 2008 (United Nations, 2000). Through accession to these international instruments, Mongolia has assumed explicit obligations and responsibilities to prevent drug-related crimes, regulate illicit trafficking, and implement effective treatment and rehabilitation measures.

Within the framework of these international instruments, the Government of Mongolia enacted the Law on Control over the Circulation of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances in 2002 (Parliament, 2002) and established the legal responsibility framework for such offenses through the Criminal Law, initially enacted in 2002 and subsequently amended in 2015 (Parliament, Criminal Law [Revised Edition], 2015). Furthermore, Article 222 of the Law on the Execution of Court Decisions (Parliament, Law on the Execution of Court Decisions, 2017) mandates the organization of compulsory training within correctional facilities targeting the behavior of inmates with habitual use of narcotic drugs, psychotropic substances, and alcoholic beverages. This provision constitutes a critical policy measure aimed at promoting rehabilitation and preventing recidivism.

Additionally, the Guideline on Psychological Services, approved under Order A/110 of the Director General of the General Authority for Court Decision Execution (GACDE, 2021, https://cd.gov.mn/), specifies professional procedures, methods, formats, and implementation

steps for psychological services to ensure the mental stability of all incarcerated individuals and to address pressing psychological issues, thereby regulating the daily activities of psychologists in correctional settings.

Furthermore, the Psychological Service Guidelines for Working with Inmates Convicted of Offenses Related to Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, approved under Order A/231 of the Director General of the General Authority for Court Decision Execution (GACDE, 2019), stipulates that professional psychological services should be provided to inmates involved in the illegal manufacture, acquisition, possession, transport, distribution, sale, or cross-border trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. The guidelines aim to positively influence inmates' motivations, attitudes, and behaviors, facilitate the development of independent living skills, and support their reintegration as responsible members of society.

Although the provision of psychological support within correctional facilities is formally recognized in legal instruments and is intended to be delivered by qualified professionals, in practice, the availability of human resources and the system for assigning specialized staff remain insufficient. As a result, in some instances, psychological services are provided not only by social workers and psychologists but also by personnel without relevant professional training who hold other administrative positions within the correctional system.

However, when psychological services targeting inmates convicted of offenses related to narcotic drugs and psychotropic substances are planned and implemented continuously, tailored to the specific needs of the target group, they have the potential to produce positive outcomes. Therefore, the present study aims to examine the current status and some observed outcomes of psychological services provided to this population in Mongolia, with the objective of identifying the actual needs and pressing issues requiring attention.

Across Mongolia, a total of 25 centralized correctional facilities provide social and psychological services to inmates, staffed by 67 social workers and 34 psychologists.

The study targeted 58 professionals, including senior social workers, social workers, and psychologists, who provide psychological services in 22 correctional facilities operating under both open and closed regimes. Collected data were processed and analyzed using SPSS version 25.

Table 1

Age distribution of the professionals participating in the study (percentage)

N	Age Group (years)	Percentage of Participants (%)
1	18–25	19.0
2	26–35	39.7
3	36–45	36.2
4	46–55	5.1
Total	—	100

Table 1 presents the age distribution of professionals who participated in the study. The majority of respondents were aged 26-35, accounting for 39.7% of the total participants. This was followed by the 36-45 age group, which comprised 36.2% of the sample, indicating that the age structure of participants is concentrated in the young to mid-career range. Participants aged 18-25 represented 19% of the sample, reflecting a relatively low involvement of newly recruited professionals. Meanwhile, the 46-55 age group accounted for only 5.1%, suggesting limited participation of senior professionals.

These findings indicate that the age structure of the surveyed professionals is concentrated in a labor-active and professionally experienced cohort, highlighting the importance of practical experience and professional competence

in delivering social and psychological services within correctional institutions.

Figure 1. Gender distribution of psychologists and social workers in correctional facilities (percentage)

Figure 1 illustrates the gender composition of psychologists and social workers employed in correctional facilities. Among the 58 participants included in the study, 68.3% were female and 28.3% were male, indicating a predominance of female professionals in the field of correctional social and psychological services.

This distribution may reflect the professional characteristics of social work and psychological services, where activities often require interpersonal engagement and psychological support, areas in which female professionals are more frequently involved. Moreover, this gender imbalance could influence service delivery, interaction patterns, and the overall quality of correctional services, suggesting that future policy and human resource planning should take gender composition into consideration.

Figure 2. Location distribution of professionals in correctional facilities (percentage)

Figure 2 illustrates the distribution of study participants according to their workplace within correctional facilities. The results indicate that 75% of the professionals work in regional facilities, while 21.7% are based in the capital city, suggesting that the majority of human resources for social and psychological services are concentrated in local correctional institutions.

This spatial distribution likely reflects the territorial spread of correctional facilities, the inmate population, and the demand for services, which appears to be higher in regional locations. Compared to the capital, regional facilities may face relatively greater challenges in terms of workload, human resource availability, and access to professional support. Therefore, future human resource policies, training programs, and methodological support should be planned regionally, and the capacity of professionals in local facilities should be strengthened to enhance the quality and accessibility of social and psychological services.

Table 2

Distribution of Professionals by Occupation and Official Position
(Number of Staff)

Occupation	Senior Social Worker	Social Worker	Psychologist	Other	Total
Legal Specialist	5	14	12	2	33
Psychologist	1	4	1	1	7
Social Worker	3	4	4	5	16
Medical Doctor	-	1	-	1	2
Total	9	23	17	9	58

Table 2 presents the distribution of study participants' professional qualifications in relation to their current official positions. Among the total 58 staff members, 33 hold a legal background. Of these, 5 serve as senior social workers, 14 as social workers, 12 as psychologists, and 2 occupy other positions while providing psychological services. This indicates that personnel with a legal foundation constitute a relatively high proportion of staff delivering social and psychological services.

Among the 7 staff members with a psychology qualification, 1 works as a senior social worker, 4 as social workers, 1 in a psychologist position, and 1 occupies another position while providing psychological services. Additionally, of the 16 social workers, 3 serve as senior social workers, 4 as social workers, 4 as psychologists,

and 5 occupy other positions, contributing to related services. Furthermore, 2 staff members with a medical qualification are employed as social workers and in other positions, as shown in the table.

These findings indicate that social and psychological services within correctional facilities are not confined to a single professional discipline but rather rely on the participation of specialists from multiple fields. In particular, services provided to inmates convicted of drug- and psychotropic substance-related offenses involve complex and multifaceted needs, highlighting the importance of professional knowledge, practical skills, continuous development, situational assessment, and adaptability.

However, more than 50% of the professionals working in the social and psychological departments of Mongolian correctional facilities-specifically 33 staff members-hold a legal background, indicating an imbalance in the professional composition of human resources. This underscores the need to pay closer attention to sectoral policy and workforce planning.

Accordingly, the systematic training, professional development, and sustainable employment of social work and psychological specialists are critical for enhancing the quality and effectiveness of social and psychological services in correctional institutions.

Table 3

Comparison of Staff Working with Inmates Convicted of Drug- and Psychotropic Substance-Related Offenses by Years of Service in the General Executive Department of the Court (GEDC) and Social-Psychological Departments (Number of Staff)

№	Years of Service in GEDC	≤1 year	1–3 years	4–6 years	7–9 years	10–15 years	>16 years	Total
1	Years of Service in Social-Psychological Departments							
2	≤1 year	6	–	–	–	–	–	6
3	1–3 years	2	11	–	–	–	–	13
4	4–6 years	1	5	5	–	–	–	11
5	7–9 years	4	2	–	–	–	–	6
6	10–15 years	3	4	2	–	–	–	12
7	>16 years	2	2	2	1	3	–	10
8	Total	18	24	9	1	6	–	58

Table 3 presents the distribution of social workers and psychologists who work with inmates convicted of drug- and psychotropic substance-related offenses, comparing their total years of service in the General Executive Department of the Court (GEDC) and their years of service in the social-psychological departments. The data indicate that, among the 58 staff members surveyed, there is a noticeable difference between overall organizational experience and experience specifically within their professional specialty.

The results show that 10 staff members with over 16 years of service in GEDC have only 1-15 years of experience in the social-psychological departments. This suggests that a portion of personnel possess extensive experience in the broader organizational context but have comparatively recently transitioned into specialized social and psychological work. Such patterns may reflect the structural characteristics of internal staff rotations and human resource management within correctional institutions.

On the other hand, when examining the duration of service within the social-psychological departments, the majority of surveyed staff members (42 individuals) reported having worked in these departments for one year or less, or between one and three years. This indicates a potential challenge regarding the continuity and stability of personnel in this specialized area. Working with inmates convicted of drug- and psychotropic substance-related offenses requires highly specialized skills and professional experience; therefore, relatively short tenure in these roles may negatively affect the quality and effectiveness of the services provided.

According to Order No. A/110 issued by the Director of the General Authority for Court Decision Execution, the «Guidelines for Psychological Services» stipulate that all inmates serving sentences in correctional facilities are to receive psychological support aimed at maintaining psychological stability and addressing urgent mental health issues. The guidelines specify the sequence, methods, formats, and implementation procedures of professional activities and regulate the daily responsibilities of psychologists. Furthermore, Order N A/231, also issued by the Director of the General Authority for Court Decision Execution, establishes the «Methodology for Providing Psychological Services to Inmates Convicted of Drug- and Psychotropic Substance-Related Offenses». This methodology is designed to positively influence the motivations, attitudes, and behaviors of inmates who have committed offenses such as illegal production, acquisition, possession, transportation, shipment, sale, or cross-border trafficking of narcotic and psychotropic substances. It aims to support inmates in developing independent, law-abiding lives and in becoming responsible, socially accountable citizens through professional psychological interventions.

Thus, the results presented in this table underscore the need to systematically enhance the professional experience of specialists working in the social and psychological services units of correctional facilities, align the overall work experience of all staff with relevant professional competencies, and establish a structured training system specifically aimed at working with inmates with substance use disorders.

Table 4

Participation of Professionals in Training and Level of Training Outcomes in Delivering Services to Inmates Convicted of Drug- and Psychotropic-Related Offenses (Frequency)

Participation in Training	Very Low	Low	Moderate	High	Very High	Total
Yes	4	2	7	7	0	20
No	0	0	0	0	0	38
Total	4	2	7	7	0	58

Table 4 presents the participation of professionals providing services to inmates convicted of drug- and psychotropic-related offenses in relevant training programs, as well as their assessment of training outcomes. Among the 58 participants in the study, 20 attended training designed to enhance knowledge and skills related to drugs and psychotropic substances, including working with individuals who use or transport such substances, while 38 participants reported not having attended any such training.

Of the 20 participants who attended training, 7 rated the outcomes as «Moderate» and 7 as «High», indicating that 14 professionals considered the training to be reasonably effective. Conversely, 6 participants rated the training outcomes as «Very Low» or «Low», suggesting potential gaps in the relevance or practical applicability of the training content.

Notably, no participants rated the training as «Very High», highlighting the need to further enhance the content, scope, and practical significance of training programs in this field.

These findings indicate that the number of professionals trained to work with inmates convicted of drug- and psychotropic-related offenses is insufficient, and the effectiveness of the training is inconsistent. This situation may negatively impact the capacity of correctional social and psychological services, as well as the potential for positive behavioral change among clients. Therefore, it is essential to regularly organize competency-based training programs tailored to service needs, implement practice-oriented and case-based training methodologies, and establish a robust system for evaluating training outcomes.

Figure 3. Distribution of Professionals Required for Collaboration in Providing Services to Inmates Convicted of Drug- and Psychotropic-Related Offenses (Percentage)

Figure 3 illustrates the participants' perspectives on the professionals required for collaboration when providing services to inmates convicted of drug- and psychotropic-related offenses. The results indicate that 13.3% of respondents considered collaboration with a psychiatrist necessary, 8.3% identified the need to work with a psychotherapist, and 6.7% emphasized the importance of cooperating with a trainer specialized in this field.

Moreover, nearly half of the respondents (48.3%) highlighted that effective service provision for inmates involved in drug- and psychotropic-related offenses requires a multidisciplinary team approach, including psychotherapists, psychiatrists, and specialized trainers, underscoring the critical importance of coordinated, professional collaboration.

These findings indicate that interventions with inmates convicted of drug- and psychotropic-related offenses cannot be limited solely to the level of social workers or psychologists. Instead, they highlight the necessity for a multidisciplinary service model that integrates therapeutic, psychotherapeutic, and behavioral modification approaches. Accordingly, establishing specialized, collaborative teams within correctional social and psychological services, and supporting the participation of relevant professionals at both policy and organizational levels, is essential for ensuring service quality and sustainability.

Figure 4. Prevalence of challenges encountered among inmates convicted of drug- and psychotropic-related offenses (percentage).

Figure 4 presents the frequency of difficulties observed among inmates convicted of drug- and psychoactive substance-related offenses. According to the assessments of the study participants, 41% of clients were reported to exhibit psychological and behavioral issues, indicating that working with this target group requires a high level of professional knowledge and skills. In contrast, 18.3% of respondents reported no observable difficulties among their clients.

Notably, 40% of participating professionals indicated that they were unsure about the types of difficulties their clients experienced. This finding is particularly significant, as it suggests insufficient professional assessment and diagnosis in the field of working with inmates convicted of drug- and psychoactive substance-related offenses, and may also reflect a lack of professional preparedness and capacity among some of the staff providing these services.

These findings indicate that providing effective services to inmates convicted of drug- and psychoactive substance-related offenses cannot be limited to the level of social workers and psychologists alone. Rather, it requires a team-based approach involving specialized professionals such

as psychiatrists and psychotherapists. Therefore, it is essential to introduce standardized professional assessment and diagnostic methodologies within the correctional social and psychological service system, improve the professional structure and competencies of human resources, ensure continuous training and methodological support, and strengthen staff capacity.

Figure 5. Motivation for Change among Inmates Convicted of Offenses Related to Drugs and Psychoactive Substances (Percentage)

Figure 5 illustrates the motivation for change, expressed as a percentage, among inmates convicted of offenses related to drugs and psychoactive substances. The study results indicate that 8.3% of clients were assessed as having a very high motivation to change, 11.7% as high, and 36.7% as moderate, showing that the majority of participants – 56.7% – demonstrated moderate to high motivation for change. In contrast, 6.7% were rated as having low motivation, and 13.3% as having no desire to change, highlighting the significant role of personal initiative and psychological disposition in inmate rehabilitation. Additionally, 20% of the staff involved in the study did not determine their clients' motivation to change, suggesting the need for greater attention to the rigor of assessment systems, professional experience, and methods of data collection.

These findings indicate that, although a subset of inmates demonstrates no motivation to change, the overall predominance of motivation to change represents a positive outcome. It suggests that continuous professional services, delivered through a collaborative team involving psychologists, psychiatrists, and instructors, can significantly reduce the risk of recidivism during the reintegration of inmates into society. Therefore, standardizing the system for assessing inmates' motivation to change, along with providing continuous monitoring and consistent support, is essential for enhancing the effectiveness of social and psychological services.

Figure 6. Evaluation of Outcomes Using the «Psychological Service Methodology» among Inmates Convicted of Offenses Related to Drugs and Psychoactive Substances (Percentage)

Figure 6 presents the evaluation of the effectiveness of the «Psychological Service Methodology» for inmates convicted of offenses related to drugs and psychoactive substances, as assessed by correctional social workers and psychologists. This methodology was approved by Order A/231 of the Director General of the General Executive Agency of Court Decisions in 2019 and defines standardized procedures for organizing psychological services for inmates convicted of drug- and psychoactive substance-related offenses. The study results indicate that:

5% rated it as highly effective
18.3% as effective
35% as moderately effective
10% as minimally effective
8.3% as ineffective

Overall, 58.3% of participating professionals rated the methodology as moderately or highly effective, demonstrating that its practical application yields a measurable impact. However, 18.3% of respondents rated it as minimally effective or ineffective, indicating the need for further detailed investigation.

These results indicate the need for continuous refinement of the methodology for working with inmates convicted of offenses related to drugs and psychoactive substances, including enhancement through professional training and practical experience, as well as the development of a case-based support system. Therefore, improving the methodology not only at the policy or document level but also in practical, effective application is essential for increasing the impact of reintegration efforts for inmates returning to society.

The results of this study, which examined the experience, training, and professional qualifications of specialists working in the social and psychological services of correctional institutions in Mongolia, as well as the characteristics of inmates and the effectiveness of services provided, lead to the following conclusions:

Among the 58 staff members who participated in the study, the majority (75.9%) were aged 26-45, and 68% were female. Regarding their workplace, 75% of participants were employed in provincial institutions, while 21.7% worked in the capital city. In terms of professional education, over half (33 individuals) held qualifications in law, highlighting a shortage of personnel specialized in social work and psychology.

To improve the services provided to inmates with drug and psychoactive substance-related offenses, it is essential to ensure the availability of specialized personnel and to develop systematic training and professional development programs. Establishing such a framework is a priority for enhancing the quality and effectiveness of social and psychological interventions in correctional settings.

Among the 58 staff members who participated in the study, 42 had 1-3 years of experience working in social and psychological services, while 16 had 10-15 years or more of experience. Although the overall tenure within the General Executive Agency of Court Decisions is relatively long, the duration of work specifically in the professional field is comparatively short.

This suggests that a coordinated approach, in which specialized and skilled staff, units, and professionals work together, can ensure that the delivery of services remains continuous and yields consistently positive outcomes.

Twenty staff members participated in training on providing services to inmates convicted of offenses related to drugs and psychoactive substances, of whom 14 assessed the training as moderately or highly effective. However, 38 staff members had not participated in any such training, highlighting the need to expand professional development in this area.

These findings indicate that the number of professionals trained in working with inmates involved in drug- and psychoactive substance-related offenses is insufficient, and the outcomes of existing training are inconsistent. This situation negatively affects both the capacity of social and psychological services within correctional institutions and the positive behavioral changes of clients. Therefore, it is essential to organize regular, needs-based professional training, design training methods that are practice-oriented and case-based, and develop a system to evaluate the effectiveness of training programs.

The majority of professionals indicated that providing services to inmates requires collaboration with a specialized team, including psychotherapists, psychiatrists, and experienced instructors. Notably, 48.3% of participants emphasized the necessity of such collaboration, demonstrating that these services cannot be effectively delivered solely at the level of social workers and psychologists.

According to the participants' assessments, 41% of inmates exhibited psychological and behavioral issues, while 18.3% were considered free of such difficulties. Moreover, 56.7% of clients showed moderate or higher motivation to change, which represents a positive outcome. However, 20% of participants reported being unsure, highlighting the need to strengthen assessment systems and enhance professional capacity.

In evaluating the outcomes of using the «Psychological Service Methodology», 58.3% of participating professionals rated it as moderately or highly effective, while 18.3% assessed it as minimally effective or ineffective. This indicates the need for improvements in practical implementation and the quality of training.

The experience, level of professional qualification, training, and implementation of services by specialists in the social and psychological departments of correctional institutions in Mongolia require continuous development of professional knowledge and skills. Working with inmates involved in drug- and psychoactive substance-related offenses necessitates the involvement of multidisciplinary professional teams, ongoing professional training, and the application of practice-based methodologies to ensure services are effective and sustainable.

Therefore, enhancing human resource policies, training systems, and service standards within correctional institutions, along with establishing a system for monitoring, evaluating, and supporting services at all levels, is essential for improving reintegration outcomes and reducing the risk of recidivism.

Recommendations

1. Strengthening the Capacity of Professional Staff

Among specialists working in the social and psychological departments of correctional institutions in Mongolia, 58.6% hold qualifications in law, indicating a shortage of personnel specialized in social work and psychology. Therefore, it is recommended to:

Develop training and practical internship systems in social work, psychology, and psychiatric care.

Establish a system to assess the level of professional competence among staff.

Design and implement training programs for newly appointed staff in social and psychological departments to provide theoretical knowledge and practical skills.

2. Expanding Multidisciplinary and Cross-Sectoral Collaboration

The study findings indicate that service provision for inmates requires the involvement of specialized teams, including psychiatrists, psychotherapists, and experienced instructors. Accordingly, it is recommended to:

Establish a system for multidisciplinary teams within correctional facilities.

Define roles, standards for collaboration, and operational procedures for team members.

Organize regular consultations and case discussions among professionals to facilitate knowledge and experience exchange.

3. Establishing a System for Assessing Inmate Conditions

Forty percent of participants reported that they were unsure about the difficulties experienced by their clients, highlighting a weakness in the current assessment system. Therefore, it is recommended to:

Implement standardized methodologies for assessing inmates' psychological, behavioral, and social needs.

Regularly use both quantitative and qualitative methods to evaluate inmates' motivation to change.

Apply assessment results in practice to plan individualized, client-centered services.

4. Improving Training Content and Effectiveness

The inconsistent outcomes among staff who participated in the study and training indicate a need to enhance the quality of training. Accordingly, it is recommended to:

Conduct practice-based, case-oriented training focused on providing services to inmates with drug- and psychoactive substance-related offenses.

Update training content in alignment with international best practices and standards.

Collaborate regularly with relevant agencies and institutions to ensure continuity and consistency.

5. Reducing the Risk of Recidivism

Although the majority of inmates demonstrate moderate to high motivation to change, continuous support remains necessary. Therefore, it is recommended to:

Develop a model for continuous support services and systematically implement reintegration programs for inmates.

Establish a system to regularly monitor and evaluate service outcomes to reduce the risk of recidivism.

Андреева Ю.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

Принцип добровольности при применении пенитенциарной пробации

На основании ст. 3 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»[1] (далее – Федеральный закон № 10) одним из принципов применения пробации является добровольность.

В связи с этим возникает научный и практический интерес к изучению пределов действия данного принципа при реализации пенитенциарной пробации в исправительных центрах (изолированных участках, функционирующих как исправительные центры) (далее – ИЦ (ИУФИЦ)) и исправительных учреждениях (далее – ИУ).

В ч. 1 ст. 5 Федерального закона № 10 под пенитенциарной пробацией понимается вид пробации, применяемый к осужденным в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из этих учреждений.

Как видим, законодатель использует формулировку «исправление осужденных» без перечисления направлений деятельности, осуществляемых со стороны администрации ИЦ (ИУФИЦ) и ИУ, для достижения обозначенного процесса. Предстоит уточнить сферы деятельности, которые могут входить в меры пенитенциарной пробации.

Анализируя содержание ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 10, приходим к выводу, что пенитенциарная пробация осуществляется по следующим основным направлениям:

1) проведение социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказание им психологической помощи в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством;

2) социальная реабилитация осужденных, отбывающих наказание;

3) подготовка осужденных к освобождению из учреждений, исполняющих наказания, и оказание осужденным содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве.

Далее подробно остановимся на соотношении социальной и воспитательной работы как направлений пенитенциарной пробации с основными средствами исправления осужденных: привлечением к труду и получением общего образования.

Так, в п. 5 раздела II «Социальная и воспитательная работа с осужденными к принудительным работам» приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и

1 О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ (в ред. Федерального закона от 23.07.2025 № 239-ФЗ).

социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»» (далее – приказ № 350)[1] к социальной работе относится оказание содействия осужденным к принудительным работам, освобождающимся из ИЦ (ИУФИЦ), в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве.

Аналогичная норма содержится и в п. 49 раздела III «Социальная работа с осужденными к лишению свободы» приказа № 350.

Как видим, социальная работа включает в себя мероприятия по трудовому устройству не в пенитенциарный, а постпенитенциарный период.

В продолжение заметим, что в ч. 5 ст. 16 Федерального закона № 10 под оказанием содействия в трудовом устройстве понимается проведение мероприятий, способствующих трудоустройству осужденных после их освобождения.

В итоге меры пенитенциарной пробации, направленные на трудовое устройство осужденных после освобождения, не имеют никакого отношения к мерам по привлечению осужденных к труду в период отбывания наказания.

Поэтому, когда осужденный обратится с заявлением, указав в качестве причины возникновения трудной жизненной ситуации необходимость содействия в трудоустройстве, поскольку у него имеется задолженность по исполнительным документам, ему должны отказать в применении пробации. Главной целью, которую он может преследовать, является дальнейший отказ от пробации и нежелание трудиться, ссылаясь на принцип добровольности.

Перейдем к изучению воспитательной работы как основного направления пенитенциарной пробации в период отбывания наказания в виде лишения свободы.

В ч. 1 ст. 109 УИК РФ регламентировано, что воспитательная работа с осужденными к лишению свободы направлена на их исправление, формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также на повышение их образовательного и культурного уровня. По нашему мнению, получение общего образования осужденными к лишению свободы следует отнести к повышению их образовательного уровня.

Укажем, что согласно ч. 4 ст. 80 УИК РФ лица, осужденные к лишению свободы и достигшие возраста 30 лет, а также лица, осужденные к лишению свободы, являющиеся инвалидами I или II группы, получают основное общее или среднее общее образование по их желанию. Отметим, что для лиц, не достигших 30 лет, получение общего образования является обязательным.

На основании п. 2 приложения № 4 к приказу № 350 одним из критериев индивидуальной нуждаемости является необходимость содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки.

Представляется верным уточнить, может ли получение общего образования считаться решением трудной жизненной ситуации. Например, если осужденный к лишению свободы, не достигший тридцати лет, подаст заявление о содействии в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, то в отношении него будет применять-

1 О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.11.2023 № 350 (в ред. приказа от 01.08.2025 № 187).

ся добровольная пробационная мера в виде получения основного общего образования. Остается неясным вопрос о возможности осужденного в дальнейшем, ссылаясь на Федеральный закон № 10, заявить о нежелании посещать школу, так как это добровольная пробационная мера. Но если заявление не будет подано, то будет реализовываться основное средство исправления осужденных в виде получения общего образования.

Таким образом, следует сделать следующие выводы:

процесс исправления осужденных и пенитенциарная пробация могут протекать параллельно или иметь одинаковое содержание;

привлечение осужденных к труду, а также получение общего образования осужденными к лишению свободы, не достигшими тридцати лет, не могут являться пробационными мерами.

Урусов А.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Выговор как неэффективная мера взыскания по предупреждению правонарушений в местах лишения свободы

Предупреждение правонарушений и преступлений со стороны осужденных является основной задачей, стоящей перед администрацией исправительных учреждений. В юридической литературе вопросы профилактики пенитенциарных правонарушений и преступлений находились и находятся в центре внимания ученых, а также практических сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказания.

Совершение осужденным правонарушений, связанных с нарушением порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы, указывает, с одной стороны, на отношение осужденного к режиму отбывания наказания, а с другой – на недостатки в организации воспитательной работы сотрудниками исправительных учреждений. Кроме того, совершаемые осужденными правонарушения осложняют оперативную обстановку в исправительных учреждениях.

Как справедливо отмечает Е.Н. Федотова, рост числа пенитенциарных правонарушений усиливает их общественную опасность, которая связана с тем, что это может привести к дезорганизации деятельности исправительных учреждений, к сложностям по поддержанию порядка исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, а в отдельных случаях к совершению тяжких преступлений[1].

Одним из механизмов стабилизации оперативной обстановки в исправительных учреждениях выступает дисциплинарная практика к нарушителям установленного порядка отбывания наказания в местах лишения свободы. Привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности является одной из обсуждаемых проблем в юридической литературе.

При этом отдельные исследователи обращают внимание на то, что «действующая в настоящее время система применения мер взыскания к осужденным в отношении определенной их части, как правило, наиболее криминогенной, не является эффективной, так как не оказывает на них должного вос-

1 Федотова Е.Н. Современное состояние пенитенциарной преступности в России //Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8. С. 51.

питательного и исправительного воздействия»[1]. Из этого следует, что существующие проблемы предупреждения нарушений условий отбывания наказания осужденными к лишению свободы напрямую связаны с низкой эффективностью системы мер взыскания, которая определена в ст. 115 УИК РФ.

Отсутствие эффективной системы мер взыскания к осужденным вызывает определенные трудности в служебной деятельности администрации исправительных учреждений по достижению основных целей уголовного наказания, создаются условия для распространения тюремной субкультуры. При этом существенно снижается роль сотрудников уголовно-исполнительной системы по поддержанию установленного порядка исполнения наказания в виде лишения свободы в рамках действующего уголовно-исполнительного законодательства.

На практике, как отмечает Е.В. Чернышенко, наиболее часто используются два вида взыскания к осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, – это выговор и водворение в штрафной изолятор. Далее он приходит к выводу, что эффективность дисциплинарного взыскания в виде выговора занимает последнее место, «поскольку предусматривает наименьшие правоограничения для осужденного в период его наложения»[2].

Чтобы доказать, что выговор как мера взыскания является низко эффективной мерой воздействия на осужденных к лишению свободы, определим сущность данного взыскания.

В юридической литературе чаще всего встречается определение: «выговор – одна из санкций, применяемых за нарушение установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 115 УИК РФ)»[3].

Но данное понятие не раскрывает сущность выговора как меры взыскания. На ваше обсуждение представляется понятие выговора.

Выговор – это вид дисциплинарного пенитенциарного взыскания, применяемый к осужденным, лишенным свободы, выражается в форме порицания за нарушение установленного порядка отбывания наказания с целью разъяснения противоправности совершенного проступка и предупреждения недопущения в дальнейшем новых правонарушений.

Сам выговор как мера взыскания не несет каких-либо правоограничений для осужденного. Правоограничения для осужденного связаны только с наличием взыскания, таких как:

– наличие непогашенного или несnятого взыскания;

– невозможность применения к осужденному меры поощрения, за исключением такой меры поощрения, как «досрочное снятие ранее наложенного взыскания» (п. «и» ч. 1 ст. 113 и п. 4 ст. 114 УИК РФ);

– отсутствие основания для перевода в более облегченные условия отбывания наказания (чч. 2 и 5 ст. 120, чч. 2 и 6 ст. 122, ч. 2 и 6 ст. 124 УИК РФ).

То есть данные правоограничения распространяются на все виды мер взыскания, а не только на выговор. Таким образом, взыскание в виде выговора несет только моральное воздействие на осужденного через его правовую сознательность. Вместе с тем в специальной литературе отмечается, что личность осужденного к лишению свободы обла-

1 Злотников С.А., Зайченко Е.Ю. О необходимости дисциплинарного ареста как эффективного инструмента правового воздействия на осужденных к лишению свободы в период подготовки их к освобождению // Пенитенциарная наука. 2014. № 27. С. 28.

2 Чернышенко Е.В. Проблемы реализации дисциплинарной ответственности в отношении осужденных к лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2017. № 39. С. 16-17.

3 Большой юридический словарь / авт.-сост.: В.Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М.А. Крылова ; под ред.: А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1998. С. 97.

дает устойчивой антиобщественной направленностью его поведения, взглядов, привычек, которые активно проявляются в период отбывания наказания. Добиться цели исправления такой личности, используя только меры взыскания в форме порицания его противоправного поведения, достаточно трудно, особенного если мера взыскания в виде выговора применяется достаточно часто за нарушения установленного порядка отбывания наказания.

По результатам анализа личных дел осужденных к лишению свободы выявлены многочисленные факты, когда к осужденному за нарушения установленного порядка отбывания наказания начальник отряда применял взыскание только в виде выговора, а частота такой меры превышала два раза в месяц. Несмотря на профилактические беседы и привлечение осужденного к пенитенциарной дисциплинарной ответственности, его поведение и отношение к условиям отбывания наказания не изменялось в лучшую сторону. Справедливо отмечает в своей статье В.А. Анфиногенов: «Слишком частое применение или распространение на относительно большое количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, какой-то одной или ограниченного круга мер дисциплинарного воздействия неизбежно ослабляет эффективность предупредительного воздействия как на нарушителя, так и на других осужденных. В этой связи не случайно количество закономерно превращается здесь в качество, зачастую сводя специальную и общую превенцию мер дисциплинарного характера к нулю»[1].

В целях повышения эффективности применения мер взыскания требуется введение в уголовно-исполнительное законодательство новых видов мер взыскания. Для этого необходимо использовать российский исторический опыт и зарубежное пенитенциарное законодательство.

Например, ст. 53 ИТК РСФСР[2] предусматривала более широкий спектр мер взысканий, чем определено в ст. 115 УИК РФ.

Пенитенциарное законодательство Республики Беларусь в ч. 1 ст. 112 УИК РБ[3] определяет следующие меры взыскания:

– выговор;

– внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения;

– лишение права на получение очередной посылки или передачи;

– лишение очередного длительного или краткосрочного свидания;

– водворение в ШИЗО на срок до 10 суток;

– перевод в ПКТ на срок до 6 месяцев.

Иными словами, зарубежный и отечественный исторический опыт предлагает для профилактического воздействия на осужденных применять не только выговор и водворение в штрафной изолятор, но и промежуточные меры взыскания, которые несут определенные правоограничения для осужденных в период отбывания наказания.

Исходя из современных направлений уголовно-исполнительной политики, ранее действующие взыскания, такие как «лишение права на получение очередной посылки» и «лишение очередного свидания», необходимо включить в действующее уголовно-исполнительное законодательство в новой редакции, при этом минимизировать ущемление субъективных прав осужденных на общение с родственниками.

1 Анфиногенов В.А. Дисциплинарное воздействие и его роль в исправлении осужденных // Научное здоровье. 2019. № 2. С. 46.

2 Здесь и далее ИТК РСФСР – Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18.12.1970.

3 Здесь и далее УИК РБ – Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 № 365-З.

Введение новых видов дисциплинарных взысканий, не связанных с внутренней изоляцией осужденных, в уголовно-исполнительном законодательстве позволит более эффективно применять меры дисциплинарного воздействия к нарушителям установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Постников М.М.

Красноярский государственный аграрный университет

Прогностическая модель обеспечения безопасности в уголовно-исполнительной системе на основе ситуационного анализа и оценки рисков радикализации

Методологическим и эпистемологическим фундаментом для разработки прогностической модели безопасности в уголовно-исполнительной системе (УИС) послужили несколько исследований:

Е.Н. Тонкова о концепции российского правового реализма, базирующиеся на фундаментальном различии между формальным, текстуально закрепленным правом («в книгах») и реально действующими нормами и практиками («в жизни»). Игнорирование последних, включая организационные особенности власти, корпоративные нормы, неформальные практики, ведет к неадекватности юридического анализа[1];

юридического прогнозирования Ю.Н. Тихомирова и К.В. Агаркова, в рамках которых право должно не просто существовать в виде абстрактных норм, а «улавливать» и отражать объективные социальные, экономические и политические процессы; игнорирование этих процессов ведет к потере эффективности и легитимности права юридического прогнозирования; осуществляемое через мониторинг правовых процессов, юридическое прогнозирование служит инструментом для упреждения негативных и поддержки позитивных тенденций в правовой сфере[2];

М.Ю. Спирина, подчеркивающего, что развитие любой сферы, включая науку, требует разрешения ключевого противоречия между традицией и новацией. Это противоречие актуализируется в «точке настоящего» – критическом моменте, где проверенные методы встречаются с требованиями будущего, и от способности к их синтезу зависит эффективность всей деятельности. Данный принцип диалектического сочетания старого и нового является фундаментальным для прогресса юридической науки, стоящей перед вызовом адекватного отражения быстро меняющейся реальности[3].

В применении к УИС это означает, что, во-первых, система прогнозирования рисков не может быть статичной. Она обязана отслеживать и интегрировать данные о меняющейся социальной

1 Тонков Е.Н. Российский правовой реализм : монография. М. : Алетейя, 2024. 454 с.

2 Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5-16; Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 25-36.

3 Спирин Ю.М. Современная российская общая теория права: традиционализм и/или развитие? (О некоторых проблемах и перспективах) // Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н.А. Пьянова : материалы конференций (октябрь – ноябрь 2022 г.) / отв. ред. и сост. М.Ю. Спирин ; науч. ред. С.А. Комаров, И.А. Кузьмин. Иркутск : Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, 2023. С. 100-107.

структуре контингента, влиянии внешних идеологических трендов, эффективности воспитательных процедур. Во-вторых, реальная безопасность и динамика радикализации в учреждениях определяются часто неформальными процессами: сложившимися иерархиями среди осуждённых, латентными практиками разрешения конфликтов и субъективным восприятием справедливости со стороны осужденных. В-третьих, специфическая социальная среда учреждений УИС представляет собой именно ту кризисную «точку настоящего», в которой проверяется адекватность традиционных правовых и криминологических подходов. Для понимания прогностической модели обеспечения безопасности важно констатировать, что риск как феномен поддаётся систематизации по различным основаниям (источник, субъект нейтрализации и др.), что открывает путь к структурированному анализу применительно к конкретным сферам, таким как риски радикализации в УИС.

Базовой инструкцией по организации прогностической деятельности в УИС являются методические рекомендации по подготовке прогнозов развития ситуации в уголовно-исполнительной системе Минюста России, согласно которым «под ситуацией (обстановкой) в УИС понимается некая реальность, складывающаяся из определенной совокупности взаимосвязанных объективных и субъективных явлений и процессов, которые влияют на характер деятельности УИС и должны учитываться при разработке тактики и стратегии этой деятельности»[1]. Методические рекомендации вводят структурированный подход к прогнозированию, определяя классификацию прогнозов по срокам, масштабу и сценариям развития, устанавливают в качестве объекта комплексную ситуацию в УИС, описываемую взаимодействием контингента, администрации и внешней среды, а также рекомендуют базовые методы (экстраполяция, экспертные оценки, моделирование), создавая таким образом институциональную основу для разработки современных прогностических моделей. Однако данный базис в значительной степени остаётся нереализованным в отношении критически важной задачи – создания научно обоснованной прогностической модели обеспечения безопасности на основе ситуационного анализа и оценки рисков радикализации. В настоящее время наблюдается дефицит публикаций, которые бы представляли целостную, операционализированную модель для непосредственного применения в практике управления безопасностью учреждений УИС. Авторский подход заключается в модели «раннего предупреждения», позволяющего перейти к проактивному анализу через систему индикаторов (показателей) для комплексного мониторинга и оценки обстановки внутри исправительного учреждения. На этапе формирования информационной базы для анализа рисков радикализации необходимо собрать данные по четырём группам индикаторов, каждая из которых характеризует ключевые аспекты ситуации в учреждении.

По поведенческим индикаторам требуются данные о динамике числа лиц, состоящих на профилактическом учёте по подозрению в причастности к экстремизму, с разбивкой по месяцам; сведения о количестве и тяжести совершаемых дисциплинарных нарушений, с особым вниманием к групповым проступкам. Факты выявления экстремистской символики, литературы или экстремистских высказываний, а также статистика конфликтов на межнацио-

1 Методические рекомендации по подготовке прогнозов развития ситуации в уголовно-исполнительной системе Минюста России № 18/1/1-38 от 31.01.2001 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 5. 2001.

нальной или межрелигиозной почве. Важным элементом является информация об активности идентифицированных неформальных лидеров среди осуждённых. Для оценки коммуникативных индикаторов необходим сбор данных о количестве изъятых запрещённых средств связи, анализ результатов мониторинга разрешённых свиданий и переписки осуждённых на предмет установления подозрительных внешних контактов, наблюдение за распространением норм тюремной субкультуры, противоречащих официальному уставу учреждения.

Индикаторы психоэмоционального состояния формируются на основе данных психологической службы, включающих количество осуждённых с диагностированными признаками дезадаптации, депрессии или повышенной агрессии; использование результатов специального тестирования, направленного на оценку уровня социальной адаптации и стрессоустойчивости в целевых группах риска. Данные по индикаторам подготовки персонала включают коэффициент укомплектованности штата, рассчитываемый как соотношение фактической и штатной численности сотрудников. Учитывается средняя служебная нагрузка на персонал, измеряемая в часах или количестве подконтрольных лиц на одного сотрудника. Также фиксируется информация о прохождении сотрудниками курсов повышения квалификации, посвящённых особенностям и отличиям радикальных течений ислама, профилактике экстремизма. Источниками для этого блока служат штатное расписание, табели учета рабочего времени и журналы регистрации обучения.

Предложенные индикаторы выступают не в качестве жесткой классификационной системы, а в роли структурированного руководства, задающего перечень ключевых факторов, которые необходимо оценить для определения уровня рисков.

Далее применяется ситуационный анализ, выходящий за рамки простой экстраполяции, для чего можно использовать построение и анализ матрицы корреляций между ключевыми индикаторами из разных групп.

Пример: оценка интегрального индекса напряженности (ИН) как взвешенной суммы нормализованных значений индикаторов.

Упрощенная концептуальная формула: ИН = (К1 * ΔПоведение) + (К2 * ΔКоммуникация) + (К3 * ΔПсихология) – (К4 * ΔПодготовка персонала),

где Δ – отклонение текущего значения индикатора от условной нормы (например, среднего за прошлый год), а К1-К4 – весовые коэффициенты, определяемые экспертно (например, через метод попарных сравнений Саати – математический инструмент из теории принятия решений, предназначенный для определения весов (важности) нескольких критериев или объектов на основе субъективных суждений экспертов; он структурирует и минимизирует субъективность, переводя качественные сравнения в количественные весовые коэффициенты). Рост индекса указывает на увеличение риска.

На основе выявленных корреляций строятся сценарии. Пессимистический сценарий: если наблюдается сильная положительная корреляция между ростом лиц с экстремистскими убеждениями (поведение), увеличением изъятия телефонов (коммуникация) и ростом нагрузки на персонал (подготовка), прогнозируется формирование сплочённой радикальной группировки с высоким риском насильственных инцидентов в срок 6-8 месяцев. Реалистический сценарий: если корреляция умеренная, а администрация усиливает контрольные мероприятия, прогнозируется сохранение текущего уровня напряженности с единичными

инцидентами. Оптимистический сценарий: если при росте поведенческих индикаторов показатели подготовки персонала улучшаются (снижение нагрузки, повышение квалификации), а коммуникативные индикаторы стабильны, прогнозируется успешная нейтрализация рисков силами администрации. Прогноз (сценарии) представляется руководству учреждения с указанием индикаторов-«триггеров» для каждого сценария. На основе пессимистического сценария разрабатывается план упреждающих мер (например, перераспределение контингента, внеплановые обыски, целевые беседы психологов, запрос на усиление кадрами). Верификация осуществляется путем ежеквартального сопоставления фактического развития ситуации с прогнозируемым сценарием и корректировки модели.

Таким образом, прогностическая модель безопасности УИС, интегрирующая концепции правового реализма, юридического прогнозирования и диалектики традиции с новацией, для преодоления разрыва между ведомственной методологией и прикладными исследованиями предлагает модель «раннего предупреждения», которая операционализирует мониторинг через систему индикаторов, формализует анализ с помощью интегрального индекса напряженности и обеспечивает принятие решений на основе сценарного прогнозирования.

Радченко Т.В.

Межрегиональный учебный центр ГУФСИН России по Красноярскому краю

Об эффективности привлечения осужденных к ответственности за татуировки, символизирующие приверженность к АУЕ

Согласно пункту 2 статьи 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ) экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным указанным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. При этом для исключения субъективной интерпретации перечень деятельности, относящейся к экстремистской, приведен в п. 1 ст. 1 Закона № 114-ФЗ.

О существовании в местах принудительного содержания, исправительных учреждениях такой организации как «Арестантское уркаганское (уголовное) единство» или «Арестантский уклад един» (далее – АУЕ) известно относительно давно. Аббревиатура АУЕ выражает не только название, но и девиз делинквентной организации, популяризирующей идеологию криминальных кругов, пропагандирующей образцы поведения преступного сообщества.

В учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества (следственных изоляторах, исправительных учреждениях), идеология АУЕ тесно соприкасается с криминальной субкультурой. Это оказывает негативное социально-психологическое влияние в основном на несовершеннолетних и формирует у них экстремистское мировоззрение[1].

1 Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Участие в деятельности «АУЕ» в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации // Научный портал МВД России. 2023. № 2

С исторических же позиций движение АУЕ зародилось гораздо позднее воровского сообщества, в 1990-е гг., и в общественном сознании устойчиво ассоциируется с молодежным деструктивным движением. Его возникновение связывается с необходимостью пополнения рядов региональных преступных группировок (далее – РПГ) за счет приобщения к криминальным традициям несовершеннолетних лиц для увеличения поступлений денежных средств в кассу взаимопомощи (так называемый «общак») и выполнения отдельных поручений лидеров РПГ[1].

В качестве символики и атрибутики международного общественного движения АУЕ Верховный Суд РФ указывает на наличие таких татуировок, как «роза ветров», пауки, оскаленная звериная пасть, эполеты, хотя официально ни в одном нормативном правовом акте перечень атрибутики и символики данного объединения не закреплен.

Сама по себе татуировка «роза ветров» в виде восьмиконечной звезды является довольно распространенной в местах лишения свободы, обычно ее наносят в трех местах: плечи, колени и под ключицами. Татуировка на коленях означает, что ее носитель в буквальном смысле «не встает на колени» ни перед кем. Татуировки под ключицей и на плечах наносят себе так называемые «лица отрицательной направленности», которые выступают против установленного порядка отбывания наказания и администрации учреждения, где они содержатся. Восьмиконечные звезды, поделенные на две части, одна из которых светлая, а вторая темная, имеют значение «дави активистов», то есть символизируют призыв к расправе с осужденными, соблюдающими установленный законом порядок отбывания наказания в учреждении, и идущими на контакт с сотрудниками администрации[2].

Методика противодействия распространению АУЕ-идеологии в исправительных учреждениях включает совокупность правовых способов и средств, препятствующих пропаганде криминальных взглядов и идей в среде осужденных.

Так, ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ, в соответствии с которой за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, если эти деяния совершены лицом, ранее наказанным по ст. 20.3 КоАП РФ, грозит крупный штраф (до 1 млн руб.), обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы либо лишение свободы на срок до 4 лет.

Согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 2024 г., опубликованным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. по ч. 1 ст. 282.4 осуждены 127 человек, что в 3 раза больше, чем за 2023 г. Не вызывает сомнения тот факт, что с каждым годом эта цифра будет увеличиваться.

Задолго до отнесения Верховным Судом РФ «розы ветров» к символам запрещенной экстремистской организации АУЕ, а также до введения в июле 2022 г. в УК РФ ст. 282.4, лица, находящиеся в изоляции от общества, привлекались

1 Якушева Т.В., Сухаренко А.Н. Уголовно-правовые последствия судебного запрета деятельности движения «АУЕ» в России // Уголовное право. 2024. № 2.

2 Темирханов М.А., Федоров А.Н. К вопросу о выявлении у осужденных перманентных рисунков (татуировок) на предмет сходства с нацистской атрибутикой и символикой // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9(201). С. 104-106.

к уголовной ответственности за наличие на теле указанных татуировок по ст. 210 и 210.1 УК РФ («Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» и «Занятие высшего положения в преступной иерархии»). И это были не рядовые уголовники, а криминальные авторитеты, иначе говоря, «воры в законе», «смотрящие», «положенцы», которых судили без оглядки на КоАП РФ. Чего нельзя сказать про нынешнее положение дел.

В настоящее время осужденных, чьи тела украшают татуировки, увязываемые с ныне запрещенным в России и признанным экстремистским движением АУЕ, вначале штрафуют по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, а уже после привлекают по ст. 282.4 УК РФ к уголовной ответственности.

Однако существующая правоприменительная практика доказывает, что применяемое административное наказание по ст. 20.3 КоАП РФ не является эффективным, поскольку санкция этой статьи предусматривает наложение на физических лиц административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей, что не оказывает существенного профилактического влияния на правонарушителя. Кроме того, такое лицо продолжает оставаться носителем символики запрещенной экстремистской организации, что создает предпосылки для дальнейшего распространения АУЕ-идеологии в исправительном учреждении[1].

Анализируя нормы действующего уголовно-исполнительного законодательства, в частности приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110, убеждаемся в том, что возможность избавиться от запрещенных татуировок у осужденных, которые находятся в местах лишения свободы, имеется не у всех. Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 (далее – Правила), осужденным к лишению свободы предоставлено право пользоваться по своему желанию и за счет собственных средств дополнительными услугами через администрацию исправительного учреждения, перечень которых определен в п. 93 Правил. Удаление татуировок осужденным как дополнительная услуга не выделено в отдельный подпункт п. 93 Правил. Однако, исходя из того, что удаление татуировки (код услуги - А16.01.021) является медицинской услугой, представляющей собой вид медицинского вмешательства, направленного на профилактику/диагностику/лечение заболеваний в виде оперативного лечения кожи, ее вполне можно отнести к дополнительным лечебно-профилактическим услугам, оказываемым врачами-специалистами медицинских организаций частной системы здравоохранения. Казалось бы, законодатель все предусмотрел, и любой осужденный, желающий свести с кожи тату, может обратиться к администрации исправительного учреждения, и через несколько сеансов к нему претензий уже не должно быть. Но что делать тем, кто не имеет финансовой на то возможности? Одно дело – приобретение на деньги, находящиеся на лицевых счетах, вещей, предметов и продуктов питания в пределах установленных УИК РФ сумм. Но если осужденный, желающий избавиться от запрещенных татуировок, в силу различных причин не имеет средств на лицевом счете… Разве что и остается заклеить татуировки лейкопластырем или постоянно скрывать под одеждой даже при посещении банно-прачечного комбината (что не всегда комфортно и гигиенично).

1 Шиков А.А., Тофт Е.А. Совершенствование противодействия распространению АУЕ-идеологии в учреждениях ФСИН России // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 4(30). С. 46–50.

Врачами-специалистами филиала «Туберкулезная больница № 1» ФКУЗ МСЧ-24 ФСИН России в 2025 г. проведено 977 процедур удаления татуировок (в 2024 г. – 267) 215 осужденным.

Также невольно задумываешься, почему судьи не пользуются правом и не прекращают подобные уголовные дела ввиду их малозначительности, ведь согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству. Тем более, когда речь идет о неоднократно судимых и уже отбывающих немалые срока лицах, татуировки для которых – неотъемлемый атрибут их образа жизни. Неужели для них было бы недостаточно дисциплинарных мер воздействия, которые зачастую ставят крест на их условно-досрочном освобождении? Неужели от увиденных на теле звезд остальные осужденные в одночасье сошли с пути исправления, став «экстремистами»?

Доминирующей целью «экстремизации» криминальной субкультуры в нашей стране было оздоровление молодежи и обстановки в местах лишения свободы. Однако, судя по ежегодной статистике и материалам рассмотренных уголовных дел, ситуация в этом направлении мало чем изменилась.

Корбут Н.В.
Иркутский институт (филиал) ВГУЮ РПА Минюста России

Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность

Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) привели к качественному изменению способов совершения преступлений, затрагивающих общественную безопасность и общественный порядок[1]. Если недавно ИИ воспринимался прежде всего как объект гражданскоправового и информационноправового регулирования, то сегодня он становится значимым фактором формирования новых криминальных рисков в сфере массовых коммуникаций, транспортной инфраструктуры, обращения оружия, обеспечения безопасности массовых мероприятий.

Преступления против общественной безопасности и порядка характеризуются высокой степенью объекта охраны и сложностями в установлении причинно-следственных связей. Вред зачастую причиняется опосредованно, через функционирование автономных алгоритмов, действующих без постоянного участия человека. Обновление уголовноправовой доктрины и правоприменительной практики в направлении учета специфики ИИ как средства совершения преступлений становится не только теоретической задачей, но и необходимым условием поддержания эффективности уголовноправовой охраны общественной безопасности и порядка.

Элементы состава преступления, совершаемого с использованием ИИ, обладают следующими характеристиками.

1 Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. М. : РУДН, 2020.

Объект посягательства: общественные отношения затрагиваются одновременно в нескольких сферах, таких как общественная безопасность, информационная безопасность, конституционные права граждан, экономическая безопасность.

Объективная сторона: общественно опасное деяние выражается в конфигурировании, обучении и запуске ИИ, а также в последующих вмешательствах в его работу, что не всегда очевидно корреспондирует с действиями, описанными в диспозиции конкретной нормы; субъект преступления: круг лиц, влияющих на результат, включает разработчиков, операторов, заказчиков и конечных пользователей, что усложняет индивидуализацию ответственности.

Субъективная сторона: осознание последствий и их предвидение опосредованы пониманием технических особенностей ИИ и степенью контроля над его функционированием. На законодательном уровне это приводит к двум ошибкам квалификации: либо к чрезмерно расширительному толкованию существующих составов (когда любое использование ИИ автоматически рассматривается как отягчающее обстоятельство), либо к недооценке общественной опасности новых форм поведения (когда сложность технологии фактически «маскирует» преступное деяние или переводит его в плоскость гражданскоправовой ответственности). На уровне практики это выражается в неоднородности подходов следствия и судов, отсутствии единых критериев оценки роли ИИ при квалификации и назначении наказания[1].

Доктрина уголовного права в последние годы демонстрирует устойчивый интерес к проблематике искусственного интеллекта, однако специальные исследования, ориентированные именно на преступления против общественной безопасности и порядка, пока немногочисленны и фрагментарны. В центре анализа – вопросы распределения риска и ответственности между разработчиком, оператором и пользователем, а также возможность построения особых юридических конструкций, учитывающих «поведение» ИИ как фактор, влияющий на форму вины человека[2].

Полноценная статистика по преступлениям против общественной безопасности и порядка с использованием ИИ пока отсутствует или носит закрытый характер, однако уже можно выделить несколько типовых моделей, иллюстрирующих спектр проблем квалификации. Использование ИИ в террористических и экстремистских целях. ИИ может применяться для: автоматизированного подбора целей и маршрутов совершения террористических актов; для управления автономными устройствами (например, беспилотными летательными аппаратами); для координации действий участников распределённых сетей. При квалификации подобных деяний возникают следующие проблемы: должно ли использование ИИ рассматриваться лишь как способ совершения преступления, учитываемый при назначении наказания, либо может (и должно) выступать в качестве квалифицирующего признака, отражающего повышенную общественную опасность? В каких случаях вмешательство в работу ИИсистемы инфраструктурного значения (управление транспортом, энергосетями, промышленными объектами) квалифицируется как террористический акт, а в каких – как иные преступления против общественной безопасности (например, нарушение правил

1 Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 17.

2 Ибатуллина Д.М. Искусственный интеллект в уголовно-правовой доктрине // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2(52). С. 46.

безопасности движения и эксплуатации транспорта)?

На практике эти вопросы приводят к тому, что схожие по фактическому содержанию деяния в разных регионах и на разных стадиях расследования квалифицируются по различным нормам, что снижает предсказуемость правоприменения. Если говорить об использовании ИИ как инструмента организации массовых беспорядков и нарушении общественного порядка, то он может использоваться для распространения провокационных сообщений, направленных на срыв массовых мероприятий; координации действий неопределённого круга лиц через чатботы и рекомендательные алгоритмы; создания и распространения медиаконтента, способного вызвать панику или агрессию, в том числе deepfakeматериалов[1]. Здесь проблема квалификации заключается в разграничении приготовления и подстрекательства к массовым беспорядкам и хулиганским действиям; административных правонарушений, связанных с нарушением порядка проведения массовых мероприятий, и уголовно наказуемых посягательств.

Исходя из выявленных проблем, представляется возможным предложить ряд направлений совершенствования. В первую очередь, это нормативное закрепление использования ИИ как способа совершения преступления. Целесообразно рассмотреть возможность включения в общую часть УК РФ дефиниции, раскрывающей понятие использования искусственного интеллекта в качестве способа совершения преступления (с указанием признаков автономности, самообучения, масштабируемости). Также необходимо рассмотреть вопрос отражения использования ИИ в качестве квалифицирующего признака в тех составах против общественной безопасности и порядка, где применение таких систем объективно ведёт к повышению общественной опасности (масштабу, неуправляемости, сложности предотвращения последствий). Это позволило бы обеспечить единообразие квалификации и избежать произвольного расширительного толкования понятия «способ совершения преступления». Эффективное расследование преступлений против общественной безопасности и порядка с использованием ИИ невозможно без участия специалистов в области машинного обучения, информационной безопасности и эксплуатации соответствующих технических систем. Необходимо рассмотреть вопрос о разработке и создании методических рекомендаций для следственных органов и прокуратуры по документированию цифровых следов использования ИИ, фиксации цепочки принятия решений, выявлению роли каждого участника. Преступления против общественной безопасности и порядка с использованием искусственного интеллекта наглядно демонстрируют пределы применимости классических уголовноправовых конструкций в условиях «цифровизации». Для преодоления выявленных проблем необходимы согласованные усилия законодателя, правоприменителя и научного сообщества, направленные на выработку понятных критериев квалификации таких деяний, нормативное закрепление специфики использования ИИ, развитие специализированной экспертизы и методических подходов. Только в этом случае уголовное право сможет сохранить способность эффективно обеспечивать охрану общественной безопасности и общественного порядка в условиях формирования «цифрового» общества.

1 Искусственный интеллект в борьбе с экстремизмом // Российский юридический журнал. 2022. № 2.

Секция
«ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ»

Гаврилов Б.Я.,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России (г. Москва)

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: рудимент российского уголовного процесса

Обращение к процессуальному порядку реализации института привлечения в качестве обвиняемого обусловлено собственной точкой зрения автора как практика[1] и представителя научного сообщества[2], так и наличием среди ученых-процессуалистов[3] мнения о данном институте как рудименте, несмотря на «стаж» его существования в российском уголовном процессе на протяжении почти 150 лет.

С учетом данного тезиса в публикации рассматриваются положения действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предусматривающего фактическое сохранение в российском уголовном процессе с 1887 г.[4] составляемого судебным следователем по результатам расследования итогового обвинительного документа, в котором излагалась сущность обвинения. Сегодня процессуальные правила предъявления обвинения, несмотря на принципиальные изменения подходов в российском законодательстве к данному институту, в том числе и в силу вступления в уголовное дело защитника (адвоката) уже на

1 До 2007 г. – заместитель начальника Следственного комитета при МВД России и с 1997 г. – член рабочей группы при Комитете по законодательству Комитета Государственной Думы РФ по подготовке УПК РФ и экспертной комиссии Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции.

2 Гаврилов Б.Я., Красильников А.В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 88-96; Гаврилов Б.Я. К вопросу о конституционно-правовом значении института предъявления обвинения // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики : материалы VII международной научно-практической конференции. Москва, 11–14 декабря 2023 года. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 15-24; Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения в дореволюционном и современном уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов международной научно-практической конференции. Орел, 17 октября 2025 года. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 52-58; и др.

3 Бурмагин С.В., Барабанов П.К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45-53; Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с. и др.

4 Постановление Правительствующего Сената от 03.07.1887 № 62 // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате.

стадии возбуждения уголовного дела, фактически сохранили свое значение.

С учетом изложенных обстоятельств при рассмотрении данного института автор обращается к зарубежному законодательству ряда европейских стран и государств бывшего СССР.

Реорганизация данного института уголовного процесса автору видится в отказе от института привлечения лица в качестве обвиняемого в пользу уведомления о подозрении неоднократно высказывались им в научной литературе[1].

Однако в научном сообществе данная инициатива встретила неоднозначную реакцию. В частности, критическую позицию занимает Л.В. Головко, полагающий такую замену необоснованной[2]. Скептически относятся к исключению данной процедуры из УПК РФ и многие практикующие юристы, что, по-видимому, обусловлено воздействием принципа презумпции невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации), неразрывно связанной с процессуальным статусом обвиняемого.

Вместе с тем именно практическая оценка[3] современного уголовно-процессуального законодательства, в котором более чем столетняя процедура предъявления обвинения зачастую превращается в излишне заформализованный и забюрократизированный акт, не всегда отвечающий цели реальной защиты прав личности, побуждает автора настаивать на необходимости пересмотра данного института.

Отмечая догматизм мышления части научной общественности и практических работников, автор полагает, что регламентация уголовно-процессуальных отношений должна отражать динамику изменений общественных правоотношений под влиянием экономических, политических и правовых факторов. Анализ целесообразности сохранения либо упразднения института привлечения лица в качестве обвиняемого требует рассмотрения ряда ключевых положений действующего законодательства.

Первым и основополагающим аргументом является традиционная связь момента вступления в уголовное дело защитника с процедурой предъявления обвинения. На протяжении более столетия именно предъявление обвинения рассматривалось как процессуальная гарантия, обеспечивающая лицу, подвергнутому уголовному преследованию, право на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации).

Обращаясь к истории вопроса, необходимо отметить, что советское уголовно-процессуальное законодательство длительное время не соответствовало международным стандартам (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод[4]). Так, УПК РСФСР 1960 г. допускал защитника к участию в деле лишь по окончании предварительного следствия (ст. 47), а по делам дознания – только в суде (ст. 120)[5].

1 Подр.: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве : монография. Москва, 2004. С. 63; Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20; Гаврилов Б.Я. Институт предъявления обвинения – правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сборник трудов конференции. 2010. С. 329 и др.

2 Головко Л.И. Институт уведомления о подозрении: мнимые и подлинные смыслы // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2023. № 7. С. 22-25.

3 Автор статьи более 30 лет посвятил следственной работе, пройдя путь от следователя районного органа внутренних дел до заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

4 Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948; Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 04.11.1950; Международный пакт о гражданских и политических правах : Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2200 от 16.12.1966.

5 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960.

Существенные изменения начались с принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 г.[1], которым в ст. 47 УПК РСФСР были внесены изменения, обеспечивающие по постановлению прокурора допуск защитника с момента предъявления обвинения, а для лиц с физическими или психическими недостатками – непосредственно с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Хотя этот шаг и был достаточно прогрессивным, однако право на защиту по-прежнему было ограничено рамками института предъявления обвинения.

Дальнейшая либерализация законодательства нашла отражение в Законе Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-I[2], которым в ст. 47 УПК РСФСР были внесены изменения, закрепившие право на допуск защитника к участию в деле не только с момента предъявления обвинения, но и на более ранних этапах – с момента объявления протокола о задержании лица в качестве подозреваемого или вынесения постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следующим этапом стало принятие Федерального закона от 29.05.2002 № 58-ФЗ[3], распространившего право на квалифицированную юридическую помощь на подозреваемого с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. Данная новелла, по сути, нивелировала исключительное значение процедуры предъявления обвинения как единственного основания для участия защитника в уголовном судопроизводстве фактически с момента начала уголовного преследования. Основа этому была заложена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П по делу В.И. Маслова[4], решением которого право на участие в деле защитника было предусмотрено уже на этапе проверки сообщения о преступлении, предшествующей возбуждению уголовного дела.

Окончательный разрыв традиционной связи между предъявлением обвинения и началом реализации как подозреваемым, так и заподозренным в совершении преступления лицом права на защиту произошел с принятием УПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в деле с момента вручения уведомления о подозрении, объявления постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, а также с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения, затрагивающих права и свободы данного лица.

Более того, сегодня ч. 11 ст. 144 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ[5]) предусматривает участие адвоката уже на стадии процессуальной проверки сообщения о преступлении – с момента получения объяснений от лица, заподозренного в совершении преступления.

Существенным эмпирическим аргументом в пользу исключения исследуемого в научной работе института служит многолетняя правоприменительная

1 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.06.1972.

2 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон Российской Федерации от 23.05.1992 № 2825-I.

3 О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ.

4 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П.

5 О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ.

практика расследования уголовных дел в форме дознания. За два с лишним десятилетия действия УПК РФ в суд направлено около 6,5 млн уголовных дел, при расследовании которых институт «классического» предъявления обвинения не применялся. Примечательно, что отсутствие данного процессуального акта не повлекло обращений осужденных по этим делам ни в Конституционный Суд Российской Федерации, ни в Европейский Суд по правам человека, что позволяют заключить: отказ от формализованного привлечения лица в качестве обвиняемого сам по себе не нарушает конституционное право граждан на защиту.

Кроме того, сравнительный анализ правовых статусов подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ) не содержит существенных различий между ними в объеме процессуальных прав, а имеющиеся – носят характер уточнения правового положения обвиняемого (например, применительно к этапу окончания расследования) и не являются концептуальными.

Историко-правовой анализ также свидетельствует об отсутствии безусловной связи между появлением фигуры обвиняемого и вынесением специального процессуального акта. Так, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) не содержал нормы, предписывающей составление постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Статус обвиняемого определялся фактическим положением лица, задержанного на месте совершения преступления (ст. 258), а процессуальные отношения строились, например, в отношении лица, который судебным следователем заключался под стражу, на уведомительных началах (ст. 283, 377 УУС)[1]. Юридическая фиксация данного статуса в современном его понимании происходила лишь на этапе предания суду при составлении прокурором обвинительного акта (ст. 519, 520 УУС)[2]. Указанное позволяет утверждать, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого не является имманентно присущим российскому уголовному процессу элементом.

Таким образом, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не предусматривал обязательного вынесения специального постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Данное требование было введено позднее, подзаконными актами: сначала наказом Санкт-Петербургского окружного суда 1887 г.[3], а затем окончательно закреплено определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 г., предписавшим судебному следователю перед призывом или приводом заподозренного лица составлять акт о признании его обвиняемым[4].

В советский период институт предъявления обвинения был воспринят и развит. Декрет «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г.[5] заменил прокурорский обвинительный акт постановлением следственной комиссии о предании суду (ст. 22). Впоследствии УПК РСФСР 1922 г.[6] закрепил обязанность следователя при наличии достаточных доказательств выносить мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиня-

1 Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 / НИУ ВШЭ 1993-2024. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864?ysclid=lv0wtk5s7c326996293 (дата обращения: 15.04.2024).

2 Там же.

3 Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / под общей редакцией О.И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984-1994. С. 304.

4 Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. Санкт-Петербург, 1907. С. 386.

5 О суде : Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 07.03.1918 № 2.

6 Об уголовно-процессуальном кодексе : постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 25.05.1922.

емого и предъявлять его не позднее 48 часов, что нашло отражение в его ст. 131.

Советская правовая традиция, помимо формализации статуса обвиняемого, породила и иной процессуальный феномен – институт доследования. В течение десятилетий возвращение судом уголовных дел для дополнительного расследования (ст. 232 УПК РСФСР 1960 г.) служило основным способом восполнения как пробелов предварительного следствия, так и необходимости перепредъявления обвинения как по причине допущенной следователем ошибки в квалификации деяния, сумме причиненного ущерба или даже технической ошибке, в том числе на более тяжкое обвинение. Последствия данной практики были исключительно негативными: ежегодно суды возвращали от 45 до 56 тыс. дел, что влекло необоснованное затягивание сроков расследования (от 3-6 месяцев до 1,5-2 лет и более по отдельной категории уголовных дел). При этом доследование зачастую сводилось как к перепредъявлению обвинения, так и к проведению следственных действий, которые могли быть выполнены непосредственно в судебном заседании.

Изложенное позволяет заключить, что сохранение института предъявления обвинения в его нынешнем виде, будучи во многом рудиментом советского подхода, неизбежно связано с устоявшейся практикой применения института доследования. При этом отказ от данной процедуры требует одновременного пересмотра пределов судебного разбирательства и предоставления суду (и стороне обвинения) большей гибкости в изменении правовой квалификации деяния непосредственно в суде.

О необходимости решения данной проблемы законодательным путем свидетельствуют положения абзаца 2 пункта 6 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П[1], позволяющие во взаимосвязи с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ сформулировать вывод, что в действующем правовом регулировании постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого утратило значение процессуального акта, жестко определяющего предусмотренные ст. 252 УПК РФ пределы судебного разбирательства, что по сути предоставляет возможность реформирования института предъявления обвинения.

В этом контексте показателен опыт зарубежных правопорядков. Законодательство Англии, Уэльса, Шотландии, а также государств – участников СНГ (Республика Беларусь, Казахстан) допускает восполнение предварительного расследования и исправление дефектов обвинения непосредственно в судебном заседании, исключая необходимость возвращения уголовного дела прокурору[2]. В частности, УПК Италии (ст. 517, 519) позволяет прокурору в ходе судебного следствия изменить обвинение на более тяжкое либо существенно отличающееся от первоначального, с соблюдением процедуры дополнительного уведомления или нового изложения деяния[3]. УПК Испании (ст. 732) закрепляет изменение квалификации преступления как самостоятельного этапа судебного разбирательства, гарантируя стороне защиты право ходатайствовать

1 По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.05.2007 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

2 Бурмагин С.В., Барабанов П.К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 49.

3 Tonini P. Manuale di procedura penale. Milano, 2017.

об отложении слушания для подготовки к опровержению нового обвинения[1].

Имплементация данных подходов в российское уголовное судопроизводство видится возможной при соблюдении следующей процессуальной схемы. При заявлении государственным обвинителем ходатайства о дополнительном расследовании или об изменении обвинения на существенно отличающееся от предъявленного по итогам предварительного расследования, в том числе на более тяжкое, суд приостанавливает судебное разбирательство. В свою очередь, прокурор восполняет пробелы расследования, а также предъявляет подсудимому новое обвинение с разъяснением существа инкриминируемого уголовно- наказуемого деяния. Далее суд предоставляет защите время для ознакомления с дополнительно собранными стороной обвинения материалами и предъявленным новым обвинением. После возобновления судебного разбирательства оно продолжается в пределах нового обвинения.

Предлагаемая модель, сохраняя состязательные начала и право на защиту, позволяет исключить возвращение уголовного дела на доследование и обеспечивает его движение без неоправданных задержек.

Данная процедура дополнения предварительного расследования и предоставления прокурору возможности предъявления нового обвинения, в том числе существенно отличающегося от предъявленного по результатам предварительного расследования или при его изменении на более тяжкое непосредственно в ходе судебного разбирательства, обладает рядом системных преимуществ. Предложенные процессуальные изменения обеспечивают: сохранение судебного контроля на всех этапах движения дела, исключая его передачу не судебным органам; поступательный характер уголовного процесса, способствующий сокращению сроков производства расследования дела и реализации его основополагающих принципов; непрерывный доступ участников судопроизводства к правосудию; процессуальную экономию, исключающую необходимость повторных процедур ознакомления с материалами уголовного дела при его возвращении на доследование, и ряда судебных процедур, а также наиболее полную реализацию права государственного обвинителя на поддержание обвинения.

Конституционно-правовое обоснование данной модели находит подтверждение в системном толковании ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации. Содержание конституционной презумпции невиновности не предполагает жесткой дифференциации между подозреваемым, обвиняемым и подсудимым, свойственной УПК РФ. Все указанные лица объединены единым конституционным статусом лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование[2]. Данный вывод корреспондируется с п. 55 ст. 5 УПК РФ, согласно которому уголовное преследование осуществляется не только в отношении подсудимого, обвиняемого, но и подозреваемого, причем фактически – и на этапе, предшествующем возбуждению и судебному разбирательству уголовного дела.

Таким образом, реализация изложенных предложений будет способствовать повышению эффективности следственно-судебной деятельности в целом, обеспечивая баланс между публичными интересами правосудия и конституционным правом граждан на доступ к правосудию в разумные сроки.

1 Catena V., Domingues V. Derecho proceso penal. Valencia, 2019; Martinez M. Derecho proceso penal. Madrid, 2019; Lopez M. Derecho proceso penal / Director Mellado J. Valencia, 2019; Sendra V. Manual de Derecho proceso penal. Madrid, 2015.

2 Колбеева М.Ю. Указ. соч. С. 13.

Лебедев Н.Ю.,
доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

Целесообразность введения в УПК РФ главы, регламентирующей порядок производства по уголовным делам с участием военнослужащих – назревшая необходимость или излишняя перезагруженность закона

В настоящее время правовое регулирование деятельности военных дознавателей и следователей и в целом вся система выявления и регистрации правонарушений, совершаемых военнослужащими, построена таким образом, чтобы минимизировать отображение количественных данных в официальных статистических источниках, в том числе о количестве совершенных преступлений.

Стремление командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов скрывать факты произошедших событий криминального содержания и завуалирование наступивших последствий под обстоятельства объективно правомерного характера прямо заложено в угрозе привлечения их к юридической ответственности.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального права командир воинской части как орган дознания должен незамедлительно зарегистрировать факт выявленного преступления, дать указание военному дознавателю провести проверку, при необходимости возбудить уголовное дело, провести неотложные следственные действия и направить материалы уголовного дела в военный следственный орган, а параллельно доложить вышестоящему командованию, которое будет решать вопрос о наказании командира воинской части.

Правовая коллизия заключается в том, что командир воинской части как орган дознания должен незамедлительно реагировать на любую информацию о произошедших правонарушениях и фактически осуществлять расследование для последующего привлечения себя же самого к юридической ответственности.

Можно ли в данной ситуации упрекать командира, пытающегося представить произошедшее правонарушение и наступившие последствия в виде несчастного случая либо травмирования военнослужащего во время спортивных или учебно-боевых мероприятий.

Данные обстоятельства неминуемо приводят к нарушению процессуальных прав как военнослужащих, потерпевших от преступлений, так и военнослужащих, совершающих деяния, запрещенные уголовным законом. Кроме того, специфика военной службы приводит к тому, что традиционные правила производства следственных и иных процессуальных действий и в целом производство по уголовному делу затруднительно реализовывать в условия прохождения военной службы.

Указанные обстоятельства позволяют поставить вопрос о целесообразности разработки и введения в уголовно-процессуальный кодекс главы, в которой был бы закреплен порядок производства по уголовному делу с участием военнослужащих.

Определенные моменты рассматриваемой проблематики затрагивались в научных работах некоторых ученых. Так, С.А. Сикоев затрагивает достаточно интересные аспекты, касающиеся возможной специфики осуществления производства по уголовному делу в условиях объявленного военного положе-

ния[1]. Д.В. Новокшонов описывает виды судебных экспертиз и особенности их назначения и производства при расследовании преступлений, совершенных военнослужащими[2].

Вопросы обеспечения безопасности военнослужащих, участвующих в производстве по уголовному делу, определяются спецификой прохождения военной службы. Так, А.В. Суров подчеркивает, что «проблемы обеспечения безопасности участника уголовного процесса – военнослужащего носят многообразный характер, содержат определенные формы рассогласованности отраслевых правовых актов и нуждаются в совершенствовании»[3].

Введение в УПК РФ самостоятельной главы о производстве по уголовным делам с участием военнослужащих скорее выглядит назревшей необходимостью, но только при корректном выборе модели: не «особый суд для военных», а «особый порядок (спецправила) с четкими гарантиями и пределами». Иначе есть риск действительно получить излишнюю перегруженность законодательства и дублирование определенных процессов.

Чтобы это не было «перезагрузкой» закона, глава должна быть короткой и адресной: регулировать только те моменты, где есть устойчивая специфика.

Выделим некоторые из доводов в поддержку мнения, почему введение указанной главы представляется «назревшей необходимостью»:

1) специфика статуса военнослужащего;

2) военная служба предполагает режим подчинённости, дисциплины, ограничений свободы передвижения и особых обязанностей. Это прямо влияет на:

возможность явки по вызову;

выбор мер пресечения (в том числе как обеспечить исполнение при несении службы);

порядок доставления/содержания;

взаимодействие с командованием и органами военной полиции/комендатур;

3) повышенные риски давления на военнослужащих со стороны сослуживцев, так называемая «внутренняя взаимозависимость».

4) воинская иерархия может создавать как фактическое давление на потерпевших/свидетелей, так и зависимость подозреваемого от командиров.

Переходя к более детальному рассмотрению вопроса о потенциальном наполнении проектируемого уголовно-процессуального института, целесообразно выделить следующие аспекты.

В первую очередь требуется четко определить категории военнослужащих, а также гражданских лиц, поддерживающих функционирование воинских частей и соединений, на которых будет распространяться действие предлагаемого правового института. Военнослужащие – это особая категория граждан, на которых возложены специфические обязанности, связанные с защитой государства. Их правовой статус и условия службы требуют особого подхода в уголовном процессе.

Во-вторых, существуют преступления, которые может совершить только

1 Сикоев С.А. Особенности расследования уголовных дел за преступления против военной службы в военное время // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 5. С. 172-175.

2 Новокшонов Д.В. Некоторые вопросы и особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений против военной службы // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 238-241.

3 Суров А.В. Проблемы обеспечения государственной защиты военнослужащих – участников уголовного процесса, содействующих производству по уголовному делу // Вестник. Государство и право. 2015. № 20. С. 51-54.

военнослужащий (нарушение устава, дезертирство и т.д.). Расследование и рассмотрение таких дел требует специальных знаний и навыков, соответственно следует детально сформулировать перечень особых обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу с участием военнослужащих.

В-третьих, следует акцентировать внимание на особенностях процедуры задержания военнослужащих, оно должно оставаться уголовно-процессуальным задержанием (с теми же основаниями, сроками, правами и судебным контролем), но с дополнительными гарантиями и правилами исполнения, обусловленными режимом службы и местом дислокации (часть, корабль, полевой лагерь), риском давления внутри подразделения, необходимостью немедленного обеспечения безопасности и сохранности доказательств (оружие, боеприпасы, доступ к складам/документам/средствам связи).

В-четвертых, в проектируемой главе УПК РФ необходимо детально закрепить порядок уведомления и вовлечения военнослужащих в следственные действия: приоритет прямого вызова лица, параллельное минимизированное уведомление командования лишь для обеспечения явки и режима, обязательная фиксация уведомления и запрет вмешательства. Отдельно должны быть прописаны гарантии против давления в воинской иерархии и специальные требования к понятым – исключение служебной зависимости от фигуранта. Такая регламентация не создает «особого процесса», а обеспечивает реализацию общих принципов УПК РФ в специфических условиях военной службы.

В-пятых, в уголовных делах с участием военнослужащих часто затрагивается информация, составляющая государственную тайну. Необходимо обеспечить надлежащую защиту этой информации в ходе уголовного процесса. Соответственно, в предлагаемой главе, необходимо уделить особое внимание разработке процессуального порядка проведения отдельных следственных действий.

В-шестых, отдельная глава могла бы детально регламентировать права военнослужащих в уголовном процессе и обеспечить дополнительные гарантии их защиты. Детально изложить механизм привлечения, назначения и замены защитника.

В-седьмых, следует предусмотреть ситуации, когда приглашение представителя военнослужащего, признанного потерпевшим, является обязательным. Например, это касается случаев нанесения вреда его здоровью, когда он не в состоянии полноценно реализовать свои права самостоятельно.

В-восьмых, разработать и закрепить процессуальный порядок выделения, приостановления и прекращения уголовных дел в отношении военнослужащих в условиях проведения специальных военных операций, а также прохождение ими военной службы в период военного положения или в период военного времени.

Конечно, это только малая часть моментов, которые должны будут учтены при разработке предлагаемого уголовно-процессуального института.

Введение отдельной главы в УПК РФ, регламентирующей производство по уголовным делам с участием военнослужащих, является назревшей необходимостью, поскольку обеспечит единообразие практики и дополнительные гарантии прав участников с учётом служебной зависимости, режимности и особых условий несения службы. При этом глава должна носить точечный характер и закреплять лишь специфические процессуальные механизмы, не дублируя общие нормы закона.

Дивaев А.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк)

Юридические и нормативные конструкции – ключ к систематизации уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального законодательства

Познание системы права и структуры его отраслей, а также сопутствующая ей проблема систематизации законодательства – две извечные «головные боли» отечественной правовой науки, от которых ею пока не изобретено достаточно действенное средство. При этом, несмотря на то что исследования в этом направлении проводятся как в общей теории права, так и в отраслевых науках, сегодня правовая доктрина в сфере систематизации права и законодательства лишь устраняет симптомы, но не причины «недуга».

Не минула «сия доля» и уголовно-процессуальную науку. Более того, на фоне явного дефицита фундаментальных исследований, посвященных проблеме структуризации уголовно-процессуального права, она приобрела гипертрофированные формы, прямо оказывая негативное влияние на эффективность уголовно-процессуального воздействия. Та системная сумятица, которая в настоящее время творится в положениях действующего уголовно-процессуального закона, – прямое следствие хронической «недоисследованности» структуры уголовно-процессуального права, некоторого пренебрежения этой проблематикой со стороны научного сообщества. Аргументы? Их предоставить не сложно. Достаточно упомянуть хотя бы тот факт, что последнее специализированное диссертационное исследование, посвященное системе (структуре) уголовно-процессуального права за авторством Л.Б. Алексеевой датировано 1975 г[1]. Несколько позднее, в 1985 г., монографическую работу по схожей тематике издал А.М. Ларин.[2] Вот, пожалуй, и все.

Конечно, в последующем проблема структуризации уголовно-процессуального права затрагивалась в работах других авторов. Однако происходило и происходит это, во-первых, в контексте исследования других проблем, и, во-вторых, в основном в рамках простейшей двухэлементной парадигмы, подразумевающей структуру уголовно-процессуального права как упорядоченную совокупность уголовно-процессуальных норм, формирующих некие их массивы, – институты уголовно-процессуального права, которые, в свою очередь, образуют отрасль уголовно-процессуального права. Другими словами, структурно уголовно-процессуальное право здесь определяется как совокупность уголовно-процессуальных норм и институтов.

Именно такой весьма утилитарный подход к пониманию структуры уголовно-процессуального права, избираемый многими авторами, приводит к «появлению» в теории уголовного процесса весьма своеобразных «институтов» уголовно-процессуального права: «институт взаимодействия следователя с органами дознания»[3], «институт при-

1 Алексеева Л.Б. Теоретические вопросы системы уголовно-процессуального права. М., 1975. 25 с.

2 Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. : Наука, 1985. 240 с.

3 Ларичева И.В. Взаимодействие следователя с органами дознания как институт уголовно-процессуального права :.автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 33 с.

мирения»[1], «уголовно-процессуальный институт неприкосновенности прокурорских работников»[2] и пр. Временами доходит до того, что в число «институтов» уголовно-процессуального права относят некие правовые общности, включающие в себя буквально две-три правовые нормы («институт показаний свидетеля»[3], «институт отказа в возбуждении уголовного дела»[4]), что выглядит, мягко говоря, спорно.

Причина такого странного подхода исследователей к пониманию природы уголовно-процессуального института в общем-то понятна: не имея достаточной теоретической опоры и ориентируясь на то, что в структуре уголовно-процессуального права теория уголовного процесса преимущественно выделяет лишь два элемента, они склонны любую правовую общность, независимо от количества норм составляющих ее и функциональных связей этой общности в другими уголовно-процессуальными нормами, называть уголовно-процессуальным институтом. Это скорее не вина, а беда исследователей, посвятивших свои работы столь сложной тематике.

Однако и мириться со сложившейся ситуацией нельзя. По нашему мнению, необходимость в более глубокой проработке структуры уголовно-процессуального права созрела уже давно, и одним из ее направлений должно стать исследование природы тех образований, которые в силу объективных причин, связанных с развитием системы уголовно-процессуальных отношений, формируются в структуре уголовно-процессуального права на уровне между нормой уголовно-процессуального права и его институтом.

Подчеркнем, что учитывая объективную природу структуры уголовно-процессуального права, формирование любого ее структурного элемента происходит в силу объективных же закономерностей. С этой точки зрения группировка норм уголовно-процессуального права, обособление их в его структуре – процесс естественный, связанный с развитием уголовного процесса, а, следовательно, «изобрести» структурный элемент уголовно-процессуального права нельзя. Его можно лишь обосновать.

О каких же метаэлементах (от греч. metά – между) может идти речь применительно к уровню норма – институт в структуре уголовно-процессуального права?

Обычно в данном контексте упоминается о такой правовой общности, как субинститут – группе норм права, структурно входящих в определенный правовой институт за счет наличия их функциональных связей с другими нормами данного института, однако обособленный в нем спецификой решаемых задач. И нужно признать, что такие образования присутствуют в структуре сложных уголовно-процессуальных институтов. Примеров тому немало.

Так, в массиве норм, образующих институт прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, явно выделяются два самостоятельных субинститута: субинститут прекращения уголовного дела и субинститут прекращения уголовного преследования, связанные друг с другом посредством своего назначения (функции).

1 Шараева Я.А. Институт примирения в уголовно-процессуальном праве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2015. 33 с.

2 Федоров А.В. Уголовно-процессуальный институт неприкосновенности прокурорских работников и реализация гарантий прокурорской неприкосновенности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб, 1995. 16 с.

3 Федоров А.А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном процессе :.автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 18 с.

4 Сергеев Б.М. Процессуальные и организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 28 с.

Или другой пример. В системе норм, составляющих сложный институт следственных действий, особняком стоит группа норм, регламентирующих порядок производства судебной экспертизы, что недвусмысленно указывает на то, что это самостоятельная и причем достаточно крупная правовая общность – субинститут данного института, имеющая с другими его нормами общие функциональные связи (назначение судебной экспертизы, как и других следственных действий очевидно – собирание и проверка доказательств).

Однако применение системного метода в исследовании структуры уголовно-процессуального права однозначно указывает также и на то, что включение в нее субинститутов не исчерпывает систему элементов уровня норма – институт уголовно-процессуального права. Дело в том, что анализ уголовно-процессуального закона дает основания полагать, что в этой системе присутствует еще одно «недостающее» звено, расположенное между нормой и субинститутом. Но что это за звено? Какую функцию оно выполняет в структуре уголовно-процессуального права?

Для ответа на эти вопросы обратимся к общей теории права, в положениях которой достаточно давно сформулирована идея о существовании в структуре отраслей права особых правовых общностей, названных юридическими конструкциями. По выражению С.С. Алексеева, они представляют собой «модельные схемы или типовое построение правомочий, обязанностей, ответственности, процедур»[1]. Их появление нужно связывать с процессом «типизации правовых средств», вызванным усложнением системы общественных отношений, когда происходит переход от регуляторов в виде простых правовых предписаний, которые объективно уже не «справляются» с уголовно-процессуальной регламентацией, к функционально связанным, логически и конструктивно замкнутым группам норм, призванным регламентировать отдельную группу уголовно-процессуальных отношений, складывающихся в форме какого-либо уголовно-процессуального действия. Именно эти группы норм, структурно являющиеся элементом того или иного уголовно-процессуального института (субинститута), и есть то «недостающее» звено в структуре уголовно-процессуального права, занимающее место между нормой и субинститутом, если он присутствует в структуре данного уголовно-процессуального института, или нормой и институтом, если в нем субинститутов нет.

Включение в структуру уголовно-процессуального права еще одного метаэлемента – юридической конструкции – ставит все на свои места, позволяя объяснить природу тех групп уголовно-процессуальных норм, которые, объективно существуя, до сих пор не получили надлежащего теоретического обоснования.

Ведя речь о правовом «конструктивизме», нельзя не затронуть еще одного аспекта данной проблематики, носящей более прикладной характер. В данном случае мы имеем в виду такое правовое явление, которое в правовой доктрине обычно именуется «нормативной конструкцией».

Несмотря на некую общность в названии с феноменом «юридической конструкции» и безусловную связь ним в контексте того, нормативная конструкция – внешняя форма выражения юридической конструкции, способ отражения ее в нормативно-правовом акте, это разнопорядковые категории. Это в первую очередь связано с тем, что, если юридические конструкции объективны, то нормативные конструкции – плод субъективного целеполагания, осущест-

1 Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Издательство НОРМА, 2001. С. 279.

вляемого законодателем, а следовательно, они в лучшем случае объективно обусловлены. Указанное различие носит принципиальный характер и позволяет законодателю произвольно, руководствуясь собственными представлениями об удобстве и эффективности использования нормативного материала, выстраивать нормативные (в случае с уголовно-процессуальным законодательством – законодательные) конструкции, в том числе и на межотраслевом уровне.

В свете последнего утверждения такая популярная в настоящее время идея о появлении так называемых «комплексных» институтов и отраслей права, связываемая многими исследователями с процессами «конвергенции» в праве, на самом деле носит ложный характер. Как представляется, конвергенция происходит не на уровне права, а как раз на уровне межотраслевых нормативных конструкций, что все более и более характерно, в том числе и для уголовно-процессуального законодательства (гражданский иск в уголовном процессе, реабилитация, судебные издержки и др.). Однако это «сближение» происходит именно на уровне нормативного акта, но не отраслей права, где процессы дифференциации, вызванные усложнением системы общественных отношений, необратимы.

Калугин А.Г.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Пути повышения эффективности досудебного производства: нормативно-правовой аспект

Значительная часть проблем, негативно влияющих на эффективность предварительного расследования в Российской Федерации, связана с начальным этапом уголовного судопроизводства. На протяжении уже четверти века среди российских ученых-процессуалистов продолжается дискуссия о том, нужна ли стадия возбуждения уголовного дела, или же пора от нее отказаться; что должно представлять собой дознание; изменит ли парадигму досудебного производства введение фигуры следственного судьи или судебного следователя и т.д.

Не касаясь в рамках данной работы вопросов организационного плана, кадрового, информационного и материально-технического обеспечения деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование, рассмотрим возможные направления совершенствования нормативного регулирования начального этапа уголовного процесса.

Представляется, что в поиске оптимальной модели следует опираться на понимание правовой природы деятельности, осуществляемой на этом этапе, ее цели и задач с точки зрения реализации назначения уголовного судопроизводства.

Очевидно, что успешность производства по уголовному делу в значительной мере определяется тем, насколько эффективно удается решить основные задачи стадии возбуждения уголовного дела:

– установление факта (события) преступления, его предварительная юридическая квалификация в качестве именно преступления (отграничение от административного правонарушения, дисциплинарного проступка, граждан-

ско-правового деликта, стихийного бедствия и т.д.);

– закрепление его следов;

– установление лица, его совершившего.

Параллельно решается также задача обеспечения права граждан и юридических лиц, пострадавших от преступления, на возмещение причиненного им вреда.

Пожалуй, большинство исследователей данной проблематики сходятся в том, что закрепленные в настоящий момент в уголовно-процессуальном законе средства не позволяют решать эти задачи должным образом. К числу наиболее существенных проблем следует отнести следующие:

– предусмотренные ч. 1 ст. 144 УПК РФ средства проверки сообщений о преступлении не обеспечивают в полной мере собирание и закрепление доказательств в процессуальной форме, а максимальное использование сроков проверки зачастую влечет к утрате возможности их получения;

– отсутствие (неопределенность) процессуального статуса граждан, вовлеченных в процесс «доследственной проверки», не позволяет обеспечить их права (в целом право на доступ к правосудию), а также не дает возможности в будущем привлечь к ответственности лиц, оказывающих противодействие государственным органам и их должностным лицам, проводящим проверку сообщений о преступлениях.

Обозначим пути решения указанных проблем.

1. Принципиальный отказ от взгляда на возбуждение уголовного дела как на самостоятельную стадию процесса. Доследственная проверка должна быть заменена полноценным уголовно-процессуальным расследованием (условное наименование – «полицейское дознание»), что позволит отказаться от порочной «классификации» способов собирания сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, на процессуальные и непроцессуальные в зависимости от того, «до» или «после» возбуждения уголовного дела разрешается производство соответствующих действий. Например, право получения объяснений следует заменить на возможность допроса потерпевшего, свидетеля, специалиста, гражданского истца с момента регистрации сообщения о преступлении с автоматическим приданием им соответствующего процессуального статуса, включая уголовную ответственность за различные формы противодействия правосудию.

Основанием для начала полицейского расследования должен являться факт регистрации сообщения о преступлении. Норма о регистрации сообщений и ее правовых последствиях должна быть закреплена в УПК РФ.

Целью расследования на начальном этапе должно быть установление в событии признаков преступления, а также лица, его совершившего. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, безусловно, должны проводиться под судебным контролем и обеспечиваться минимально необходимым набором мер процессуального принуждения: обязательство о явке, привод и денежное взыскание. Завершаться этот этап должен возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица (в том числе и путем его задержания в качестве подозреваемого) либо отказом от уголовного преследования и прекращением производства по делу.

2. Унификация требований к процессуальной форме доказательств, устранение существующих в этой части различий между уголовным, гражданским, арбитражным и административным процессом. Это обеспечит возможность «свободного перехода» одного и того же доказательства из административного производства в уголовное дело, из уголовного дела – в гражданское и

т.д. без необходимости дополнительно придавать ему «новую» процессуальную форму, соответствующую той или иной отрасли права. Такая унификация должна проводиться с учетом обеспечения процессуальных гарантий конституционных прав личности, которые на сегодняшний день наиболее полно представлены в уголовно-процессуальном порядке производства следственных действий[1]).

3. Отказ от использования в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве, основанного на средневековой теории «формальных доказательств», подхода к критериям оценки допустимости доказательств (пример – пункты 1, 2.1, 2.2, 2.3 части 2 ст. 75 УПК РФ), который нередко вынуждает суд пренебрегать имеющимися в уголовном деле сведениями, полученными в соответствии с законом и в полной мере отвечающими требованиям достоверности и проверяемости.

Допустимость доказательств должна определяться следующими критериями:

а) возможностью проверки полученных сведений на достоверность уголовно-процессуальными способами, доступными суду;

б) соблюдением конституционных прав и свобод человека при получении доказательств;

в) соблюдением порядка получения доказательств, установленного законом (исходя из предыдущего тезиса – не только уголовно-процессуальным).

4. Расширение перечня видов (источников) доказательств, предусмотренного ч. 1 ст. 74 УПК РФ, за счет новых, обладающих, на наш взгляд, собственной правовой и информационной природой, существенными признаками, позволяющими отграничить их от «иных документов» и вещественных доказательств:

а) компьютерная информация в виде контента (документа, изображения (фото, видео и т.д.)), создание и (или) распространение которого образует состав преступления, либо «виртуального следа»[2] преступления (например, изменений, неправомерно внесенных в компьютерную программу, «следов взлома» и т.д.). Ее особенностями являются признаки, отличающие ее от известных нам источников – вещественных доказательств и «иных документов»:

– она создана и сформирована машиной с помощью алгоритма, который задан программой, соответственно, работать с этой информацией (воспринять при помощи органов чувств («прочитать»), воспроизвести, исследовать, скопировать) без соответствующих программных и аппаратных средств невозможно;

– она создана и существует в виртуальном пространстве и не «привязана» к конкретному материальному носителю, может быть в неизменном виде перенесена (скопирована, растиражирована) на бесконечное количество носителей с различными техническими (физическими) характеристиками, использоваться одновременно неограниченным количеством пользователей в случае размещения ее в компьютерной сети.

б) результаты оперативно-розыскной деятельности, которые могут использоваться в уголовно-процессуальном доказывании не только в виде предметов и документов, но и как источник информации, имеющий самостоятельное значение: как сведения, добытые сотрудни-

1 Подр.: Калугин А.Г. К вопросу о рационализации порядка уголовно-процессуального доказывания // Современное право. 2011. № 7. С. 124-127; Калугин А.Г., Цуканов Н.Н. О возможности использования опыта нормативно-правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях в оптимизации порядка уголовно-процессуального доказывания // Публичное и частное право. 2012. Вып. 4 (XV). С. 156-163.

2 Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации. Основы теории и практики расследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2002. С. 104.

ком оперативного подразделения путем непосредственного восприятия следов преступления, а иногда и самого события его совершения, гносеологически схожие с результатами следственного действия (осмотра, следственного эксперимента, обыска и т.п.), но полученные в ином, не предусмотренном уголовно-процессуальным законом режиме. Характерными признаками, позволяющими выделить результаты ОРД в самостоятельный вид доказательств, и, одновременно, условиями их использования в уголовно-процессуальном доказывании являются:

– невоспроизводимость, то есть невозможность повторного получения следователем, судом соответствующей информации;

– потенциальная проверяемость этих сведений на предмет относимости, допустимости и достоверности при помощи уголовно-процессуальных средств[1].

Представляется также целесообразным дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, регламентирующими порядок добровольной выдачи и инициативной передачи физическими лицами следователю, дознавателю и в суд документов, предметов, информации, содержащейся на электронных носителях, порядок истребования указанных выше носителей информации в органах, учреждениях и организациях.

5. Последующим (по отношению к «полицейскому дознанию») этапом предварительного расследования должен стать этап «уголовное преследование», начинающийся с момента, когда конкретному лицу придается статус подозреваемого (путем его задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении). Деятельность органа расследования на этом этапе направлена на изобличение именно этого лица в совершении преступления, на отыскание имущества, полученного в результате преступной деятельности, включает в себя предъявление обвинения и обоснование его доказательствами. Именно на этом этапе становится возможным применение всего спектра мер процессуального принуждения.

Сардарян Л.А.

Образовательный комплекс Министерства внутренних дел Республики Армения (г. Ереван)

Современные проблемы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в Республике Армения

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ остается одной из наиболее латентных и динамично трансформирующихся форм организованной преступности, оказывающей существенное негативное влияние на общественное здоровье, социальную стабильность и национальную безопасность Республики Армения[2]. Указанные деяния криминализированы нормами главы 41 Уголовного кодекса Республики Армения, предусматрива-

1 Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex Russica. 2018. № 10. С. 80; Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности) : автореф. дис… канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 15.

2 World Drug Report 2025. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2025; Global Organized Crime Index 2025: Armenia. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2025.

ющими ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку и сбыт наркотических средств и психотропных веществ.

Процессы цифровизации коммуникаций и финансовых транзакций, а также усиление транснациональных связей преступных сетей объективно изменяют способы совершения и сокрытия указанных преступлений, что снижает эффективность традиционных методов оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования[1].

По данным Министерства внутренних дел Республики Армения, в 2024 г. из незаконного оборота было изъято 426 кг наркотических средств и психотропных веществ[2]. За январь-сентябрь 2025 г. объем изъятий составил 415 кг 281 г[3]. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 393-405 УК РА, за январь–июль 2025 г. достигло 2161 факта, при этом по итогам девяти месяцев 2025 г. зафиксирован рост выявленных преступлений на 18,1% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года[4]. Данная динамика свидетельствует как об активизации деятельности правоохранительных органов, так и о сохраняющейся высокой латентности данной категории преступлений.

5 июня 2025 г. постановлением Правительства Республики Армения № 736-Լ утверждена Стратегия борьбы с немедицинским потреблением и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на 2025-2027 годы, в которой в качестве приоритетов определены цифровизация правоохранительной деятельности (разд. II, п. 2.1), расширение международного сотрудничества (разд. III, п. 3.2) и укрепление материально-технической базы профильных подразделений (разд. IV, п. 4.1)[5].

Основные проблемы раскрытия преступлений с учетом положений Стратегии

1. Цифровизация каналов сбыта.

Современные формы незаконного оборота наркотических средств в значительной степени переместились в цифровую среду. Использование мессенджеров, анонимизирующих технологий, шифрования переписки и дистанционных способов передачи товара существенно осложняет идентификацию организаторов преступной деятельности. Высокая скорость создания альтернативных цифровых каналов снижает результативность мер по их блокированию, что противоречит целям цифрового мониторинга, закрепленным в разд. II Стратегии.

2. Использование криптоактивов и сложности доказывания.

Использование криптоактивов в расчетах при незаконном обороте наркотиков получило широкое распространение, что подтверждается международными аналитическими докладами[6]. Несмотря на принятие Закона Республики Армения «О криптоактивах» от 29.05.2025 № ՀՕ-159-Ն, предусматривающего финансовый мониторинг операций с цифровыми активами

1 World Drug Report 2025. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2025.

2 Министерство внутренних дел Республики Армения. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности за 2024 год. Ереван, 2025.

3 Police seize 415 kg of drugs in first nine months of 2025 // Armenpress. 2025. 3 November; Ծրջանառությունից դուրս է բերվել շուրջ 415 կգ թմրամիջոց // Aravot. 2025. 3 նոյեմբերի.

4 Министерство внутренних дел Республики Армения. Отчет о результатах оперативно-служебной деятельности за январь–июль 2025 года. Ереван, 2025.

5 Об утверждении Стратегии борьбы с немедицинским потреблением и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на 2025-2027 годы : постановление Правительства Республики Армения от 05.06.2025 № 736-Լ.

6 World Drug Report 2025. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2025; Global Organized Crime Index 2025: Armenia. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2025.

(ст. 6, 12), правоприменительная практика сталкивается с объективными трудностями трассировки транзакций и доказывания преступного происхождения доходов.

3. Транснациональный характер наркотрафика.

Географическое положение Республики Армения обусловливает ее вовлечённость в международные маршруты транзита наркотических средств[1]. Раскрытие преступлений транснационального характера требует международного сотрудничества, предусмотренного разд. III, п. 3.3 Стратегии, однако существующие механизмы международной правовой помощи характеризуются значительными временными и процедурными издержками.

4. Организационная сложность преступных формирований и коррупционные риски.

Значительная часть преступлений, предусмотренных ст. 393-405 УК РА, совершается устойчивыми организованными группами с четким распределением ролей, что соответствует признакам организованной преступности, выделяемым в международных исследованиях[2]. Доказывание структуры таких формирований и роли каждого участника представляет собой сложную процессуальную задачу и нередко осложняется коррупционными рисками.

5. Методические и материально-технические ограничения расследования.

В деятельности следственных подразделений сохраняется дефицит специализированного оборудования и программных средств цифровой криминалистики, анализа больших массивов данных и проведения комплексных экспертиз, что прямо указано в числе проблемных направлений разд. IV Стратегии. Особые сложности возникают при доказывании цели сбыта наркотических средств при отсутствии прямых доказательств факта реализации.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что выявленные проблемы раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 393-405 Уголовного кодекса Республики Армения, напрямую соотносятся со стратегическими приоритетами, закрепленными в Стратегии борьбы с немедицинским потреблением и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на 2025-2027 годы (разд. II-IV).

К числу первоочередных направлений повышения эффективности противодействия данной категории преступности относятся:

развитие механизмов финансовой и цифровой трассировки криптоактивов в соответствии со ст. 12 Закона РА «О криптоактивах»;

ускоренное техническое оснащение подразделений цифровой криминалистики (разд. IV, п. 4.1 Стратегии);

институционализация упрощенных каналов международного обмена оперативной информацией (разд. III, п. 3.3 Стратегии);

усиление системы внутреннего контроля и профилактики коррупционных рисков.

Реализация указанных мер будет способствовать повышению результативности раскрытия преступлений и снижению уровня общественной опасности незаконного оборота наркотических средств в Республике Армения.

1 Global Organized Crime Index 2025: Armenia. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Geneva, 2025.

2 World Drug Report 2025. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2025.

Вастьянова О.Д.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Современная структура уголовно-процессуального права России и ее элементы

Уголовно-процессуальное право как неотъемлемый элемент отечественной системы права представляет собой динамично развивающуюся структуру, включающую в себя систему норм, регулирующих деятельность, направленную на установление обстоятельств преступления, привлечение виновного к уголовной ответственности, обеспечению прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса.

Проблема систематизации права и его отдельных сегментов – отраслей права – выделения в их структуре элементов более низкого порядка, выявления характера внутрисистемных связей между ними, определения особенностей механизма их взаимодействия с социальной средой относится к числу наиболее фундаментальных проблем как правовой доктрины в целом, так и теории отдельных правовых отраслей в частности[1].

Изучение права как системы требует понимания сущности системного метода, вне которого применение этого инструментария к правовым явлениям лишено перспективы.

В общенаучном смысле структура представляет собой вид упорядоченности элементов системы[2], выражающийся в совокупности отношений, связей и взаимодействий между ними. Системный подход представляет собой методологическое направление в науке, основная задача которого состоит в разработке методов исследования и конструирования сложноорганизованных объектов – систем разных типов и классов. Методы системного подхода находят применение при исследовании сложных развивающихся объектов – многоуровневых, иерархических, самоорганизующихся социальных систем. В системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества.

Интеграция элементов правовой структуры имеет свои специфические особенности, выраженные в том, что она имеет место внутри уже сформированной системы и в этом смысле структура любого явления производна от общих системных законов. Данный уровень интеграции крайне важен и значим для развития самой системы, он обеспечивает согласованное развитие структурных компонентов выстроенной системы, работая на поддержание целостности этой системы. Благодаря этому процессу происходит прогрессивное развитие самой системы, так как зарождаются новые системно-структурные связи, улучшается уровень организации[3].

В правоведении выделяют два способа структурирования отрасли частного права – пандектный и институциональный. Применительно к любой отрасли права, структура трактуется как ее внутреннее строение, включающее подот-

1 Мещера В.Ф. О делении советского права на отрасли // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 93-99; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. о системе права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101-110; Алексеев С.С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99-107.

2 Райхер В.К. О системе права // Правоведение. 1975. № 3. С. 60-70.

3 Иванова А.В. Уровневый подход в исследованиях правовой интеграции : общетеоретические аспекты // Образование и право. 2022. № 5. С. 403.

расли, институты, субинституты и нормы, обеспечивающие ее системность и целостность[1]. В отличие от частного права, уголовно-процессуальное право (отрасль публичного права) имеет иную структуру: оно делится на общую и особенную части, причем эта градация строится преимущественно на уровне правовых институтов[2].

Для уголовно-процессуального права это проявляется в иерархической организации: от общих принципов к конкретным нормам. Традиционно она рассматривается на трех взаимосвязанных уровнях. На уровне принципов обеспечивается его конституционная основа. Уровень институтов охватывает дознание, предварительное следствие, судебное производство и производство в суде апелляционной инстанции, где эти элементы взаимодействуют как компоненты единой системы. Уровень же норм включает конкретные правила, формируя сеть связей для достижения социальной функции уголовного процесса.

Итак, констатируем, что в настоящее время исследование структуры уголовно-процессуального права осуществляется в парадигме традиционного отраслевого подхода, корни которого уходят в 30-50-е гг. прошлого века.

В качестве альтернативы данному подходу следует рассматривать мнение А.С. Емельянова, чье исследование указывает на недостаточность отраслевой «мономодели» структурирования системы права в условиях перехода права к постсовременному состоянию. По его убеждению, усложнение системы права, обусловленное отказом от марксистско-ленинской монопарадигмы, признанием равенства форм собственности и принципом разделения властей, требует иных критериев характеристики права. В качестве таковых предлагаются функции права и правовых явлений, позиционируемые как альтернатива отраслевому подходу, хотя функциональный анализ не исчерпывает познавательный потенциал современной юриспруденции[3].

Сравнительный анализ указанных позиций выявляет их фундаментальные расхождения. Системный подход фокусируется на внутриотраслевой целостности, опираясь на нормативную базу УПК РФ и судебную практику, что обеспечивает операционную применимость в подотраслях уголовно-процессуального права. Концепция же, представленная А.С. Емельяновым, напротив, вводит метауровень «постсовременных трансформаций», предлагая функциональный критерий как автономный, что, по нашему мнению, размывает специфику уголовно-процессуального регулирования, где предмет и метод сохраняют парадигмальное значение.

Признание ведущей роли отраслевой концепции в характеристике структуры уголовно-процессуального права вовсе не означает безусловного ее принятия в классическом трехуровневом виде. В настоящее время, в условиях значительного усложнения системы уголовно-процессуальных отношений, структура уголовно-процессуального права просто не может быть адекватно отражена всего двумя элементами: институтами и нормами права. Так, на наш взгляд, в системе уголовно-процессуального права идет явная перестройка в направлении формирования крупных массивов норм – подотраслей уголовно-процессуального права.

1 Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства : монография // Издательство «Наука». 1985. С. 1.

2 Хашиева Т.М. Уголовно-процессуальный институт: понятие, структура, значение : монография // под ред. к.ю.н., профессора К.В. Ким. Электрон. дан. и пргр. (6 Мб). Саратов : Вузовское образование, 2017. С. 8.

3 Емельянов А.С. Перспективы развития системы российского права // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 14.

По всем признакам уже сейчас можно вести речь о подотраслях: доказательственного права (в составе институтов доказательств, доказывания, следственных и судебных следственных действий), мер уголовно-процессуального принуждения (в составе институтов мер пресечения и иных мер процессуального принуждения); предварительного расследования (в составе институтов предварительного следствия и дознания); судебного разбирательства уголовных дел (в составе институтов судебного разбирательства в суде первой и апелляционной инстанций) и проверки судебных решений, вступивших в законную силу (в составе институтов кассационного и надзорного пересмотра судебных решений).

При этом даже такие традиционные элементы структуры уголовно-процессуального права, которыми являются его институты, приобретают свойство неоднородности. Так, некоторые имеют простую структуру – стандартную, обособленную совокупность норм, воздействующих на схожие общественные отношения или их группы. Пример: институт приостановления производства по уголовному делу – группа норм, предназначенных для прерывания процессуальной деятельности по уголовному делу при невозможности участия в ней обвиняемого (подозреваемого).

Однако не все институты отличаются простой структурой. Многие из них структурно включают в себя такие нехарактерные до сих пор метаэлементы структуры права, как правовые субинституты. Примером сложного института может послужить институт прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования с субинститутами прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования, объединенными схожими правовыми последствиями и внутрисистемной связью оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования. В то же время и это еще не все.

Анализ сложных институтов также указывает на их неоднородность: в структуре некоторых из них явно прослеживаются логически и функционально связанные друг с другом массивы норм, не достигающие уровня субинститутов. Данное обстоятельство позволяет ввести в структуру уголовно-процессуального права еще один метаэлемент – юридические конструкции[1], которые присутствуют, как в институтах (мера пресечения в институте мер пресечения), подотраслях (задержание в подотрасли мер принуждения) или вне этих правовых общностей (действия прокурора при изучении обвинительного заключения), заполняя «пустоты» в структуре уголовно-процессуального права.

Наконец, характеризуя структуру уголовно-процессуального права, нельзя обойти вниманием и группы норм, содержащие принципы и статусы участников уголовно-процессуальной деятельности. Они, не являясь частью какого-бы то ни было иного элемента его структуры, выступают в качестве метанорм, пронизывающих всю отрасль, тем самым обеспечивая ее интегративную целостность.

Если обобщить все изложенное выше, необходимо признать уголовно-процессуальное право – правовой отраслью со сложной трансформирующейся со временем структурой, в которой в качестве элементов можно выделить группу метанорм и статусных норм, ряд подотраслей, разветвленную систему простых и сложных институтов, а также внеинституциональных юридических конструкций. Система уголовно-процессуального права – многоуровневая структура, эволюционирующая от институтов к подотраслям и отдельных его норм – к юридическим конструкциям.

1 Чевычелов В.В. Юридическая конструкция 12.00.01 «Уголовный процесс» : Проблемы теории и практики : дис…канд.юрид.наук. Н. Новгород, 2006. С. 69.

Михайлова Т.Н.,
кандидат педагогических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Подотрасли как структурные элементы уголовно-процессуального права

С момента выхода на страницы юридической печати фундаментального труда С.С. Алексеева «Структура советского права», прошло чуть более пол века. Однако вопросы внутренних закономерностей и структурных особенностей права до сих пор являются неоднозначными и дискуссионными в научной среде. В условиях глобализации процессов мирового развития, сопровождающегося высокой динамикой возникновения новых, требующих незамедлительного регулирования общественных отношений, они приобретают особую значимость и, исходя из предмета, казалось бы должны входить сугубо в область познания теоретиков права. Однако интенсификация научного интереса к структурному построению права отмечается и в рамках отраслевых юридических наук. Положительно оценивая вектор отраслевого развития, отметим, что такая постановка вопроса способствует обогащению общего учения о системе и структуре отдельной отрасли права, свидетельствует о ее зрелости и развитости нормативного наполнения.

Одной из фундаментальных отраслей системы российского права является уголовно-процессуальное право, нормативно-правовые предписания которого направлены на упорядочение общественных отношений, возникающих при производстве по уголовному делу в ходе его расследования, рассмотрения и разрешения, а также при решении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Уголовно-процессуальное право – продукт длительной эволюции регулирования определенного вида общественных отношений. Уголовно-процессуальные отношения формируются в связи с уголовно-правовыми отношениями, складываются по поводу данных отношений[1]. Являясь составной частью единой системы права, уголовно-процессуальное право само представляет собой сложную систему входящих в ее состав структурных элементов. На современном этапе развития уголовно-процессуальное право переживает период трансформации, связанный с возникновением и развитием новых форм и видов взаимоотношений в социуме. На фоне научно-технического прогресса и влияния геополитических процессов расширяется спектр общественных отношений, требующих правового урегулирования[2]. Появляются новые нормы уголовно-процессуального права, ликвидируются старые; за счет слияния, поглощения или замены предыдущих реформируются уголовно-процессуальные институты; под воздействием процессов дифференциации и интеграции в праве сформировались предпосылки для подотраслеобразования.

Среди современных процессуалистов отсутствует единое понимание архитектоники уголовно-процессуального права. Вопрос правового статуса тех или иных правовых образований, их иерархического места в уголовно-процессуальном праве, несмотря на многочис-

1 Муравьев К.В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В.В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3(98). С. 150.

2 Шелегов Ю.В. Классификация уголовно-процессуальных механизмов защиты прав и свобод граждан // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 2(34). С. 244.

ленные фрагментарные исследования, зачастую остается открытым. Так, исходя из авторской интерпретации правовой природы тех или иных комплексов правовых норм, в одних исследованиях они определяются в качестве отдельных самостоятельных правовых институтов, в других – в качестве субинститутов в рамках правового института. Можно встретить и предложения ученых о выделении из уголовно-процессуального права нормативного массива, претендующего на включение в отдельную самостоятельную отрасль системы национального права (например, судебное право). С наименьшей интенсивностью развиваются идеи о формировании подотраслей уголовно-процессуального права. Такой плюрализм научных взглядов на тот или иной нормативный массив связан прежде всего с увеличением количества правовых норм, принимаемых в спешке законодателем и вступающих в противоречие с уже имеющимся нормативным материалом. В качестве второго фактора можно определить отсутствие четких, теоретически разработанных критериев для структуризации нормативного материала.

В рамках исследования вопроса структуры уголовно-процессуального права нами была установлена еще одна немаловажная закономерность. Явно выраженной является тенденция асинхронного развития уголовно-процессуальных институтов и подотраслей как структурных элементов уголовно-процессуального права. Как отмечают в своих исследованиях Е.А. Пирогова и А.В. Прокопьева, восприятие исследователя фокусируется на определенных аспектах, игнорируя другие (свойство избирательности восприятия)[1]. Бесспорно, увлеченность современных исследователей изучением институциональных аспектов права плодотворна в целях развития общего учения о структуре уголовно-процессуального права, однако оставляет на периферии научных интересов такой важный элемент, как подотрасль уголовно-процессуального права[2]. Оценку современного учения о подотраслях уголовно-процессуального права нельзя признать удовлетворительной. Как объект научного исследования подотрасли уголовно-процессуального права многоаспектны, образуя самостоятельное правовое явление, требующее глубокого научного осмысления и применения к определенному массиву правовых норм. Развитие учения о подотраслевой структуре уголовно-процессуального права имеет перспективу и может выступить платформой для снятия многих противоречий в системе национального права. Научное осмысление рассматриваемого правового феномена следует начать со скурпулезного изучения всех его граней, в том числе через призму дифференцирующих признаков.

Проведя правовой анализ представленного в открытом доступе научного материала, мы пришли к выводу, что сегодня вопрос существования подотраслевого уровня организации нормативного материала является более исследованным в рамках цивилистического цикла юридической науки. Так, достаточно аргументированные идеи восприятия обособленного положения совокупности правовых норм и институтов как отдельных подотраслей гражданского права предлагаются применительно к вещному праву (Е.А. Суханов, С.В. Скрябин, А.А. Ремизова и другие), праву интеллектуальной собственности

1 Пирогова Е.А., Прокопьева А.В. Восприятие, его свойства и виды // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 3(29). С. 76.

2 Подр.: Михайлова Т.Н. «Подотрасль права» как категория уголовно-процессуального права: забыта, едва появившись на свет // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12 дек. 2025 г. СП. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 125.

(Э.А. Джалилов, Р.Л. Хачатуров, О.В. Хусаинова и другие), обязательственному праву (А.Н. Кузбагаров, А.Е. Шерстабитов, В.Г. Голубцов и другие), нотариальному праву (А.Г. Нуриев, Э.М. Салахова и другие), жилищному праву (И.И. Дубровская, М.А. Баратова, И.С. Иливанов и другие), наследственному праву (Д.Е. Петров, О.А. Бем, У.А. Лукашева и другие), семейному праву (И.Н. Папшева, И.И. Дубровская и другие), корпоративному праву (Е.А. Суханов, Г.Ф. Ручкина, Л.В. Борисова и другие).

В рамках отраслей публичного права на правовой статус подотрасли претендуют такие правовые образования конституционного права, как парламентское право (Богер А.Д., И.П. Окулич, Т.В. Заметина и другие), парламентское процессуальное право (И.П. Окулич), избирательное право (А.Е. Постников, А.В. Филатова, С.Д. Князев и другие), право частной жизни (А.В. Кротов). В качестве подотраслей финансового права предлагается выделять бюджетное право (А.Г. Пауль, Е.Г. Беликов, М.А. Беспалова и другие), налоговое право (М.Ю. Орлов, В.Н. Процык, Н.А. Бушуева и другие), право денежного обращения (Р.Э. Товмасян, Л.Л. Арзуманов и другие).

Отдельные исследования вопросов подотраслеобразования появляются и в работах ученых в области уголовного права. Например, С.М. Кочои предлагает рассматривать в границах подотраслевого строения уголовного права России антитеррористическое право, А.И. Рарог – фармацевтическое уголовное право, В.В. Бабурин – уголовно-корпоративное право и уголовно-разрешительное право, А.С. Усенко – военное уголовное право, молодежное уголовное право и уголовное право проступков; Э.Н. Жевлаков – природоохранное уголовное право, Г.А. Есаков – международное уголовное право.

В уголовно-процессуальном праве, насколько нам известно, практически нет фундаментальных правовых исследований, проведенных в данном направлении. С различной степенью аргументированности обсуждались или обсуждаются вопросы образования подотраслей уголовно-процессуального права применительно к общности правовых норм, регулирующих доказательства и процесс уголовно-процессуального доказывания (Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, А.С. Элькинд, А.В. Победкин, С.А. Шейфер, Н.А. Громов, Е.Ю. Жога, Л.Б. Алексеева, А.Ю. Афанасьев, В. В. Вандышев, Г. В. Софронов, Н.В. Лантух, Н.В. Несмачная, К.В. Бугаев, Р.Х. Якупов); производство следственных и иных процессуальных действий (А.П. Гуляев); уголовно-процессуальное принуждение (В.В. Николюк, С.И. Вершинина, Л.А. Татаров, Э.Р. Гареева, В.А. Цапиенко); предварительное расследование (Л.Б. Алексеева, Н.В. Лантух, П.С. Ефимечева, С.П. Ефимечева); пересмотр судебных решений (Э.О. Безмельницына, Т.Г. Бородинова); судебное разбирательство (Л.Б. Алексеева, Н.В. Лантух); договорное уголовно-процессуальное право (В.В. Колесник); международное сотрудничество (Н.В. Несмачная, А.Г. Волеводз, Е.А. Омарова).

Подотраслевое строение уголовно-процессуального права необходимо исследовать и развивать. Особенно важен подотраслевой подход в рамках усилившейся межотраслевой инфраструктуры применения уголовно-процессуальных норм. Дискретный подход и фрагментарное использование термина «подотрасль» без полноценного дискурса в научных кругах обесценивает данный структурный элемент уголовно-процессуального права и ведет к сдерживанию процесса развития общего учения о системе и структуре уголовно-процессуального права. Определенные в качестве факультативных структурных элементов в учебниках по теории государства и права, подотрасли

имеют перспективу и при определенном динамическом развитии могут выступить катализатором процессов развития системы национального права.

Вяткин А.А.
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

О роли международного сотрудничества в раскрытии, расследовании киберпреступлений

Необходимо констатировать, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий значительно повлияло на многие сферы общественных отношений. Способы совершения преступлений становятся все более технологичными, отличаются анонимностью, а действия преступников часто имеют трансграничный характер.

Одновременно раскрываемость таких преступлений остается на сравнительно низком уровне, что обуславливает необходимость выработки более эффективных научно обоснованных методов и подходов, которые позволят повысить эффективность деятельности правоохранительных органов в данной сфере.

Реакцией криминалистики на появление современных технологий стала выработка научной концепции цифрового следа. Он представляет собой уникальный набор представленных в электронной форме данных, которые имеют связь с носителем памяти. Особенности выявления и фиксации таких следов довольно подробно рассмотрены в работах Е.Р. Россинской и Т.А. Саакова[1], В.Б. Вехова[2], А. Г. Волеводза[3] и др.

Важно отметить, что поиск цифровых следов киберпреступлений происходит не только на изъятых электронных устройствах, но и в так называемом виртуальном пространстве сети Интернет, которое не имеет привычных географических границ. Но далеко не ко всем действующим в глобальной сети серверам, персональным компьютерам и смартфонам у правоохранительных органов Российской Федерации имеется прямой физический доступ. Многие из них находятся и функционируют за рубежом - на территории других государств. Например, даже отечественная коммерческая организация может иметь сайт на зарубежном сервере и хранить свои данные на его носителях памяти.

В таких условиях, как отмечает К.К. Клевцов[4], возникает множество различных проблем. Например, сложно или почти невозможно оперативно установить, где физически располагаются облачные данные, которые могут находиться одновременно в нескольких местах (государствах), являющихся центрами обработки данных или их копий. Вызывает вопросы и правомерность

1 Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106-123.

2 Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография / В. Б. Вехов Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2008. 401 с.

3 Волеводз А. Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1. С. 4–12.

4 Клевцов К. К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник Санкт-Петербургского уни-верситета. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 686.

фиксации отдельных цифровых следов в режиме удаленного доступа в тех случаях, когда они находятся на зарубежном сервере.

При таких обстоятельствах наиболее целесообразным видится применение института международной правовой помощи, который позволяет формировать доказательства без нарушения юрисдикции.

Однако работа правоохранительных органов в этом случае осложняется тем, что национальное законодательство государств отличается. Например, отсутствует единый подход к установлению уголовной ответственности за конкретные виды киберпреступлений, отличаются уголовно-процессуальные нормы, посвящённые формированию доказательств на основе цифровых данных.

В целях решения данных проблем в результате многолетней работы 24 декабря 2024 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила «Конвенцию против киберпреступности; Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям». Представляется, что на основе данного международного договора будет введен в практическую деятельность универсальный механизм взаимодействия правоохранительных органов при раскрытии и расследовании киберпреступлений.

Примечательно, что названная конвенция содержит положения, посвящённые процессуальным мерам и правоприменению. В частности, особый интерес вызывают нормы, регламентирующие проведение мероприятий, которые могут проводиться взаимодействующими правоохранительными органами в целях раскрытия и расследования киберпреступлений. В качестве таковых перечислены: оперативное обеспечение сохранности хранимых электронных данных; оперативное обеспечение сохранности и частичное раскрытие данных о трафике; распоряжение о предоставлении информации организациями; обыск и изъятие хранимых электронных данных; сбор в режиме реального времени данных о трафике; перехват данных о содержании электронных сообщений; замораживание, арест и конфискация доходов от преступлений и другие.

Мы считаем, что вступление указанного международного договора в силу приведет не только к изменениям в законодательстве Российской Федерации, но и потребует усовершенствования существующих методик раскрытия, расследования киберпреступлений.

На наш взгляд, в свете изложенных изменений особое внимание в современных научных исследованиях необходимо уделить организационно-тактическим особенностям следственной работы в условиях оказания правовой помощи. Также возможно уделить внимание особенностям взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, поскольку последние в рамках исполнения поручений, на наш взгляд, будут чаще использовать механизм международного правоохранительного содействия.

Абрамова Л.Л.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Тенденции оптимизации досудебного уголовного производства

Современное состояние органов расследования базируется на многолетнем опыте преобразований, в основу которых положены различные теоретические концепции о моделях уголовного судопроизводства и вариантах организационного построения. В условиях продолжающихся правовых реформ не прекращается поиск наиболее эффективных форм досудебного уголовного производства, создания для современного следователя и дознавателя оптимальных условий успешного осуществления возложенных на него полномочий. Пытаясь «шлифовать неровности», законодателем предпринимались существенные шаги по совершенствованию рассматриваемого вида деятельности. Они касались вывода следователей из состава органов прокуратуры и перераспределения процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа; постоянно расширялись возможности участников деятельности по разрешению сообщений о преступлениях; трансформировались процедуры дознания и др. Между тем по-прежнему проблемы уголовно-процессуальной компетенции субъектов, ведущих расследование, постоянно находятся в центре внимания законодателя, правоприменителей и ученых, в государстве действительно так и не сложилась единая и последовательная стратегия относительно перспектив его построения. В настоящий момент, учитывая социально-политическую обстановку в стране, данная проблема стоит особенно остро. Преобладающее количество регистрируемых в России преступлений относится к категории небольшой и средней тяжести, расследование по которым не представляет особой сложности. Для разрешения таковых не требуется использование процессуального ресурса в полном объеме. Однако существующие модели досудебного уголовного производства отличаются чрезмерным формализмом, предполагают дублирующие процедуры, что затрудняет расследование преступлений, ограничивает право граждан на доступ к правосудию и перегружает правоохранительный аппарат. Расследование всех преступлений по единому «шаблону» не всегда разумно и необходимо, а применение одних и тех же сложных процедур, предполагающих длительные сроки производства в ряде случаев явно излишне. В первую очередь это касается преступлений, не представляющих большой общественной опасности, доказывание которых не вызывает особой сложности. В связи с этим проработка новых механизмов ускоренного досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве представляются важными направлениями реформирования. Это позволит в значительной мере «разгрузить» органы предварительного расследования, достичь максимально эффективного использования всех имеющихся ресурсов (как технических, так и кадровых), при этом обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

1. Заслуживает внимания идея введения упрощенного порядка досудебного производства по уголовным делам и других эффективных механизмов, призванных избавить органы уголовной юрисдикции от проблем, значительная часть которых обусловлена нормативной природой. Данная инициатива вполне может претендовать на их реше-

ние, сохранив при этом основополагающие гарантии прав участников уголовного судопроизводства. Действующий порядок предварительного расследования действительно требует более оптимальных средств противодействия преступности и доступа потерпевших к правосудию, чем предусматривают процессуальные действующие институты.

Привлекательным с точки зрения процессуальной экономии является опыт существования в советский период так называемой протокольной формы расследования, которая доказала свою эффективность на практике, что требует обращения к его тщательному изучению[1]. Одним из примеров несоразмерности процессуальных затрат и опасности преступления является резонансное уголовное дело, по результатам рассмотрения которого 14 января 2026 года вынесено кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 5-УДП25-113-К2. Событие преступления – кража из магазина иностранного шампанского стоимостью 5949 рублей. Первая инстанция признала виновной женщину по ч. 1 ст. 158 УК РФ и приговорила ее к штрафу 15 тыс. рублей, апелляция поддержала. Однако кассационный суд прекратил дело, сославшись на отсутствие состава преступления ввиду малозначительности деяния и признав право на реабилитацию. Верховный Суд Российской Федерации установил, что кассационный суд неправильно применил положения УК РФ о малозначительности деяния. Он не учел умышленный и целенаправленный характер действий женщины, стоимость похищенного и возмещение ущерба только после изобличения. В результате дело было направлено на новое кассационное рассмотрение в ином составе суда. Таким образом, казалось бы, несложное уголовное дело «прошло» все стадии уголовного процесса, и окончательное решение до настоящего времени не принято.

2. Следует поддержать подход о том, что проверка сообщений о преступлениях проводится только тогда, когда на момент поступления сообщения о преступлении признаки состава преступления не очевидны, то есть, когда уголовное дело не может быть возбуждено незамедлительно. Данное решение поможет сократить количество таких проверок; исключить необходимость дублирования проверочных действий после принятия решения о начале расследования.

3. Существует потребность скорректировать мотивы для отказа в возбуждении уголовного дела. Такое решение должно приниматься не «при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела» (то есть когда правоохранительный орган не установил достаточных данных, указывающих на признаки преступления), а при установлении конкретных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела.

4. Представляется оправданным подход, устанавливающий перечень сообщений, которые не могут служить поводами для возбуждения уголовного дела, которым исключается регистрация и рассмотрение в качестве сообщения о преступлении информации, заведомо не содержащей признаков состава преступлений. Указанное существенно сократит количество необоснованных проверок и высвободит ресурсы правоохранительных органов для выполнения значимых задач по противодействию преступности и обеспечению общественного порядка.

5. Назрела необходимость цифровизировать оформление процессуальных действий, вызовы к следователю (дознавателю), направление уведомлений. Существующие способы с учетом техноло-

1 Гаврилов Б.Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, песпективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 12-18.

гического прогресса следует признать архаичными. Порядок вызова к дознавателю или следователю и механизм уведомления участников уголовного судопроизводства справедливо предлагается сделать одним из общих условий предварительного расследования, распространив на все процессуальные действия, а не только к допросу.

6. Требуется модернизировать общие правила фиксации, а также удостоверения хода и результатов процессуальных действий, сделав возможным их осуществление при помощи видеозаписи, прилагаемой к протоколу. Данное решение повысит оперативность производства и позволит решить организационные проблемы, связанные, например, с отсутствием возможности участия понятых (в ночное время, в труднодоступной местности).

7. Неминуем, по нашему мнению, отказ от формы расследования, предусмотренной главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме». По задумке законодателя дознание в сокращенной форме должно было оптимизировать уголовное судопроизводство, снизить нагрузку на органы расследования и способствовать снижению процессуальных, экономических и «человеческих» затрат. Однако данный институт не оправдал возложенные на него надежды, не способствовал повышению эффективности досудебного производства, поэтому доля дел, расследованных в сокращенной форме дознания, крайне невелика.

Следует признать, что на сегодняшний день органы расследования находятся в патовой ситуации. Многочисленные уголовные дела, даже не представляющие сложности в доказывании, дознавателями расследуются в течение 6 месяцев. Известны факты передачи дел с «затянутыми» сроками из подразделений дознания в следственные. Продление сроков предварительного следствия свыше 6 месяцев получило широкое распространение.

Катастрофическое положение складывается с текучестью кадров. Так, «некомплект» в следственных подразделениях ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю на текущий период составляет 29,8 %, но есть регионы, где он достигает более 70. Проблема озвучивается и на уровне руководства субъектов, и на федеральном, где поднят данный вопрос, поставлены задачи о принятии мер по исправлению ситуации. Положение усугубляется многими другими явлениями, влекущими ослабление государственного механизма реализации процессуальной компетентности субъектов, уполномоченных проводить досудебное расследование.

При этом, безусловно, обеспечение скорейшего доступа участников уголовного производства к правосудию остается приоритетной задачей органов предварительного расследования, однако это не должно подменяться принятием поспешных решений без должной проверки и оценки фактических данных о совершенном преступном деянии и о виновности лица.

Предлагаемые нововведения требуют комплексного подхода, тщательной проработки механизмов реализации.

Семенов Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Всестороннее, полное и объективное расследование как основной вектор развития органов предварительного следствия

Анализ функций следователя на протяжении всего существования органов предварительного расследования является одним из приоритетных направлений для научных исследований, направленных на повышение эффективности расследования, обеспечения законности, благоприятной следственной работы и соблюдения прав граждан. Совершенствование такой деятельности безусловно способствует укреплению доверия к правоохранительным органам и улучшению качества уголовного судопроизводства. Это обусловлено значимой ролью следователя на досудебном производстве и большом влиянии эффективности его работы на результаты расследования и в последующем принятия решения судом, т.е. разрешения основного вопроса по уголовному делу.

Сочетание в деятельности следователя таких процессуальных функций, как обвинение, расследование и разрешение уголовного дела не всегда позволяет соблюсти принцип объективности. Помимо этого, данный принцип не находит отражения в какой-либо норме УПК РФ, несмотря на то что является фундаментальным требованием к полномочиям следователя. Безусловно, изобличение лица в совершении преступления и направление уголовного дела в суд невозможно без оценки всех имеющихся доказательств, как обвинительных, так и оправдательных, концентрация следователя исключительно на изобличении лица не способствует реализации назначения уголовного судопроизводства с учетом нормативных предписаний ст. 6 УПК РФ. В связи с этим законодателю необходимо восстановить норму, которая уже была предусмотрена ст. 20 УПК РСФСР, о всестороннем, полном и объективном исследовании, добавив ее в УПК РФ, тем самым нормативно обязать установить истину по уголовному делу. Вместе с тем проблема функциональной перегруженности следователя не позволяет проводить одновременно полное и эффективное расследование. В связи с этим функции данного должностного лица должны быть разъединены. Однако между его функциями существует взаимосвязь и иногда при выполнении одних и тех же действий они могут реализоваться одновременно. Так, А.В. Смирнов полагает, что «следователь должен заниматься не уголовным преследованием, а исследованием фактов, высказывать сугубо предварительное суждение о причастности лица к совершению преступления»[1].

Во-первых, в деятельности органов предварительного следствия необходимо изменение процессуального статуса следователя в части функционального предназначения. В этом контексте представляет особый интерес исторический опыт Российской империи, где в рамках судебной реформы 1864 года была учреждена независимая процессуальная фигура судебного следователя. Такой подход позволял обеспечить подлинную объективность предварительного расследования, что особенно актуально в современных условиях. Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства, на судебного следователя возлагалась задача объективно-

1 Смирнов А.В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Правоведение. 1989 № 5. С. 60.

го и беспристрастного расследования преступления, включающая установление причастных лиц и определение дальнейшего движения дела. Ключевой особенностью процессуального положения судебного следователя являлось то, что его основной функцией было не формальное определение статуса лица подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, а его процессуальное вовлечение в следственные действия с наделением соответствующими правами и обязанностями. При этом в материалах дела такие лица фиксировались без указания их формального статуса. Акцент делался на фактическом участии лица в следствии, а не на его квалификации как подозреваемого или обвиняемого. Судебный следователь находился при суде, что обеспечивало независимость от полиции и прокуратуры. Он занимался только расследованием, не выполняя обвинительных функций и подчинялся контролю суда, что минимизировало произвол. Такой подход обеспечивал более гибкую и объективную процедуру установления обстоятельств дела, исключая, как отмечает профессор А.В. Смирнов, преждевременную процессуальную квалификацию [1]. В таком случае, следователь станет независимой фигурой уголовного судопроизводства, не входящий в систему органов обвинения. Функция же уголовного преследования перейдет прокуратуре или специальному обвинителю.

Во-вторых, перегруженность следственных органов при имеющейся у них ответственности также негативно влияет на работоспособность следователей. Эффективность деятельности следователя оценивается по количеству направленных в суд уголовных дел, а не по качеству расследованных и раскрытых преступлений. Все это в совокупности провоцирует дефицит квалифицированных следователей. Существующая нехватка кадров усугубляется проблемой профессионального выгорания, что крайне негативно сказывается на работе всей правоохранительной системы, поскольку ее эффективность напрямую зависит от психологического состояния сотрудников. Следственная работа сама по себе относится к категории стрессовой деятельности, а постоянная перегрузка, завышенные ожидания и высокие требования со стороны руководства и общества лишь усиливает психологическое напряжение. Это неизбежно приводит к снижению качества следственной деятельности. Зачастую ожидания относительно сроков и результатов расследования не совпадают с действительностью, что приводит к необоснованной критике и обесцениванию труда следователей.

В этой связи следует ввести оценку не только по количеству уголовных дел, но и по качеству расследования, то есть полноте собранных доказательств, а также отсутствия процессуальных нарушений. Для снижения уровня перегруженности следователя целесообразно освободить их от контрольно-отчетной функции и передать ее специализированным подразделениям или внедрить автоматизированные системы учета уголовных дел. Многозадачность следователей влечет отсутствие концентрации и способности углубленного изучения конкретного уголовного дела. Для минимизации такого эффекта возможно создание отдельных групп следователей для расследования определенных категорий дел. Например, против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, экономические, IT и иные виды, предусмотренные УК РФ.

1 Аверченко А.К. Формирование и развитие уголовно-процессуального статуса судебного следователя в период судебных реформ Александра II (1860-1864 годы) // Новый ракурс. 2014. № 9-1

В-третьих, современная система уголовного судопроизводства также в рамках повышения своей эффективности требует совершенствования процессуального контроля за деятельностью следователя. Законодательство, хотя и гарантирует процессуальную самостоятельность следователя, реальная же практика демонстрирует существенное ее ограничение вследствие административного давления. Руководство следственных органов регулярно использует свои полномочия для прямого вмешательства в профессиональную деятельность подчиненных, направляя обязательные указания, касающиеся квалификации уголовно-наказуемых деяний, избрания мер процессуального принуждения, планирования расследования и других подконтрольных следователю аспектов. Подобные распоряжения, формально соответствующие нормативной базе, создают ситуацию, когда процессуальные решения принимаются под влиянием не объективных обстоятельств дела, а ведомственных интересов. Этот дисбаланс между законодательными гарантиями и практикой управления следственной работой требует пересмотра механизмов взаимодействия между следователями и руководящим составом следственных органов.

Введение усовершенствованной системы обжалования решений прокуроров и руководителей следственных органов способно стать важным шагом на пути обеспечения как независимости следователя, так и эффективности его работы. Такой механизм должен включать четкую регламентацию процедуры обжалования, а именно сокращенные сроки рассмотрения жалоб, обязательность мотивированного ответа и приостановление действия оспариваемого решения на период рассмотрения жалобы. Помимо этого, также для следователей должен расширяться круг возможных обжалуемых решений и создаваться дополнительные гарантии обеспечения жалобы. К примеру, запрет на применение дисциплинарных мер за обжалование, конфиденциальность процедуры рассмотрения, возможность привлечения экспертов для оценки профессиональных решений и другие. Данные меры способны снизить административное давление на следователей, сбалансировать ведомственный контроль и процессуальную самостоятельность, обеспечить принятие решений на основе внутреннего профессионального убеждения следователя, а также повысить качество следственной работы. Особое значение имеет создание системы «сдержек и противовесов», при которой контрольные полномочия прокуратуры и следственного руководства будут сочетаться с эффективными механизмами их оспаривания.

Таким образом, для решения накопленных проблем в деятельности следователя законодателю необходимо уделить внимание таким аспектам, как усиление нормативной значимости всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела, а также совершенствования следственных органов во избежание нарастания противоречий в их деятельности. В современной системе уголовного судопроизводства необходимо совершенствование процессуального контроля, а также изменения критериев оценки работы следователя.

Поезжалов В.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России

Некоторые проблемные аспекты применения оценочных понятий в нормах уголовного закона

Современный уголовный закон в значительной степени казуистичен. Законодатель стремится максимально полно и точно прописать признаки тех или иных преступных деяний в диспозициях норм Особенной части УК РФ. Делается это, с одной стороны, чтобы исключить применение закона по аналогии, а с другой – чтобы добиться законного привлечения к уголовной ответственности лиц, нарушивших правовые предписания.

Особую роль в этом играет техника уголовного закона[1], реализуемая за счет в том числе оценочных понятий и бланкетного описания признаков преступных деяний.

Оценочные понятия и бланкетные нормы – юридические инструменты, по своей сути призваны упрощать, но в большинстве своем по факту усложняют правоприменение из-за субъективности интерпретации и необходимости обращения к дополнительным источникам права.

Оценочные понятия – это правовые категории, которые не конкретизированы законодателем в правовой норме и требуют индивидуальной интерпретации правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела.

Примером оценочных понятий выступают «существенный вред» и «значительный ущерб». Значительный ущерб встречается в п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 160, ч. 2 ст. 167, ч. 5 ст. 159, п. «в» ч. 2 ст. 229, ч. 1 ст. 260, ст. 262 и других статьях УК РФ. О существенном вреде законодатель говорит, например, в ст. 246, ч. 2 ст. 250, ч. 2 ст. 254, ч. 2 ст. 261, ч. 1 ст. 293, ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Для оценки значительности ущерба используется не только количественный критерий (то есть размер – материальная, вполне конкретная оценка, сумма и т.д.), на который, как правило, указывается в легальных разъяснениях, даваемых в примечаниях к той или иной статье УК РФ, а еще и качественное свойство, которое имеет те или иные, как правило, строго индивидуальные рамки.

Принимая во внимание тот факт, что явления и процессы, достойные внимания государства, весьма разнообразны и изменчивы, законодатель не всегда имеет возможность абсолютно точно конкретизировать и зафиксировать регулирующие их нормы. В то время как нормы, содержащие оценочные понятия, подлежат динамической интерпретации, которая может меняться вместе с социально-экономическими, политическими и другими изменениями в обществе. В итоге раскрываемые через юридическую практику оценочные понятия обеспечивают адаптивность уголовного закона[2].

С одной стороны, оценочные понятия обладают определенными преимуществами, они позволяют учитывать динамику изменения общественных отношений, дают гибкость правовому регулированию. Обратная сторона за-

1 Подр.: Поезжалов В.Б., Шондиров Р.Х. Критический анализ изменений уголовного законодательства Российской Федерации в 2024 году // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4. С. 77.

2 Бегоян Л.А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 4(95).

ключается в том, что оценочные понятия лишены четкой определенности, нацелены на то, чтобы суды, принимая во внимание специфику каждого случая, анализировали реальные обстоятельства и уточняли общее положение закона.

Как справедливо отмечает А.В. Наумов, оценочные понятия в уголовном праве – это неизбежное зло. С одной стороны, они необходимы для обеспечения гибкости правового регулирования, с другой – создают опасность произвольного толкования закона и нарушения принципа законности[1].

Особенно проблематично использование оценочных понятий в диспозициях уголовно-правовых норм, поскольку это непосредственно влияет на вопрос о наличии или отсутствии состава преступления, поэтому законодатель должен стремиться к максимальной определенности формулировок, особенно когда речь идет о конструктивных признаках состава преступления.

Необходима разработка четких критериев для оценочных понятий через постановления Пленума Верховного Суда РФ. Такой подход позволит сохранить нужную гибкость закона, одновременно ограничивая судейское усмотрение рамками официального толкования. Разъяснения Верховного Суда по таким понятиям, как «значительный ущерб», «существенный вред», способствуют формированию единообразной практики.

Основные проблемы в рассматриваемом вопросе, полагаем, заключаются в том, что:

1) субъективный характер интерпретации создает риск расхождения в судебной практике. В уголовном праве понятие «значительный ущерб» определяется с опорой на имущественное положение потерпевшего, при этом законодательно установлен минимальный порог в 5 000 рублей (с отдельными исключениями). Однако критериальная неопределенность термина «значительность» допускает вариативность в оценке, что формирует предпосылки для разночтений;

2) риск искажения принципов равенства и справедливости из-за различий в интерпретации правовых норм. Конституционный принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации) предполагает единообразное применение правовых норм к аналогичным ситуациям, однако отсутствие четких критериев оценки «значительного ущерба» в гражданском праве создает условия, при которых идентичные по фактическим обстоятельствам дела могут получать различную юридическую квалификацию в зависимости от субъективного усмотрения правоприменителя. Например, два гражданина с сопоставимым имущественным положением, понесшие ущерб в одинаковом размере, могут столкнуться с противоположными судебными решениями о признании ущерба значительным в разных судебных инстанциях или юрисдикциях, что противоречит принципу правовой определенности.

Полностью исключить оценочные понятия из уголовного закона невозможно, но их использование необходимо оптимизировать. Задача законодателя и правоприменительных органов – найти баланс между гибкостью применения закона и обеспечением единообразия судебной практики. Это требует как дальнейшего развития разъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации, так и постепенной конкретизации отдельных оценочных понятий в рамках законодательства.

Таким образом, проведенный анализ научных позиций позволяет сделать обоснованный вывод о том, что оценоч-

1 Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 97.

ные понятия, будучи необходимыми инструментами законодательной техники, требуют существенного реформирования с точки зрения механизмов их применения. Научное сообщество едино во мнении о необходимости ограничения использования оценочных категорий в уголовном праве и установления более четких критериев их толкования, а именно необходимо развитие системы руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации с конкретизацией критериев их применения, создание методических рекомендаций для правоприменителей, постепенная замена наиболее проблемных оценочных категорий на формализованные признаки там, где это возможно без ущерба для гибкости регулирования. Только комплексная реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между необходимой гибкостью правового регулирования и конституционными принципами законности, правовой определенности и равенства всех перед законом.

Овчинников Ю.Г.,
кандидат юридических наук, доцент,
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Бессонова А.В.,
кандидат педагогических наук, доцент
Владивостокский филиал
Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Некоторые социально-психологические и правовые аспекты изменения возраста наступления уголовной ответственности несовершеннолетних

В системе ювенальной юстиции Российской Федерации обнаружены ключевые проблемные зоны, охватывающие квалификацию правонарушений несовершеннолетних, противоречия в оценке составов преступлений, учет возрастных и психологических особенностей субъектов, обоснованность назначения мер процессуального принуждения, проведение психолого-психиатрических и психолого-педагогических экспертиз, а также меры профилактики подростковой преступности. Особого внимания заслуживают дискуссии относительно снижения возрастного порога для оценки тяжести содеянного и применения последующих мер наказания. Указанный спектр вопросов привлекает пристальное внимание общественных и политических институтов не только в России, но и в других странах с развитой правовой системой.

Психологи, криминологи, педагоги и социологи активно исследуют и обсуждают подходы к борьбе с организованной преступностью несовершеннолетних, а также к предупреждению противоправных действий со стороны детей с психическими аномалиями и умственной отсталостью. Эти проблемы требуют комплексного анализа и применения как отечественного, так и зарубежного опыта в ювенальной криминологии, включая правовое регулирование и организацию профилактики преступности в целом и среди несовершеннолетних в частности[1].

1 Полякова Н.И. Система предупреждения преступности несовершеннолетних: история и современность: монография. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 5-10.

Нельзя полностью отрицать принятие и использование зарубежного опыта, поскольку причины преступности, проблемы подросткового возраста, социально-психологические особенности несовершеннолетних по содержанию не имеют существенных различий.

В России, как и в зарубежных странах, для молодежи свойственны экстравагантные поступки, групповые предпочтения в музыке, социальных сетях, молодые люди могут следовать нормам и традициям асоциальной субкультуры, совершать групповые преступления. Опыт зарубежных стран может быть полезен для решения комплекса молодежных проблем, но может быть освоен с учетом территориальных, социально-экономических и демографических особенностей, менталитета и культурных традиций, сложившихся в различных регионах нашей страны.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается установление возраста уголовной ответственности. Некоторые авторы предлагают заимствовать зарубежный опыт по снижению этого возраста в связи с ростом общественно опасных деяний, совершаемых несовершеннолетними, не достигшими установленного порога. В России обоснованно ввести нижний возрастной предел уголовной ответственности в 12 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления[1].

Эти предложения определены тем, что во многих зарубежных странах используется дифференцированный подход органами ювенальной юстиции к несовершеннолетним для установления вида, срока и мер предупредительного воздействия. Возраст уголовной ответственности более низкий, чем в России, и его границы варьируются в зависимости от исторических и культурных традиций конкретного государства. Например, в Австралии, Иордании, Ирландии, Пакистане минимальный возраст уголовной ответственности установлен с 7 лет, в Швейцарии, Англии – с 10 лет, в Турции – с 11 лет, в Бельгии, Израиле, Канаде, Китайской народной республике, Нидерландах – с 12 лет, во Франции – с 13 лет[2]. В уголовном праве США по общему правилу лицо, не достигшее 7-ми летнего возраста, не несет уголовной ответственности за противоправное поведение, а в 14 лет несет таковую в полном объеме. Но разница в том, что в каждом штате США действуют своих законы. В частности, в штатах Орегон, Нью-Гэмпшир, Техас – с 14 лет, в штате Нью-Йорк с 16 лет, а за совершение отдельных видов преступлений с 13 лет (тяжкое убийство).

Законодатель определил понятие «несовершеннолетний», т.е. лицо, которому не исполнилось 18 лет (ч. 1. ст. 87 УК РФ), возраст наступления уголовной ответственности (16 лет) (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Вместе с тем, учитывая высокую степень общественной опасности совершения некоторых действий (убийство, похищение человека, изнасилование, разбой, умышленной причинение вреда здоровью и др.), законодатель определил, что уголовная ответственность за совершение указанных действий наступает с 14 лет (ч. 2. ст. 20 УК РФ). Исследователи предлагают снизить вышеуказанный возраст до 12 лет в ч. 2 ст. 20 УК РФ и до 14 лет в ч. 1 ст. 20 УК РФ[3].

В ноябре 2025 г. были внесены изменения в УК РФ в отношении уменьшения возраста несовершеннолетних с 16

1 Полякова Н.И. Указ. соч. С. 25-30.

2 Личность несовершеннолетнего преступника : монография / под общ. ред. Р.В. Жубрина. М. : Проспект, 2024. С. 64-65.

3 Селезнева И., Сухова А., Азарян Д. Преступность несовершеннолетних: основные тенденции (региональный аспект) // Вестник Москов. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 228-230; Косевич Н.Р. Уголовная ответственность и ее роль в предупреждении преступности несовершеннолетних // Российский судья. 2005. № 10. С. 29-31.

до 14 лет для привлечения к уголовной ответственности за отдельные преступления, связанные террористической и диверсионной деятельностью (ст. 205.1, 205.4, 205.5, 281, 281.1, 281.2, 281.3)[1].

При установлении возраста уголовной ответственности в расчет принимаются этапы социализации личности, этапы расширения круга общественно значимых связей и отношений несовершеннолетнего и приобретения им социального опыта. Это коррелирует с п. 4.1. Минимальных стандартных правил Организации Объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г., где закреплено, что необходимо учитывать аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости при определении уголовной ответственности для несовершеннолетних.

Дискуссии, связанные с возрастными рамками наступления уголовной ответственности, представляются с криминологической точки зрения необоснованными, не учитывающие социально-психологические особенности лиц несовершеннолетнего возраста, общественные связи, включение в институты социализации (семью, образовательные учреждения, возрастные и половые характеристики) и игнорирующие принципы вины, справедливости и гуманизма, установленные ст. 5, 6 и 7 УК РФ.

Р.В. Жубрин обращает внимание на то, что психические и поведенческие расстройства несовершеннолетних обусловлены рядом неблагоприятных биопсихосоциальных факторов: микросоциальных (неработающие и судимые родители, конфликты в семье, безнадзорность, жестокость, низкий уровень благосостояния в семье, асоциальное референтное окружение и т.д.), наследственных (наследственная отягощенность алкоголизмом, психопатии), личностных (патохарактерологическое развитие личности). Следовательно, предмет исследования личности несовершеннолетнего преступника включает его уголовно-правовую, социально-демографическую, психологическую, социально-психологическую характеристики[2].

В отечественном законодательстве учитывается факт, если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог осознавать характер и опасность своих действий, он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Указом Президента от 20 мая 2017 г. № 240 2017–2027 гг. признаны Десятилетием детства, что свидетельствует о необходимости повсеместно и неуклонно учитывать приоритет интересов детей[3].

Таким образом, несмотря на наблюдаемую тенденцию правоприменительной практики к снижению возрастного порога уголовной ответственности несовершеннолетних под влиянием сложной политической конъюнктуры, представляется необходимым применять взвешенный и осторожный подход к рассмотрению вопросов, связанных с изменением возраста ответственности и степени наказания несовершеннолетних. В этой связи целесообразно перенимать опыт зарубежных правовых систем с учетом существенных различий в концептуализации личности несовершеннолетнего правонарушителя в различных национальных законодательствах.

Проблемные аспекты данной сферы, несомненно, требуют детального

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ // Российская газета. 2025. 19 нояб.

2 Личность несовершеннолетнего преступника. С. 16–17.

3 Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента РФ от 29.05.2017 №240 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23. Ст. 3309.

анализа и тщательной проработки для формирования системы ювенальной юстиции в Российской Федерации, адекватной современным вызовам.

Майорова Л.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Особенности статуса потерпевшего по делам о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Особенности определения статуса потерпевшего по делам о хищениях, совершенных с использованием искусственного интеллекта, вызывают вопросы в досудебном и судебном производствах. Исследование этой проблемы актуализировалось не только с увеличением статистики совершенных преступлений данной категории, но и с изменениями в законодательстве (дополнением пунктом 5 ч. 1 ст. 111, статьей 115.2 УПК РФ и др.).

К традиционным проблемным моментам определения статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве дополнительно возникают сопутствующие вопросы гражданского судопроизводства с определением истца при рассмотрении гражданского иска. Из многочисленной судебной практики рассмотрим только некоторые примеры из решений Верховного Суда РФ.

Так, представляет интерес определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2025 г. № 14-КГ25-5-К1[1] по иску к «Банку…» о признании кредитного договора недействительным (неустановленным лицом от имени истца, имеющим доступ к ее персональным данным, дистанционным способом заключен кредитный договор). Договор был подписан с использованием простой электронной подписи заемщика (sms-кода), и была получена сумма денег. Первая инстанция удовлетворила иск, а в апелляционной и кассационной инстанциях отказали.

По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, истец признана потерпевшей.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что банком не доказан факт заключения кредитного договора именно истцом, а также что кредитные средства были предоставлены именно ей.

Как указал суд первой инстанции, введение с телефонного номера истца одноразовых sms-кодов, присылаемых банком на тот же номер, не доказывает, что эти операции были совершены ею.

При этом банк не подтвердил, что до этого был заемщику предоставлен проект договора, содержащий общие и индивидуальные условия кредита.

Исследовав доказательства, суд первой инстанции указал, что моментальное перечисление денежных средств на счет неустановленного лица, незамедлительное обращение истца в банк с требованием остановить операции, проволочка банка в исполнении этих требований свидетельствуют об отсутствии волеизъявления истца на заключение договора и о неосмотрительности банка в совершении этих операций.

Как установлено судом, вход в систему «Банк-Онлайн» с телефонного номе-

1 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.04.2025 № 14-КГ25-5-К1 (УИД 37MS0043-01-2023-002935-13).

ра истца осуществлен 9 августа 2022 г. в 15:44:17 часов, а в 15:45:45 часов банком на этот номер направлено сообщение об одобрении ее заявки на выпуск кредитной карты и уже в 15:47:23 направлено сообщение с sms-кодом для подписания кредитного договора, а в 15:49:53 произведено перечисление денежных средств на другой счет якобы истцом. Таким образом, все названные операции заняли менее 5 минут.

Далее с указанного счета в 15:58:21 денежные средства переведены третьему лицу. В 17:06:41 банком зарегистрировано обращение истца с требованием об остановке этих операций.

Суд указал, что с учетом изложенного доводы суда апелляционной инстанции о подаче истцом заявки на получение кредита, ознакомлении ее с общими и индивидуальными условиями договора, о подписании его аналогом собственноручной подписи не соответствуют обстоятельствам дела и сделаны без учета норм материального права. Договор в данном случае следует признать не заключенным.

Полагаем, что в данном случае, учитывая аргументацию коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, в рамках уголовного дела потерпевшим следует признать банк, а истца – свидетелем.

Сложнее решается вопрос о том, кого признать потерпевшим в уголовном производстве, в другой ситуации, которая вытекает из определения судебной коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 января 2025 г. по иску к банку[1] о признании кредитного договора недействительным.

Истец обратилась в правоохранительные органы с заявлением, на основании которого в отношении неустановленного лица возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

На момент рассмотрения в Верховном Суде РФ производство по уголовному делу было приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы от 2 августа 2023 г. при оформлении кредитного договора и при перечислении денежных средств третьим лицам истцом, <...> г.р., образование высшее, кандидат психологических наук, доцент, каким-либо психическим расстройством не страдала, а ее поведение отражало представление о текущей ситуации. По психическому состоянию с учетом индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития в исследуемой ситуации заключения кредитного договора и перечисления денежных средств истец не была лишена способности понимать значение своих действий и руководить ими, а также могла понимать, что денежные средства переводятся в интересах третьих лиц.

Вместе с тем экспертами указано, что с учетом индивидуально-психологических особенностей и уровня психического развития в исследуемой ситуации истец могла совершать действия по заключению кредитного договора, а также перечислению денежных средств третьим лицам, находясь в состоянии психического принуждения (психологического давления, убеждения, принуждения, манипуляции) со стороны третьих лиц.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение о признании кредитного договора недействительным, а также возлагая на банк обязанность совершить действия по удалению из базы кредитных историй информацию о кредитной задолженности истца, суд апелляционной инстанции

1 Определение Судебной коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.01.2025 № 67-КГ24-13-К8 (УИД 54RS 0010-01-2022-009206-88).

сослался на недобросовестность банка, выразившуюся в несоблюдении порядка оформления кредитного договора, в нарушении интересов потребителя и в отсутствии должной безопасности дистанционного предоставления банковских услуг.

По делу судом установлено, что истец последовательно совершила комплекс действий, направленных на заключение кредитного договора и получение кредитных денежных средств.

Кредитные денежные средства истец получила лично и распорядилась ими посредством банкомата.

Данные обстоятельства истец по существу не оспаривает, ссылаясь на то, что при совершении названных выше действий она находилась под влиянием мошенников, общавшихся с ней по телефону.

Ссылаясь на отсутствие у истца воли на заключение кредитного договора, суд апелляционной инстанции не указал, какой из пороков воли он имел в виду и чем подтверждается его наличие с учетом действий по получению и распоряжению кредитными денежными средствами.

В частности, согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, в исследуемой ситуации истец могла совершать действия по заключению кредитного договора, а также перечислению денежных средств третьим лицам, находясь в состоянии психического принуждения (психологического давления, убеждения, принуждения, манипуляции) со стороны третьих лиц. В то же время экспертами указано, что истец не была лишена возможности понимать значение своих действий и руководить ими.

Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза для установления сделкоспособности лица по ст. 177 ГК РФ стала весьма распространенной в судебной практике. В уголовном процессе по делам о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, назначают комиссионную психолого-психиатрическую экспертизу. Такую экспертизу в Красноярске проводят в психоневрологическом диспансере. В других субъектах встречаются экспертизы и в некоммерческих организациях, в том числе при учебных заведениях, например в ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева».

Экспертиза проводится для оценки: 1) способности давать показания; 2) способности оказывать сопротивление (психологическое) злоумышленнику.

Инициатива в назначении экспертизы в коммерческих структурах чаще исходит от защитника-адвоката. Суды в оценке данного вида доказательств учитывают разъяснение в постановлении Конституционного Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П[1] об использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве и разграничении заключений специалиста и эксперта.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что признание лица потерпевшим связано с последствиями признания кредитного договора недействительным или незаключенным.

Поскольку практика по признанию потерпевшим в подобных ситуациях банка или физического лица крайне неоднородна, правоприменители ожидают соответствующего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

1 По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В.Емельянова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 № 37-П.

Логинова Н.Г.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

О субъекте производства дознания по уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией

Современный этап развития уголовного законодательства характеризуется расширением перечня уголовно-правовых норм с административной преюдицией. Ввиду того, что относятся они к межотраслевому институту, неизбежно возникают проблемы в правоприменении. Так, административное производство о правонарушениях, которые «трансформируются» в преступления, преимущественно осуществляется должностными лицами органов внутренних дел. Наиболее распространенными являются составы, предусмотренные ст. 116.1, 151.1, 158.1, 264.1 УК РФ. Согласно действующему уголовно-процессуальному закону расследование в этом случае производится в форме дознания и большинство преступлений относятся к подследственности дознавателей органов внутренних дел (п. 1 ч. 3 ст. 150 и п. 1 ч. 3 ст. 151 УПК РФ). Когда речь идет о производстве дознания, у дознавателей подразделений дознания органов внутренних дел вопросов не возникает. Приняв от начальника подразделения дознания материалы административного производства, после проведения проверки и при принятии решения о возбуждении уголовного дела дознаватель приступает к производству дознания.

Вместе с тем согласно п. 7 ст. 5, ч. 2 ст. 40.2 УПК РФ должностные лица подразделений, осуществляющих административное расследование, могут быть уполномочены начальником органа дознания на производство предварительного расследования в форме дознания. Возникает проблема «задвоения» – одно и то же лицо в этом случае может выступать субъектом административных правоотношений и уголовно-процессуальных. С учетом особенностей доказывания по данной категории уголовных дел при производстве дознания подлежат доказыванию не только обстоятельства последнего совершенного правонарушения, за которое лицо подлежит привлечению в качестве обвиняемого, но и предшествующего правонарушения с позиции законности привлечения к административной ответственности.

В этой ситуации должностное лицо, будучи уполномоченным начальником органа дознания на производство дознания, должно оценить собственные действия по административному расследованию, что ставит под сомнение объективность такой деятельности, так как в рассматриваемых условиях у должностного лица, завершившего производство в административном порядке, уже имеется представление и формируется убеждение относительно совершенного правонарушения. Кроме этого сотрудник может быть заинтересован в возбуждении уголовного дела по проведенному им административному расследованию, исходя, например, из ведомственных критериев оценки его деятельности.

Следовательно, одно должностное лицо может быть субъектом первичного и повторного административного производства, а в последующем выступить участником уголовного процесса со стороны обвинения. Думается, здесь уместно привести не утратившее актуальности справедливое утверждение В.Л. Зуева: «Документы доказательства должны формироваться за рамками уголовно-процессуальной деятельности и лицами, не являющимися субъектами уголовного судопроизводства. Совпадение в одном лице автора документа и

субъекта деятельности по осуществлению уголовно-процессуального доказывания может быть причиной тенденциозного отношения к обстоятельствам дела и должно повлечь отвод лица, производящего дознание, от производства по делу. В этой связи руководителям органов дознания необходимо принимать меры к тому, чтобы работники, участвовавшие в сборе административного материала, не выступали в дальнейшем в качестве дознавателей»[1]. Между тем законодатель оставил этот вопрос без внимания.

В то же время ч. 2 ст. 41 УПК РФ содержит указание на то, что не может проводить дознание то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия. Отсюда следует, что законодатель разделяет уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность, однако не делает подобного разграничения в отношении деятельности административной. Полагаем, что и на производство по уголовным делам с административной преюдицией необходимо распространить запрет о невозможности возложения полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило по данному уголовному делу административное расследование.

В академической среде отмечается, что «в настоящее время ощущается острая необходимость в формировании теоретической основы и в разработке законодательной базы для подлинно эффективного механизма, позволяющего использовать в процессе доказывания сведения, могущие иметь значение для уголовного дела и полученные в ходе реализации административных полномочий органами исполнительной власти. Причем такой механизм, безусловно, надлежит создавать в режиме правовой аналогии с технологиями использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности как имеющими близкую (непроцессуальную) природу»[2].

Нельзя не отметить, что до принятия поправок в УПК РФ уголовные дела с административной преюдицией относились к подсудности мировых судей. Это не исключало рассмотрения одним и тем же судьей сначала дела об административном правонарушении и назначении наказания, а потом уголовного дела, возбужденного на основании принятого судьей решения по первичному правонарушению. Однако Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ производство по уголовным делам с административной преюдицией отнесено к подсудности судов общей юрисдикции. Авторы указанного выше закона отмечали, что «если административное и уголовное судопроизводство по делам с административной преюдицией осуществляется одним и тем же судьей, то возникает ситуация, при которой на него возлагается обязанность проверки обстоятельств, лежащих в основе собственного решения, что противоречит принципам объективности и беспристрастности суда. Это обусловлено прежде всего тем, что в системе действующего правового регулирования в ряде случаев к подсудности одного и того же мирового судьи могут быть отнесены дела о привлечении лица как к административной, так и к уголовной ответственности, в частности, если повторное деяние совершено им на территории того же судебного участка»[3].

1 Зуев В.Л. Особенности доказывания по делам о преступлениях с административной преюдицией : лекция. М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1995. С. 14, 15.

2 Россинский Б.В., Россинский С.Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 3. С. 315.

3 Пояснительная записка к законопроекту № 346533-7 // СОЗД ГД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/346533-7 (дата обращения: 13.01.2026).

Таким образом, можно констатировать, что повышению качества правоприменительной деятельности при производстве по уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией могло бы способствовать дополнение уголовно-процессуального закона положением, запрещающим расследование по этим делам лицам, ранее принимавшим участие в административном разбирательстве. В сложившейся же ситуации гарантом соблюдения ст. 7 УПК РФ может выступить начальник органа дознания путем исключения поручения расследования должностным лицам, участвующим в административном расследовании.

Калачева А.В.,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России (г. Москва)

Основные направления деятельности специализированных подразделений дознания органов внутренних дел

В самом общем понимании специализированные подразделения дознания органов внутренних дел (далее – Спецподы ОВД) – это образованные в составе полиции самостоятельные структурные подразделения (как бы «профильные секции»), призванные обеспечивать исполнение возложенных на нее (полицию) обязанностей уголовно-процессуального характера и осуществлять ряд других полицейских функций в сфере борьбы с преступностью. На сегодняшний день основные задачи таких подразделений сводятся к рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях, к проведению ординарных и сокращенных дознаний по уголовным делам об отнесенных к подследственности дознавателей органов внутренних преступных деяниях, к обеспечению возмещения причиненного преступными действиями (бездействием) вреда, к осуществлению некоторых иных «антикриминальных» полномочий, в первую очередь полномочий, связанных с предупреждением, выявлением и раскрытием преступлений. Кроме того, им зачастую приходится исполнять остальные процессуальные обязанности полиции: производить неотложные следственные действия по предполагающим обязательность предварительного следствия уголовным делам либо выполнять поручения следователей (других дознавателей) – подобные, в определенном смысле факультативные, задачи на сегодняшний день возложены на специализированные подразделения дознания руководством подавляющего большинства региональных и приравненных транспортных органов внутренних дел.

Правда, уголовно-процессуальная компетенция Спецподов ОВД вовсе не предполагает безальтернативность. Несмотря на узкопрофильность таких подразделений, на их прямую предназначенность для участия в уголовном судопроизводстве, соответствующие полномочия вполне могут осуществляться и другими службами полиции. Тем более, что ввиду ряда объективных причин – удаленности мест совершения отдельных преступлений либо производства отдельных процессуальных действий, периодически возникающих потребностей в работе со специфическими предметами, документами, сведениями, да и весьма ограниченной штатной численностью – Спецподы ОВД просто не способны полностью обеспечивать осу-

ществление возлагаемых на полицию уголовно-процессуальных полномочий. В этой связи неотложные следственные действия по предполагающим обязательность предварительного следствия уголовным делам нередко проводятся должностными лицами оперативных подразделений (уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции и пр.), участковыми уполномоченными, другими сотрудниками полиции; ими же зачастую выполняются поручения следователей (других дознавателей) о производстве отдельных процессуальных действий и принятии иных предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер. Кроме того, участковым уполномоченным, иногда сотрудникам других, в том числе оперативных подразделений полиции, приходится проверять множество поступающих в органы внутренних дел сообщений о преступлениях. Автору настоящей статьи, посвятившему четверть века работе в специализированных подразделениях дознания органов внутренних дел, в том числе в течение ряда лет возглавлявшему всю службу полицейского дознания Вологодской области, известны даже случаи, когда таким должностным лицам поручалось проведение ординарных и сокращенных дознаний.

Вместе с тем в соответствии с присущими работе органов внутренних дел практическими подходами первостепенную роль в исполнении возлагаемых на полицию обязанностей процессуального характера все же играют Спецподы ОВД – именно они, будучи специально созданными для участия в уголовном судопроизводстве «профильными секциями», располагая штатом наиболее пригодных к процессуальной деятельности должностных лиц, уполномочиваются на ее осуществление в приоритетном порядке. В частности, им поручаются наиболее сложные и ответственные дознавательские задачи – именно сотрудники данных подразделений обычно принимают решения о возбуждении уголовных дел, проводят ординарные и сокращенные дознания, в том числе готовят обвинительные акты (обвинительные постановления) и формируют соответствующие материалы для направления в суды.

В целом же можно с уверенностью констатировать универсальную компетентность Спецподов ОВД, предполагающую возможность их привлечения к решению любых, отнесенных к уголовно-процессуальному ведению органов дознания, вопросов. К слову, подобной универсальной компетенцией наделены далеко не все подразделения органов исполнительной власти, предрасположенные к осуществлению дознавательских полномочий. Тогда как в сферу правоприменительной практики Спецподов ОВД включены все предусмотренные ч. 2 ст. 40 УПК РФ либо вытекающие из ее смысла основные направления дознавательской деятельности.

Кстати, необходимо обратить внимание, что в ряде доктринальных источников можно встретить несколько иные позиции – самостоятельными направлениями дознавательской деятельности полиции признаются и другие, то есть не предусмотренные ч. 2 ст. 40 УПК РФ функции: взаимодействие с компетентными органами иностранных государств и международных организаций, возмещение бывшим подозреваемым (обвиняемым) вреда в порядке реабилитации и др.[1] Такие подходы представляются не вполне верными – исходя из смысла закона, все подобные вопросы решаются как бы внутри предварительного расследования, поэтому являются не автономными направлениями

1 Напр.: Одинцов В.Н. Производство дознания органами внутренних дел Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 81-82; Есина А.С., Арестова Е.Н., Жамкова О.Е. Дознание в органах внутрен-них дел : учебник и практикум для вузов. 3-е изд. М. : Юрайт, 2025. С. 11-12.

дознавательской деятельности, а всего лишь самостоятельными полномочиями Спецподов ОВД.

Кроме того, хотелось бы выделить еще одну достаточно специфическую группу возложенных на органы дознания задач, формально вытекающих из смысла УПК РФ, но вместе с тем предполагающих не столько процессуальную, сколько сугубо полицейскую природу, в связи с чем подлежащих решению посредством применения оперативно-розыскных, административно-правовых и тому подобных непроцессуальных приемов. Так, наряду с участием в уголовно-процессуальных отношениях органам дознания вроде бы как предписывается осуществлять фактические приводы уклоняющихся от добровольной явки лиц (ч. 7 ст. 113 УПК РФ), разыскивать скрывающихся обвиняемых (подозреваемых) (ч. 1 ст. 210 УПК РФ), проводить по заданиям следователей иные оперативно-розыскные мероприятия (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). По всей вероятности, данные предписания возникли как своеобразные «побочные эффекты» ранее выявленных профессором С.Б. Россинским совместно с автором настоящей статьи тенденций, выраженных в инкрементальной процессуализации органов дознания – они (предписания) стали следствием банальной путаницы в части разграничения аутентичных дознавательских, то есть уголовно-процессуальных полномочий с полномочиями непроцессуального характера, возложенными на те же самые органы исполнительной власти, иногда на тех же самых должностных лиц[1]. Однако для уяснения сущности Спецподов ОВД подлинные причины включения в УПК РФ подобных положений не так уж и важны. Гораздо важнее другое – неприемлемость превращения сотрудников таких подразделений в субъектов оперативно-розыскной, административной либо иной непроцессуальной, но проводимой для обеспечения нужд уголовной юстиции деятельности. Более того, полномочия полиции по осуществлению фактических приводов, розысков, выполнению иных инициируемых следователями (дознавателями) оперативно-розыскных мероприятий вообще не должны расцениваться как полномочия органов дознания, в связи с чем соответствующие поручения надлежит адресовывать органам внутренних дел (не органам дознания как субъектам уголовного-процессуальных отношений, а именно органам внутренних дел как коллективным субъектам, призванным осуществлять самые разные полицейские функции в различных сферах правоохранительной деятельности).

Собственно этот прикладной подход и внедрен в правоприменительную практику Спецподов ОВД. В соответствии с п. 3.2.2 приказа МВД России от 15 июня 2020 г. № 430 «Вопросы организации деятельности подразделений организации дознания (подразделений дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» сотрудников данных подразделений допускается привлекать к осуществлению не свойственных для дознавательской деятельности функций лишь в случаях, предусмотренных ст. 31 и 35 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342–ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», – при временном возложении обязанностей по иной должности, в том числе в период прохождения службы в особых условиях. Впрочем, существует еще одно исключение: дознавателям, заступившим на суточные дежурства, в связи с чем находящимся в эфемерном подчинении старших оперативных дежурных по соответствующим органам

1 Подр.: Калачева А.В., Россинский С.Б. Органы дознания в уголовном судопроизводстве России. М. : Проспект, 2025. С. 101-103.

внутренних дел, иногда поручается непосредственное исполнение решений о приводах уклоняющихся от добровольной явки (от явки по повесткам) участников уголовного судопроизводства (ч. 7 ст. 113 УПК РФ). И наконец, руководителям и сотрудникам специализированных подразделений дознания органов внутренних дел предписывается регулярное участие в осуществлении ряда других непроцессуальных, прежде всего профилактических, мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и повышение «антикриминальной» грамотности населения.

На основании всего изложенного под специализированными подразделениями дознания органов внутренних дел (Спецподами ОВД) надлежит понимать специально предназначенные для удовлетворения нужд уголовной юстиции обособленные структурные подразделения («профильные секции») полиции, которые в приоритетном порядке уполномочиваются рассматривать и разрешать сообщения о преступлениях, проводить ординарные и сокращенные дознания, производить по предполагающим обязательность предварительного следствия уголовным делам неотложные следственные действия, выполнять поручения следователей (дознавателей), а также решать некоторые иные задачи в сфере борьбы с преступностью.

Попова И.П.,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в досудебном производстве

Категория усмотрения чаще всего является предметом исследования уголовно-процессуальной деятельности в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Между тем итоговые процессуальные решения принимаются и в досудебном производстве.

Возможность применения усмотрения в качестве правового средства, особенно в уголовном процессе, где реализуются самые строгие меры воздействия, ограничение прав и свобод, зачастую рассматривается как негативное явление. Среди рисков реализации усмотрения правоприменителем в уголовно-процессуальной деятельности при принятии итоговых процессуальных решений упоминаются риски злоупотребления правами и угроза законности. В связи с этим отдельные исследователи предлагают либо минимизировать усмотрение (вплоть до исключения усмотрения из правового регулирования), либо создать такой механизм реализации усмотрения, при котором будут четко установлены соответствующие пределы и границы.

Между тем и уголовный, и уголовно-процессуальный законы содержат не только оценочные категории, но и значительное число относительно-определенных норм, предоставляя правоприменителю возможность действовать по своему усмотрению. Несмотря на то что усмотрение выступает субъективной категорией, отражающей и уровень правовой культуры, и правосознания, и компетенцию правоприменителя, важно понимать, что субъект усмотрения, обладающий властными полномочиями в уголовном судопроизводстве, действует не в собственных, а в публичных интересах. Осознание целевых ориентиров деятельности правоприменителем,

в частности следователем, выступает ключевым в вопросе определения границ усмотрения, исходя из того, что если у субъекта уголовно-процессуальной деятельности возникает личный интерес, то создается почва для злоупотребления правами и свобода усмотрения становится средством произвола.

Представляется, что не меньшую опасность представляет использование предусмотренных законом полномочий усмотрения при принятии решений, исходя из ложно понятых ведомственных интересов. Избежать конфликта ведомственных и публичных интересов в профессиональной деятельности правоприменителей возможно при определении их процессуального статуса и роли при разрешении уголовного дела. С учетом того, что только судом принимаются итоговые процессуальные решения о виновности, а вопросы судейского усмотрения представляются более исследованными, отдельными авторами предлагается передать в исключительную компетенцию суда и вопросы прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. При этом очевиден не только тренд законодателя на гуманизацию, но и расширение дискреционных оснований при принятии итоговых процессуальных решений, в том числе и в досудебном производстве. Отнесение следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения создает предпосылки для обвинительного уклона в его деятельности, повышая риски конфликта публичных и ведомственных интересов. Эффективность механизма правового регулирования зависит от понимания участниками правоотношений, наделенных от имени государства властными процессуальными полномочиями, целевых ориентиров своей деятельности.

Думается, что нивелировать такие угрозы могут ряд предложений, направленных на:

определение функции следователя как функции предварительного расследования;

повышение процессуальных гарантий, с одной стороны, самостоятельности следователя, с другой стороны – при широком подходе к дискреционным основаниям требуется предусмотреть условия, при которых наличие оснований для прекращения уголовного дела выступает не правом, а обязанностью следователя;

уточнение требований к итоговым процессуальным решениям следователя, обеспечивающих их правосудность[1].

Так, функция предварительного расследования включает в себя несколько видов процессуальной деятельности, осуществляемой следователем:

1) раскрытие преступления – деятельность, обусловленная необходимостью установления события преступления и связанных с ним обстоятельств;

2) уголовное преследование – включает самый широкий вид деятельности, выполняемой следователем по формулированию обвинения и доказыванию виновности, осуществляемой в отношении конкретного лица;

3) охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства[2].

Обоснованно усмотрение следователя рассматривается в качестве элемента его процессуальной самостоятельности. Как верно отмечает Е.О. Бобырев, относительно определенные предписания законодателя не прямо выражены законодателем, а «вытекают из смысла закона, анализа назначения уголовного судопроизводства, его принципов, из определения предмета доказывания, других по-

1 Подр.:: Попова И.П. Требования к процессуальным решениям следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3(23). С. 219-228.

2 Подр.: Попова И.П. Функции следователя в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 4(99). С. 123-139.

ложений и норм права, нравственности, целесообразности и иных категорий»[1].

Современное понимание интегративного права актуализирует ревизию устоявшихся категорий, а основным вектором уголовно-процессуальной деятельности выступает защита прав и интересов личности в качестве основного содержания публичного интереса, составляющего как начало уголовного правосудия, так и цель государства в сфере уголовного судопроизводства. Таким образом, публичные интересы, охраняемые уголовно-процессуальным законом, не противопоставляются частным интересам. Думается, что ведомственные интересы не могут вступать в противоречие с публичными, защиту которых призваны осуществлять органы предварительного расследования. Трансформацию содержания публичности в уголовном судопроизводстве следует учесть при реформировании законодательства, а назначение уголовного судопроизводства должно стать целевым ориентиром при принятии итоговых процессуальных решений.

Следователь, как представитель государственной власти, в уголовно-процессуальных правоотношениях наделен не только правом на усмотрение в целях индивидуального правового регулирования, но и несет обязанности обеспечить реализацию прав и законных интересов других участников уголовного судопроизводства. В указанном аспекте следует солидаризироваться с позицией авторов, что, рассматривая усмотрение как свободу выбора в процессе реализации права, вполне стоит ожидать от данного инструмента «преодоление психологического отчуждения права, правового нигилизма, повышение правовой культуры и правосознания, а в итоге – обеспечение правозаконности и правопорядка»[2].

Рассмотрение правосудия только с позиции юридического подхода в качестве одной формы реализации государственной власти, механизма для рассмотрения споров путем разрешения различных дел снижает социальную ценность правосудия, заключающуюся в осознании правосудия как средства достижения справедливости. Правосудие по уголовным делам, бесспорно, обладает и культурологической ценностью, подчеркивает его социальное предназначение в возможности влияния не только на конкретные личности, вовлеченные в судопроизводство, но и на потребность общества в гармонизации личностного развития преступивших закон, то есть общественные интересы.

Защита прав и свобод, нарушенных преступлением, обеспечивается различными правовыми средствами. Эффективность механизма уголовно-процессуального регулирования выступает индикатором уровня защиты прав и свобод в обществе и государстве. В свою очередь, степень защищенности в государстве напрямую коррелирует с доверием к государственной власти, социальное предназначение которой заключается в обеспечении условий для нормального функционирования правового государства с приоритетом прав и свобод граждан, что непосредственно закреплено в ст. 2 Конституции РФ.

Ошибки сопровождают любую деятельность, не исключение и правоприменение в уголовном судопроизводстве. Только ошибки в этой сфере права воспринимаются остро не только участниками уголовно-процессуальных правоотношений, но и обществом, подрывают авторитет государства в целом.

1 Бобырев Е.О. Пределы усмотрения следователя, как элемент его процессуальной самостоятельности в условиях относительной определенности предписаний уголовно-процессуального права // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2015. № 5. С. 54.

2 Скударнов А.С., Шафиров В.М. Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан : монография. М. : Проспект, 2017. С. 134.

Исключение полномочий принимать итоговые процессуальные решения по усмотрению может лишить правоприменение таких свойств, как гибкость и динамичность, и в целом – справедливость, запрос на которую в обществе чрезвычайно высок и имманентно присущ национальным традициям права.

Бурнашов М. Р.
Управление по контролю за оборотом наркотиков УМВД России по Ульяновской области,
Ульяновский государственный университет

Природа полномочий прокурора по рассмотрению жалоб на действия и решения должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу

Надзору прокурора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, то есть в том числе и всем досудебным производством по уголовным делам, посвящена глава 3 раздела III Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации». При этом в качестве предмета надзора обозначается соблюдение прав и свобод человека, порядка разрешения заявлений и сообщений о преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий, расследования, законность выносимых решений. Следует отметить, что в отличие от иных видов надзора прокурора (см., например, ст. 22-25.1, 27, 33 и др.) Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит перечня конкретных полномочий прокурора по надзору за досудебным производством по уголовным делам. Статья 30 данного закона ограничивает полномочия прокурора по реализации рассматриваемого надзора границами, устанавливаемыми как уголовно-процессуальным законодательством, так и иными федеральными законами. К ним следует отнести, например, федеральные законы:

от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»,

от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»,

от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»,

от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» и др.

Однако основной объем полномочий прокурора по обеспечению законности досудебного производства закреплен в УПК РФ. Помимо ст. 37 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон определяет полномочия прокурора в ст. 7, 10, 11, 16, 17, 19, 20, 21, 25, 28, 38, 41, 67, 87, 88, 91, 96, 107, 108, 110, 114, 115, 124, 125, 146, 150, 151, 161, 214, 221, 222, 226 и др.

В чем причина особенного отношения законодателя к такому виду прокурорской деятельности и отнесения его регламентации к отраслевому законодательству? Являются ли рассматриваемые полномочия надзорными, исходящими из статуса прокуратуры, или уголовно-процессуальными? Представляется, что ответ на эти вопросы лежит в плоскости характеристик уголовно-процессуальной деятельности, как особого процесса, в рамках которого права и свободы человека подвергаются наибольшему, в сравнении с другими видами государственной деятельности, ограничению. Такая ситуация заставляет

прибегать к контролирующим элементам системы, куда, несомненно, входит прокурорский надзор, для детального и тщательного обеспечения сохранности прав человека, являющихся, согласно ст. 2 Конституции РФ, основной охраняемой государством ценностью. Для полноценного действия таких механизмов необходимо не только их обозначение, но и непосредственное «вживление» в сам уголовный процесс, согласование с иными уголовно-процессуальными механизмами. Поэтому закрепление полномочий прокурора произведено законодателем, «вписавшим» рассматриваемый вид надзора непосредственно в уголовно-процессуальную деятельность, не в отдельном нормативном правовом акте, а именно в УПК РФ.

Особое отношение к прокурорскому надзору за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия базируется также на конституционно-правом статусе органов прокуратуры[1], определенном в ст. 129 Конституции РФ. Конституция РФ в упомянутой статье не выделяет в качестве особого вида прокурорского надзора надзор за досудебным производством по уголовному делу, что позволяет сделать вывод о том, что он реализуется через конституционно-определенную деятельность по надзору за соблюдением Конституции РФ и исполнением федеральных законов, надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и уголовное преследование.

Особое значение в этой части приобретает акцент, сделанный в ст. 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», на осуществление надзора за досудебным производством и оперативно-розыскной деятельностью посредством надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, несмотря на то что надзор за соблюдением прав и свобод человека является отдельной отраслью прокурорского надзора (глава 2 раздела III закона). Это подчеркивает самостоятельность деятельности по защите прокурором прав и свобод человека именно в рамках досудебного производства по уголовным делам, что предполагает специальный уголовно-процессуальный инструментарий.

Статья 37 УПК РФ определяет, что прокурор осуществляет не только надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, но и уголовное преследование от имени государства. Таким образом, специфика положения прокурора в досудебных стадиях современного уголовного процесса заключается прежде всего в том, что он является одновременно и субъектом, обеспечивающим законность на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и основным субъектом, осуществляющим уголовное преследование. Совмещение этих функций является предметом многочисленных споров и дискуссий в доктрине уголовного процесса[2]. Однако именно совмещение этих функций задает общее направление всей прокурорской деятельности и обеспечивает уникальное место прокурору и его деятельности по обеспечению законности досудебного производства по уголовным делам.

Прокурор как лицо, возглавляющее уголовное преследование, добивается достижения цели правосудия – вынесения справедливого правосудного решения по делу. «Не обвинение и не изобличение лица в совершении преступления являются приоритетными задачами прокурора, надзирающего за процессуальной деятельностью следователя, руководителя следственного орга-

1 Нагорный В.А. Постановление прокурора об уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2025. С. 13.

2 Напр.: Волков А.П. Постановление прокурора об уголовном преследовании : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2025. С. 26-33.

на, других субъектов предварительного следствия (следователя-криминалиста), а обеспечение режима законности»[1].

Построение современного уголовного процесса таково, что деятельность прокурора по обеспечению законного досудебного производства по уголовным делам выходит за рамки исключительно надзорной деятельности прокурора, а в большей своей части является уголовно-процессуальной. Именно полномочия, которыми обладает прокурор в рамках указанного вида деятельности, реализуются при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) государственных органов, осуществляющих досудебное производство. Поэтому основной объем полномочий прокурора по рассмотрению жалоб, поданных ему по уголовным делам, является не надзорным, определенным Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», а уголовно-процессуальным, и зафиксирован в УПК РФ.

Курбатова С.М.,
доктор юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск),
Красноярский государственный аграрный университет

О неурегулированности процессуального статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела

Вопросы, связанные с процессуальным статусом потерпевшего, на протяжении десятилетий остаются одними из наиболее востребованных для проведения научных исследований, о чем свидетельствуют диссертационные исследования В.В. Афисова[2], Д.Я. Беговой[3], Н.Н. Василенко[4], С.А. Синенко[5] и других авторов, а также иные работы[6].

Во многом это обусловлено тем, что действующее законодательство не только не разрешает эти вопросы, но и за счет имеющихся в нем пробелов, коллизий и противоречий во многом способствует такому вниманию со стороны исследователей. Это касается как самого понятия и общего статуса потерпевшего, сформулированных в ст. 42 УПК РФ, так и осо-

1 Власов Д.А. Участие прокурора в предварительном следствии по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2025. С. 50.

2 Афисов В.В. Процессуальное положение юридического лица как потерпевшего в уголовном судопроизводстве России : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 192 с.

3 Бегова Д.Я. Потерпевший в уголовном судопроизводстве России: интерес и процессуальные средства защиты : дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 226 с.

4 Василенко Н.Н. Правовое положение потерпевшего в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 205 с.

5 Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. … докт. юрид. наук. М., 2014. 418 с.

6 Напр.: Андреев А.В. Обеспечение прав потерпевшего при привлечении в качестве обвиняемого // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 2. С. 73-78; Андреева О.И. Проблемы нормативного обязанностей потерпевшего как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 5-13; Быков В.М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 42-46; Смыслова В.Н. Проблемы реализации прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретико-правоприменительный аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10(238). С. 559-561.

бенностей его участия на отдельных стадиях уголовного судопроизводства.

При этом следует отметить, что многие вопросы, касающиеся процессуального статуса потерпевшего, связаны с досудебным производством по уголовному делу и, в частности, со стадией возбуждения уголовного дела. Такие категории, как «потерпевший», «пострадавший» и «жертва», «потерпевший» и «гражданский истец», становятся предметом обсуждения в контексте их соотношения[1]. Непосредственно в сфере уголовного судопроизводства на протяжении многих лет ведется дискуссия о необходимости выделения и закрепления такого самостоятельного участника, как заявитель.

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ «Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда», тогда как в ст. 141 УПК РФ, раскрывающей такой повод для возбуждения уголовного дела, как заявление о преступлении, речь идет о заявителе. О нем же говорится и в ряде других статей гл. 19 УПК РФ «Поводы и основание для возбуждения уголовного дела». Однако в статусе самостоятельного участника уголовного судопроизводства заявитель не закреплен в разделе II УПК РФ.

Анализ статей УПК РФ позволяет сделать вывод, что под заявителем, о котором идет речь в гл. 19 УПК РФ, понимается лицо, подавшее заявление о преступлении[2]. Более того, в тексте УПК РФ содержатся определенные права данного лица. Например, О.В. Михайловская, анализируя уголовно-процессуальные нормы, выделяет такие, как «сообщать о преступлении в устном или письменном виде (ч. 1 ст. 141 УПК РФ); знать свои права и обязанности и иметь возможность осуществлять эти права в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ); не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен уголовно-про-цессуальным законом (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ); пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ)» и др., и делает вывод о том, что представленный перечень краток и не обеспечивает в полном объеме законные интересы заявителя[3]. Хотя необходимо обратить внимание на то, что содержание термина «заявитель» не ограничивается только официальным заявлением физического лица о совершенном преступлении. Заявитель упоминается в нескольких статьях УПК РФ, причем в разных контекстах, как справедливо обращает внимание О.Б. Юрченко, а именно: «как заявитель ходатайства (гл. 15 УПК РФ, ст. 219, 399 УПК РФ); заявитель жалобы (гл. 16, 47.1 УПК РФ); заявитель как лицо, сообщившее о преступлении (гл. 19-

1 Фомина И.А. Понятие жертвы преступления в рамках наук криминального цикла. Соотношение понятий «жертва преступления» и «потерпевший» от преступления // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XIII международной научно-практической конференции. Иркутск, 27 сентября 2024 г. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2024. С. 176-180; Садов А.Ю. Гражданский истец или потерпевший? // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4(5). С. 243-245; Секретарева Т. Трансформация понятий «потерпевший» и «гражданский истец» в современном уголовном процессе // Право и жизнь. 2011. № 156. С. 243-252.

2 Муженская Н., Костылева Г. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7(932). С. 52-56а.

3 Михайловская О.В. Заявитель как участник уголовного судопроизводства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4(50). С. 64-67.

20 УПК РФ, ст. 318 УПК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела»[1]. Однако в ст. 5 УПК РФ понятие «заявитель» не разъяснено. Для примера – в УПК Республики Беларусь в п. 10 ст. 6, и в п. 7 ст. 7 УПК Республики Казахстан содержится понятие заявителя. Хотя, следует отметить, что отдельной статьи, закрепляющей статус данного участника уголовно-процессуальных правоотношений, нет ни там, ни там.

Неурегулированность процессуального положения заявителя-потерпев-шего влечет за собой другие последствия, имеющие уголовно-процессуальное значение, и прежде всего это касается процедуры получения объяснений от этого лица в ходе проверки поступившего от него заявления[2]. По этому поводу Л.Г. Лифанова выделяет целый ряд вопросов, в том числе относительно процедуры получения объяснений и доказательственной силы ставших известными при этом сведений: по правилам производства допроса или по каким-то своим, специально разработанным? как быть с ситуацией, если в объяснении будут заведомо ложные сведения – подлежит ли такое лицо уголовной ответственности? как отбирать объяснения у несовер-шеннолетних и малолетних лиц? распространяются ли в данном случае на них те процессуальные гарантии, которые закреплены для производства допроса данных лиц в УПК РФ? каково доказательственное значение объяснений, полученных на данном этапе? можно ли использовать технические средства при получении объяснений, и если да, то какова процедура этого?[3]. А.А. Караева ставит вопрос о том, как быть с правом потерпевшего представлять доказательства, которое не предусмотрено для заявителя[4]. И.Г. Башинская рассматривает проблему реализации заявителем права на обжалование действий (бездействия), решений органов предварительного расследования – как оно должно реализовываться: в порядке ст. 124 УПК РФ или Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»?[5]. Данный перечень вопросов можно продолжать.

Ненадлежащее регулирование правового статуса лица влечет за собой появление и иных проблем, напрямую не связанных с этим.

Сложившаяся правовая неопределенность в поднятых выше вопросах, с одной стороны, создает проблемы лицам, обращающимся в правоохранительные органы с заявлением о совершенном преступлении. Речь идет о защите прав и законных интересов, в том числе предусмотренных Конституцией РФ[6]. Возникают сложности с доступом к правосудию. Появляется дисбаланс

1 Юрченко О.Б. Сравнительно-правовой анализ правового статуса заявителя в законодательстве Российской Федерации и в странах Содружества Независимых Государств // Современные проблемы государства и права : сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск, 10 декабря 2020 г. / под ред. Р.А. Прощалыгина. Новосибирск: СибУПК, 2020. С. 286-288.

2 Подр.: Курбатова С.М. Процессуальный статус потерпевшего: проблемы правовой регламентации и практической реализации // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества. Ульяновск: «Зебра», 2025. С. 193-212.

3 Лифанова Л.Г. Процессуальный статус потерпевшего нуждается в совершенствовании // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 73-74.

4 Караева А. А. Процессуальный статус потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве // Теоретический и практический потенциал современной науки : сборник научных статей / научн. ред. Н.О. Берая. Часть IV. М. : «Перо», 2019. С. 173-178.

5 Башинская И.Г. О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Общество и право. 2014. № 3(49). С. 157-160.

6 Статья 52 Конституции РФ: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

в процессуальном положении между потерпевшим и подозреваемым, обвиняемым. У лица появляются новые морально-нравственные страдания от чувства незащищенности, в дополнение к тем, которые вызвал факт совершения в отношении него общественно опасного деяния.

С другой стороны, проблема неурегулированности статуса потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела обуславливает дополнительные сложности для государственных органов власти по проверке сведений, содержащихся в соответствующем заявлении. Кроме того, она не способствует формированию единой следственно-судебной практики, что приводит к принятию субъектами уголовно-процессуальной деятельности разных решений в схожих ситуациях с участием заявителей.

Все это отрицательным образом оказывает влияние на эффективность уголовно-процессуальной деятельности как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на последующих стадиях уголовного судопроизводства, учитывая значимость для них информации, собранной на первоначальном эта-пе. Кроме того, это формирует негативное мнение у населения о работе сотрудников правоохранительных органов, что подрывает престиж государственной власти. Законодательное разрешение существующих на сегодняшний день вопросов, связанных со статусом потерпевшего на стадии возбуждения уголовного дела, будет способствовать решению данных проблем.

Гунина О.А.,
кандидат юридических наук
Московский гуманитарный университет

Формализм в деятельности адвоката-защитника на этапе досудебного производства по уголовному делу: причины и пути решения

Конституцией РФ каждому гражданину гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48).

При вовлечении лица в сферу уголовного судопроизводства в качестве подозреваемого (обвиняемого) у него появляется и определенный объем прав, предусмотренных российским уголовно-процессуальным законодательством, и одно из них – право на защиту.

Так, каждому подозреваемому или обвиняемому в уголовном судопроизводстве обеспечивается право на защиту посредством защитника и (или) законного представителя (ч. 1 ст. 18 УПК РФ). Вместе с тем по общему правилу в уголовном процессе в качестве защитника могут быть допущены лишь лица, имеющие статус адвоката (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Условия и процедура приобретения статуса предусмотрены Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (далее – Закон об адвокатуре) в статье 9.

Как известно, законодатель предусмотрел два способа вовлечения адвоката в производство по уголовному делу – по назначению и по соглашению. В чем отличие?

Адвокат, участвующий в уголовном деле по соглашению, – это защитник, приглашенный лично подозреваемым (обвиняемым) либо его родственниками или другими лицами, действующими в его интересах, в результате заключения соглашения об оказании юридической

помощи (ст. 25 Закона об адвокатуре). Вознаграждение такого защитника осуществляется за счет личных средств доверителя. Размер гонорара устанавливается на основании принципа свободного соглашения между адвокатом и доверителем.

Адвокат по назначению – это защитник, допускаемый к участию в уголовном деле для защиты прав подозреваемого (обвиняемого) на основании постановления следователя, дознавателя или суда. Как правило, одной из основных причин приглашения такого защитника является низкий уровень имущественной обеспеченности привлекаемого к уголовной ответственности лица (его семьи). Деятельность такого защитника оплачивается за счет средств федерального бюджета. Такие затраты относятся к категории процессуальных издержек и судебных расходов. Порядок и размер вознаграждения защитникам установлен постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством …».

На первый взгляд существенной разницы между адвокатом по соглашению и адвокатом по назначению нет. И в том, и в другом случае юридическая помощь оказывается юристами-профессионалами, имеющими статус адвоката. Их юридическая помощь оказывается на возмездной основе, то есть не бесплатна. Разница лишь в размере этого вознаграждения и субъекте, инициировавшем их участие в уголовном деле. И, как показывает практика, эти два фактора имеют существенное влияние на качество этой юридической помощи.

Существует мнение, что адвокаты по назначению осуществляют деятельность не в интересах подзащитного, а в интересах субъекта предварительного расследования, превращаясь в помощников стороны обвинения[1]. Пятнадцатилетний опыт работы в следствии позволяет автору с этим согласиться.

Действительно, чаще всего поведение такого защитника во время производства следственных действий с участием лица, привлекаемого к уголовной ответственности, скорее можно сравнить с немым созерцанием происходящего, в то время как адвокат должен участвовать в допросе (п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а не только «радовать» всех своим присутствием. Как правило, линия защиты такого адвоката строится на рекомендации лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, воспользоваться правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ, – не свидетельствовать против себя самого, своих близких родственников. Такая позиция позволяет адвокату максимально сократить время следственного действия, требующего его участия совместно с подзащитным, так как при оплате его труда подлежит учету время занятости, исчисляемое в днях, а не в количестве часов, отработанных по уголовному делу в течение дня. Соответственно, если адвокат был фактически занят исполнением поручения по уголовному делу 20 минут или 6 часов, ему заплатят одинаково, как за один день работы (п. 23 постановления Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240). Такой рациональный подход дает возможность адвокату более продуктивно использовать свой рабочий день и возможность заработать больше.

Кроме того, реализация подзащитным своего права на молчание позволяет защитнику по назначению не тратить время на изучение судебной практики по аналогичным делам, знание которой необходимо для качественной защиты интересов подзащитного, на составление различных жалоб, ходатайств и заявлений в интересах защищаемого лица, так как такая работа не отражается в

1 В чем разница между адвокатом по назначению и по соглашению. URL: https://chelovekizakon.ru/dela/v-chem-raznica-mezhdu-advokatom-po-naznacheniyu-i-po-soglasheniyu (дата обращения: 26.01.2026).

материалах уголовного дела и, соответственно, не может быть оплачена за счет средств государства. В таких случаях недобросовестный адвокат руководствуется правилом: «нет оплаты – нет упорства в работе».

Следует отметить, что иногда использование «права на молчание» целесообразно, особенно в случаях, когда еще не до конца продумана линия защиты, кода лицо, совершившее преступление, уверено, что органы предварительного расследования не могут располагать достаточными доказательствами его причастности к преступлению.

Тем не менее чаще всего рекомендация использовать ст. 51 Конституции РФ оказывает «медвежью услугу», которая приносит больше вреда, чем пользы, особенно в случаях, когда лицо не совершало противоправного деяния либо ошибается в правовой оценке своих действий, считая их незаконными, в то время как с точки зрения закона при наличии правильных пояснений они могут быть признаны правомерными, например, в случаях применения необходимой обороны, когда важно привести доводы, подтверждающие это обстоятельство. Молчание будет лишь усугублять положение такого подозреваемого (обвиняемого).

Иногда формальный подход к выполнению профессиональных обязанностей адвокатом по назначению приводит к нарушению уголовного закона. Так, адвокат адвокатской палаты Архангельской области, участвовавший в уголовном деле по назначению, был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33 – ч. 2 ст. 292 и ч. 5 ст. 33 – ч. 1 ст. 286 УК РФ, квалифицируемых как пособничество в служебном подлоге, повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций и охраняемых законом интересов общества и государства, а также пособничество в превышении должностных полномочий[1]. Судом установлено, что адвокат, осуществляющий защиту обвиняемого Л. по назначению, в нарушение требований уголовно-процессуального закона в проведении следственных действий с участием его подзащитного фактически не участвовал, процессуальные документы, составленные следователем с обвиняемым Л., подписывал позже с целью придания указанным документам соответствия законности.

За такую фиктивную юридическую помощь в пользу адвоката из средств федерального бюджета на расчетный счет адвокатской палаты «незаконно» поступило 17136 рублей, из которых с учетом НДФЛ и обязательного взноса в палату адвокат на свой расчетный счет «незаконно» получил 10454 рубля.

В связи с содеянным статус адвоката был прекращен решением совета Адвокатской палаты.

Допуская формализм по отношению к защите прав и интересов доверителя, адвокат по назначению пренебрегает профессиональным долгом, нарушает этические правила профессии, закон об адвокатуре и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации. Такое отношение к профессии подрывает авторитет адвокатуры в обществе.

Решение этих проблем видится в предоставлении подозреваемому (обвиняемому) права ходатайствовать о допуске в качестве защитника на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства наряду с адвокатом и одного из его близких родственников или иного лица, которому он доверяет.

В настоящее время такое право предоставлено лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, лишь только на этапе судебного разбирательства по уголовному делу (ч. 2 ст. 49 УПК РФ),

1 Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 17.07.2023 .URL: https://sudact.ru/regular/doc/v24bmmqGy9xx/

что существенно ограничивает право обвиняемого на защиту.

Введение в досудебное производство такого участника позволит максимально обеспечить право на защиту лица, привлекаемого к уголовной ответственности, так как потребует профессиональной дисциплинированности и соблюдения законности как со стороны адвоката по назначению, так и следователя (дознавателя), осуществляющего производство по уголовному делу. При этом наличие юридического образования у такого участника не обязательно, так как личный интерес в оказании качественной правовой помощи доверителю будет мотивировать к самообразованию и получению новых знаний не только в юриспруденции, но и в тех сферах, которые будут затронуты совершенным преступлением.

Наличие такого защитника будет стимулировать адвоката защищать права и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно и активно.

Замируева Е.Ю.,
кандидат юридических наук
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Этапы становления и развития свидетельского иммунитета как института уголовно-процессуального законодательства в отечественной истории

Институт свидетельского иммунитета представляет собой систему норм уголовно-процессуального права, обеспечивающих возможность воздержания от дачи показаний касательно самого себя, супруга или супруги, близких родственников. В нем также предусмотрена обязанность должностных лиц разъяснения другим участникам уголовного судопроизводства их права на свидетельский иммунитет.

Стоит отметить, что свидетельский иммунитет – это именно право лица не давать показания, а не обязанность. Ни суд, ни должностные лица не могут препятствовать субъекту в реализации права использования известной ему информации по делу[1]. Однако это не всегда было так.

Институт свидетельского иммунитета начал формироваться еще в период становления нашего государства вместе с правовым регулированием общественных отношений. В этот период речь шла не об освобождении от дачи показаний конкретной категории лиц, а о возможности того или иного лица занимать процессуальный статус свидетеля, поскольку остро стоял вопрос по поводу определения допустимости и недопустимости использования доказательств в уголовном процессе. Именно вместе с формированием института допустимых и недопустимых доказательств в уголовном процессе начал зарождаться институт свидетельского иммунитета[2].

Впервые определение качеств свидетелей встречается в пространной редак-

1 По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важаевич на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 4.

2 Шевченко Ю.В. Свидетельский иммунитет в российском уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 116-120.

ции Русской Правды. Так, свидетелями должны быть преимущественно свободные лица, если их не хватало, в качестве свидетеля можно представить боярского тиуна (приказчика) или закупа[1]. Свидетели подтверждали справедливость своих показаний присягой. Иногда в качестве свидетелей выступали старожилы, если спор шел о границах, так как именно они в силу возраста знали прежнее их положение. Иногда по отдельным гражданским и уголовным делам требовалось определенное число свидетелей.

Пространная редакция Русской Правды содержала положения, которые определяли основной критерий для человека, дающего показания, чтобы в дальнейшем данные показания могли быть признаны допустимыми в качестве доказательств. Основной критерий – свобода человека, которая подразумевала, что такое лицо не обременено крепостничеством либо холопничеством. В противном случае человек считался несвободным, а показания, которые давались по существу дела, признавались недопустимыми доказательствами.

В период средних веков уголовный процесс на Руси носил розыскной характер и подразумевал, что основной целью расследования преступлений было выявление лиц, совершивших преступление, причем любыми возможными методами. Это подкреплялось положениями Судебника 1497 года, который признавал использование пыток как легальный способ получения показаний по делу, исключая право человека на молчание. Таким образом, в отношении подозреваемых либо обвиняемых лиц не было даже предпосылок зарождения свидетельского иммунитета, чего, однако, не наблюдалось по отношению к свидетелям. В том же Судебнике содержались нормы, закрепляющие запрет на возможность давать свидетельские показания людям, имеющим причастность к совершению преступления, а также малолетним лицам. Именно эти положения показывают, что запрет на допрос определенных лиц в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства появился еще в период средневековья[2].

Дальнейший этап развития института свидетельского иммунитета прослеживается в положениях Соборного Уложения 1649 года, где впервые был намечен круг лиц, которым было дозволено не свидетельствовать против своих близких, а именно жены и детей в отношении обвиняемого. Однако в данных положениях предусматривалось не право хранить молчание по поводу сведений, изобличающих подозреваемого/обвиняемого, с которым свидетель связан кровно-родственными узами, а обязанность, при этом вызванную не столько стремлением к сохранению каких-либо семейных и нравственных устоев, сколько патриархальным устоем того времени. Считалось, что показания, которые может дать жена во время допроса по отношению к обвиняемому, в любом случае будут лживыми, поскольку она всегда будет оправдывать супруга, ввиду чего и предполагалось, что и допрашивать ее в качестве свидетеля нецелесообразно[3].

Следующим прорывом в развитии института свидетельского иммунитета стал нормативный акт под названием «Краткое изображение процесса или судебных тяжб» 1715 года, где был определен и систематизирован расширенный перечень лиц в зависимости от различ-

1 Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г. СПб., 1848. С. 89.

2 Указ. соч.

3 Новицкий А.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Актуальные проблемы права : материалы VIII международной научной конференции (г. Казань, декабрь 2019 г.). Казань : Молодой ученый, 2019. С. 28-30.

ных критериев, например возрастного, социального, религиозной принадлежности и других, которых было запрещено допрашивать на законодательном уровне в качестве свидетелей.

Этих лиц можно разделить на три основные группы. К первой относились люди, отличившиеся социально-неприемлемыми деяниями, порицаемыми общественностью на тот временной исторический период, – клятвопреступники, лишенные чести, прелюбодеи и другие, осуждаемые социумом.

Ко второй группе относились лица, которые находились в напряженных и конфликтных взаимоотношениях с одной из сторон разбирательства, проще говоря – непримиримые враги. В эту же группу, как ни странно, внесли и родственников одной из сторон вкупе с лицами, находящимися на иждивении. Однако внесение данной категории лиц в перечень тех, кого нельзя привлекать к допросу в качестве свидетелей, исключило возможность дачи заведомо ложных показаний по делу ввиду личной заинтересованности.

К третьей группе отнесли лиц, которые не приняли причастие (наличие данной категории объясняется значительным влиянием церкви на все сферы жизни в государстве на тот период исторического развития, в том числе и на законодательную), а также детей до 15 лет.

Переломным моментом в истории развития института свидетельского иммунитета стало принятие Свода законов российской Империи 1832 года, который впервые предоставил обвиняемому лицу легальное право на молчание, которое не расценивалось всеми участниками уголовного процесса как немое признание вины в совершенном деянии. Был также немного расширен перечень лиц, на которых распространялся запрет к даче показаний в качестве свидетелей – люди с психическими расстройствами, подкупные свидетели.

Стоит отметить, что полноценно право обвиняемого не свидетельствовать против самого себя было закреплено Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, который ограничил обязанность обвиняемого к даче показаний уже на первом допросе. В Уставе было предусмотрено право родственников и супругов обвиняемого лица не давать показания в отношении обвиняемого/подозреваемого лица, если они того не желают. Таким образом, XIX век в Истории России был богат на одну из самых уникальных реформ в уголовно-процессуальном законодательстве – переход от запрета к даче показаний к предоставлению объективно значимого права на это.

После революции институт свидетельского иммунитета замедлил свое развитие. УПК РСФСР 1922 и постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 1 июня 1925 года в своей совокупности достаточно жтстко ограничили свидетельский иммунитет, оставив лицам право не свидетельствовать лишь против самого себя. В 1950-1960-е годы ограничения стало правилом, и теперь родственники уже были обязаны свидетельствовать друг против друга. Не свидетельствовать могли только защитники и недееспособные граждане. Dозрождение и дальнейшее развитие институт свидетельского иммунитета начал только после распада СССР и принятия новых нормативных правовых актов, которые разрабатывались и принимались при активной гуманизации законодательства[1].

Таким образом, институт свидетельского иммунитета в уголовно-процессуальном законодательстве в отечественной истории существует достаточно долгое время, претерпел множество изменений. Большая часть положений о свидетельском иммунитете была взята из Устава уголовного судопроизводства,

1 Новицкий А.А. Указ. соч.

претерпев хоть и сильные изменения, но сохранив свою сущность как таковую.

Ларин Э.Н.
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (пос. Старотеряево)

Предотвращение дачи ложных показаний как одна из функций свидетельского иммунитета

Толкование понятия «ложь» в современном обществе в основном не вызывает у людей серьезных разночтений. Большинство граждан понимают его в основных аспектах одинаково. Если обратиться к толковым словарям, то мы увидим, например, следующие интерпретации: «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «ЛОЖЬ, лжи, ж. Намеренное искажение истины, неправда, обман…»[1]; «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой – «ЛОЖЬ, лжи, ж. Неправда, намеренное искажение истины; обман…»[2]; практически дословно аналогичные определения указаны в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова[3] и в «Большом толковом словаре русского языка» под общей редакцией С.А. Кузнецова[4]. Более современные источники дают такие формулировки: «Ложь – утверждение, не соответствующее истине, высказанное в таком виде сознательно»[5]; «Ложь – сознательное искажение истины, высказанное с целью введения кого-либо в заблуждение»[6].

Указанные трактовки при всех отличиях определяют два ключевых момента. Первый: любая ложь – это информация, которая не соответствует действительности (истине), при этом не суть важно, является ли данное несоответствие полным или частичным, так как даже отчасти фальсифицированные сведения все равно остаются обманом. Второй момент состоит в том, что при лжи информация искажается сознательно, и в этом ее фундаментальное отличие от, например, заблуждения, когда человек добросовестно считает, что рассказывает правду, или от детских фантазий, которые не имеют целью намеренно сообщить неверные факты.

В общественном сознании ложь считается пороком, и подавляющее большинство людей высказывают к ее проявлениям крайне отрицательное отношение. К человеку, уличенному во лжи, окружающие обычно относятся с негативом, и зачастую ему сложно в дальнейшем восстановить к себе доверие. Яркой иллюстрацией сказанному может служить пастушок-шутник из известной басни Эзопа, пересказанной

1 Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой//URL://https://slovarozhegova.ru/ word.php?wordid=13403 (дата обращения: 22.01.2026).

2 Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой ; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К-О. С. 197.

3 Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938-1940. Т. 2. Л–Ояловеть. С. 85.

4 Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL:// https://gramota.ru/poisk?dicts[0]=42&dicts[1]=30&dicts[2]=29&mode=slovari&query=ложь&simple=0 (дата обращения: 22.01.2026).

5 Викисловарь//URL://https://ru.wiktionary.org/wiki/ложь (дата обращения: 22.01.2026).

6 КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка// URL://https://kartaslov.ru/ значение-слова/ложь (дата обращения: 22.01.2026).

Л.Н. Толстым[1]. При этом мотив у данного героя был совсем невинный, он просто хотел подшутить. Но, как мы видим, итог оказался плачевным: в нужный момент ему никто не поверил.

Но, несмотря на негативное отношение ко лжи, практически каждому человеку, даже очень хорошо воспитанному, приходилось в той или иной мере прибегать к ней. Например, извечный вопрос, рано или поздно задаваемый каждым ребенком: «Откуда берутся дети?». Ответить на него полностью правдиво не рискнет ни один здравомыслящий взрослый человек. Да и, допустим, на вопрос знакомой женщины: «Как я выгляжу?» – не всегда будет следовать ответ, целиком и полностью выражающий точку зрения мужчины, так как у каждого свое понятие красоты, которое может не совпадать с мнением собеседника.

Обычно в подобных случаях человек всегда находит оправдание своим действиям, мотивируя их требованиями тактичности, воспитанности, дипломатичности и т.п. Недаром среди разновидностей лжи выделяются такие понятия, как «белая ложь» (еще именуемая «деликатная» ложь, ложь «хорошего тона»), «ложь во благо» («благородная» ложь, «святая» ложь) и «ложь во спасение». Объединяет эти виды то, что практически во всех общественных формациях они не осуждаются моралью и не являются нарушениями норм права.

Одной из причин подобного подхода является мнение о том, что причиной лжи всегда выступает какой-либо корыстный мотив, и, поскольку в данной ситуации лгущий ничего для себя полезного (с практической точки зрения) не приобретает, его обман как бы обманом и не является. Однако так происходит далеко не всегда и мотивы, по которым человек искажает истину, могут быть весьма разными.

В качестве иллюстрирующего примера можно привести эпизод из истории поисков подмосковного маньяка Сергея Головкина, получившего одно из прозвищ «Фишер». Данному прозванию он обязан истории, рассказанной одним из подростков, который, по его словам, вместе с погибшим в дальнейшем другом видел незнакомца с наколкой на правой руке в виде кинжала, обвитого змеей, и надписью «Фишер». В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что мальчишка придумал наколку, чтобы придать себе значимости в глазах друзей и знакомых[2], то есть, впрямую он никаких корыстных мотивов не преследовал. Однако его выдумка направила следствие по ложному пути, в результате чего оно сильно затянулось, что стоило жизни еще нескольким жертвам.

В то же время многие граждане склонны оправдывать свои поступки, будучи допрашиваемы в качестве свидетеля, в том случае, если обвиняется их родственник, супруг или другое близкое лицо. В общественном сознании гораздо чаще встречается мнение о том, что «выручить» такого человека – это хороший поступок, чем об ответственной позиции гражданина. В подобных рассмотренной ситуациях обман не возбраняется в сознании подавляющего большинства граждан, так как совершается не с корыстной, а с «благородной» целью.

Однако ложь в рамках уголовного дела – это всегда отрицательный момент, недаром за нее предусмотрена уголовная ответственность. Немало можно привести в пример случаев, когда с ее помощью виновному удавалось избежать ответственности. Но даже если она явно видна, то ее разоблачение неизбежно приводит к растрате сил и средств органов расследования и суда.

В качестве примера можно привести случай из практической деятельности

1 URL://https://nukadeti.ru/basni/tolstoj-lgun (дата обращения: 22.01.2026).

2 Страшнее Чикатило. История подмосковного маньяка Фишера // Интернет-ресурс: «360.ru». URL://https://360.ru/tekst/crime/fisher/ (дата обращения: 22.01.2026).

автора. В рамках расследования уголовного дела по обвинению Д. и С. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, мать Д., будучи допрошенной в качестве свидетеля, показала, что ее сын в указанный вечер находился дома, играл в компьютер. Данные показания противоречили материалам дела, которые подтверждали факт совершения преступления именно Д. и С.

Для разоблачения явно не соответствующего действительности алиби органами дознания были проведены ряд следственных действий, в ходе которых были собраны доказательства невозможности нахождения Д. в рассматриваемое время в названном месте. В дальнейшем в ходе расследования мать Д. указала, что случайно перепутала дни, и на самом деле в указанный вечер его дома не было. Таким образом, предварительное расследование не было завершено в положенные сроки, а было продлено в связи с возникшей необходимостью.

Подобных примеров можно привести немало. Родственники и супруги, будучи допрашиваемыми в качестве свидетелей, не желая быть обвиненными в уклонении от дачи показаний, рассказывали истории различной степени правдивости, зачастую вынуждая органы расследования производить немалое число следственных действий в целях их развенчания.

Однако, если бы эти граждане (в том числе мать Д.) воспользовались правом свидетельского иммунитета и отказались давать вообще какие-либо показания, им не пришлось бы выдумывать обстоятельства, на опровержения которых тратились бы дополнительные силы и средства. Большая часть опрошенных нами граждан показали, что в случае подробного разъяснения им вышеуказанного права на отказ от дачи показаний, они предпочли бы этим воспользоваться и не сообщать никаких сведений.

Таким образом, нами убедительно доказана действенность одной из функций свидетельского иммунитета – предотвращение ложных показаний. Соответственно, как судам, так и должностным лицам, ведущим расследование, ни в коем случае нельзя пренебрегать положениями данного института.

Савельева М.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

О проблемах расширения компетенций нотариуса в уголовном процессе в современных условиях цифровизации

Статистика оправдательных приговоров в Российской Федерации[1] свидетельствует о сохраняющихся системных трудностях в реализации принципа состязательности сторон в уголовном процессе. Несмотря на формальное равенство процессуальных возможностей обвинения и защиты, на практике сторона защиты продолжает испытывать значительные затруднения в поиске, фиксации и обеспечении доказательств, способных повлиять на исход дела. Казалось бы, что с учетом данных обстоятельств особое внимание долж-

1 См.: Статистика по уголовным делам за 2024 год: количество дел снизилось, процент оправданных вырос. URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/16/statistika_po_ ugolovnym_delam_za_2024_god_kolichestvo_del_snizilos__procent_opravdannyh_vyros (дата обращения: 01.12.2025). Верховный Суд России раскрыл число оправдательных приговоров в 2024 году. URL: https://ria.ru/20250417/sud-2011925793.html?ysclid=mkv634mbyk823372246 (дата обращения: 01.12.2025).

ны привлечь и дать соответствующий результат институты, способные выступать в качестве нейтральных и надёжных посредников в сборе доказательственной информации, особенно в условиях цифровизации всех сфер.

Одним из таких институтов исторически являлся нотариат, чьи полномочия по обеспечению доказательств, закреплённые в ст. 103 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате»[1], открывают потенциал для содействия не только гражданскому, но и уголовному судопроизводству. Это положение вызывает многочисленный резонанс и в научных кругах, и в практике нотариальной деятельности, но согласно Методическим рекомендациям по обеспечению доказательств нотариусами (п. 1.3): «Предоставление доказательств, обеспеченных нотариусом, в уголовном процессе допускается в рамках требований п. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ, предусматривающих право подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать и представлять письменные документы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (например, осмотр информации в сети Интернет, содержащей оскорбления, угрозы или клевету)[2].

Дискуссии о том, насколько уместно и целесообразно вовлечение нотариуса в процессы, связанные с уголовным делом, а также с эффективностью процесса обеспечения доказательств, стали вестись с 2023 года и продолжаются по сей день. Не углубляясь в детальную дискуссию по этому поводу, обобщая высказываемые точки зрения, можно выделить две основные позиции: 1) расширение полномочий нотариуса оправданно, соответствует духу времени и требует дальнейшего развития с учетом положительных результатов[3]; 2) есть существенные опасения по поводу реализации таких форм обеспечения доказательств, особенно в уголовном процессе.[4]

Формами обеспечения доказательств нотариусом выступают допрос свидетелей, осмотр письменных доказательств, осмотр вещественных доказательств, назначение экспертизы.

Оставляя для подробного разбора все организационно-тактические особенности реализации каждой формы обеспечения доказательств в целом, стоит отметить, что указанные формы носят исчерпывающий характер. Все они имеют специфические черты процедурного и криминалистического аспекта, особенно при их реализации в сфере уголовного судопроизводства.

При реализации указанных форм нотариус, действуя от имени государства, способствует заинтересованному (обратившемуся к нему) лицу в обеспечении тех доказательств, которые он может представить в суд. Сам нотариус в поиске доказательств (а в отдельных случаях и качественных характеристиках) документируемых фактов не заинтересован, и здесь ключевым является вопрос: насколько он профессионален в получении данных доказательств, не

1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.11.2025)// СПС Гарант (дата обращения: 01.12.2025).

2 Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами : утв. решением Правления ФНП, протокол от 26.06.2023 N 10/23, п. 1.3.

3 Напр.: Малешин Д.Я. Содействие нотариата судебной реформе // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 1.

4 Напр.: Синякова Т.В. Проблемы реализации нотариусом превентивных полномочий по обеспечению доказательств в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2024. № 4; Савельева М.В. О необходимости развития криминалистических компетенций нотариуса // МНИЖ. 2024. № 11(149); Мещеряков В.А., Пидусов Е.А., Цурлуй О.Ю. Криминалистический взгляд на нотариальное обеспечение доказательств в условиях всеобщей цифровизации // Правосудие. 2022. № 2.

будучи заинтересованным в результате их использования при получении и в конечном счете в доказывании.

Ключевой проблемой здесь выступает не столько правовой статус нотариуса как субъекта сбора доказательств (ведь он таковым не является), сколько его роль как гаранта достоверности и процессуальной корректности фиксации доказательственной информации. Нотариус не собирает доказательства, а обеспечивает их сохранность и подтверждает факт их существования на определнный момент времени. Однако именно от качества этого обеспечения зависит, сможет ли суд впоследствии полноценно исследовать доказательство, провести повторный допрос, осуществить следственный осмотр или назначить экспертизу. Следовательно, центральным становится вопрос о профессиональных компетенциях нотариуса, необходимых для выполнения подобных задач.

Как справедливо отмечает Т.В. Синякова, обеспечение доказательств по уголовному делу предполагает у нотариуса не только общепрофессиональные, но и специальные знания в области уголовно-процессуального права. Без такого понимания существует риск того, что нотариальный акт будет оспорен в суде, а вместе с ним и сам принцип бесспорности фактов, лежащий в основе нотариата[1]. Близкую к высказанной позицию занимают также О.Ю. Гаврилова и Л.М. Дзюба, подчеркивающие: «Практическая польза доказательств заключается в эффективности судебного доказывания, что обеспечивается качественным наполнением этих доказательств»[2].

Современный нотариус, стремящийся к востребованности не только в сфере имущественных правоотношений, но и в уголовном процессе, должен обладать комплексом компетенций, включающих:

– знания норм уголовно-процессуального права, особенно в части допустимости доказательств, порядка их получения и фиксации;

– криминалистические навыки, позволяющие применять тактику допроса (включая организационно-психологические аспекты), обоснованно формулировать вопросы, избегая внушающего воздействия и наводящих вопросов;

– цифровые компетенции, необходимые для работы с электронными доказательствами, включая осмотр интернет-ресурсов.

Особую остроту рассматриваемых проблем отмечают также В.А. Мещеряков, Е.А. Пидусов и О.Ю. Цурлуй, подчеркивающие, что созвучие терминов «назначение экспертизы нотариусом» и «назначение судебной экспертизы» порождает иллюзию тождества процедур, хотя на деле они кардинально различаются по правовым последствиям и процессуальному статусу. Авторы обоснованно отмечают: «Еще более тревожной представляется практика, когда нотариус ограничивается заверением протоколов, составленных привлеченными IT-специалистами. В этом случае ответственность за достоверность информации оказывается размытой: ни нотариус, ни специалист не несут реальной юридической ответственности за возможное искажение данных, в том числе умышленное»[3]. Это создает угрозу легализации недостоверных доказательств, что противоречит самой сути нотариального удостоверения.

Таким образом, в рамках каждой формы обеспечения доказательств нотариусом, будь то осмотр письменных и вещественных доказательств, назначение экспертизы, допрос свидетелей на сегодняшний день существует определенный пробел в регламентации этих процедур.

1 Синякова Т.В. Указ. соч.

2 Гаврилова О.Ю., Дзюба Л.М. Современные возможности нотариата. Обеспечение доказательств нотариусами // Право и управление. 2023. № 7.

3 Мещеряков В.А., Пидусов Е.А., Цурлуй О.Ю. Указ. соч.

В уголовном процессе реализация нотариусом осмотра, допроса и назначения экспертизы не может быть приравнено к аналогичным следственным действиям – следственный осмотр (ст. 176-178 УПК РФ), производство допроса (ст. 187-191 УПК РФ), назначение и производство судебной экспертизы (глава 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы»). Одноименные названия создают определенную путаницу, которая способствует смещению акцентов между следственными действиями и действиями нотариусов по обеспечению доказательств. Эти действия не являются следственными ни по своей природе, ни по субъектному составу, ни по процедуре. Однако организационно-тактическая составляющая проведения этих действий в нотариальном производстве может быть заимствована из разработанных криминалистикой рекомендаций с целью придания им большей эффективности.

Для результативного обеспечения доказательств в целях уголовного судопроизводства нотариус должен обладать качественными уголовно-процессуальными знаниями, а также соответствующими криминалистическими компетенциями, которыми многие практикующие нотариусы, делающие акцент в настоящее время на цивилистической сфере, не обладают.

Лукашенко К.Е.
Омская академия МВД России

Место функции законного представительства в системе уголовно-процессуальных функций

Институт законного представительства в уголовном судопроизводстве России представляет собой сложный межотраслевой правовой феномен, функциональное назначение которого до сих пор не получило однозначного определения в уголовно-процессуальной науке.

В науке уголовного процесса понятие «уголовно-процессуальная функция» является одним из фундаментальных. На основе анализа различных научных подходов и с учетом системной природы процессуальных функций можно сказать, что уголовно-процессуальная функция – это системно организованное, нормативно определенное направление процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства, обусловленное их ролью и назначением в процессе, характеризующееся своей целью, специфическими задачами и средствами их реализации, направленное на достижение назначения уголовного судопроизводства. Именно процессуальные функции составляют фундамент состязательности уголовного судопроизводства.

Классическим в российской науке является так называемый традиционный подход, который выделяет три основные функции, нашедшие прямое закрепление в ст. 15 УПК РФ: обвинение, защиту и разрешение дела по существу[1]. Указанный подход, безусловно, сыграл значительную роль в формировании теории уголовно-процессуальных функций, однако в современных условиях он не в полной мере отражает усложнение механизма уголовно-процессуального регулирования и возрастающее значение гарантий прав личности. Для охвата всей многогранности процессуальной деятельности многие ученые

1 Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 78.

предлагают более детализированные классификации, включая в систему уголовно-процессуальных функций также надзор, поддержание гражданского иска, судебный контроль, предварительное расследование и другие[1]. Тем не менее в настоящее время в отечественной уголовно-процессуальной науке выделение функции законного представительства как обособленной, уникальной функции не выявлено.

На первый взгляд можно считать функцию законного представительства производной от функции защиты, поскольку ее основной целью является защита прав и интересов представляемого. Такая позиция является довольно распространенной в научной литературе. Подобный подход, по нашему мнению, носит ограниченный характер, игнорирует возможность участия законного представителя на стороне потерпевшего, а также не учитывает, что законный представитель не осуществляет защиту в собственно процессуальном смысле, поскольку не противостоит обвинению.

Законные представители обязаны защищать права и интересы представляемых лиц, что сближает их функцию с функцией защиты. Законный представитель действует не в своем личном интересе, а в интересе представляемого (несовершеннолетнего, недееспособного), но при этом его интерес не тождествен интересу защиты или обвинения. Он представляет охраняемый законом интерес личности представляемого в целом, который может включать как защиту от обвинения, так и иные аспекты (обеспечение благополучия, воспитание, соблюдение имущественных прав)[2]. Законный представитель действует в едином русле с защитником, хотя и не заменяет его полностью, обладая собственным комплексом процессуальных прав.

Таким образом, функция законного представительства не полностью совпадает с функцией защиты, поскольку включает в себя и иные компоненты. Исходя из этого более правильным будет рассматривать законное представительство как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию наряду с обвинением, защитой и разрешением дела.

Важной, но недостаточно исследованной составляющей функции законного представительства является ее воспитательный элемент, особенно ярко проявляющийся при участии законного представителя в уголовном процессе с участием несовершеннолетних.

Воспитательная функция семьи является одной из основных[3]. Воспитательный элемент функции законного представительства проявляется в ориентации деятельности законного представителя на социально полезное поведение представляемого лица. В отличие от защитника, чья деятельность ориентирована преимущественно на правовой результат, законный представитель в силу статуса и личной связи с несовершеннолетним способен оказывать длительное воспитательное воздействие, выходящее за рамки процессуальной стадии. Это позволяет рассматривать функцию законного представительства не только как правообеспечительную, но и как функцию с выраженным профилактическим и социализирующим потенциалом.

Воспитательная функция обладает уникальным содержанием, которое не

1 Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград. 1963. С. 66-67; Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях. «Правоведение». 1973. № 5. С. 73; Попов Д.П. Реализация функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск 2024. С. 28.

2 Борбат А.В., Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Отстранение законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого от участия в уголовном деле // Российский следователь. 2023. № 9. С. 12.

3 Матвеев П.А. Правовая охрана воспитательной функции семьи в России // Закон и право. 2009. № 8. С. 68.

может быть компенсировано другими участниками процесса. Ее приоритетность обусловлена долгосрочным влиянием на поведение и правосознание несовершеннолетнего, эмоциональной связью между представителем и несовершеннолетним, что усиливает воспитательный эффект, а также непрерывностью воздействия, поскольку продолжается вне рамок уголовного процесса.

Самостоятельность данной функции обусловлена наличием особой цели – компенсации ограниченной процессуальной дееспособности участника процесса, специфического субъектного состава и самостоятельного объекта правового воздействия. Функция законного представительства не подменяет и не дублирует основные уголовно-процессуальные функции, а обеспечивает их реализацию с учетом уязвимого процессуального положения отдельных категорий участников.

Таким образом, признание функции законного представительства самостоятельной уголовно-процессуальной функцией позволяет более точно отразить ее место в системе уголовного процесса, избежать теоретических противоречий и подчеркнуть ее ключевое значение для обеспечения реальности, а не формальности процессуальных прав личности.

Традиционный подход, заключающийся в распределении всех участников процесса по трем классическим функциям – обвинения, защиты и разрешения дела, оказывается недостаточным для адекватного описания статуса и деятельности законного представителя. Уголовно-процессуальный закон впервые четко разделил и регламентировал эти основные функции, однако законное представительство не может быть полностью сведено ни к одной из них.

Галимова М.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве

Познавательный потенциал оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) сегодня сложно переоценить, особенно по ряду преступлений, характеризующихся особой сложностью фиксации и собирания доказательной базы (например, в области высоких технологий, компьютерных сетей, незаконного оборота наркотиков, актов терроризма и экстремизма).

Анализируя историю становления оперативно-розыскной деятельности, следует отметить, что изначально сыскная деятельность (предшественница современной ОРД) осуществлялась совместно с процессуальным производством по уголовным делам, и лишь сравнительно недавно она приобрела статус самостоятельной формы деятельности.

Появление специализированных актов, регулирующих ОРД, привело к выявлению проблемы применения результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. До этого момента сама концепция оперативно-розыскных мероприятий существовала в советской юридической практике, но не имела строгих формализованных рамок.

В рамках теории советского уголовного процесса ученые (П.А. Лупинская, М.С. Строгович, С.А. Шейфер и др.), как

правило, опосредованно рассматривали вопрос использования результатов ОРД в уголовном деле.

Наиболее остро вопрос использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам встал после принятия закона об ОРД. Первые публикации, поднимающие проблему использования результатов ОРД в уголовных делах, появились в конце 1990-х гг. Окончательно рассматриваемая проблема сформировалась в течение первых десятилетий XXI в., когда практика показала сложность и многоаспектность вопроса[1].

Все исследователи сходятся во мнении, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий (результаты ОРД), имеют важное значение для расследования уголовного дела и его рассмотрения по существу. Существующие в настоящий момент в теории взгляды (концепции) относительно использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам можно разделить на две группы.

Первая – «информационная»: результаты ОРД могут быть использованы в уголовном процессе только в качестве информационного источника, их признание в качестве доказательств по уголовному дело невозможно ни при каких условиях (А.Р. Белкин, Е.А. Доля, В.И. Зажицкий, А.Ю. Шумилов, С.А. Шейфер и др.).

Вторая – «доказательственная»: результаты ОРД могут быть напрямую использованы в уголовном судопроизводстве, в том числе в качестве самостоятельного вида доказательств (А.В. Земскова, В.К. Зникин, С.В. Зуев, М.П. Поляков, и др.).

По нашему мнению, в основе первой концепции (информационной) лежит тезис о «зависимом», «вспомогательном», вторичном положении оперативно-розыскной деятельности по отношению к уголовному процессу, который сформировался в советский период.

Нормативным подкреплением «информационной» концепции служит сама формулировка ст. 89 УПК РФ: в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Во-первых, в редакции нормы использован прямой императивный запрет, «отрицательное» изложение – «запрещается» использование результатов ОРД в доказывании (т.е. результаты ОРД не могут быть использованы в доказывании). Такой способ изложения кардинально отличается от формулировок других статей как Общей, так и Особенной частей УПК РФ, где в большинстве случаев используется «положительное» изложение (например, «в исключительных случаях … мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого (ч. 1 ст. 100 УПК РФ)).

«Отрицательное» изложение текста встречается только в 10 статьях уголовно-процессуального закона (ч. 2 ст. 8.1, ст. 9, ч. 3.1 ст. 46, ч. 9.1 ст. 47, ст. 89, ч. 2 ст. 189, ч. 2 ст. 340, ч. 4 ст. 347, ч. 6 ст. 435, ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ), и лишь там, где устанавливается именно прямой запрет определенных действий (решений). Такое редакционное изложение закрепило «презумпцию недоверия» к результатам ОРД в уголовном судопроизводстве.

Во-вторых, исходя из буквального толкования нормы, отсутствует реальная возможность исполнения условия, при котором результаты ОРД могли бы быть признаны доказательствами: если они отвечают (соответствуют) требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Результаты оперативно-розыскных мероприятий априори не соответствуют требованиям, предъявляемым дей-

1 Ларин К.И. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Образование и право. 2021. № 8.

ствующим УПК РФ к доказательствам, ни в части субъекта получения, ни в части способа получения, ни в части способа закрепления.

Не способствует развитию института использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу и позиции высших судов РФ, сформулированные в решениях, принятых в конце прошлого столетия, где высшие судебные инстанции указали не на доказательственную, а на информационную сущность результатов ОРД.

Однако необходимость пересмотра такой позиции сегодня подтверждается как теоретическими исследованиями, так и правоприменительной практикой.

В ходе правоприменения все чаще суды, рассматривающие уголовные дела по существу, фактически принимают результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Такие выводы подтверждаются судами апелляционной и надзорной инстанций.

В данном случае мы наблюдаем подтверждение тезиса, высказанного в 2002 г. сотрудниками рабочей группы по мониторингу применения УПК РФ: «пройдет немного времени и практика выработает ответы на все вопросы о реализации норм уголовно-процессуального закона»[1].

Сторонники концепции «прямого» использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам (В.М. Бозров, А.В. Земскова, М.П. Поляков, М.В. Назаров, С.Б. Россинский и др.) отмечают, что современная наука в области уголовно-процессуального права и смежных дисциплин испытывает трудности с решением возникающих познавательных задач, поскольку традиционные теории зачастую не способны охватить возникающие проблемы. Следовательно, возникает потребность в формировании новых теоретических и правовых положений, позволяющих расширить доступ к материалам уголовного дела и эффективно применять результаты оперативно-розыскной деятельности. Игнорирование объективных обстоятельств вызывает необоснованное увеличение сложности расследования уголовных дел, выражающееся в выполнении следователями (дознавателями) избыточных процессуальных операций, нацеленных исключительно на повторную проверку сведений, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Характеризуя современное состояние проблемы использования результатов ОРД в доказывании, отметим, что сегодня существуют как научные концепции, так и практические случаи, свидетельствующие о важности углубленного совершенствования и введения прямой легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном процессе. Для реализации этой идеи необходима тщательная законодательная детализация, включающая внесение поправок как в уголовно-процессуальный закон, так и в закон об оперативно-розыскной деятельности.

1 Подр.: Галимова М.А., Галимов О.Х., Галимова А.О. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: история формирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1(50). С. 111-112.

Овсянников Ю.В.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Соответствие процедур оперативно-розыскной деятельности требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: теория и правоприменительная практика

Российская правовая система предусматривает два основных инструмента борьбы с преступностью: уголовно-процессуальную деятельность, регламентированную УПК РФ и оперативно-розыскную деятельность, регламентированную специальным отраслевым законодательным актом – Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Если первая носит открытый, процессуальный характер и направлена на установление всех обстоятельств преступления для последующего разрешения судом уголовного дела по существу, то вторая – это преимущественно негласная, разведывательно-поисковая работа, нацеленная на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Фундаментальное различие в природе этих деятельностей порождает ключевую проблему: как результаты, полученные негласными методами, могут быть использованы в публичном, состязательном судебном процессе, где действуют строгие правила о допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости соответствия процедур оперативно-розыскных деятельности требованиям УПК РФ, которое обеспечивается через систему правовых принципов, оснований, условий проведения оперативно-розыскных мероприятий и, главное, через специальную процедуру легализации.

Несмотря на автономность законодательства об оперативно-розыскной деятельности, его базовые принципы напрямую корреспондируют с принципами уголовного процесса, что создает основу для соответствия.

Принцип законности заключается в точном и безусловном производстве всех оперативно-розыскных мероприятий строго в рамках закона уполномоченными на то субъектами и лишь при наличии определенных оснований и условий, перечисленных в ст. 7, 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Любое нарушение закона при проведении оперативно-розыскных мероприятия делает его результаты недопустимыми для уголовного процесса.

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина представляет собой общеправовой принцип. Закон прямо запрещает проведение оперативно-розыскных мероприятий для достижения целей, не связанных с борьбой с преступностью. При вмешательстве в частную жизнь должен соблюдаться баланс между интересами правосудия и правами личности. Лицо, чьи права были нарушены, вправе обжаловать действия оперативных сотрудников, что обеспечивает обратную связь с процессуальными институтами.

Принцип судебного контроля является важнейшим элементом соответствия. Ряд оперативно-розыскных мероприятий, существенно затрагивающих конституционные права граждан, проводятся только на основании судебного решения. Этот институт напрямую заимствован из уголовного процесса и служит гарантией обоснованности вмешательства в личную жизнь граждан. Суд проверяет наличие законных оснований для проведения оператив-

но-розыскных мероприятий, что предвосхищает возможные вопросы о допустимости полученных данных на стадии судебного разбирательства.

Следующее соответствие процедур оперативно-розыскной деятельности требованиям УПК РФ представляет собой специальную процедуру. Чтобы результаты оперативно-розыскных мероприятий потенциально могли стать доказательствами, сама процедура их проведения должна отвечать ряду формализованных требований, аналогичных процессуальным.

Во-первых, для этого необходимо наличие основания и условия для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Каждое оперативно-розыскное мероприятие инициируется при наличии конкретных оснований (например, наличие возбужденного уголовного дела) и условий (например, сведения о противоправных действиях лица). Это аналогично поводу и основанию для возбуждения уголовного дела или производства следственного действия.

Во-вторых, требуется составление оперативно-служебных документов. Ход и результаты ОРМ документируются в виде рапортов, справок, отчетов, аудио и видеозаписей. Важно, чтобы из этих материалов явно следовало: кто, когда, где, на каком основании, какие действия совершал и к какому результату пришел. Отсутствие надлежащей фиксации делает невозможной проверку законности мероприятия.

В-третьих, использование результатов, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Информация, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности, может использоваться в уголовном судопроизводстве в трех формах:

– для подготовки и проведения следственных и судебных действий, т.е. в виде непроцессуальной ориентирующей информации;

– в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела;

– в доказывании по уголовным делам при соблюдении требований УПК РФ в части процедуры собирания, проверки и оценки доказательств[1]. Это «техническое» использование требует, чтобы сама оперативная информация была достоверной и актуальной.

Легализация результатов оперативно-розыскной деятельности их трансформация в доказательства выступает в качестве самого критического этапа, на котором проверяется реальное соответствие оперативно-розыскной деятельности требованиям УПК РФ. В соответствии со ст. 89 УПК РФ результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами по уголовному делу, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Таким образом, трансформация результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства допустима только лишь благодаря их легализации, то есть включения в уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ и ведомственными нормативными правовыми актами[2].

Процедура легализации предполагает, что следователь (дознаватель), ознакомившись с материалами оперативно-розыскной деятельности, производит одно или несколько следственных действий, в рамках которых оперативные данные трансформируются в про-

1 Никитин Е.Л., Дытченко Г.В. Прокурорский надзор за законностью проведения и документирования оперативно-розыскных мероприятий : учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 82.

2 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, Следственного комитета России № 68 от 27.09.2013.

цессуальные доказательства. По сути, негласная информация проверяется, перепроверяется и оформляется гласным процессуальным способом посредством производства следственных действий.

Соответствие процедур оперативно-розыскной деятельности требованиям УПК РФ – не автоматический процесс, а результат целенаправленной деятельности законодателя, правоприменителей и суда. Главным арбитром в оценке этого соответствия выступает суд, который в рамках судебного контроля на досудебных стадиях и при рассмотрении дела по существу проверяет, были ли соблюдены все правовые гарантии при получении информации и ее трансформации в доказательства. Только при условии жесткого процессуального контроля за оперативно-розыскной деятельностью возможно эффективное противодействие преступности без ущерба для фундаментальных прав и свобод граждан, что является основной задачей как уголовного процесса, так и правового государства в целом.

Серова Е.Б.,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Некоторые вопросы доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств

Вопросы доказывания по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств неоднократно становились предметом научных исследований различных уровней. Обобщая научный опыт и результаты изучения правоприменительной практики, в настоящей статье мы хотели бы остановиться на нескольких аспектах доказывания по уголовным делам о преступлениях названной группы.

Значительная часть преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств выявляется в результате оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), что требует от следователя тщательного исследования обстоятельств, при которых было выявлено, зафиксировано и пресечено преступление. Уже в ходе проверки заявления (сообщения) о преступления необходимо проверять полученные от органа, осуществляющего ОРД, материалы для выявления возможных ошибок, связанных как с реализацией информации, полученной оперативным путем, так и с ее фиксацией[1]. Бесспорно, вопросы данного плана не входят в предмет доказывания по делу, но исследование деятельности оперативных работников с позиции соблюдения ими законодательства позволит в дальнейшем сделать обоснованный вывод о содержании обстоятельств, непосредственно входящих в предмет доказывания по делу.

Одним из самых распространенных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), позволяющих задержать сбытчиков наркотиков, является проверочная закупка. Кроме того, могут про-

1 См., напр.: Гапонова В.Н., Ханларов А.М. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по делам о незаконном сбыте наркотических средств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 536–540; Паранин В.А., Картавцев Д.А., Камбачоков А.А. Использование результатов ОРД в сфере незаконного оборота наркотиков в доказывании по уголовным делам // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : сборник научных статей. Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021. С. 48–55.

водиться прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, наблюдение и иные мероприятия, которые позволяют получить информацию, необходимую и достаточную для возбуждения уголовного дела. В связи с этим отметим, что материалы дела должны содержать информацию об обстоятельствах, предшествующих проведению ОРМ, иначе говоря, речь идет об основании его производства, и одного рапорта сотрудника органа, осуществляющего ОРД, недостаточно. Данный рапорт обязательно должен быть подкреплен объективной информацией, которая представляется следователю наряду с другими материалами и подлежит проверке в ходе расследования.

Здесь мы полагаем уместным привести пример из правоприменительной практики. Второй кассационный суд общей юрисдикции в кассационном определении от 3 июня 2021 г. по уголовному делу № 77-1611/2021, изменяя приговор в отношении Ж., в частности, указал, что к недопустимым доказательствам помимо прочих относятся показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Из положений данных норм следует, что источники получения информации, полученной в результате проведения ОРМ, должны быть проверяемы в результате следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Между тем судом не установлены источники сведений, из которых свидетелю – оперативному сотруднику стало известно о том, что Ж. занимается сбытом психотропных веществ, а потому допустимость показаний данного свидетеля в части наличия оперативной информации вызывает обоснованное сомнение. Сам по себе рапорт оперуполномоченного о наличии информации о том, что Ж. занимается незаконным оборотом психотропных веществ, который ничем иным не подтвержден, не может служить достаточным основанием для вывода о том, что осужденный занимался незаконным сбытом психотропных веществ[1].

В ходе расследования должны быть установлены все обстоятельства, связанные с проведением ОРМ. Важно помнить, что изъятие наркотика у субъекта является лишь косвенным доказательством его причастности к незаконному обороту наркотических средств. Практика знает довольно много случаев, когда следователь ошибался при определении предмета доказывания и всю свою деятельность направлял на доказывание очевидного и никем не оспариваемого факта изъятия наркотика, забывая, что необходимо доказать наличие у субъекта наркотика непосредственно до его изъятия правоохранительными органами. Только в этом случае версия защиты о подбрасывании наркотика становится очевидно ложной.

Еще одно важное обстоятельство, требующее исследования, связано с провокацией преступления, которая подчас встречается в правоприменительной практике. В ходе расследования должно быть установлено, что инициатива сбыта наркотиков должна исходить от самого продавца. Просьбы продавца, его настойчивость в получении желаемого, недопустимы. Для проверки этих обстоятельств должны быть допрошены все участники ОРМ, осмотрена видеозапись (аудиозапись) ОРМ и т.п. Отметим, что допрос оперативных работников об обстоятельствах проведения ОРМ и наблюдаемых ими противоправных действиях лица, причастного к незаконному обороту наркотиков, возможен даже

1 URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1069974&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 02.02.2026).

в присутствии присяжных заседателей, однако предмет допроса не может составлять та информация, которую сообщило задержанное лицо относительно своей причастности к преступлению.

Жизнь современного человека невозможна без использования различных гаджетов и современных информационно-коммуникационных технологий, которые являются важным источником доказательственной информации по делам о незаконном обороте наркотических средств. Как отмечают исследователи, «функциональность, многомиллионная аудитория пользователей, анонимность – все это является заманчивыми условиями для использования сети Интернет в криминальных целях»[1].

При осмотре мобильных телефонов и компьютеров обвиняемых и в ходе экспертного исследования могут быть обнаружены переписка (смс-сообщения, сообщения в мессенжерах и электронной почте), фото и видео изображения, имеющие отношение к делу, данные геопозиции, поисковые запросы и реклама своих преступных действий в сети Интернет, программное обеспечение, данные о финансовых операциях и т.д. Данная информация может быть использована как при доказывании события преступления и виновности конкретного лица, так и для доказывания квалифицирующего признака совершения преступления – с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Так, М. и В. в целях незаконного сбыта наркотических средств бесконтактным способом через тайники-закладки создали онлайн-магазин, который использовали для поиска покупателей наркотических средств. При этом они имели возможность доступа и пользования указанным онлайн-магазином при помощи технических средств, имеющих доступ в сеть Интернет. Разместив часть расфасованных наркотических средств в тайниках-закладках, М. и В. передали посредством мессенджера фотографии и информацию о местонахождении тайника лицу, участвующему в оперативном мероприятии под видом курьера онлайн-магазина[2].

Кроме того, следует учитывать, что указанные гаджеты как орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, либо как предметы, полученные в результате совершения преступления, могут быть конфискованы в соответствии со ст. 104.1 УК РФ. Следует отметить, что и транспортные средства, которые использовались субъектами для перемещения к месту совершения преступления, перевозки наркотических средств и т.п. также могут быть отнесены к предметам, подлежащим конфискации. Важно только, чтобы действия с указанными предметами были исследованы в досудебном производстве и нашли свое подтверждение в судебном заседании. Между тем, как показывает изучение судебной практики, достаточно распространены случаи, когда следствие ограничивается поверхностным осмотром телефонов, компьютеров, транспортных средств и возвращает их обвиняемому даже без признания их вещественным доказательством. Такой поход не только лишает суд возможности применения ст. 104.1 УК РФ, но и осложняет процесс доказывания в су-

1 Космодемьянская Е.Е., Еремеева А.Н. Проблемные аспекты доказывания виновности лица при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в условиях цифровизации и пути их решения: вопросы теории и практики // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. 3 ноября 2023 г. М. : Академия управления МВД России, 2023. С. 217.

2 Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2024 (в ред. от 22 декабря 2025 г.).

дебном следствии, создает предпосылки для выдвижения трудно опровергаемых версий защиты.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что следователи подчас допускают необоснованное отождествление физического носителя информации с самим доказательством, т.е. цифровой информацией, которая может храниться на различных носителях, подвержена быстрой удаленной модификации и уничтожению, что влечет некорректное определение предмета и пределов обыска и выемки[1] и ошибки при представлении подготовке судебных экспертиз, включая объекты для экспертного исследования.

Подводя итог, отметим, что расследование незаконного оборота наркотических средств – трудоемкий творческий процесс, требующий активности и наступательной от следователя, использования возможностей оперативно-розыскных органов и специальных знаний.

Монид М.В.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Специфика и содержание правоотношений от момента фактического задержания до момента доставления задержанного по подозрению в совершении преступления в орган дознания или к следователю

С момента принятия УПК РФ и до настоящего времени не стихает полемика, связанная с пробелами и проблемными аспектами нормативного регулирования задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Приходится признать, что несовершенство уголовно-процессуального законодательства и неоднозначность доктринальных подходов не позволили сформировать сбалансированную гармоничную процедуру, позволяющую в равной мере эффективно решать задачи обеспечения раскрытия и расследования преступлений, а также надлежащего обеспечения прав лица, задержанного по подозрению в совершении преступления. Усугубляют проблему нормативные лакуны в части урегулирования правоотношений, возникающих между сотрудниками правоохранительных органов и лицом, фактически задержанным по подозрению в совершении преступления, от момента фактического задержания до момента доставления в орган дознания или к следователю. Законодатель в пределах уголовно-процессуального регулирования крайне скупо определяет сущность происходящих в указанный промежуток времени действий, фактически именуя их «доставление».

Следует подчеркнуть, что согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ[2], что само по себе закрепленное в Конституции РФ понятие «задержание», элементом которого является до-

1 См.: Долгаев В.В., Соколова А.В. Вопросы регламентации использования в качестве доказательств информации, содержащейся на электронных носителях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1(60). С. 79–84.

2 По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 544-О-П.

ставление, носит общий характер, т.е. охватывает не только задержание лица за виновные противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания.

Понятия доставление (доставлять) в УПК РФ не раскрываются, но при этом неоднократно используются (например, ст. 107, 108, 109, 113 УПК РФ).

Иные нормативные акты определяют понятие «доставление». Так, в ст. 27.2 КоАП РФ доставление трактуется как принудительное препровождение физического лица … в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения.

Федеральный закон «О полиции» определяет доставление как принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина[1]. Вместе с тем закон также нормативно устанавливает возможность доставления в целях установления личности граждан, в отношении которых есть основания полагать, что они находятся в розыске, либо граждан, находящихся в состоянии опьянения в общественных местах и т.д. (ст. 13).

Учитывая межотраслевой и многоцелевой характер рассматриваемого термина и сложность реально возникающих после фактического задержания подозреваемого правоотношений, невозможно охарактеризовать их исключительно понятием «доставление».

Действительно, в случае если задержание подозреваемого осуществляется по уже возбужденному уголовному делу на основании постановления следователя или дознавателя (ст. п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), функционал сотрудника органа дознания, осуществляющего фактическое задержание, исчерпывается реализацией соответствующего поручения. Если же фактическое задержание связано с выявлением (пресечением) сотрудником органа дознания нового преступления, дальнейшая деятельность сотрудника (сотрудников) будет носить более сложный и многоаспектный характер до момента передачи задержанного следователю (дознавателю), которые наделены полномочиями осуществлять юридическое (процессуальное) задержание. Вопрос о необходимости доставления задержанного к следователю (дознавателю) будет зависеть от разрешения вопросов о наличии признаков преступления и оснований задержания, указанных в ст. 91 УПК РФ. Более того, особенности установления признаков некоторых преступлений объективно требуют относительно длительной и трудозатратой проверки (например, исследование наркотических средств), без которой затруднительно даже дифференцировать, совершенное фактически задержанным лицом противоправное деяние. Нередко, необходимы проведение оперативно-розыскных мероприятий, формирование и регистрация повода к началу проверки, применение иных средств проверки сообщения о преступлении. Решение о передаче – доставлении фактически задержанного следователю или дознавателю становится логическим завершением проведенной проверки.

Жестко нормативно установленный срок от момента доставления задержанного к следователю (дознавателю), подразумевающий лишь 3 часа на составление протокола задержания и производство еще ряда процессуальный действий, не оставляют реальной возможности для проведения полноценной проверки должностному лицу, принимающему решение о юридическом задержании.

1 О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

При этом высказывается мнение, что фактический захват лица, который нередко сопровождается проверкой или документальной фиксацией его причастности к совершению преступления и последующим доставлением к следователю (дознавателю) рассматривается как допроцессуальная деятельность[1], деятельность полицейская[2].

На современном уровне нормативного регулирования приведенная позиция верна лишь для случаев, когда вызывает сомнение сам факт совершения задержанным лицом противоправного деяния и (или) наличие в указанном деянии признаков преступления. В случаях, когда признаки преступления установлены, деятельность после фактического задержания приобретает ярко выраженные черты, характерные для процессуальной формы. Так, фактическое задержание и доставление предусмотрены УПК РФ. Они реализуются сотрудниками уполномоченных государственных органов. Законодатель устанавливает единые основания для фактического и юридического задержания. Лицо, фактически задержанное по подозрению в совершении преступления, еще до начала процессуальной проверки приобретает специфическое процессуальное право на получение помощи защитника с момента фактического задержания. После начала процессуальной проверки, фактически задержанный также приобретает права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, являющиеся универсальными для лица, вовлеченного в проверку сообщения о преступлении.

Системное толкование норм, регламентирующих процессуальный порядок задержания подозреваемого, позволяет сделать вывод о максимально допустимой продолжительности доставления – менее 12 часов с момента фактического задержания, поскольку по истечении указанного срока о состоявшемся факте юридического задержания должен быть уведомлен прокурор.

Рассматриваемые нормы влияют на правоприменение в сфере оперативно-розыскной деятельности. Так, исходя из позиции Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ можно утверждать, что фактическое задержание лица, совершившего преступление, при проведении ОРМ обязывает должностных лиц органа, осуществляющего ОРД, разъяснять задержанному лицу его конституционные права и создавать необходимые условия для их реализации в ходе производства оперативно-розыскной деятельности[3]. К таковым, в частности, относится и право на квалифицированную юридическую помощь. Лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения

1 Уголовный процесс России : учебное пособие / под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. С. 151; Круглов И.В., Бопхоев Х.В. Фактическое задержание и доставление лица, задержанного по подозрению в совершении преступления // Российский следователь 2005. № 5. С. 5.

2 Мичурина О.В., Химичева О.В. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебное пособие. М. : Юнита-Дана, 2015. С. 119-120; Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М. : Проспект, 2021. С. 75; Смолькова И.В. Процессуальный статус лица, фактически задержанного по подозрению в совершении преступления // Академический юридический журнал. 2019. № 3(77). С. 33.

3 Супрун С.В. Фактическое задержание лица при проведении ОРМ и проблемы использования результатов ОРД, полученных с его участием, в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 6.

требований оперативности и конспиративности.[1]

Таким образом, деятельность с момента фактического задержания и до момента доставления к следователю (дознавателю) это лишь начальный этап юридического задержания, который даже в случае применения до начала досудебного производства осуществляется в соответствии с установленными уголовно-процессуальным законодательством основаниями, порождает появление у фактически задержанного лица, ряда установленных УПК РФ и иными федеральными законами прав.

Шайденко Д.А.
Омская академия МВД России

Прошли ли основания задержания проверку временем?

«Жизненные ситуации», используемые в УПК РФ в качестве оснований задержания (ч. 1 ст. 91 и «дополнительные условия» из ч. 2 ст. 91 УПК РФ), появились в России достаточно давно. Происхождением данные обстоятельства обязаны классическому средневековому институту in flagranti (действия полиции при обнаружении преступления с поличным)[2]. В привычном для нас виде они оформились в ст. 257 Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС). Там они представляли собой ситуации (обстоятельства), при которых полиция могла применять меры пресечения[3], которые по общему правилу применялись судебным следователем. Сам смысл наличия этих конкретных жизненных ситуаций в законе емко описал А.Ф. Кистяковский: «Закон, в видах ограждения личной свободы граждан, и в видах прекращения старых злоупотреблений полиции в деле пресечения обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда, не признал возможным предоставлять полиции права руководствоваться вообще соображениями о силе улик, подобно тому, как он предоставил это право судебным следователя и мировым судьям, а взял на себя труд, так сказать, поименно исчислить те улики, существование которых только дает право полиции на принятие мер»[4].

Иными словами, судебный следователь, свободно оценивая доказательства, самостоятельно применял меры пресечения, в частности взятие под стражу. Полиция от решений таких вопросов была отстранена, но в специально обозначенных случаях (те самые основания) могла применять меры пресечения до прибытия судебного следователя. Это логично, ведь полиция ближе к «земле» и чаще непосредственно сталкивается с совершением противоправных деяний. Поэтому полиция могла, выражаясь современным языком, заключить лицо под стражу, если оно застигнуто при совершении преступления, на него указали очевидцы, на нем обнаруже-

1 По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 327-О.

2 Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М, 2017. С. 530.

3 По УУС «меры пресечения обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда». Аналогия с современными мерами пресечения вполне корректна.

4 Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1968. С. 142.

ны явные следы преступления и т.д. То есть эти обстоятельства, по сути, не образовывали самостоятельной меры процессуального принуждения, а служили основаниями для, как верно отметили В.В. Бабурин и П.Л. Сурихин, меры пресечения, применяемой в экстренных случаях, ареста (заключения под стражу) с альтернативной процедурой принятия решения[1].

В УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. ситуация принципиально не изменилась, следователь по-прежнему мог самостоятельно заключить лицо под стражу, а рассматриваемые основания-ситуации предназначались органу дознания. Несмотря на уже возникший термин «задержание», суть отношений не поменялась: при наличии рассматриваемых обстоятельств милиция могла заключить лицо под стражу по преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.), либо когда наказание за преступление не превышает одного года лишения свободы (ст. 103 УПК РСФСР 1923 г.). Это подтверждается последующим порядком действий, при котором уполномоченный субъект в соответствии со ст. 104 УПК РСФСР 1923 г. либо подтверждает арест (не избирает новую меру, а, по сути, оставляет в силе примененный милицией арест), либо отменяет его.

Исторически главная идея оснований задержания такова: они являются ситуациями, в которых орган, не уполномоченный на принятие мер, влекущих лишение свободы, такие полномочия получал.

Перелом, связанный с основаниями задержания, случился в УПК РСФСР 1960 г. Данные формулировки стали распространяться и на следователя. Иначе говоря, отныне следователь, как и милиция в целом, оказался отстранен от возможности избрания долгосрочного ареста на основе полученных и свободно оцененных им доказательств. Теперь эти поименно перечисленные «улики» распространяются и на него. Но по-прежнему задержание относилось к полномочиям органа дознания (ст. 122 УПК РСФСР относилась к главе 9 «Дознание»). Хоть практика и показала, что применялось оно в основном следователями, существовал и другой порядок избрания меры пресечения, предполагающий возможность предварительного получения санкции прокурора на арест. Поэтому такой предварительный арест для следователя был мерой неотложной. При этом законодатель, поняв, что невозможно совсем отнять у следователя возможность оценки доказательств при применении меры процессуального принуждения, ввел «иные данные», подкрепленные дополнительными условиями (лицо покушалось на побег, не имеет постоянного места жительства, не установлена личность), в качестве основания задержания. Ранее эти дополнительные условия были самостоятельными основаниями.

В действующем УПК РФ регулирование оснований задержания существенно не изменилось. Сохранилась и ключевая проблема: следователь (теперь и дознаватель) хоть формально и стал относится к органам исполнительной власти, ближе к «земле» не стал, он также не несет службу на улице и непосредственно не познает основания задержания из ч. 1 ст. 91 УПК РФ (если следователь, например, застигнет лицо при совершении преступления, он подлежит отводу и участию в деле в качестве свидетеля). В сфере полномочий на применение мер, влекущих лишение свободы, следователя и полицию приравняли. Но ситуации (основания) эти остались полицейскими, для следователя не свойственными.

На вопрос, поставленный в заглавии, можно ответить так: и да, и нет. С одной

1 Бабурин В.В., Сурихин П.Л. Незаконное задержание: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. Красноярск, 2004.

стороны, эти классические основания сохранили своё предназначение как обстоятельства, при которых неуполномоченный на лишение свободы субъект (в настоящее время следователь, дознаватель, орган дознания) имеет право взять лицо под стражу на непродолжительный срок для того, чтобы уполномоченный субъект (в настоящее время суд) рассмотрел вопрос о длительном аресте. С другой стороны, сама суть этих ситуаций не отвечает специфике деятельности современных следователей и дознавателей, данные обстоятельства имеют явный полицейский характер[1].

Надо сказать, что практика адаптировалась к применению данных оснований, они устанавливаются следователем постфактум процессуальными средствами (допрос сотрудников, произведших задержание и т.п.). Тем не менее, как представляется, в УПК РФ от данных классических формулировок следует отказаться и использовать их так, как предлагает Верховный Суд РФ: «Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)»[2]. То есть «жизненные ситуации» из ст. 91 УПК РФ необходимо использовать как данные, подтверждающие причастность лица к совершению преступления, наряду с иными данными (на этом нужно сделать акцент, не только эти ситуации могут подтверждать причастность).

Соответственно, при задержании в первую очередь следует учитывать основания применения заключения под стражу (именуемые сейчас мотивами задержания). Эти меры в УПК РФ существенно сблизились. Невозможность получения предварительного судебного решения о заключении под стражу (аресте) делает процедуру задержания (предварительного ареста) обязательной. В остальном, при установлении причастности лица, не нужно ограничивать субъекта расследования в свободе оценки доказательств такими конкретными фактическими ситуациями (как в действующей ст. 91 УПК РФ). В этой связи с учетом восприятия задержания как кратковременного ареста предлагаем следующую формулировку оснований: «Статья 91. Основания задержания.

1. Задержание применяется с целью решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

2. Следователь, дознаватель, орган дознания вправе подвергнуть лицо задержанию при наличии достаточных данных, указывающих на его причастность к совершению преступления, если есть основания полагать, что данное лицо совершит действия, указанные в части первой статьи 97 настоящего Кодекса».

1 О полицейском характере оснований задержания говорит С.Б. Россинский. См.: Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3(73).

2 О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

Мезинов Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

О предмете изучения мотивации обвиняемого (подозреваемого) при избрании меры пресечения

Обращение к работам представителей наук уголовно-правового цикла позволяет выявить ряд пробелов в изучении относящейся к субъективному миру обвиняемых (подозреваемых) области психических явлений, обозначаемой понятием «мотив» и производным от него понятием «мотивация»[1]. Так, одним из пробелов является отсутствие единых, четких и полных представлений о предмете изучения в уголовном процессе мотивации обвиняемого (подозреваемого)[2] с позиции задач,[3] которые можно решить путем изучения этой области психических явлений.

В настоящей статье обратимся к определению предмета изучения в уголовном процессе мотивации обвиняемого (подозреваемого), который подчинен решению задач вынесения в отношении него процессуальных актов об избрании мер пресечения.

Регламентированные главой 13 УПК РФ меры пресечения призваны пресечь или предотвратить ненадлежащее поведение (включая последующее преступное поведение) обвиняемого или подозреваемого и, напротив, обеспечить их надлежащее поведение в соответствии с обязанностями, закрепленными в законе[4]. Поведение любого человека, особенно преступное, иное незаконное, а для данного случая и иное ненадлежащее с позиции требований УПК РФ, детерминируется именно мотивационной сферой его личности. Причем основное значение в такой детерминации имеют доминирующие и устойчивые элементы этой сферы, те из них, которые, условно говоря, отвечают за то, будет ли поведение правомерным и надлежащим или все-таки неправомерным и ненадлежащим. Соответственно, речь идет в данном случае об элементах мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого), определяющих направленность его личности[5].

Исходя из изложенного, предмет изучения мотивации обвиняемого (подозреваемого) с позиции задач вынесения

1 К раскрытию понятий «мотив» и «мотивация» мы обращались в предыдущих статьях, см., например: Мезинов Д.А. Понятие и функции мотива и мотивации в поведении и личности лица, подвергаемого уголовному преследованию // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 259-269; Мезинов Д.А., Ведерников Н.Т. Мотив и цель как элементы мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 31-47.

2 Под обвиняемым (подозреваемым) здесь подразумевается любое фактически подвергаемое уголовному преследованию лицо, независимо от наличия или отсутствия у него в конкретный момент времени процессуального статуса обвиняемого или подозреваемого.

3 Подробному рассмотрению круга таких задач посвящена одна из статей автора: Мезинов Д.А. Задачи изучения мотивации лица, подвергаемого уголовному преследованию, в уголовном процессе: научный и практический аспекты, междисциплинарный и узкодисциплинарный подходы // Уголовная юстиция. 2025. 26. С. 76-84.

4 Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. С. 522-523; Диваев А.Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы : монография. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2020. С. 14, 31; Назаров А.Д. Достижение результативности мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 28.

5 О понятии направленности личности см., например: Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2011. С. 174-176; Васильев В.Л. Юридическая психология. 6-е изд. СПб. : Питер, 2009. С. 62; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1975. С. 221.

в отношении него процессуальных актов об избрании мер пресечения составляют элементы мотивационной сферы его личности, такие, как потребности, интересы, влечения (желания), увлечения, привычки, ценностные ориентации, мотивационные установки, иные побуждения, являющиеся устойчивыми мотивационными образованиями, в первую очередь те из них, которые определяют направленность личности этого лица.

С позиции задач вынесения процессуальных актов об избрании мер пресечения у властного субъекта уголовного процесса (следователя, дознавателя, суда) предполагаются в целом достаточные возможности получения сведений о мотивации обвиняемого (подозреваемого), поскольку имеется доступ к изучению именно уже известного лица непосредственно всеми возможными и допустимыми способами получать информацию, относящуюся точно к нему и его мотивации, в том числе путем непосредственного наблюдения за его поведением. При этом властного субъекта уголовного процесса, выносящего акт о мере пресечения, должны интересовать характеристики мотивационной сферы личности и поведение (особенно возможное) обвиняемого (подозреваемого) именно на момент производства по уголовному делу, в данном случае точнее даже – на момент вынесения данного акта. Характеристики мотивационной сферы личности на момент события преступления, проявившиеся в первую очередь в виде мотивов и целей преступления, также подлежат изучению, но все-таки должны иметь дополнительное значение по отношению к обстоятельствам, характеризующим мотивационную сферу личности обвиняемого (подозреваемого), особенно её направленность на момент вынесения акта о мере пресечения.

Следует уточнить, что изучение мотивации обвиняемого (подозреваемого) с позиции задач вынесения в отношении него процессуальных актов об избрании мер пресечения предполагает акцент на тех элементах (и свойствах) мотивационной сферы личности этого лица, которые способствуют прогнозированию его поведения. Поскольку требуется ответить на вопрос: будет будущее поведение лица ненадлежащим, т.е. являться, согласно ч. 1 ст. 97 УПК РФ, сокрытием от дознания, предварительного следствия или суда, либо продолжением занятия преступной деятельностью, либо угрозами свидетелям, иным участникам уголовного процесса, уничтожением доказательств, иными путями воспрепятствования производству по уголовному делу. Что при положительном ответе на вопрос требует избрания меры пресечения, ее продления или изменения на более жесткую. Если же будущее поведение все-таки прогнозируется надлежащим – соответствующим требованиям уголовно-процессуального и иных (прежде всего уголовного) законов, то и ответ на поставленный вопрос отрицательный, что не предполагает применение в отношении лица меры пресечения или означает наличие оснований для отмены ранее избранной такого рода меры.

Как видно, предмет изучения мотивации обвиняемого (подозреваемого) с позиции задач вынесения в отношении него процессуальных актов об избрании мер пресечения должен определяться главным образом прогностическим значением необходимых для получения сведений о мотивации этого лица. Эти сведения должны помогать познающему обстоятельства уголовного дела властному субъекту уголовного процесса делать обоснованные прогнозы вариантов возможного будущего поведения лица. С позиции этих задач важен прогноз будущего преступного поведения изучаемого лица, не менее важен и прогноз будущего непреступного, но уклоняющегося от уголовно-процессуальных требований его поведения.

В заключение отметим, что, пожалуй, меньший акцент на сведениях о мотивации обвиняемого (подозреваемого), имеющих прогностическое значение, возможен лишь в отдельных случаях вынесения процессуальных актов об избрании мер пресечения. Например, в случаях реагирования на нарушение ранее избранной меры пресечения, необходимости обеспечения исполнения приговора, необходимости обеспечения оперативного (по «горячим следам») собирания доказательств с участием подозреваемого, что предполагает задержание последнего с последующим избранием в отношении него меры пресечения.

Ахметгалеев В.Р.,
кандидат юридических наук
Уфимский юридический институт МВД России

Автоматизация процессов избрания мер пресечения: перспективы и риски

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни правоприменительная деятельность неизбежно сталкивается с необходимостью внедрения технологических инноваций. Особого внимания заслуживает сфера уголовного судопроизводства, где вопросы избрания мер пресечения традиционно сопряжены с высокой степенью субъективизма и значительной нагрузкой на судебные органы. Автоматизация данных процессов представляется логичным этапом эволюции правоохранительной системы, однако требует взвешенного подхода с учетом баланса между эффективностью правоприменения и защитой фундаментальных прав личности[1].

Существующая практика избрания мер пресечения демонстрирует ряд системных проблем, создающих предпосылки для цифровизации. Во-первых, наблюдается существенный разброс как в подходах к оценке оснований для избрания данных мер, так и обстоятельств дела в целом: одни суды чаще избирают заключение под стражу, другие же ограничиваются более мягкими мерами. Во-вторых, процессуальная процедура требует значительных временных затрат на подготовку и рассмотрение материалов. В-третьих, человеческий фактор неизбежно влечет риски субъективных оценок, основанных на интуиции, а не на объективных критериях. Эти обстоятельства формируют запрос на стандартизацию и алгоритмизацию решений при сохранении их индивидуального характера.

Технологическая основа автоматизации уже частично реализована в ряде юрисдикций. Речь идет о системах поддержки принятия решений (СППР), использующих алгоритмы машинного обучения для анализа предшествующих судебных решений[2]. Такие системы способны обрабатывать массив данных: характер преступления, личность обвиняемого, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, предыдущие судимости, семейное положение, трудоустройство и иные релевантные факторы. На основе статистического анализа система формирует рекомендацию о

1 Добряков Д.А., Евдокимов А.Д. К вопросу о перспективах использования цифровых технологий в судопроизводстве // Закон и право. 2025. № 3. С. 145.

2 Буглаева Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сфере судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1. С. 11.

целесообразности той или иной меры пресечения, сопровождая ее обоснованием с указанием аналогичных прецедентов.

Однако внедрение цифровых инструментов сопряжено с существенными рисками, требующими тщательного анализа. Ключевой проблемой является потенциальная дискриминация, обусловленная «предвзятостью» алгоритмов[1]. Если система обучается на исторических данных, где присутствовали перекосы в правоприменении (например, избыточное применение заключения под стражу в отношении определенных социальных групп), она воспроизведет эти паттерны. Кроме того, возникает вопрос о допустимости делегирования алгоритмам решений, затрагивающих конституционные права: свобода личности не может быть сведена к формализованным показателям[2].

Технические ограничения также создают препятствия. Современные алгоритмы не способны в полной мере учитывать нюансы межличностного взаимодействия, психологические особенности обвиняемого, динамику отношений в семье или коллективе. Например, система может рекомендовать домашний арест на основании стабильного трудоустройства, но не учтет, что рабочее место находится в зоне конфликта интересов или что обвиняемый использует служебное положение для давления на свидетелей. Аналогично сложно формализовать такие критерии, как «степень влияния на ход расследования» или «вероятность воспрепятствования правосудию». Так, автоматизированная система принципиально не способна охватить весь спектр потенциальных форм коммуникации между подозреваемым (обвиняемым) и лицами, оказывающими ему содействие, равно как и оценить уровень их вовлеченности и реальные ресурсы для осуществления противоправных действий, нацеленных на воспрепятствование процессу расследования.

Правовые риски связаны с неопределенностью статуса алгоритмических рекомендаций. Должна ли система выступать исключительно как вспомогательный инструмент, или ее выводы приобретают обязательный характер? В первом случае сохраняется проблема субъективизма, во втором – возникает угроза подмены судебного усмотрения машинными расчетами. Кроме того, принцип состязательности может быть нарушен, если сторона защиты не имеет доступа к методологии работы алгоритма или не может оспорить его выводы. Вопросы конфиденциальности данных также требуют регламентации: обработка персональных сведений в автоматизированных системах повышает риски утечек и неправомерного использования информации[3].

Этические аспекты затрагивают саму природу правосудия. Суд – это не только применение норм, но и оценка человеческого фактора, где важны эмпатия, понимание контекста, способность увидеть за формальными признаками живого человека. Автоматизация рискует превратить процесс в «механическую» процедуру, где личность подменяется набором цифровых параметров. Особенно это критично для мер пресечения, связанных с лишением свободы, – здесь цена ошибки многократно возрастает.

Для минимизации рисков необходимо разработать комплексный регуляторный механизм. Во-первых, требуется законодательное закрепление

1 Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8 (141). С. 49.

2 Мохрат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 10.

3 Ермаков А.В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. 2024. № 4. С. 28.

принципов работы автоматизированных систем: прозрачность алгоритмов, право на объяснение решения, возможность апелляции. Во-вторых, следует создать независимые органы для аудита ПО на предмет дискриминационных паттернов и соответствия правовым стандартам. В-третьих, необходимо обеспечить обучение судей и следователей работе с цифровыми инструментами, чтобы избежать слепого доверия к машинным рекомендациям.

Особое внимание следует уделить защите данных. Обработка сведений о личности обвиняемого, его связях, финансовом положении должна осуществляться в рамках строгих протоколов кибербезопасности. Желательно внедрение технологии блокчейн для фиксации каждого этапа принятия решения, что позволит отследить, какие данные использовались и как они повлияли на итоговый вывод.

В перспективе возможно поэтапное внедрение автоматизации. На первом этапе системы могут использоваться для предварительной оценки рисков (например, расчет «индекса склонности к побегу», «индекса возможности оказания негативного влияния на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», «индекса возможности повреждения, уничтожения или утаивания имеющих значение предметов или документов (в т.ч. цифровых следов[1])» на основе объективных критериев). При этом алгоритмы должны давать только предварительный анализ, предоставляя возможность суду учитывать те данные, которые система не в состоянии обработать. На втором – для формирования под судебным контролем проектов постановлений. На третьем – для мониторинга эффективности мер пресечения в режиме реального времени (например, автоматическое оповещение о нарушении условий домашнего ареста и т.п.).

В российском контексте автоматизация процессов избрания мер пресечения может стать элементом концепции «цифрового правосудия», но только при соблюдении ряда условий. Во-первых, необходима доработка УПК РФ с четким определением статуса алгоритмических рекомендаций с обязательным закреплением, по крайней мере на первых этапах, судейского усмотрения как итогового решения по избранию определенной меры пресечения. Во-вторых, наряду с созданием обширных алгоритмов системы, предоставляющих возможность анализа достаточно значительного объема данных, требуется создание единой цифровой платформы, интегрированной с базами данных МВД, ФСИН, судов. В-третьих, следует предусмотреть механизмы защиты прав обвиняемых: право на экспертизу алгоритма, возможность представления альтернативных данных, обжалование решений, основанных на автоматизированном анализе (при совпадении судебного решения с выводами системы).

Таким образом, автоматизация процессов избрания мер пресечения – это достаточно деликатный процесс. Ее успех зависит от способности законодателя и правоприменителей найти баланс между технологическими возможностями и гарантиями справедливости. Ключевыми ориентирами должны стать: прозрачность алгоритмов, защита прав личности, сохранение человеческого контроля над решениями, затрагивающими свободу обвиняемого (подозреваемого), а также учет следственной ситуации по уголовному делу и всех данных о личности подследственного, его соучастников, близких или содействующих последнему лиц, влияющих на возможность возникнове-

1 Харисова З.И. Оптимизация процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием алгоритмов искусственного интеллекта // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3(23). С. 62.

ния оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Только при соблюдении этих условий цифровизация сможет стать инструментом совершенствования уголовного правосудия, а не угрозой для его основополагающих принципов.

Шаповалова Т.И.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Железногорск),
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск)

В чем причина непринятия залога в качестве меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве?

Залог давно формально закреплен в УПК РФ как мера пресечения. Каждый раз при принятии нового УПК в советской России залог включали в перечень мер пресечения. Правда, необходимо отметить, что попытки избавиться от него в уголовном судопроизводстве все же делались. Так, в ходе реформы законодательства 1958-1961 годов система мер пресечения претерпела изменения. При обсуждении проектов уголовно-процессуальных кодексов авторами вносились предложения об исключении залога и имущественного поручительства из перечня мер пресечения как не находящих применения на практике.

Результатом реформирования системы советского права явилось упразднение в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик имущественного поручительства и залога как мер пресечения. Только в УПК РСФСР и Таджикской ССР залог сохранился в качестве меры пресечения.

В УПК РФ залог опять остался одной из мер пресечения, но в реальной практике суды применяют его лишь в долях процента от всех решений, отдавая приоритет заключению под стражу и домашнему аресту. Такая ситуация обусловлена сочетанием правовых ограничений, институциональных установок правоохранительной системы и социально-экономических факторов, включая недоверие к залогу как эффективной гарантии явки и трудоемкости избрания меры пресечения.

Судебная статистика и аналитические обзоры[1] показывают, что залог остается крайне редкой мерой на фоне устойчивого доминирования содержания под стражей. По данным Минюста и Судебного департамента, за 2023 год залог избирался всего 66 раз по всей стране при более чем 80 000 случаях заключения под стражу; домашний арест применялся около 7 500 раз, запрет определенных действий – около 4 000 раз. Юридические обзоры указывают, что доля залога среди всех мер пресечения составляет менее 0,2%, причем за весь 2020 год залог был избран 244 раза, тогда как в 2010 году – 629 раз, что свидетельствует о устойчивом сокращении масштабов его использования. В более актуальных оценках отмечается, что и

1 Цифры взяты из открытых источников: Входной билет: в России установят новые правила для залога для обвиняемых // Известия. URL: https://iz.ru/1996094/iana-shturma/vikhdnoi-bilet-v-rossii-ustanoviat-novye-pravila-dlia-zaloga-obviniaemym; Минюст задумался о расширении практики применения залога // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/06/27/1046731-minyust-zadumalsya-o-rasshirenii-praktiki-primeneniya-zaloga; Белкова Е. В России могут расширить избрание залога в качестве меры пресечения. URL: https://www.forbes.ru/biznes/550590-v-rossii-mogut-rassirit-izbranie-zaloga-v-kacestve-mery-presecenia.

в 2024-2025 годах залог не выходит за пределы статистической погрешности: в 2024 году он был избран 67 раз, а за первые шесть месяцев 2025 года – лишь в отношении 15 лиц при десятках тысяч решений о заключении под стражу.

Залог закреплен в качестве меры пресечения в ст. 106 УПК РФ, которая определяет его понятие, порядок избрания, критерии размера и последствия нарушения обязательств.

С момента принятия УПК РФ в 2001 году до настоящего времени объем статьи увеличился в разы, законодатель пытается сделать данную меру более привлекательной, но ничего не меняется – залог не применяют и все. В конце 2025 года Минюст в очередной раз инициировал подготовку поправок в УПК РФ, направленных на расширение практики избрания залога, в том числе для повышения уровня возмещения ущерба по экономическим преступлениям.

Законопроект предлагает рассчитывать залог, прежде всего по экономическим составам, в размере, эквивалентном причиненному ущербу, что может означать еще более высокие суммы в делах о крупном мошенничестве, налоговых преступлениях и т.п.

Параллельно сохраняются прежние минимальные пороги 50 000 и 500 000 руб., а официальных данных о снижении средних фактических сумм не приводится; напротив, дискуссия строится вокруг того, что залог сегодня «инструмент для богатых» и практически недоступен для массового обвиняемого.

Обсуждаемые реформы 2025 года направлены на функциональную привязку залога к ущербу, а не на снижение «средней» суммы, что при крупном ущербе будет, вероятнее всего, еще увеличивать средний размер залога.

Юридические обзоры фиксируют, что при сохранении нынешних институциональных установок даже принятие реформ может иметь ограниченный эффект: ожидается лишь незначительный рост числа решений о залоге на фоне сохраняющегося доминирования содержания под стражей.

Правовая модель залога в УПК РФ во многом заимствует зарубежный опыт, но воплощена в достаточно жесткой и формализованной конструкции, что затрудняет ее реальное использование. Законодатель устанавливает минимальные размеры залога, привязанные к тяжести преступления (от 50 тыс. руб. для преступлений небольшой и средней тяжести до 500 тыс. руб. по тяжким и особо тяжким преступлениям), при этом возлагая на суд обязанность учитывать данные о личности обвиняемого и имущественное положение залогодателя. На практике такая конструкция порождает внутреннее противоречие: минимальные пороги часто объективно недостижимы для большинства обвиняемых, что делает залог экономически нереализуемым, а значит, малоинтересным как суду, так и защите.

Отсутствие в законе ясных критериев определения конкретного размера залога ведет к высокой степени усмотрения суда, что создает правовую неопределенность и повышает коррупционные риски. Нормы не содержат указаний на допустимые источники денежных средств, тогда как по отношению к имуществу (недвижимость, ценные бумаги, ценности) установлена необходимость подтверждения права собственности и отсутствия обременений. В результате не исключается ситуация, когда в залог вносятся средства преступного происхождения, что подрывает превентивный смысл меры: обвиняемый, не заинтересованный в сохранении такого имущества, проще идет на нарушение процессуальных обязанностей.

Существенную роль в непринятии залога играют институциональные практики органов предварительного расследования и суда. Следственные

органы традиционно ориентированы на ходатайства о заключении под стражу или домашнем аресте, рассматривая залог как рискованную и плохо управляемую альтернативу, не обеспечивающую, по их мнению, должного уровня процессуальной дисциплины обвиняемого. Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием достаточного опыта работы с залогом, с другой – укоренившейся установкой на «максимальную безопасность» путем изоляции лица.

Суды даже при отсутствии достаточных оснований для заключения под стражу чаще избирают домашний арест либо запрет определенных действий, нежели залог, мотивируя это опасениями побега и возможностью злоупотребления свободой. Отмечается также страх судей и следователей быть заподозренными в коррупции: применение залога в конкретном деле может вызвать вопросы о причинах различий в подходе по схожим составам преступлений и схожим обстоятельствам. Такая атмосфера подозрительности фактически стимулирует выбор «безрисковых» мер пресечения, традиционно связанных с изоляцией, и формирует консервативную практику, в которой залог воспринимается как исключение, а не как нормальный элемент системы мер пресечения.

Нельзя не учитывать и организационно-технические сложности: необходимость оценки и учета предмета залога, обеспечения его сохранности, оформления документов, взаимодействия с финансовыми и регистрационными органами. Для перегруженной судебной системы это означает дополнительную административную нагрузку, в то время как применение заключения под стражу или домашнего ареста опирается на уже отлаженные механизмы. В результате правоприменитель нередко исходит из принципа институционального удобства, предпочитая меры, требующие меньших затрат сил и времени

Таким образом, с научной точки зрения для изменения практики применения залога необходима системная трансформация подходов:

формирование ориентиров на приоритет мягких мер пресечения,

детализация критериев выбора между залогом и заключением под стражу,

развитие судебного контроля,

повышение прозрачности статистики применения залога.

Ткачёва Е.С.,
кандидат юридических наук
Омская академия МВД России

О роли прокурора в судебном заседании по рассмотрению вопроса об избрании меры пресечения в досудебном производстве

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет прокурора, как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной законом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ст. 37 УПК РФ).

В юридической литературе деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве также традиционно рассматривается исходя из доминирования в ней двух основных функций – уголовно-

го преследования и надзора[1]. При этом одни считают необходимым в досудебном производстве признать главенствующую роль за функцией – надзора[2], другие – уголовного преследования[3].

Иной позиции придерживается А.А. Тушев, который считает, что деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве является многофункциональной и не ограничивается осуществлением уголовного преследования лиц, совершивших преступление, и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Автор выделяет следующие функции прокурора в уголовном судопроизводстве: 1) борьбы с преступностью; 2) надзорную; 3) правозащитную; 4) уголовного преследования; 5) руководства процессуальной деятельностью дознавателя и органов дознания по возбуждению уголовных дел и расследованию преступлений; 6) установления объективной истины по делу[4]. Схожей позиции придерживаются и другие авторы[5].

Разделяя подход о многофункциональности деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве, перейдем к определению его роли в судебном заседании в досудебном производстве. Данный вопрос в юридической литературе также остается дискуссионным.

Интересной представляется позиция С.В. Бурмагина, который критически оценивает роль прокурора в судебном заседании, как «независимого правового эксперта», высказывающего «квалифицированное мнение» и оказывающего тем самым суду правовую помощь в принятии решения, указывая на то, что суд как независимый, самостоятельный и наделенный полнотой власти орган правосудия не нуждается в такой помощи. По мнению автора, состязательное построение судебно-контрольных процедур в досудебном производстве предполагает рассмотрение спора между государством и личностью, при действующем порядке одновременное участие в делах судебного контроля должностных лиц органов следствия и надзирающего прокурора, в силу противоречия их позиций по рассматриваемому судом вопросу, чревато втягиванием суда в процессуальный спор между властными субъектами уголовного процесса, относящимися к стороне обвинения. Ученый предлагает два альтернативных способа выхода из данной ситуации: 1) восстановить прежние компетенции прокурора в уголовном процессе; 2) освободить прокурора от участия в рассмотрении судебно-контрольных дел[6].

С учетом подхода о многофункциональности деятельности прокурора в досудебном производстве, а также то-

1 Буглаева Е.А., Виницкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 35; Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9; Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 12.

2 Беляев В.П. Надзорная и иные функции прокуратуры – совместимы ли они // Российский следователь. 2006. № 4. С. 50-51.

3 Бабин К.А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2008. С. 11-12.

4 Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий : автореф. дис. ... докт.. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 8-10.

5 Бажанов С.В. Прокурор как участник досудебных стадий уголовного процесса: монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 163 с.; Гладышева О.В., Борозенец Н.Н. Правообеспечительная деятельность прокурора и органов уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 227 с.

6 Бурмагин С.В. Метаморфозы состязательности уголовных производств по дела судебного контроля // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 2. С. 53-57.

го, что правосудие не может входить в предмет надзора и, соответственно, участие прокурора в ходе судебного заседания не может называться прокурорским надзором, позволим себе не согласиться с высказанной выше точкой зрения и предложить свое видение роли прокурора в судебных заседаниях в досудебном производстве.

Думается, что в данном случае он осуществляет так называемую правообеспечительную функцию, заключающуюся в обеспечении нормального развития уголовно-процессуальных отношений и создании тем самым условий для успешной правоприменительной деятельности.

Е.Н. Гринюк понимает под правообеспечительной функцией прокурора создание такого режима правоприменения в досудебных стадиях, при котором бы на надлежащем уровне обеспечивалась беспрепятственная реализация прав участников уголовного судопроизводства, эффективно защищались их законные интересы и гарантированно осуществлялось восстановление их нарушенных прав[1]. Идея о правообеспечительной функции прокурора в досудебном производстве развивается и другими учеными[2] и разделяется нами.

Считаем, что такое понимание положения прокурора, во-первых, согласуется с конституционным назначением органов прокуратуры РФ, во-вторых, соответствует определенным для них направлениям деятельности. Будучи не связанным позицией органов предварительного расследования, не вмешиваясь в процесс реализации ими своих полномочий больше, чем этого требуют интересы законности, он выступает независимым участником, призванным содействовать суду в вынесении решения об ограничении конституционных прав личности, отвечающего требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Такой подход к пониманию роли прокурора в судебном заседании в досудебном производстве заставляет задуматься над перераспределением некоторых его полномочий. В частности, ч. 6 ст. 108 УПК РФ на прокурора возложена обязанность обосновывать заявленное перед судом ходатайство об избрании меры пресечения.

С нашей точки зрения, реализация данного полномочия справедливо подвергается критике на страницах юридической литературы[3], поскольку, с одной стороны, он не может обосновывать ходатайство следователя, которое с ним не согласовывалось, даже при условии, что он считает его законным и обоснованным, а с другой стороны, не может не поддержать внесенное дознавателем ходатайство, которое он согласовал ранее. Все это делает прокурора субъектом, заинтересованным в разрешении соответствующего вопроса судом.

Проведенное нами эмпирическое исследование[4] показало, что в большинстве случаев ходатайство о возбуждении перед судом вопроса об избрании меры процессуального принуждения поддер-

1 Гринюк Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников уголовного процесса на досудебных стадиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. С. 8.

2 Самойлова Т.Н. Проблемные аспекты правозащитной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2009. 29 с.; Борозенец Н.Н. Правообеспечительная деятельность прокурора в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 29 с.; Воронин О.В. О содержании правозащитной деятельности прокуратуры // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 102-104.

3 Дикарев И.С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // СПС «КонсультантПлюс».

4 Нами изучены 50 материалов судебного контроля, а также проведено интервьюирование 30 следователей органов внутренних дел, осуществляющих деятельность на территориях разных субъектов Российской Федеоации.

живал следователь (дознаватель), а прокурор лишь высказывал свою позицию по поводу заявленного ходатайства.

Считаем, что складывающаяся правоприменительная практика является вполне обоснованной и целесообразной. Полагаем, что, во-первых, на прокурора не должна быть возложена обязанность по обоснованию ходатайства, независимо от формы предварительного расследования; во-вторых, решение суда не должно находиться в прямой зависимости от позиции прокурора.

В связи с изложенным в ч. 4 и ч. 6 ст. 108 УПК РФ необходимо внести изменения, согласно которым: 1) обязанность по обоснованию ходатайства перед судом об избрании мер процессуального принуждения в досудебном производстве должна быть возложена на лицо, его возбудившее (следователя, дознавателя); 2) участие должностного лица органа предварительного расследования, инициировавшего обращение в суд (следователь, дознаватель), должно быть обязательным.

Эти изменения, на наш взгляд, позволят не только усилить правообеспечительную функцию прокурора, реализуемую в судебном заседании в досудебном производстве, но и процессуальную самостоятельность следователя (дознавателя), и повысить гарантии принятия судом законного и обоснованного решения.

Якубова С.М.,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России (г. Москва)

Проведение проверки по сообщению (заявлению) о преступлении и цифровые технологии

Вопросы цифровой трансформации уголовного процесса продолжают вызывать дискуссии исследователей, ратующих как «за», отмечая потенциал использования систем дистанционной коммуникации при производстве следственных и судебных действий в целях обеспечения доступности правосудия и сокращения процессуальных сроков, так и «против».

Исследователи отмечают, что наблюдается замена «исторической формы (модели) уголовного процесса на новую», … «реинкарнацию старой – инквизиционной, но на новой – цифровой платформе»[1]. Такой же позиции придерживается А.С. Александров, отмечая, что внедрение цифровых технологий в уголовный процесс – это не самоцель, а средство перехода к состязательному типу процесса[2].

По мнению Власова П.Е., требуется «создание единого правового поля и стандартизированного понятийного аппарата цифровизационных процессов, чтобы избежать нецелесообразных расходов на последующую нормотворческую деятельность, а развитие правовых механизмов защиты информационно-цифровых форм, предполагаемых к использованию в уголовном процессе, позволит избежать разглашения дан-

1 Цветков Ю.А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 21-28.

2 Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 80-85.

ных предварительного расследования»[1]. С.В. Зуев полагает, что кульминацией «раскручивания» электронного документооборота станет электронное уголовное дело[2].

Мы же полагаем, что цифровая трансформация уголовного судопроизводства имеет позитивное влияние на реализацию назначения уголовного судопроизводства как на обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, не противоречит принципам уголовного процесса[3].

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ[4] законодатель распространил цифровые технологии на производство следственных действий. Внесенные изменения дополнили УПК РФ ст. 189.1, предусмотрев в стадии предварительного расследования нормы, дозволяющие «следователю, дознавателю производство допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности».

Позитивно оценивая возможность производства следственных действий в дистанционном формате, некоторые исследователи полагают, что назрела необходимость внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ в части регламентации порядка производства следственных действий с использованием информационных (цифровых) технологий, оптимизировав их путем разработки передовых криминалистических методик, новейших тактических приемов, учитывающих потребности практики[5]. Ю.А. Бондаренко, Т.С. Балугина, А.С. Горбань считают, что «приоритетным форматом после принятия следователем тактического решения о производстве очной ставки должен считаться очный формат участия в нем ранее допрошенных лиц»[6]. Позиции допустимости цифровизации, в том числе стадии возбуждения уголовного дела, придерживается и профессор Л.А. Воскобитова[7].

Мы же полагаем, что предусмотренный законом дистанционный формат применения в следственном действии видео-конференц-связи является благом, поскольку это способствует экономии сил и средств органов предварительного расследования и осуществлению уголовного судопроизводства в разумный срок[8], закрепленное в УПК РФ дискреционное право позволяет следователю, дознавателю выбирать

1 Власов П.Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2024. № 9. С. 20-24.

2 Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4(19). С. 6-12.

3 Подр.: Якубова С.М. Дистанционные следственные действия посредством видео-конференц-связи в уголовном процессе России // Борьба с преступностью: теория и практика : тезисы докладов XI Международной научно-практической конференции, Могилев, 07.04.2023. Могилев : Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2023. С. 414-417.

4 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ.

5 Власов П.Е. Совершенствование процессуального порядка и тактики проведения следственных действий в дистанционных режимах // Российский следователь. 2024. № 2. С. 25-29.

6 Бондаренко Ю.А., Балугина Т.С., Горбань А.С. Эффективность тактических приемов производства очной ставки с использованием систем видео-конференц-связи // Теория и практика общественного развития. 2025. № 10(210). С. 232-239.

7 Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5.

8 Подр.: Якубова С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 22 с.

вид их производства, например, при производстве очной ставки с определенной категорией лиц: слепо-глухонемых, глухонемых, имеющих расстройство психики, ввиду необходимости проверки внеречевых форм общения, показа предметов, рисунков, знаковой формы общения. При этом проведение очной ставки в видеоформате с участием малолетних, несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, по нашему мнению, введенные изменения положительно решат некоторые аспекты исключения возможного оказания психологического давления на таких лиц[1].

В связи с изложенным полагаем возможным предложить в ст. 144 УПК РФ предусмотреть возможность получения объяснения по зарегистрированному сообщению о преступлении посредством использования систем видео-конференц-связи, по аналогии с правилами, установленными ст. 189.1 УПК РФ. Это позволит оперативно опросить лиц, находящихся на значительном расстоянии (в другом субъекте Российской Федерации), заявителей и очевидцев преступления, которые не могут явиться в орган внутренних дел для дачи объяснений по состоянию здоровья, из-за сложных метеорологических условий, (актуально для районов Крайнего Севера). Кроме того, это позволит снизить риски обвинений в оказании давления на опрашиваемого, также будет способствовать созданию комфортных условий для получения объяснения жертв преступлений против половой неприкосновенности.

Семенов И.А.

Барнаульский юридический институт МВД России

Особенности ограничения права частной собственности на стадии возбуждения уголовного дела

Этап проверки сообщения о преступлении дела является важнейшим. На нем принимаются решения о возбуждении уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела. При достаточности оснований (статья 140 УПК РФ) производится запуск огромной и сложной машины уголовного процесса. Для успешной работы такого механизма необходимо, чтобы все шестеренки работали бесперебойно.

Для начала отметим, что в рамках тематики нами была обозначена частная собственность. Именно такой вид выбран в связи с тем, что к ней относится большая часть изымаемых в ходе проведения стадий в возбуждения уголовного дела (далее – ВУД) и предварительного расследования. Право собственности физических лиц, так же как и право собственности юридических лиц, относится к частной форме права собственности[2]. Согласно ст. 213 ГК РФ, в собственности гражданина может находиться любое имущество и в любых количествах. В связи с чем предлагаем под частной собственностью в рамках уголовно-процессуального законодательства понимать имущественные блага, находящиеся в собственности физических или юридических лиц, которые могут выступать вещественным доказательством, быть изъяты, арестованы или конфискованы либо иным способом затронуты права

1 Подр.: Якубова С.М. Дистанционные следственные действия посредством видео-конференц-связи в уголовном процессе России .

2 Попова О.П. Понятие собственности и права частной собственности // Наука через призму времени. 2019. № 3(24). С. 62-64.

владения, пользования и распоряжения. Из этого следует, что ограничения производятся при помощи временного изъятия и только в отношении права пользования, так как прекращение (отчуждение) собственности происходит только по решению суда, а при изъятии предмета собственности право на владение им не ограничивается.

Отметим, что в рамках стадии ВУД существует не так много механизмов для изъятия имущества.

Статья 144 УПК РФ регламентирует, «что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Анализ положений статей уголовно-процессуального закона дает нам понять, что следственные действия, такие как обыск (статья 182 УПК РФ), выемка (статья 183 УПК РФ), личный обыск (статья 184 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (статья 185 УПК РФ) мы произвести не можем. Интересное мнение высказал О.Л. Васильев, считая, что под процессуальное действие «изъятие предметов и документов» законодатель замаскировал такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск, личный обыск и выемку[1]. Напрашивается вывод о возможности производства этих следственных действий до возбуждения уголовного дела. Из перечисленных следственных действий ч. 1 ст. 144 УПК РФ прямо указывает на возможность производства на стадии возбуждения уголовного дела лишь осмотра места происшествия, при составлении протокола которого должна быть отражена информация об изъятии предметов и документов. Поэтому, на наш взгляд, их изъятие при производстве иных следственных действий до возбуждения уголовного дела является незаконным.

Согласно статье 177 УПК РФ, следователь или иное лицо, производившее осмотр место происшествия, вправе изъять предмет, обнаруженный в ходе осмотра и имеющий значение для уголовного дела, либо ограниченный или запрещенный в гражданском обороте.

В такой ситуации проблемным аспектом является то, что не всегда целесообразно производить изъятие предмета (документа) производством осмотра места происшествия. Видится, что происходит подмена понятий в правоприменении. При необходимости изъятия предмета (документа) производится осмотр места происшествия лишь по причине того, что это является единственным законным способом изъятия. Здесь целью следственного действия является не осмотр места происшествия и фиксация обстановки, следов преступления и иной информации о событии, а лишь механическое изъятие предмета. В связи с этим теряется заложенная законодателем сущность указанного вида осмотра. Поэтому считаем применение такой практики неприемлемой, соглашаясь с авторами, утверждающими, что обыск, в том числе и личный обыск, по своим задачам, характеру, условиям и порядку проведения существенным образом отличается от следственного осмотра[2].

В рамках статей УПК РФ законные способы изъятия частной собственности на данном этапе исчерпаны. Междисциплинарное взаимодействие административного и уголовно-процессуального законодательств дает нам еще один легальный инструмент – изъятие (статья 27.10 КоАП РФ). Его использование во многом упрощает процесс и ускоряет принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела

1 Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8.

2 Россинский С.Б. Следственные действия : монография. М. : Норма, 2018. 240 с.

или отказе в нем. Перспективным путем решения настоящей проблемы представляется вариант, предложенный Б.В. Россинским и С.Б. Россинским, которые предлагают легализовать механизмы непосредственного введения результатов административной деятельности в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления[1].

Использованием статьи 27.10 КоАП РФ значительно упрощается процедура изъятия предмета или документа. Но происходит коллизия норм уголовного процесса и административной деятельности. Столкновение двух норм порождает за собой дополнительную нагрузку на дальнейший процесс расследования после возбуждения уголовного дела. Чтобы законно внедрить и использовать предмет, изъятый протоколом изъятия в рамках административной деятельности, следователь обязан выполнить ряд следственных действий после решения о возбуждении уголовного дела. Сначала необходимо произвести допрос лица, изъявшего предмет, в качестве свидетеля, оперируя нормами статей 56, 189, 190 УПК РФ. В указанном допросе лицо должно пояснить сведения о себе, своей работе, каким способом и на основании чего оно изъяло предмет (документа), а также указать на факт наличия у него предмета (документа) и добровольность его желания передать предмет или документ следователю. После проведенного допроса следователь должен составить постановление о производстве выемки предмета (документа) у этого лица и далее составить протокол о производстве выемки, руководствуясь правилами статей 182, 183 УПК РФ. Только после проведенных выше действий следователь вправе произвести осмотр предмета (документа) и приобщить его в качестве вещественного доказательства по уголовному делу.

В итоге при производстве изъятия частной собственности при использовании норм административного права мы видим, что это влечет производство как минимум двух следственных действий и составление трех процессуальных документов.

Иных способов в нормативной базе России на настоящий момент не существует.

Подводя итог всему вышесказанному, мы предлагаем решение поставленной проблемы рядом способов:

Дополнить статью 144 УПК РФ изменениями, которые позволят приобщить предмет в качестве вещественного доказательства сразу же после возбуждения уголовного дела без дополнительного документирования. Тогда при соответствии требованиям, предъявляемым к вещественным доказательствам, следователем будет проводиться осмотр предметов (документов), посредством которого он сможет изъять их, что повлечет за собой разгрузку рабочего времени и тем самым ускорит процесс расследования по уголовному делу.

Внести в УПК РФ отдельную норму под названием «Процессуальное изъятие», которая будет отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства и не будет сопоставима с административно-процессуальным изъятием. В данном случае следователь сам сможет производить изъятие необходимых предметов для уголовного дела доказательной базы.

Дополнить перечень следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела, таким следственным действием, как выемка, которая позволит законно и своевременно изъять предметы и документы.

1 Россинский Б.В., Россинский С.Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. Вып. 3.

Галимова А.О.,
кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемы возбуждения уголовных дел об уклонении от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ)

Институт административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, являлся устойчивым элементом советской правовой системы. Его превентивная эффективность в значительной степени обеспечивалась наличием действенных мер ответственности за нарушение установленных правил и требований. Однако на рубеже XX–XXI веков данный институт был упразднён в силу комплекса объективных и субъективных причин, что было в целом негативно воспринято юридическим сообществом. Ряд исследователей напрямую связывают последовавший рост преступности, в частности, с утратой правового инструментария, обеспечивавшего контроль за указанной категорией лиц[1]. Его упразднение привело к росту повторных преступлений из-за отсутствия ответственности за нарушение надзорного порядка и слабой профилактической работы.

Для решения этой проблемы в 2011 году в российскую правовую систему был возвращен в обновленной форме институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Кроме того, указанный институт был дополнен уголовно-правовыми (ст. 314.1 УК РФ) и административно-правовыми (ст. 19.24 КоАП РФ) средствами противодействия уклонению от такого надзора.

Обозначенная уголовно-правовая норма (ст. 314.1 УК РФ) за период действия претерпела существенную эволюцию, отражающую динамику законодательных подходов к противодействию уклонению от административного надзора. Однако актуальная проблематика её применения носит комплексный характер и выходит за рамки сугубо уголовного права. Помимо сложностей квалификации, связанных с установлением субъективной стороны и разграничением составов, на первый план выходят системные межотраслевые проблемы правоприменения. К таким смело можно отнести проблемы процессуального характера.

Уголовно-процессуальная наука в русле общей закономерности развития юридического знания носит рефлексивный и адаптивный характер. Она не просто фиксирует изменения позитивного законодательства, но и выступает формой теоретического осмысления трансформации социально-правовых реалий, включая эволюцию общественных отношений, сдвиги в правосознании и новые вызовы в сфере противодействия преступности[2].

При реализации норм ч. 1 ст. 314.1 УК РФ правоприменительные органы сталкиваются с комплексом проблемных аспектов процедурного характера. Эти сложности возникают на этапе доследственной проверки сообщений о преступлении и в процессе предварительного расследования, существенно затрудняя квалификацию деяний и доказывание.

1 Подр.: Галимова М.А., Астахова А.О., Акиев А.Р. Административный надзор за лицами, освободившимися из мест лишения свободы: правовая регламентация и проблемы реализации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 4(45). С. 141-149.

2 Галимова М.А., Галимов О.Х. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: первые изменения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции. Красноярск, 2023. С. 134-136.

Проблемы установления объективной стороны. Наиболее значимые затруднения связаны с верификацией факта уклонения. К ним относятся:

установление точного местонахождения лица, подлежащего административному надзору;

выяснение объективных причин его неприбытия к избранному месту жительства или пребывания либо самовольного оставления такового;

разграничение злостного уклонения от ситуаций, вызванных непреодолимой силой, заблуждением или иными обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность.

Проблемы квалификации и процессуального принятия решений: критической задачей является оперативная и точная оценка наличия или отсутствия всего состава преступления, что служит единственным основанием для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Задержки и ошибки на этом этапе ведут к утрате доказательств и снижению превентивного эффекта института надзора.

Проблемы доказывания субъективной стороны (наиболее сложный аспект): ключевая теоретико-прикладная проблема заключается в установлении и доказывании субъективных элементов состава преступления. Речь идет о подтверждении прямого умысла виновного лица на уклонение от установленных судом ограничений, а также о выявлении конкретной цели и личностного мотива, которыми оно руководствовалось. Эта задача осложняется латентным характером умысла и отсутствием, как правило, прямых доказательств.

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты. Результаты анализа судебно-следственной практики показывают, что факты совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ, устанавливаются преимущественно в рамках процедуры административного надзора за освобождёнными лицами. Следовательно, первичная информация о таком деянии поступает в правоохранительные органы от сотрудников, непосредственно осуществляющих надзор, – инспекторов или участковых уполномоченных полиции. В этой связи наиболее типичным процессуальным поводом для возбуждения уголовного дела выступает рапорт об обнаружении признаков преступления.

Существенной проблемой в стадии возбуждения уголовных дел по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ является ненадлежащее процессуальное оформление первичных материалов. Анализ практики свидетельствует о систематических нарушениях требований к содержанию рапорта об обнаружении признаков преступления. К наиболее распространенным дефектам относятся:

Формально-юридический: отсутствие обязательного реквизита – подписи уполномоченного должностного лица, что ставит под сомнение сам факт его составления и достоверность источника информации.

Содержательно-доказательственный: неконкретное изложение обстоятельств дела. Вместо описания непосредственных действий, образующих объективную сторону уклонения от надзора (например, самовольное оставление места жительства, неявка для регистрации), в документ зачастую включаются второстепенные или нерелевантные сведения (данные о прошлых судимостях, об установленных судом ограничениях, истории привлечения к административной ответственности). Это приводит к подмене оснований для возбуждения уголовного дела.

Логико-аргументационный: отсутствие четкой связи между представленной информацией и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ.

Таким образом, в рамках надзора за законностью возбуждения уголовных дел данной категории необходим целе-

направленный анализ рапорта на предмет соответствия следующим критериям:

– достоверность и допустимость источника: наличие надлежаще оформленной подписи составителя, указание на первичные оперативные или административные материалы, из которых получены сведения;

– существенность информации: содержание в рапорте конкретных данных, прямо указывающих на событие преступления – факт уклонения лица от установленных судом ограничений административного надзора;

– соответствие формальным требованиям: соблюдение процедуры составления и направления документа, установленной ведомственными инструкциями и уголовно-процессуальным законом.

Данный подход позволит отсекать необоснованные процессуальные решения на самой ранней стадии и способствует формированию качественной доказательственной базы.

Отдельную сложность в правоприменении ст. 314.1 УК РФ представляет квалификация явки с повинной в качестве самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела. Проблема носит доктринально-практический характер и связана с коллизией между формальной правовой позицией высшей судебной инстанции и сложившейся следственно-судебной практикой.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ заявление задержанного лица о совершении иных преступлений подлежит квалификации как явка с повинной со всеми правовыми последствиями, включая смягчение наказания. Однако в контексте дел об уклонении от административного надзора данная позиция зачастую не находит реализации.

Диспропорция обусловлена спецификой выявления данного состава преступления, которое в подавляющем большинстве случаев инициируется не добровольным волеизъявлением лица, а в результате контрольных мероприятий в рамках административного надзора. Следовательно, правоприменители признают явку с повинной юридически значимым поводом лишь при условии, что она совершена до момента:

1) фиксации органами внутренних дел факта «непроживания» поднадзорного по избранному месту жительства;

2) начала оперативно-розыскных мероприятий по установлению его местонахождения.

Таким образом, на практике явка с повинной утрачивает самостоятельное процессуальное значение, если факт уклонения уже установлен в административном порядке, что существенно ограничивает сферу действия данного института при расследовании преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

На стадии возбуждения уголовного дела оставляет принципиальную значимость задача не только фиксации факта нарушения установленных ограничений, но и активного формирования доказательственной базы в отношении специальной цели уклонения от административного надзора. Собирание соответствующих доказательств на данном этапе является обязательным условием для последующей обоснованной квалификации деяния по ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

Единообразное теоретическое понимание цели уклонения от административного надзора вступает в противоречие со сложностями её эмпирического выявления. Преодоление формального состава преступления требует установления субъективной направленности деяния. Квалифицирующим признаком выступает не факт нарушения пространственных или временных ограничений, а установленный умысел, направленный именно на пресечение административного контроля, что отли-

чает злостное уклонение от иных случаев несоблюдения режима[1].

Таким образом, декларируемая превентивная цель нормы ст. 314.1 УК РФ не достигается в полной мере из-за дисфункций в начальной стадии уголовного процесса. Для повышения эффективности противодействия уклонению от административного надзора необходимо не столько дальнейшее ужесточение санкции, сколько процессуальная оптимизация стадии возбуждения дела. Это требует формализации требований к содержанию первичных материалов (рапортов); выработки четких, адаптированных к специфике дела критериев оценки явки с повинной; разработки методик по активному сбору доказательств умысла на раннем этапе расследования.

Только преодоление выявленных процессуальных противоречий позволит обеспечить действенность административного надзора как инструмента профилактики рецидивной преступности.

Недобор А.Н.

Судебный участок Первомайского судебного района г. Новосибирска

О важности судебного контроля за производством следственных действий, ущемляющих конституционные права и свободы человека и гражданина

В условиях усиления судебного контроля за вмешательством государства в сферу конституционных прав и свобод особое значение приобретают следственные действия, допускаемые только на основании судебного решения. Такие действия, как правило, затрагивают неприкосновенность жилища, тайну связи, право собственности и иные охраняемые законом интересы, поэтому законодатель устанавливает для них повышенные процессуальные гарантии.

В правоприменительной практике сохраняются проблемы, связанные с качеством судебного контроля на стадии предварительного расследования: неоднородностью подходов судов к оценке обоснованности ходатайств, формализацией мотивировки судебных постановлений, спорами о пределах вмешательства в права личности, а также последующими вопросами допустимости доказательств, полученных с нарушением установленного порядка. Одновременно развитие цифровых технологий и распространение электронных средств коммуникации усиливают потребность в ясных правилах санкционирования действий, затрагивающих тайну связи и частную жизнь.

Безусловно, степень изученности рассматриваемого вопроса характеризуется наличием значительного массива научных работ отечественных процессуалистов, посвященных судебному контролю в досудебном производстве[2], допустимости доказательств[3] и гарантиям прав личности при производстве следственных действий[4]. Вместе с тем сохраняется потребность в актуализации

1 Бициев З.В. Цель уклонения от административного надзора, как криминообразующий признак состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2024. № 4. С. 115-122.

2 Лебедев Н.Ю. О важности непроцессуального взаимодействия участников уголовного судопроизводства // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1 (23). С. 28-37.

3 Ким Д.В. Криминалистическая методика как информационно-познавательная система в деятельности субъектов доказывания // Сборник материалов криминалистических чтений. 2021. № 18. С. 22-24.

4 Лебедева Ю.В. Еще раз о тактике разрешения конфликтных ситуаций при получении показаний в ходе производства вербальных следственных действий // Закон и право. 2024. № 4. С. 195-199.

исследований с учетом изменений законодательства, расширения практики применения мер, связанных с получением информации из цифровой среды, и неоднородности судебных подходов к оценке обоснованности вмешательства.

Статья 165 УПК РФ «регулирует судебную процедуру получения разрешения на проведение расследования. Она предусматривает порядок получения судебного решения о проведении следственных действий, которые ограничивают конституционные права граждан»[1].

Однако ч. 5 ст. 165 УПК РФ устанавливает исключительные случаи, когда следственные действия могут быть проведены на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения.

В ситуациях, когда по делу возникает необходимость провести следственное действие, требующее судебного разрешения, но промедление может привести к утрате доказательств, сокрытию лица, уничтожению предметов и документов либо иным необратимым последствиям, закон допускает проведение такого действия в неотложном порядке. В подобных случаях следователь или дознаватель обязан обеспечить последующий контроль со стороны суда и прокурора: «он уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия не позднее 3 суток с момента начала его производства (в пределах установленного законом срока и с приложением материалов, подтверждающих неотложность). Далее судья проверяет законность произведенного вмешательства и выносит постановление о признании следственного действия законным либо незаконным не позднее 24 часов с момента поступления уведомления»[2].

Раскрывая указанную процедуру, важно подчеркнуть, что уведомление суда и прокурора – это не формальность, а механизм «постконтроля», призванный компенсировать отсутствие предварительного судебного разрешения. В уведомлении, как правило, отражаются: основания и мотивы неотложности, данные о возбужденном уголовном деле, сведения о том, какое именно следственное действие проведено (например, обыск/выемка/осмотр жилища), в отношении какого объекта и каких лиц, какие меры приняты для соблюдения прав участников и какие результаты получены. К уведомлению приобщаются процессуальные документы и материалы, позволяющие судье объективно оценить правомерность вмешательства: протокол следственного действия с приложениями, постановления должностных лиц, рапорты, сведения о времени начала и окончания, данные о присутствующих, записи видеофиксации (если применялась), а также иные документы, подтверждающие, что ожидание судебного решения действительно создавало риск утраты доказательственной информации.

Судебная проверка в таких случаях обычно охватывает несколько ключевых блоков:

1) проверка наличия правовых оснований: судья оценивает, имелись ли предусмотренные законом условия для проведения конкретного следственного действия, и относится ли оно к числу действий, которые в принципе требуют судебного решения;

2) проверка «неотложности» и обоснованности вмешательства: анализируется, были ли реальные обстоятельства, которые делали невозможным предва-

1 Абрамова Л.Л., Судницын А.Б., Логинова Н.Г. Взаимодействие следователя с органом дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. С. 69-77.

2 Калугин А.Г. Возможности осуществления следственной профилактики по результатам проведения отдельных следственных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов XIV научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011. Ч. 1. С. 168-171.

рительное обращение за судебным разрешением без ущерба целям расследования (например, риск немедленного уничтожения предметов, вывоза имущества, смены места нахождения лица, утраты цифровых данных и т.п.);

3) проверка соблюдения процессуальной формы: судья оценивает корректность оформления протокола, соблюдение порядка участия понятых/видеофиксации (в зависимости от вида действия и требований закона), разъяснение прав лицам, в отношении которых действовали, правильность описания и упаковки изъятого, наличие замечаний участников и реакцию должностного лица на такие замечания;

4) проверка соразмерности и пределов вмешательства: устанавливается, не был ли допущен «избыточный» объем принудительных мер (например, изъятие заведомо не относящихся к делу вещей, необоснованный доступ к сведениям, выход за пределы обозначенного предмета поиска, затрагивание прав третьих лиц без достаточных причин).

По результатам судья выносит постановление о законности либо незаконности следственного действия. Это решение имеет существенные правовые последствия. Если действие признано законным, его результаты могут использоваться в доказывании при условии соблюдения иных требований допустимости доказательств. Если же следственное действие признано незаконным, возникает комплекс последствий: полученные сведения рискуют быть признанными недопустимыми доказательствами; изъятое имущество подлежит возврату законному владельцу (если нет иных правовых оснований для удержания); возможна постановка вопроса о дисциплинарной, процессуальной или иной ответственности должностного лица; сторона защиты получает дополнительный аргумент для обжалования и исключения доказательств.

Правовая основа описанного механизма представляет собой разветвленный комплекс нормативных источников, регулирующих организацию и осуществление юридически значимых процедур. Его главная задача – удерживать баланс между общественной потребностью в эффективном раскрытии преступлений и обязанностью государства уважать и защищать фундаментальные права граждан. Такой баланс обеспечивается многоуровневой системой актов, в которой каждый источник выполняет собственную функцию: одни закрепляют базовые принципы и гарантии, другие – детально расписывают процессуальную технологию, третьи – обеспечивают единообразие правоприменения через разъяснения высших судов.

Конституция РФ выступает фундаментом всей правовой системы. Она не только провозглашает права и свободы, но и задаёт пределы допустимого вмешательства государства в частную сферу. На конституционном уровне закреплены: достоинство личности и запрет унижающего обращения, право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и тайну переписки и иных сообщений, неприкосновенность жилища, охрана права собственности, право на судебную защиту и право обжаловать действия должностных лиц, презумпция невиновности и запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона. Для следственных действий это означает, что любое ограничение прав (вход в жилище, изъятие имущества, доступ к переписке, вмешательство в личную сферу) допустимо лишь при наличии законных оснований, надлежащей процедуры и разумной соразмерности поставленной цели.

Значение УПК РФ проявляется и в том, что он связывает законность следственного действия с вопросом допустимости доказательств: при нарушении ключевых гарантий результаты могут

быть исключены из доказательственной базы. Эта связка имеет принципиальный смысл: она превращает правозащитные нормы из декларации в реально работающий инструмент, поскольку нарушение процедуры влечёт «процессуальную санкцию» – утрату доказательственной ценности полученных сведений.

Судебные разъяснения играют самостоятельную роль в формировании целостного правового регулирования. Постановления Пленума Верховного Суда РФ ориентированы на единообразие практики: они разъясняют спорные вопросы толкования УПК РФ, определяют подходы к оценке «неотложности», к проверке мотивированности процессуальных решений, к оценке допустимости доказательств и к стандартам судебного контроля. Такие разъяснения важны, потому что даже при формально одинаковых нормах практика их применения может различаться, а единые подходы уменьшают риск произвольного ограничения прав.

В итоге изучение правового регулирования следственных действий показывает практическую ценность многоуровневой системы гарантий: она не просто «ограничивает следствие», а обеспечивает легитимность и проверяемость полученных результатов. Чем тщательнее соблюдены основания, сроки уведомления, порядок фиксации и последующая судебная проверка, тем выше вероятность, что доказательства будут признаны допустимыми, а права участников – реально защищёнными. Заключительный вывод состоит в том, что устойчивое функционирование правоохранительной системы возможно только при комплексном подходе к правовой базе: сочетании конституционных гарантий, детальной процедуры УПК РФ и единообразного толкования норм высшими судами, что обеспечивает справедливое разбирательство и доверие к результатам расследования.

Галимов О.Х.,
кандидат юридических наук, доцент,
судья Красноярского краевого суда в почетной отставке
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемы развития законодательства о допросе несовершеннолетних в современном уголовном судопроизводстве

При рассмотрении вопросов оптимизации и унификации производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних принято считать, что правовой основой развития указанных процессов является Глава 50 УПК РФ с одноименным названием данного производства, которая объединяет совокупность норм, регулирующих участие в уголовном процессе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Действительно, специфика правоотношений с участием названных субъектов предполагает наличие специальных норм, которые, будучи сгруппированными в одном разделе, должны создавать целостную картину обсуждаемого производства, что определенно удобно правоприменителю для понимания и использования. Кроме того, такой подход законодателя позволяет: выработать единый режим правового регулирования однородных по своей сути вопросов; обеспечить полноту этого механизма; выявить его недостатки и избежать пробелов; устранить неравномерность

гарантированного законом для несовершеннолетних уровня защиты их прав и законных интересов. Однако эта идея в полной мере законодателем не реализована.

Во-первых, часть норм, касающихся производства в отношении несовершеннолетних, так и осталась за пределами Главы 50 УПК РФ (например, ст.105 УПК РФ и др.). Во-вторых, в данную главу не интегрированы положения, связанные с участием в уголовном судопроизводстве несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, что значительно снижает единство правовой системы производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних[1].

Характерным примером дисбаланса законодательного регулирования рассматриваемого производства являются нормы, регламентирующие получение показаний от несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших.

Впервые в российской истории нормативно особенности допроса несовершеннолетних в уголовном процессе были сформулированы в УПК РСФСР и были связаны исключительно с привлечением к участию в данном следственном действии педагога и законного представителя на досудебном производстве и в судебном заседании (статьи 159, 285, 397).

С введением в действие с 1 июля 2002 года УПК РФ существенно изменились правила допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Новеллы представлены в ст.435 УПК РФ следующими нормами:

– ограничение продолжительности допроса (без перерыва не более двух часов, а в общей сложности не более четырех часов в день);

– возможность привлечения к участию в допросе не только педагога, но и психолога;

– обязательное участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, педагога или психолога (ранее в УПК РСФСР привлечение педагога было обязательным только при допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего в возрасте до четырнадцати лет, а при допросе несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет – по усмотрению следователя, суда).

При этом до декабря 2013 года (более десятка лет) содержание статей 191 и 280 УПК РФ («Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля») остались фактически в прежней редакции соответственно статей 159 и 285 УПК РСФСР («Допрос несовершеннолетнего свидетеля»). И это несмотря на то, что законодатель уже в первые годы применения УПК РФ делал значительные попытки исправить недостатки уголовно-процессуального закона[2].

Потребовалось длительное время для того, чтобы Федеральным законом от 28 декабря 2013 года была принята новая редакция ст. 191 УПК РФ, которая не только привела положения о допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего в соответствие с новеллами ст. 425 УПК РФ, но и существенно расширила гарантии данных участников

1 Предложения по выделению на законодательном уровне в уголовно-процессуальном кодексе отдельной главы, посвященной комплексному регулированию данного производства, были высказаны еще задолго до принятия УПК РФ. См. в кн.: Николюк В.В. Производство с участием несовершеннолетних. Омск : Высшая школа МВД России, 1994.

2 Подр.: Галимова М.А., Галимов О.Х. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: первые изменения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2023. Ч. 2. С. 134-136.

досудебного производства. В частности, особые правила распространили свое действие не на одно, а на четыре следственных действия с участием несовершеннолетнего, которые так или иначе связаны с получением показаний: допрос, очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Суть изменений заключается в следующем.

1. Обязательное привлечение педагога или психолога при проведении указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет (более старших – по усмотрению следователя) либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. При этом по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего обязательно участие именно психолога.

2. Продолжительность названных следственных действий ограничена возрастными группами несовершеннолетних участников (до семи лет – без перерыва не более 30 минут, а в общей сложности – не более одного часа, от семи до четырнадцати лет – не более одного часа, а в общей сложности – не более двух часов, старше четырнадцати лет – не более двух часов, а в общей сложности – не более четырех часов в день).

3. В ходе рассматриваемых следственных действий с участием несовершеннолетних обязательно применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

Таким образом, в ст. 191 УПК РФ был сформирован вполне логичный и обоснованный подход к правовому регулированию получения показаний от несовершеннолетних лиц для обеспечения гарантий их правового статуса и интересов правосудия, который не получил своей своевременной и полной реализации в законодательстве[1].

Например, только Федеральным законом от 6 марта 2022 года статья 280 УПК РФ была дополнена аналогичными положениями о продолжительности судебного допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших, а также участии в нем педагога и психолога. Столь продолжительное ожидание данных изменений отчасти компенсировалось тем, что Федеральным законом от 28 декабря 2013 года наряду с новой редакцией ст. 191 УПК РФ в ст. 281 УПК РФ была введена часть шестая, допускающая в судебном заседании оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса.

Однако это не снимает вопросов о необходимости экстраполяции новых норм, регламентирующих получении показаний от несовершеннолетних, на иные следственные действия, в том числе производимые в суде (например, предъявление для опознания – ст.289 УПК РФ), и приведении в соответствие с ними содержание ст.425 УПК РФ, которая к настоящему времени осталась в редакции двадцатипятилетней давности.

Указанных коллизий можно было бы избежать, объединив все нормы, регулирующие уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних, в единую главу УПК РФ с аналогичным названием.

1 Подр.: Галимов О.Х. Особенности реализации положений статьи 191 УПК РФ при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 151-154.

Мещерякова Т.А.
Академия управления МВД России (г. Москва)

Осмотр, допрос, проверка показаний при расследовании преступлений, совершаемых при управлении средствами индивидуальной мобильности

За 9 месяцев 2025 года на территории Российской Федерации зарегистрированы 2959 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с участием лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ), в которых погибли 54 и получили ранения 3062 человека.

Наиболее часто при ДТП получают ранения и погибают лица, управляющие СИМ: 90,7% случаев с погибшими, 75% – с получением ранений. Несмотря на действующие ограничения при перевозке пассажиров, 5,6% из данной категории лиц погибли и 5,5% получили ранения. Среди пешеходов за 9 месяцев 2025 года 1,9% погибли и 16,6% ранены. Следует отметить, что при ДТП с участием СИМ в рассматриваемом периоде погибших водителей и пассажиров механических транспортных средств не зарегистрировано, доля раненых – 1,4%[1].

На тротуарах, пешеходных дорожках, пешеходной зоне удельный вес ДТП с участием СИМ составил 26%, что объясняется возможностью передвижения по данным участкам лиц, управляющих СИМ, а также пешеходов.

Н.А. Медведев отмечает, что двойственность существования СИМ прежде всего связана с оценкой и восприятием сопутствующей инфраструктурой и ее подготовленностью для передвижения на электросамокатах и других аналогичных видах транспорта[2]. О.Н. Васильева полагает, что передвижение на электросамокатах в пешеходной зоне, в которой летом находится большое количество туристов, обязательно тем или иным образом может создать опасную дорожную ситуацию[3].

Удельный вес ДТП с участием СИМ на других участках улично-дорожной сети составил: на перегонах – 17,6%; выезд с прилегающей территории – 13,1%; нерегулируемый перекресток неравнозначных улиц (дорог) – 11,2%; нерегулируемый пешеходный переход – 11,2%; регулируемый пешеходный переход – 9,8%; регулируемый перекресток – 9,7%; внутридворовая территория – 9,4%; автостоянка – 2%; нерегулируемый перекресток равнозначный улиц (дорог) – 1,9%; иные места – 3,4%[4].

Приведенная статистическая информация показывает актуальность вопроса обеспечения безопасности дорожного движения при эксплуатации СИМ.

При расследовании преступлений, совершаемых при управлении СИМ, значительный объем информации о событии может быть получен в ходе осмотра места происшествия и транспортных средств, допроса лица, управлявшего СИМ (иным транспортным средством), пешехода, проверки показаний на месте совершения ДТП.

В главе 24 УПК РФ закреплены порядок и основания производства осмотра места происшествия. Основная задача осмотра, который может производиться и до возбуждения уголовного дела, заключается в обнаружении следов преступления, выяснении обстоятельств,

1 Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. С. 29.

2 Медведев Н.А. Средства индивидуальной мобильности в российских городах: современные вызовы и задачи государственной политики // Вестник Российской нации. 2025. № 4(103). С. 75.

3 Васильева О.Н. Ограничительные меры для средств индивидуальной мобильности // Правовой альманах. 2025. № 5(45). С. 63.

4 Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. С. 30.

имеющих значение для уголовного дела (ст. 176 УПК РФ). Так, в ходе осмотра важно определить направление движения СИМ, причину изменения траектории движения (внезапной остановки), установить является ли данный факт внешним воздействием, возможно произошедшее событие связано с блокировкой СИМ (техническая неисправность) или происшествие явилось результатом действий лица, управляющего СИМ. Следует обратить внимание на наличие технических средств организации дорожного движения – дорожных знаков, запрещающих, разрешающих или определяющих движение СИМ (3.10 «Движение пешеходов запрещено», 3.35 «Движение на средствах индивидуальной мобильности запрещено», 4.5.1 «Пешеходная дорожка», 4.5.2 «Пешеходная и велосипедная дорожка с совмещенным движением (велопешеходная дорожка с совмещенным движением)», 4.5.4 и 4.5.5 «Пешеходная и велосипедная дорожка с разделением движения», 5.11.2 «Дорога с полосой для велосипедистов», 5.14.2 «Полоса для велосипедистов», 5.39 «Велосипедная зона», 8.4.7.2 «Вид транспортного средства», 8.4.16 «Кроме вида транспортного средства»)[1]. Следует обратить внимание на тип покрытия, на котором произошло ДТП с участием СИМ.

Осмотр следов преступления и иных обнаруженных предметов производится на месте производства следственного действия (ст. 177 УПК РФ).

Если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя и других участвующих лиц (при их наличии) на месте осмотра. Изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу. При этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов. В этой связи целесообразным является помещение СИМ на специализированную автомобильную стоянку как вещественное доказательство (ст. 82 УПК РФ).

В связи с тем, что СИМ не относятся к категории механических транспортных средств, управление ими имеет некоторые особенности, что учитывается при расследовании уголовных дел. В частности, следователь может запросить в компаниях, предлагающих аренду на условиях кикшеринга, необходимые сведения.

Основные категории запрашиваемой информации:

– персональные данные пользователя: фамилия, имя, отчество, номер телефона, привязанные банковские карты, история поездок, договоры аренды;

– технические данные поездки: хронологическую запись о передвижении транспортного средства, фиксирующую маршрут, время, точную скорость в конкретные моменты, остановки (данные GPS), технические данные конкретного устройства (ID самоката);

– идентификация: фотофиксация завершения поездки для идентификации лица, данные аккаунта;

– техническое состояние: данные о техническом состоянии самоката в момент аренды.

Все обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть предъявлено участникам осмотра (ст. 177 УПК РФ).

А.В. Чудаков и И.Е Вайцеховский[2] указывают на то, что возникает ряд сложностей при реконструкции ДТП с участием лиц, управляющих СИМ.

1 О Правилах дорожного движения : постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).

2 Чудаков А.В., Вайцеховский И.Е Реконструкция дорожно-транспортных происшествий с участием механических транспортных средств и лицами управляющие средств индивидуальной мобильности // Заметки ученого. 2023. № 4. С. 219.

Для проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь имеет право произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц (ст. 181 УПК РФ).

В случае ДТП с участием СИМ целесообразно проводить проверку показаний на месте в условиях, приближенных к моменту совершения ДТП (ст. 194 УПК РФ).

В целях установления новых обстоятельств, показания, ранее данные подозреваемым или обвиняемым, потерпевшим или свидетелем, могут быть проверены или уточнены на месте происшествия.

Проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства события, указывает на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия. Постороннее вмешательство в ход проверки и наводящие вопросы недопустимы. Также запрещена одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц.

Важно учесть погодные условия, состояние покрытия проезжей части, температурный режим, направление солнечных лучей, наличие освещения, световозвращающих элементов, видимость дорожных знаков, наличие временных ограничений режима движения транспортных средств и пешеходов.

Общие правила проведения допроса содержатся в главе 26 УПК РФ.

Следователь, привлекая лиц к участию в следственных действиях, удостоверяется в их личности, разъясняет им права, ответственность,

а также порядок производства соответствующего следственного действия (ч. 5 ст. 164 УПК РФ).

Допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями. В ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются.

При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств (ч. 6 ст. 164 УПК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что потенциально опасными являются участки улично-дорожной сети, предназначенные для движения пешеходов без запрета движения СИМ и перегоны. Наиболее подвержены травмам лица, управляющие СИМ и пешеходы.

При расследовании преступлений, совершаемых при управлении СИМ, осмотр, допрос, проверка показаний осуществляются с учетом особенностей данного транспортного средства, необходимости получения персональных данных пользователя, идентификации (в том числе получение данных аккаунта).

Янин С.А.,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России

О некоторых аспектах допроса свидетелей в ходе расследования контрабанды культурных ценностей

Контрабанда культурных ценностей в последние годы вызывает большую обеспокоенность со стороны правоохранительных органов. Несмотря на то что пик ее пришелся на 1990-е и начало 2000 гг., до сих пор факты незаконного вывоза культурных ценностей с территории Российской Федерации (как, впрочем, и факты незаконного ввоза) имеют место быть. А.Х.-А. Пихов отмечает: «Россия преимущественно выступает в качестве в качестве страны, из которой такие ценности нелегально вывозятся в другие государства. Также территория нашей страны используется для незаконного транзита культурных ценностей и в меньшей степени для контрабандного ввоза последних»[1].

При этом в последние годы в качестве вывозимых ценностей все чаще фигурируют предметы палеоботаники, метеориты, ископаемые останки доисторических животных. Также заслуживающей внимания криминалистов тенденцией является смещение вектора незаконных перевозок рассматриваемого вида с западных границ России на восточные.

К.А. Диканов еще в 2008 г. отмечал, что «все чаще контрабандный вывоз культурных ценностей осуществляется через Дальневосточный регион в Китай, Японию, страны Юго-Восточной Азии, США. Имеет место увеличение числа задержаний граждан Китая, пытающихся вывезти из России старинные монеты и монеты советского периода, ордена, медали, религиозные предметы и иные предметы культа, в том числе буддийские иконы, древнее оружие, окаменелости древних животных и др.»[2]. Сегодня с учетом современной геополитической ситуации в мире данные тенденции только усилились.

Преступления, объединенные ст. 226.1 УК РФ, объединяют различные виды предметов преступного посягательства, и культурные ценности являются одним из них. При этом уголовные дела по таким преступлениям имеют альтернативную подследственность. Следователи органов внутренних дел расследуют только контрабанду культурных ценностей, совершенную с применением насилия в отношении лиц, осуществляющих таможенный контроль, а также группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой.

Повышенный интерес организованных групп к предметам, представляющим культурные ценности, справедливо отмечается исследователями, вызван прежде всего тем, что в большинстве своем приобретение/продажа культурных ценностей являются весьма выгодным вложением как для продавца, так и для покупателя товара, поскольку данные предметы обладают высокой стоимостью, не теряющей ценности в течение длительного времени, и скорее статичны к своему росту, нежели падению на рынке товаров[3].

1 Пихов А.Х.-А. Контрабанда культурных ценностей как транснациональное преступление // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 301-302.

2 Диканов К.А. Борьба с преступными посягательствами на культурные ценности: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 27-28.

3 Судникова Н.Ю., Гриневич К.В. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию при расследовании контрабанды культурных ценностей // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева № 4, том 2. 2020. С. 87.

Названные нами виды контрабанды имеют определенную специфику расследования, обусловленную групповым характером совершения подобных преступлений, что само по себе затрудняет расследование, требуя установления достаточно большого количества криминалистически значимых сведений. Такие сведения можно получить путем допроса – самого распространенного из следственных действий, имеющихся в арсенале органов расследования. Сюда относятся допросы свидетелей, а также подозреваемых (обвиняемых), в ходе которых можно установить и впоследствии дополнительно закрепить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ.

Так, свидетелями по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории могут выступать сотрудники таможенной и пограничной служб, выявившие факт контрабанды; лица, случайно оказавшиеся при обнаружении контрабанды ценностей у фигуранта; понятые, присутствовавшие в ходе производства первоначальных проверочных мероприятий; сотрудники органа дознания, осуществлявшие оперативную разработку задержанного и т.п.

Соответственно, содержательное наполнение их допроса определяется той информацией, которой владеет данный участник уголовного судопроизводства.

Например, предмет допроса должностных лиц указанных государственных органов составляют сведения о характере и обстоятельствах проводимых ими мероприятий; круге служебных обязанностей; времени и месте реализации своих должностных обязанностей, в ходе которой был выявлен факт контрабанды культурных ценностей; предпринятых ими действиях; реакции лица, у которого был выявлен факт контрабанды, предпринятых им действиях (в случае, например, применения насилия по отношению к таким сотрудникам либо иных попыток воспрепятствования законной служебной деятельности) и др.

Предмет допроса лиц, случайно оказавшихся очевидцам выявления факта контрабанды, образуют обстоятельства, касающиеся причины их пребывания в данном месте, наблюдаемых ими фактах относительно обнаружения контрабанды, действиях сотрудников таможни и лица, у которого обнаружена контрабанда, сведений относительно предмета контрабанды (если таковой был продемонстрирован присутствующим) и т.п.

Понятые допрашиваются относительно обстоятельств участия в первоначальных проверочных действиях, а именно их приглашения в таком качестве, процедуры разъяснения им прав, обязанностей и ответственности; наблюдаемых действиях; реакциях досматриваемого лица; внешнем виде обнаруженных культурных ценностей и др.

Сотрудники подразделений органа дознания, проводившие оперативную разработку задержанного за контрабанду лица, допрашиваются относительно обстоятельств проводимых оперативно-розыскных мероприятий, не являющихся государственной тайной, подтверждающих причастность задержанного лица к контрабанде культурных ценностей.

Свидетели, так или иначе вовлеченные в деятельность контрабандистов (т.е. не являющиеся непосредственными соучастниками, а владеющие информацией о ней, наблюдавшие оборот культурных ценностей, оценивавшие их и т.п.), также могут оказаться крайне полезными для установления криминалистически значимой информации.

Тактика их допроса обусловлена тем, что в подавляющем большинстве случаев допрос происходит в бесконфликтной ситуации, и у следователя отсутствует необходимость применять приемы разоблачения лжи и иные, ха-

рактерные для допроса подозреваемых и обвиняемых.

Так, по уголовному делу[1] по обвинению Б.М.С. и Ф.О.Э. в совершении контрабанды культурных ценностей в составе организованной группы, ценные свидетельские показания были получены от лиц, через которых Б.М.С. получал археологические предметы для последующей незаконной переправки через Государственную границу РФ. Кроме того, детализация показаний таких свидетелей позволила провести опознание археологических предметов, которые они наблюдали в процессе передачи Б.М.С. и Ф.О.Э., по фотоснимкам. Последнее, в свою очередь, наравне с протоколами их допросов позволило сформировать надлежащую доказательственную базу и легло в основу обвинительного приговора суда.

Акцент в описанном нами случае делался, как правило, на приемах, связанных с активизацией процессов памяти – допрос на месте, использование ассоциативных связей и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что надлежаще проведенные допросы свидетелей по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории позволяют и установить криминалистически значимые обстоятельства. Последние, в свою очередь, будут способствовать повышению эффективности расследования и защите отечественной культуры от преступных посягательств.

Миняшева Г.И.,
кандидат юридических наук
Уфимский юридический институт МВД России

Проведение следственных действий в формате видео-конференц-связи: допустимость доказательств

Проведение следственных действий в формате видео-конференц-связи (ВКС) представляет собой логичный и прагматичный ответ системы уголовной юстиции на новые вызовы. Однако интеграция технологий в уголовный процесс сопряжена с комплексом правовых рисков и коллизий. Уголовное судопроизводство зиждется на фундаментальных принципах, призванных обеспечить справедливость, защитить личность от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения прав и свобод.

Актуальность проблем использования ВКС в досудебном производстве обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практического разрешения диалектического противоречия между двумя векторами развития: с одной стороны, объективной потребностью в процессуальной оптимизации и адаптации к цифровой реальности, с другой – императивной обязанностью государства гарантировать полное и неукоснительное соблюдение прав человека в уголовном процессе.

Законодательное закрепление возможности проведения процессуальных действий с использованием ВКС стало результатом постепенной адаптации уголовно-процессуального закона к технологическим и социальным реалиям. Изначально регламентация носила точечный характер и была сосредоточена преимущественно на судебных стадиях, в частности, на опросе свидетелей, находящихся за пределами места проведе-

1 Уголовное дело № 1-372\14. Архив Выборгского городского суда Ленинградской области. 2014.

ния судебного заседания. Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 29 декабря 2009 г. № 433-ФЗ, который ввел в УПК РФ отдельную статью 164.1, специально посвященную производству следственных действий с применением ВКС. Это создало единую правовую основу для дистанционного взаимодействия на досудебных стадиях.

Согласно статье 164.1 УПК РФ видео-конференц-связь определяется как информационная система, обеспечивающая одновременную двустороннюю передачу, обработку, преобразование и отображение аудио- и видеоинформации в режиме реального времени. Закон устанавливает, что решение о применении ВКС принимается следователем (дознавателем) с согласия руководителя следственного органа (начальника органа дознания), а при производстве судебных действий – судом. УПК РФ содержит примерный перечень следственных действий, которые могут быть проведены дистанционно: допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, а также участие лица, содержащегося под стражей, в иных следственных действиях.

Эволюция регулирования демонстрирует тенденцию к расширению сферы применения ВКС, однако законодатель сохраняет определенный консерватизм в отношении ключевых гарантий. Ярким примером является правило части 4 статьи 247 УПК РФ, согласно которому судебное разбирательство по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении проводится с обязательным участием подсудимого, содержащегося под стражей, что предполагает его физическую доставку в зал суда. Участие такого подсудимого в заседании через ВКС допускается лишь в исключительных случаях по ходатайству самого подсудимого или по инициативе суда, например, при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей. Эта норма отражает приоритет принципа непосредственности и права на личную защиту в центральной стадии процесса.

Дистанционный формат порождает и специфические риски для достоверности показаний. Ключевой гарантией здесь является обеспечение независимости и добровольности дачи показаний. Следователь, организующий сеанс связи, обязан перед началом допроса не только удостовериться в личности допрашиваемого по документу, но и убедиться, что в помещении, где находится свидетель или потерпевший, отсутствуют посторонние лица, способные оказывать на него давление, подсказывать ответы или иным образом влиять на содержание показаний. На практике эта проверка должна быть отражена в протоколе[1].

Доказательства, полученные в ходе следственного действия, проведенного с использованием ВКС, подлежат оценке на общих основаниях, предусмотренных статьей 88 УПК РФ, по критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Однако специфика цифрового формата наполняет эти критерии, в первую очередь критерий допустимости, особым содержанием и выдвигает на первый план процедурные аспекты. Нарушение установленного порядка дистанционного производства является наиболее частым основанием для признания таких доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Процедурные основания допустимости:

1) наличие надлежащего процессуального решения. Производство следственного действия посредством ВКС должно быть санкционировано постановлением

1 Парламентская газета. Юлия Сапрыгина. Количество киберпреступлений в России выросло на треть. Мошенники больше не охотятся на бабушек, а ищут жертв помоложе и побогаче. URL: https://www.pnp.ru/social/kolichestvo-kiberprestupleniy-v-rossii-vyroslo-na-tret.html. (дата обращения: 02.02.2026).

следователя, вынесенным с согласия руководителя следственного органа;

2) добровольное согласие участника. Как уже отмечалось, протокол должен содержать четкое указание на то, что право на личное участие было разъяснено и от него участник добровольно отказался, дав согласие на дистанционный формат;

3) надлежащее обеспечение права на защиту. Если в деле участвует защитник, его физическое присутствие рядом с обвиняемым и возможность конфиденциального общения должны быть неоспоримо подтверждены. Суды последовательно исключают доказательства, полученные в ситуации, когда защитник подключался дистанционно, а обвиняемый находился в учреждении один;

4) соблюдение технических стандартов. Использование непредусмотренных инструкцией средств связи (например, публичных мессенджеров Zoom, Skype или социальных сетей) является безусловным нарушением, ведущим к недопустимости доказательства;

5) надлежащая фиксация хода и результатов. Сеанс ВКС в обязательном порядке записывается на видеоноситель с обеих точек подключения.

Проблема достоверности и оценки. Критерий достоверности доказательств, полученных через ВКС, тесно связан с техническими и психологическими ограничениями технологии. Суд и стороны лишены возможности в полной мере наблюдать за обстановкой, в которой находится допрашиваемый. Ограниченный угол обзора камеры не позволяет контролировать, что происходит за ее пределами: нет ли в помещении посторонних лиц, плакатов с подсказками или иных факторов давления. Это создает объективные сложности для оценки свободного волеизъявления лица и независимости его показаний.

Возникает и психологический аспект: общение через экран может искажать восприятие, способствовать большей формальности или, наоборот, вызывать у участников дополнительный стресс. Следователь, лишенный возможности в полной мере использовать методы невербального взаимодействия и наблюдения, может столкнуться с трудностями в установлении психологического контакта и оценке искренности допрашиваемого.

Вопрос о принципе непосредственности. Использование ВКС на досудебных стадиях вносит коррективы в реализацию принципа непосредственности, традиционно понимаемого как необходимость личного восприятия доказательств следователем и судом из первоисточника. При дистанционном допросе следователь воспринимает информацию не напрямую, а через техническое средство – систему аудиовизуальной передачи. Однако в доктрине и судебной практике сложился подход, согласно которому такое опосредованное восприятие не противоречит принципу непосредственности, если технология обеспечивает адекватную и синхронную передачу информации, позволяющую следователю непосредственно в момент производства действия видеть и слышать допрашиваемого, задавать вопросы и получать ответы в реальном времени[1]. Таким образом, ВКС не заменяет непосредственность, а становится ее технически опосредованной формой, допустимость которой строго обусловлена соблюдением всех процессуальных гарантий.

На практике оценка допустимости доказательств, полученных через ВКС, носит строго формализованный характер. Судьи тщательно проверяют материалы дела на предмет соответствия процедуры букве закона: наличие санкции руководителя, запись о разъяснении прав, данные об обеспечении за-

1 Волколупова А.В. Принцип непосредственности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Закон. 2023. № 8. С. 145–158.

щитника, технические характеристики использованного оборудования.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что видео-конференц-связь утвердилась в российском уголовном процессе в качестве легитимного и востребованного инструмента, применение которого продиктовано как логикой технологического развития, так и необходимостью адекватного ответа на новые формы преступности, в частности, на взрывной рост киберпреступлений и дистанционных мошенничеств[1]. Нормативная база, сформированная вокруг этого института, представляет собой многоуровневую систему, включающую как материально-процессуальные нормы УПК РФ, так и детальные ведомственные регламенты, определяющие технико-организационные аспекты.

Тем не менее сохраняются проблемные зоны, требующие дальнейшего осмысления и регулирования. К ним относятся: риск скрытого давления на участника из-за ограниченности угла обзора камеры; проблемы верификации личности и обстановки на «удаленном» конце; необходимость разработки четких стандартов качества связи и протоколов действий при технических сбоях; а также вопрос о потенциальном расширении перечня следственных действий, проводимых дистанционно, с разработкой для каждого из них специальной процедуры, минимизирующей риски.

Лебедева Ю.В.,
кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В УПК РФ не закреплена форма взаимодействия «следственно-оперативная группа», но следственная практика доказала ее незаменимость

В практике раскрытия и расследования преступлений одной из наиболее типичных и одновременно наиболее проблемных сфер остается согласованность действий следователя и органа дознания. Именно качество их совместной работы во многом влияет на своевременность собирания доказательств, установление обстоятельств дела и принятие процессуальных решений.

Определение взаимодействия следователя с органами дознания представляет собой сложный вопрос, который вызывает дискуссии среди ученых-юристов. Различные авторы предлагают собственные трактовки этого термина, основываясь на особенностях своего подхода к проблеме. Например, некоторые ученые подчеркивают важность процессуального аспекта взаимодействия, тогда как другие делают акцент на организационных формах сотрудничества. Некоторые определяют взаимодействие как «совместную деятельность независимых друг от друга административных органов, основанную на законе и подзаконных нормативных актах. С.С. Телигисова[2] подчеркивает, что эта

1 ТАСС. Генпрокуратура сообщила о росте числа дистанционных мошенничеств на 40%. URL: https://tass.ru/obschestvo/18957905 (дата обращения: 02.02.2026).

2 Телигисова С.С. К вопросу об особенностях уголовно-процессуальной деятельности участкового уполномоченного полиции при взаимодействии с другими участниками уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела // Современные исследования: теория, практика, результаты (шифр-МКСИ) : сборник материалов XIII международной научно-практической конференции.

деятельность направлена на эффективное предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск подозреваемых и привлечение виновных к ответственности.

Одной из наиболее значимых форм взаимодействия является формирование следственно-оперативной группы, которая представляет собой устойчивую организационно-процессуальную конструкцию, предназначенную для согласованного применения средств и методов предварительного расследования и оперативно-розыскного обеспечения раскрытия преступлений. Ее сущность состоит в целенаправленном объединении усилий следователя (либо нескольких следователей) и сотрудников органа дознания, наделенных полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность и выполнять отдельные процессуальные действия и поручения. В научном плане следственно-оперативная группа может быть охарактеризована как форма организационного взаимодействия, при которой достигается функциональная комплементарность: следователь обеспечивает уголовно-процессуальную форму доказывания и принятие юридически значимых решений, тогда как оперативные подразделения обеспечивают информационную, поисковую и силовую поддержку расследования в пределах своей компетенции.

Правовая природа данной формы взаимодействия обусловлена тем, что в российской модели уголовного судопроизводства предварительное расследование является преимущественно процессуальной деятельностью, строго регламентированной нормами УПК РФ, а оперативно-розыскная деятельность регулируется специальным федеральным законом и по своей природе не тождественна доказыванию. Поэтому следственно-оперативная группа выступает механизмом «стыковки» двух режимов правового регулирования: процессуального (следственные действия, решения по делу, процессуальные сроки, гарантии прав участников) и оперативно-служебного (поиск информации о событии и лицах, выявление источников сведений, розыск, установление местонахождения, пресечение продолжаемых преступных действий). Указанная «стыковка» требует постоянного соблюдения границ компетенции, поскольку смешение режимов порождает риск недопустимости доказательств, нарушения прав человека и утраты управляемости расследованием.

Состав следственно-оперативной группы в типовом варианте включает следователя (или руководителя следственной группы) и оперативных сотрудников органа дознания, а при необходимости – специалистов (криминалистов, экспертов, сотрудников подразделений технической поддержки, кинологов, сотрудников по информационным учетам), а также иных должностных лиц, участие которых обусловлено характером расследуемого деяния. Однако ключевым признаком остается наличие двух базовых компонент: процессуальной (следователь) и оперативной (орган дознания), поскольку именно между ними формируется основное взаимодействие, требующее согласования целей, способов получения информации и порядка ее последующего процессуального закрепления.

Следственно-оперативная группа в практическом смысле нередко сопоставляется со следственной группой, создание которой прямо предусматривается уголовно-процессуальным законом в ситуациях сложности и значительного объема расследования. При этом важно различать: следственная группа – прежде всего процессуальная форма организации предварительного следствия (с распределением следственных полномочий между несколькими следователями

и назначением руководителя), тогда как следственно-оперативная группа – более широкая организационная форма, включающая помимо следователей также оперативных сотрудников и обеспечивающая интеграцию процессуальных и оперативно-розыскных средств. В реальных условиях эти две формы часто накладываются: следственная группа осуществляет процессуальное производство, а следственно-оперативная группа обеспечивает ее оперативное сопровождение, при сохранении руководящей роли следователя как носителя полномочий по принятию решений по делу.

Задачи взаимодействия в составе следственно-оперативной группы имеют двуединый характер и формулируются с учетом различия правовых функций участников. Для следователя первостепенное значение приобретает оперативное получение ориентирующей информации о событии, способе совершения преступления, причастных лицах, возможных источниках доказательственной информации, а также о рисках противодействия расследованию. Со слов Ш.Р. Раджабова, Д.А. Болатова, «такая информация, хотя и не всегда имеет процессуальную форму доказательства, позволяет выдвигать версии, определять приоритеты, планировать очередность следственных действий, своевременно инициировать меры процессуального принуждения и судебного контроля, обеспечивать безопасность участников процесса и сохранность следов преступления»[1]. Не менее значима для следователя помощь органа дознания при проведении сложных, масштабных или требующих значительных ресурсов мероприятий, включая силовое обеспечение задержаний, проведение обысков и выемок, организацию оцепления и контроля территории, розыск и доставление лиц, установление местонахождения имущества, техническую поддержку при работе с цифровыми следами, а также выполнение иных действий, которые по своей природе остаются процессуальными, но нуждаются в организационном обеспечении и участии значительного числа сотрудников.

Для органов дознания взаимодействие в составе следственно-оперативной группы имеет собственный смысл и самостоятельную мотивацию, вытекающие из закрепленных законом полномочий. «Во-первых, орган дознания реализует право и обязанность производить неотложные следственные действия по делам, по которым предварительное следствие обязательно, в ситуации, когда промедление способно привести к утрате следов преступления или затруднить изобличение виновных. Во-вторых, орган дознания осуществляет оперативно-розыскную деятельность, направленную на выявление и установление лиц, причастных к преступлению, поиск скрывшихся обвиняемых, установление свидетелей, выявление каналов сбыта похищенного, обнаружение орудий преступления и иных объектов, имеющих значение для дела»[2]. В-третьих, орган дознания выполняет поручения следователя, обеспечивая тем самым реализацию процессуальных решений следствия в части, требующей оперативных возможностей, территориальной мобильности и инфраструктуры учета и розыска.

Временные рамки функционирования следственно-оперативной группы не ограничиваются исключительно стадией предварительного расследования, хотя именно на этом этапе взаимодей-

1 Раджабов Ш.Р., Болатов Д.А. Особенности взаимодействия следственных подразделений с органами дознания // Право и управление. 2024. № 9. С. 99-100.

2 Есина А.С., Иванов Д.А., Хмелев С.А. Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в ходе досудебного производства по уголовным делам : учебно-практическое пособие. М., 2021. С. 55-56.

ствие наиболее интенсивно и институционально оформлено. Взаимодействие может возникать и до возбуждения уголовного дела, на этапе проверки сообщения о преступлении, когда требуется незамедлительное реагирование, сбор первичной информации, обнаружение следов и предметов, принятие мер по пресечению преступления и установлению лиц. В равной мере оно сохраняет практическую актуальность после приостановления предварительного следствия, когда следователь продолжает принимать процессуальные решения в пределах своей компетенции, а орган дознания осуществляет розыск обвиняемого, установление местонахождения разыскиваемого имущества, проверку поступающих сведений, выявление новых эпизодов преступной деятельности или соучастников. Таким образом, следственно-оперативная группа может рассматриваться как динамическая система, активность которой варьирует в зависимости от фаз расследования: от первичного реагирования и «горячих следов» до этапов стабилизации доказательственной базы и последующего розыска при процессуальной паузе.

Эффективность следственно-оперативной группы во многом определяется тем, насколько корректно выстроено совместное планирование. На научном уровне планирование следует понимать как метод рационализации расследования, включающий постановку целей, формулирование следственных версий, определение комплекса действий по их проверке, распределение задач и установление временных параметров. Участие оперативного сотрудника в планировании придает этому процессу прикладную наполненность: следователь получает представление о реальных возможностях розыска, о доступных учетах и информационных ресурсах, о типичных способах противодействия и маскировки, о криминальной среде и связях проверяемых лиц. В сложных делах, особенно относящихся к организованной преступной деятельности, коррупции, преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, киберпреступности и много эпизодным имущественным посягательствам, именно планирование с опорой на оперативную информацию позволяет избежать ситуативности и «реактивного» характера расследования, обеспечивая последовательное наращивание доказательственной системы.

Назарова М.Д.,
кандидат юридических наук
Орловский юридический институт МВД России имени В.В.Лукьянова

Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением на стадии предврительного расследования

Потерпевший в уголовном судопроизводстве нуждается в защите законных интересов и восстановлении нарушенных прав, и, в частности, в возмещении причиненного преступлением вреда.

В теоретическом плане данный вопрос является одним из обсуждаемых и актуальных в современном уголовно-процессуальном праве[1], а в практической деятельности правоохранитель-

1 Иванов Д.А., Миронов А.Л., Филатова И.В. Актуальные вопросы повышения эффективности обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, в контексте изучения правоприменительной практики и действующего законодательства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 179-183.

ных органов вызывает определенные сложности.

Уголовное судопроизводство имеет своим предназначением защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, пострадавших от преступлений. Данное предписание находит свое отражение в числе положений уголовного судопроизводства (ч.1 ст. 6 УПК РФ), которые, в свою очередь, определяют облик государственной деятельности и ее наиболее значимые черты. О.В. Химичева и И.Б. Тутынин отмечают, что под защитой следует понимать необходимость восстановления нарушенных преступлением прав и интересов граждан и юридических лиц, в том числе имущественных[1].

Помимо отражения в уголовно-процессуальном законодательстве вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, предписаны и Конституцией РФ в ст. 52, в соответствии с которой государство должно обеспечить потерпевшему возмещение причиненного вреда.

Реализуя конституционные предписания, а также принципы уголовного судопроизводства на этапе предварительного расследования на следователя либо дознавателя ложится обязанность обеспечения восстановления имущественных последствий, т.е. возмещения причиненного ущерба. В соответствии с нормами действующего законодательства в настоящее время подлежит возмещению имущественный вред, который был причинён непосредственно преступлением, а также моральный вред на основании и в порядке, предусмотренном ст. 44 УПК РФ.

Несмотря на значительное количество научных исследований различного уровня, посвященных вопросам возмещения вреда в досудебном производстве, правоприменительная практика не лишена проблем, возникающих при реализации рассматриваемых правовых предписаний.

В современных реалиях правоприменительной деятельности возможно несколько вариантов возмещения причиненного преступлением вреда.

Добровольное возмещение вреда. Подозреваемый (обвиняемый) может проявить инициативу и возместить потерпевшему вред, причиненный преступлением: вернуть похищенное, восстановить поврежденное имущество, предоставить новое имущество взамен утраченного, оплатить суммы, предъявляемые в качестве морального вреда.

Если в добровольном порядке вред не возмещен, следователь обязан принять иные меры к возмещению вреда, причиненного преступлением.

Если с первым вариантом возмещения вреда проблем в правоприменительной деятельности не возникает ввиду его добровольности, то второй порядок компенсации ущерба не лишен ряда сложностей.

К примеру, отсутствие материальной возможности у подозреваемого (обвиняемого) возместить причиненный преступлением вред. Как показывает правоприменительная практика, преступления против собственности, как правило, совершаются лицами без источника средств к существованию, в связи с чем о добровольном возмещении вреда в их случае не может быть и речи.

И тут следователь должен прибегнуть к применению мер воздействия, направленных на возмещение причинённого преступлением вреда.

Следует отметить, что распространенной мерой, направленной на обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба, является наложение ареста на имущество, при реализации которой следователь (дознава-

1 Химичева О.В., Тутынин И.Б. Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением: отдельные аспекты совершенствования // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1(21). С. 66-70.

тель) могут также столкнуться с рядом проблем, а именно:

– как уже было отмечено ранее, преступление может быть совершено лицом без источника средств к существованию, а также не имеющего в собственности имущества, на которое возможно наложить арест, следовательно, реализация рассматриваемой меры процессуального принуждения в отношении такого лица невозможна;

– умышленное сокрытие имущества, подпадающего под арест (например, переоформление на третьих лиц, продажа и т.д.).

Соответственно, если лицо, в производстве которого находится уголовное дело, сталкивается с одной из ситуаций, перечисленных выше, то процедура принудительного возмещения причиненного потерпевшему вреда «блокируется».

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, – это вопросы возмещения вреда по категориям дел, в которых лицо, совершившее преступление, не установлено. В этих случаях потерпевшим невозможно возместить причиненный вред ввиду отсутствия субъекта преступления.

Для обеспечения возмещения причиненного вреда в юридической науке высказано предложение о создании «Фонда возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений[1]». Однако возникает вполне справедливый вопрос: «За счет каких средств будет пополняться упомянутый фонд?»

Иванов Д.А., Миронов А.Л., Филатова И.В. предлагают осуществлять пополнение такого фонда за счет доходов, поступающих в бюджет из сферы уголовного судопроизводства, а именно: штрафы, денежные средства, вносимые в счет залогов[2].

Следует отметить, что вопросы, связанные с созданием различных фондов по возмещению вреда, причиненного преступлением в юридической науке, поднимаются на протяжении нескольких лет, однако не нашли отклика у законодателя.

В связи с чем эффективное возмещение вреда, причиненного преступлением, возможно в двух вариантах: добровольном возмещении; принудительном (например, путем наложения ареста на имущество и др.). Однако вторая форма возмещения вреда также не лишена ряда проблем, возникающих в правоприменительной деятельности, которые автором были рассмотрены выше.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод, несмотря на значительное количество публикаций на страницах юридической печати, посвященных вопросам возмещения причиненного преступлением вреда и высказанных в них предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, до настоящего времени не разработан механизм возмещения вреда в случаях, когда лицо, совершившее преступление, не установлено, а также когда невозможно подвергнуть аресту имущество с целью возмещения причиненного ущерба.

1 Иванов Д.А., Миронов А.Л., Филатова И.В. Указ. соч. С. 182.
2 Там же.

Чистова Л.Е.,
доктор юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Московский университет имени С.Ю. Витте

Досудебное соглашение о сотрудничестве как важный механизм противодействия наркопреступлениям

Более чем пятнадцатилетняя практика применения института досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.1-317.9 УПК РФ) выявила ряд устойчивых проблем. Одной из ключевых, на наш взгляд, является его ошибочное восприятие в правоприменительной практике и части научной доктрины как «сделки» или «компромисса» между обвиняемым и государством[1]. Такой подход не только искажает публично-правовую природу данного процессуального института, но и подрывает его эффективность, порождая неверные ожидания как у сторон процесса, так и у общества в целом.

Прежде всего, следует заметить, что в данном случае гражданско-правовая аналогия несостоятельна. «Сделка» предполагает согласование волеизъявления равных сторон, взаимные уступки и определенность обязательств[2]. В случае же с досудебным соглашением стороны изначально неравны (обвиняемый и государство в лице властных субъектов); государство не обязуется снизить наказание; оно обязуется лишь рассмотреть ходатайство в особом порядке, если обвиняемый выполняет строгие условия (ч. 2, 4 ст. 317.9 УПК РФ); «вознаграждение» (смягчение наказания) носит не договорной, а судебно-оценочный характер и напрямую зависит от качества и полноты выполненной обвиняемым работы (п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 62 УК РФ).

Таким образом, институт соглашения о сотрудничестве – это по своей сути урегулированный законом механизм поощрения позитивного посткриминального поведения. Он направлен не на «торг», а на фактическое раскрытие преступления и изобличение соучастников, экономию процессуальных ресурсов государства, стимулирование раскаяния и социальной адаптации обвиняемого, что соответствует целям наказания, указанным в ст. 43 УК РФ.

Как нам представляется, институт соглашения о сотрудничестве следует рассматривать прежде всего как порядок легализации доказательств, полученных из показаний раскаявшегося соучастника, при условии их детальной проверки и подкрепления иными материалами дела; процессуальный инструмент управления рисками в сложных, многоэпизодных делах (особенно в сфере организованной наркопреступности), позволяющий перераспределить внутренние противоречия преступной группы и выйти на ее организаторов; а также механизм поощрения, стимулирующий обвиняемого к деятельному раскаянию и активному способствованию раскрытия преступления, что в конечном итоге служит публичным интересам в эффективном правосудии и экономии государственных ресурсов.

Анализ практики применения досудебных соглашений в расследовании

1 Попова Е.И. О необходимости создания криминалистических методик на основе принципа компромисса // Lex russica. 2017. N 9. С. 107-115; Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки. // Юристъ-Правовед. 2018. № 3 (86). С. 114-118; Кудрявцева Н.А., Быков В.В. Проблемы законодательного регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2023. № 23-1. С. 72-74. и др.

2 URL: https://kartaslov.ru (дата обращения: 05.05.2025).

незаконного оборота наркотических средств наглядно демонстрирует, почему его восприятие как «сделки» контрпродуктивно. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что в 67-72% случаев соглашения заключаются с рядовыми исполнителями (курьеры, «закладчики», мелкие сбытчики по ст. 228.1 УК РФ), и лишь 5-8% – с организаторами и координаторами (ст. 210 УК РФ)[1]. Эта диспропорция свидетельствует не столько об эффективности института, сколько о его использовании для решения тактических, а не стратегических задач следствия: быстро «закрыть» дело, получив признательные показания от низшего звена, а не разрушить всю преступную сеть.

Но, обвиняемые могут давать ложные показания, чтобы получить смягчение, что значительно усложняет расследование таких преступлений.

В качестве примера можно привести следующее уголовное дело, по которому обвиняемый, чтобы минимизировать срок наказания оговорил своих «подельников». Однако суд, признав, что его показания являются фальсифицированными, аннулировал соглашение и назначил максимальный срок[2].

Данные Судебного департамента Верховного суда РФ свидетельствуют о том, что 23% ходатайств о смягчении наказания отклоняются судами из-за незначительной помощи обвиняемых следствию, а в 67% случаев срок сокращается менее чем на 1/3[3].

Несмотря на указанные риски, мы убеждены, что потенциал института досудебного соглашения далеко не исчерпан, особенно в контексте современной наркопреступности. Ее ключевая характеристика сегодня – экстремальная латентность, обеспеченная применением технологий: зашифрованных мессенджеров (Telegram), криптовалют, анонимных сетей (TOR, VPN), систем дропов и одноразовых идентификаторов. Традиционные следственные действия зачастую упираются в «цифровую стену».

В этих условиях досудебное соглашение становится стратегически важным инструментом, позволяющим вскрывать всю структуру преступной сети; выявлять логистические цепочки преступного формирования, устанавливать источники его финансирования, документировать механизмы отмывания доходов.

Практический потенциал досудебного соглашения как инструмента, преодолевающего латентность, ярко иллюстрируется примерами из практики. Так, по уголовному делу в отношении гражданина Л., обвиняемого в сбыте наркотиков в крупном размере, заключение соглашения позволило получить не просто признание вины, а исчерпывающую информацию о структуре преступного сообщества, логистических цепочках, трансрегиональных каналах сбыта и механизмах отмывания доходов через криптовалюты. В результате была не только доказана вина самого Л., но и полностью вскрыта и ликвидирована деятельность организованной группы, что было бы практически невозможно при использовании исключительно традиционных следственных методов.

Данный пример демонстрирует идеальную модель применения института, когда сотрудничающее лицо обладает полнотой информации. Однако в реальности ключевой проблемой остается сложность выхода на организаторов и координаторов (ст. 210 УК РФ), которые целенаправленно минимизируют свои цифровые и физические следы. В этой ситуации стратегическая ценность института соглашения заключается в поэтапном, системном подходе к расследованию.

1 URL: https://www.cdep.ru (дата обращения: 25.01.2026).
2 Приговор Гагаринского райсуда Москвы от 14.03.2023 по уголовному делу № 1-101/202.
3 URL: https://www.cdep.ru (дата обращения: 25.01.2026).

Первоочередной задачей становится заключение соглашений с задержанными рядовыми участниками («закладчиками», курьерами). Несмотря на фрагментарность их знаний, получаемая информация (технические детали, контакты, элементы криптографической схемы) является важным звеном для построения общей картины преступной деятельности конкретного преступного формирования.

Однако следователь обязан проводить тщательную предварительную оценку объема и качества информации, которой располагает задержанный. Соглашение должно заключаться не автоматически, а как осознанный шаг после анализа потенциальной ценности получаемых от него данных. Обвиняемому необходимо грамотно и полно разъяснять не мифические «гарантии сделки», а реальные процессуальные последствия и преимущества сотрудничества, а также в некоторых случаях обеспечить гарантии безопасности для нейтрализации угроз со стороны соучастников.

Информация, полученная на первом этапе, должна аккумулироваться и перепроверяться. Цель – сформировать достаточную доказательственную базу, раскрывающую структуру сообщества, каналы поставок наркотических средств, финансовые потоки и роли участников.

Когда система преступной деятельности будет документально установлена, можно переходить к точечным действиям по задержанию лидеров и координаторов. На этом этапе досудебное соглашение может быть предложено уже среднему звену, располагающему информацией о руководстве наркоформирования, что окончательно обеспечивает успех операции.

И только тогда, когда следователь будет располагать достаточной доказательной базой, включающей в себя данные о структуре преступного сообщества, каналах поставок и сбыта наркотических средств, механизмы финансирования всех его членов, роли каждого из них и другие обстоятельства незаконного оборота наркотических средств, можно решать вопрос о задержании лидеров преступного формирования. Такой системный подход позволяет превратить досудебное соглашение из формальной процедуры в действенный инструмент пресечения незаконной деятельности организованных преступных формирований.

Прыткова Е.В.,
кандидат юридических наук
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

К вопросу о производстве проверки показаний на месте и следственного эксперимента с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

При производстве по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, перед следователем стоят две большие задачи: получить сведения необходимые для расследования данного дела (о других соучастниках преступления, о роли каждого из них, о месте нахождения похищенного имущества, орудий преступления и т.д.), а также обеспечить при этом личную безопасность лица, сотрудничающего с правоохранительными органами.

Как известно, одним из источников получения указанных сведений являются следственные действия, в ходе некоторых из них вопрос обеспечения безопасности данного участника уголовного судопроизводства встает особенно остро.

Так, при расследовании уголовного дела по обвинению М., Н., К., Ч. и Б. в совершении ряда разбойных нападений и вымогательств в составе устойчивой вооруженной группы (банды) с обвиняемым М. было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В ходе допроса, выполняя принятые на себя обязательства, М. дал подробные показания, изобличающие соучастников по всем эпизодам их преступной деятельности. Другие фигуранты дела отказывались от дачи показаний либо предоставляли информацию, не соответствующую действительности, в связи с чем следователь принял решение о производстве очной ставки между М. и К. В ходе проведения данного следственного действия обвиняемый К. в присутствии лица, производящего расследование, выражаясь нецензурной бранью, стал угрожать М. физической расправой за то, что последний якобы дает ложные показания. После этого М., опасаясь реализации угроз высказанных К., заявил о своем отказе от дальнейшего участия в очной ставке. Впоследствии по той же причине М. отказался от очных ставок с другими соучастниками[1].

Как показало исследование, 89,3 % следователей отметили данное следственное действие, как наиболее сложное по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. На втором месте по сложности следователями указано предъявление для опознания (15,5 %); далее – проверка показания на месте (13,6 %) и следственный эксперимент (9,22 %). Производство других следственных действий по данной категории уголовных дел не вызывало затруднений у респондентов. Сложность в ходе осуществления обозначенных следственных действий, по мнению опрошенных, заключается в обеспечении безопасности сотрудничающего с правоохранительными органами.

В практике автора по каждому уголовному делу о корыстно-насильственном преступлении в целях установления новых обстоятельств, проводилась проверка показаний подозреваемого (обвиняемого) на месте, реже следственный эксперимент.

Следует согласиться с мнением В.Ю. Стельмаха о том, что «проверка показаний на месте – уникальное следственное действие, позволяющее сопоставить сообщаемые лицом сведения со следующими источниками: а) ранее данными этим же лицом показаниями; б) обстановкой на месте в момент проверки показаний; в) результатами осмотра места происшествия; г) показаниями потерпевшего»[2].

На наш взгляд, задача по созданию подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, условий, исключающих возможность воздействия для причинения вреда его важным интересам, при производстве проверки показаний на месте и следственного эксперимента может быть разрешена посредством тактических приемов.

Наибольшую сложность при производстве указанных следственных действий вызывает сохранение в тайне личности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, что особенно актуально в случае, если такому лицу присвоен псевдоним. Следователь обязан предпринять все меры для предотвращения

1 Уголовное дело № 2-45/10. Алтайский краевой суд г. Барнаула. 2010.

2 Стельмах В.Ю. Проверка показаний на месте и ее значение для доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 200-207.

узнавания данного участника процесса. Обозначенную задачу можно разрешить посредством тактического приема – использование специальной одежды: масок с прорезями для глаз, бесформенных костюмов защитного цвета и тому подобное. Может быть использована одежда, не принадлежащая подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве.

Непосредственно в ходе проведения указанных следственных действий защищаемому лицу по возможности надлежит изменить походку, жесты, наклон головы и так далее. При наличии особенных отличительных признаков: хромота, ярко выраженная сутулость, дефекты речи, по которым данная личность будет легко узнаваема, от проведения данных следственных действий лучше отказаться.

Полагаем, что указанные рекомендации в большей степени позволят обеспечить безопасность подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве при производстве проверки показания на месте и следственного эксперимента.

Михайлов А.Н.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

К вопросу о процессуальной форме применения судом некоторых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования

Применение судом норм об освобождении от уголовной ответственности или наказания также как и оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования реализуется посредством уголовно-процессуального закона, регламентирующего процессуальную форму производства по уголовному делу.

Процессуальная форма представляет собой своеобразный правовой режим, определяющий порядок производства по уголовным делам и основанный на совокупности юридических требований к уголовно-процессуальной деятельности участников процесса, связанных в первую очередь с последовательностью и правилами совершения предусмотренных законом действий, принятием решений и их закреплением (отражением) в соответствующих процессуальных документах[1].

Характеризуя порядок уголовно-процессуальной деятельности суда, в первую очередь следует иметь в виду положения закона, носящие формально-юридический характер и определяющие общие правила о необходимости соблюдения установленной последовательности стадий, этапов и отдельных действий.

Кроме того, закон предусматривает и другой уровень процессуального регулирования – конкретные правила о порядке производства отдельных процессуальных действий и порядке принятия (отмены) процессуальных решений.

Еще одним важным проявлением уголовно-процессуального порядка является письменная форма отражения (фиксации) процессуальной деятельности с обязательным соблюдением установленной законом структуры и содержания составляемых при этом процессуальных документов.

Значение процессуальной формы состоит в том, что она позволяет придать

1 Уголовный процесс : учебник. / под ред. С.А. Колосович, Е.А. Зайцевой. 2-ое изд., перераб. и доп. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 19.

единообразие судебной и следственной деятельности на всей территории государства, без чего немыслим ни его суверенитет, ни равенство граждан перед законом и судом. Процессуальная форма призвана обеспечить наиболее целесообразные условия и порядок ведения дел, гарантии установления истины, так как аккумулирует в себе многовековой опыт расследования преступлений и судебного разбирательства. И, наконец, процессуальная форма создает условия и гарантии, обеспечивающие личности, участвующей в уголовном судопроизводстве, защиту ее законных прав и интересов[1].

Осознавая значимость процессуальной формы для уголовного судопроизводства, законодатель, формируя уголовно-процессуальный закон, в целом достаточно подробно регламентирует деятельностьправоприменительныхорганов при окончании предварительного расследования прекращением уголовного дела. Об этом свидетельствует совокупность норм, регламентирующих основания, процессуальный порядок прекращения уголовного дела, а также порядок отмены постановления прекращении уголовного дела и уголовного преследования (ст. 24-28.2, 212-214.1, 254, 256 УПК РФ). Из содержания данных норм следует, что при наличии предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законом оснований суд, следователь или дознаватель выносят постановление о прекращении уголовного дела.

Однако при детальном рассмотрении норм, регламентирующих применение некоторых оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, обращает на себя внимание тот факт, что вынесение постановления о прекращении уголовного дела не является единственной уголовно-процессуальной формой принятия соответствующего решения. Речь идет о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) и прекращении уголовного преследования вследствие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Согласно ч. 8 ст. 302 УПК РФ суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания, если в ходе судебного разбирательства обнаруживаются основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, предусмотренные п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Данное положение имеет ряд существенных недостатков, затрудняющих его применение. Во-первых, определив постановление обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания в качестве процессуальной формы принятия решения о применении указанных оснований прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, законодатель тем самым объединил два самостоятельных вида обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ) и без назначения наказания (п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ), что, в свою очередь, вносит еще большую неопределенность в вопросе о процессуальной форме применения п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Каких либо разъяснений в этой части нет и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

Во-вторых, положение, предусмотренное ч. 8 ст. 302 УПК РФ, фактически сформировало новый вид освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, вторгаясь в компетенцию уголовного права. Поскольку УК РФ предусматривает возможность освобождения только от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности

1 Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб. : Питер, 2004. С. 29.

(ст. 78) и отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора (ст. 83), применение положения, содержащегося в ч. 8 ст. 302 УПК РФ, в настоящее время не имеет материально-правовых оснований. В правотворческом плане законодателю целесообразно было бы внести соответствующие изменения в УК РФ, сформировав новый вид освобождения от наказания, одновременно сформулировав в УПК РФ положение, определяющее процессуальную форму его применения.

Таким образом, считаем необходимым изменить редакцию ч. 8 ст. 302 УПК РФ, исключив из ее содержания положение, позволяющее суду постановлять обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания по основаниям, предусмотренным п. 3 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ; предусмотреть в УК РФ норму, определяющую новый вид освобождения от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. При этом, формулируя данную норму, целесообразно указать, освобождается ли в этом случае подсудимый от назначения наказания за совершенное преступление или от отбывания назначенного наказания, что будет способствовать постановлению соответствующего вида обвинительного приговора, предусмотренного п. 2 или п. 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ. Аналогичное уточнение целесообразно внести и ч. 2 ст. 84 УК РФ, регламентирующую освобождение от наказания лиц, осужденных за совершение преступлений в связи с актом об амнистии.

Куряхова Т.В.
Омская академия МВД России

Вопросы изменения обвинения и иные аспекты порядка устранения органом расследования препятствий рассмотрения судом уголовного дела в контексте п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39

Институт возвращения уголовного дела прокурору является, пожалуй, одним из самых проблемных явлений современного уголовного судопроизводства. Его появление ознаменовало прекращение эпохи так называемого судебного доследования. Изменяя процедуру обратного движения уголовного дела из суда в досудебное производство, идеологи УПК РФ 2001 г. преследовали единственную цель – лишить следственные органы возможности продолжить расследование уголовного дела, направленного в суд для рассмотрения по существу. Введенный в уголовный процесс без детальной научной проработки рассматриваемый институт с первых дней существования вызывал ожесточенные споры среди юристов.

Современная редакция ст. 237 УПК РФ принципиально отличается от первого варианта регламентации возвратного механизма. В частности, под влиянием Конституционного Суда РФ сформировалась новая система оснований возвращения дела, включающая обстоятельства, устранение которых невозможно без непосредственного участия следователя. Кроме того, у судов появилось право требовать от органов преследования корректировки обвинения в сторону, ухудшающую положения обвиняемого, если в ходе судебного производства орган правосудия установит внутренние противоречия текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого либо будут установлены обстоятельства, являющиеся

основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Обращает на себя внимание тот факт, что институт возвращения уголовного дела прокурору не регламентирован в его досудебной части. На сегодняшний день правовое регулирование исчерпывается правилом об исчислении срока производства по возвращенному из суда уголовному делу, если устранение нарушений поручено прокурором следователю (п. 61 ст. 162 УПК РФ). Вместе с тем исключение из уголовно-процессуального закона права суда инициировать дополнительное расследование обязывает законодателя установить специальные правила реализация воли суда, выраженной в постановлении о возвращении уголовного дела. Необходимо определить средства такого производства, особенности формулирования нового обвинения, решения, которые вправе принять прокурор и должностные лица органа расследования, особенности этапа окончания, пределы производства.

В условиях неопределенности особое значение приобретают разъяснения высшие органов судебной власти. Пленум Верховного Суда РФ впервые принял специальное постановление (далее – Постановление), посвященное институту возвращения уголовного дела прокурору, лишь в декабре 2024 года. Особенностям устранения нарушений закона посвящен пункт 18 Постановления. Приведем текст названного пункта дословно: «Судам следует учитывать, что после возвращения дела судом следователь, руководитель следственного органа либо дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания в соответствии с указанием прокурора вправе провести следственные или иные процессуальные действия, необходимые для устранения выявленных нарушений, и, руководствуясь статьями 221 и 226 УПК РФ, составить новое обвинительное заключение или новый обвинительный акт и передать его прокурору для утверждения и повторного направления уголовного дела в суд.

При этом по результатам проведения указанных следственных или иных процессуальных действий, направленных на устранение препятствий рассмотрения дела судом, с учетом положений пункта 6 части 1 ст. 237 УПК РФ не исключается предъявление лицу нового обвинения в совершении более тяжкого преступления и в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям, предусмотренным статьей 237 УПК РФ.

Исходя из части 11 ст. 237 УПК РФ уголовное дело, дознание по которому производилось в сокращенной форме, возвращенное прокурору по любому из оснований, предусмотренных ст. 237 УПК РФ, после окончания дознания повторно направляется в суд с обвинительным актом»[1].

Бесспорный положительный потенциал приведенной части Постановления в констатации необходимости после устранения выявленных в суде нарушений закона, повторно направить уголовное дело в суд. Закономерно в качестве средств выполнения указаний суда названы следственные и иные процессуальные действия. Прокурор – фактический процессуальный руководитель производства. Он вправе (обязан) давать указания по устранению нарушений закона, обязательные для исполнения не только дознавателем, но и следователем. Если дело передается прокурором в орган предварительного расследования, то после выполнения поручений суда, составляется итоговый документ предварительного расследования, од-

1 О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39.

нако постановление о прекращении уголовного дела (в том числе в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) и обвинительное постановление не названы в качестве решений, которыми завершается дополнительное производство. Что из этого следует?

Во-первых (что особенно важно), следователи и дознаватели не вправе прекратить уголовное дело, направленное из суда в порядке ст. 237 УПК РФ, то есть возвращенное прокурору дело повторно направляется в суд. Во-вторых, невзирая на причину возвращения прокурору уголовного дела, по которому первоначально осуществлялось дознание в сокращенной форме, правила гл. 321 УПК РФ (к примеру, касающиеся этапа окончания досудебного производства) не применяются.

Второй абзац пункта 18 Постановления значительно сложнее для уяснения и требует более вдумчивого отношения. Как следует из этой части документа, Верховный Суд РФ считает законным предъявление следователем нового обвинения по закону о более тяжком преступлении, без прямого указания суда, даже в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям, предусмотренным ст. 237 УПК РФ. Такое дозволение идет вразрез с пониманием Конституционным Судом РФ сущности процедуры возвращения уголовного дела прокурору как особого порядка движения уголовного дела, не тождественного дополнительному расследованию и не преследующего цель восполнения неполноты произведенного предварительного расследования[1].

Вместе с тем с позиции Верховного Суда РФ вывод следователя о наличии оснований для предъявления нового усиленного обвинения опирается на результаты только тех следственных действий, производство которых вызвано необходимостью устранения нарушений, указанных в постановлении суда. Тем самым Верховный Суд РФ старается исключить полномасштабное расследование, направленное на продолжение доказывания вины лица, дело о котором побывало в суде. Кроме того, формулировка «...с учетом положений пункта 6 части 1 ст. 237 УПК...» позволяет предположить, что Верховный Суд РФ допускает «самовольную» корректировку обвинения, в исключительных ситуациях, когда установленные при устранении нарушений обстоятельства безусловно повлекут повторное возвращение уголовного дела судом. Вероятно, речь идет о ситуациях, когда, к примеру, в ходе предъявления обвинения по краже с участием первоначально не присутствующего при этой процедуре защитника, обвиняемый признается, что действительно видел очевидица преступления. В такой ситуации суд при повторном рассмотрении уголовного дела примет решение о возвращении уголовного дела прокурору для квалификации действий подсудимого по закону о более тяжком преступлении.

Эти два аспекта – следователь не вправе проводить следственные действия, в производстве которых не вызвано необходимостью устранить препятствия рассмотрения уголовного дела и полученные в процессе устранения нарушений новые сведения, безусловно, повлекут повторное возвращение уголовного дела судом по п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ – несколько снижают накал противоречий правовых позиций Конституционного и Верховного судов РФ.

1 Напр.: По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 г. № 16-П.

Тараскин М.В.
Академия управления МВД России (г. Москва)

Выявление противоправной деятельности в цифровом пространстве: проблемы правового регулирования и документирования

Глобальная цифровизация привела к трансформации преступной деятельности. Особую актуальность приобретает проблема противодействия преступной деятельности с использованием мессенджера Telegram, который во втором квартале 2024 г. превысил охват в 100 миллионов уникальных пользователей в Российской Федерации, став наиболее распространенным инструментом интернет-коммуникации[1]. Заявления владельцев и разработчиков о нераскрытии сведений сторонним лицам о пользователях платформы создали у значительной части населения иллюзию недоступности правоохранительным органам для установления личности владельцев учетных записей, что способствовало миграции преступной деятельности на данную платформу.

Анализ практики противодействия преступности в социальной сети Telegram позволяет выделить основные направления его использования в противоправных целях. Группы применяются для организации преступной деятельности, включая планирование дистанционных хищений, распределении ролей между участниками, обмен информацией о предметах преступной деятельности и координацию действий. Публичные каналы используются для пропаганды экстремистской идеологии, распространения дезинформации, публикации манифестов запрещенных организаций, шантажа, посредством размещения компрометирующих материалов. Боты обеспечивают автоматизацию незаконной торговли наркотическими средствами, фальшивыми документами, похищенными персональными данными и учетными записями на различных платформах.

Действующее законодательство позволяет констатировать фрагментарность и запаздывание нормативного регулирования противодействия преступности в цифровом пространстве. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» предусматривает проведение оперативно-розыскных мероприятий «получение компьютерной информации» (п. 15 ст. 6) и «снятие информации с технических каналов связи» (п. 11 ст. 6). Хотя при этом остается законодательно и нормативно не урегулированным целый ряд элементов оперативно-розыскной деятельности в Интернете. Например, как назвать «блуждание» по Интернету с целью извлечения максимально полной информации об интересующем сотрудника оперативного подразделения лице – это наблюдение (п. 2 ст. 6) или наведение справок (п. 6 ст. 6)?

Важно также развивать методы сбора и анализа данных в цифровых сетях, Интернете, включая как негласные, так и гласные методы[2]. Особую проблему представляет собой правовая регламентация деятельности мониторинга открытых цифровых источников. Отсутствие четких методов получения информации в цифровой среде создает риски признания полученных данных

1 Гаврилюк А. Telegram первым из мессенджеров охватил в России 100 млн пользователей // Forbes.ru. 15 авг. 2025. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej (дата обращения: 28.01.2026).

2 Шаров В.И. Цифровая оперативно-розыскная деятельность и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 171-178.

недопустимыми доказательствами при их использовании в уголовном судопроизводстве.

Практика деятельности органов внутренних дел выработала несколько способов получения информации о противоправном контенте в цифровом пространстве. Первым способом является получение информации от граждан, ставших потерпевшими от преступных посягательств. Вторым способом выступает взаимодействие с гражданами, обладающими активной гражданской позицией, в частности «Кибердружина», «Народный фронт», осуществляющими мониторинг сети Интернет с целью выявления негативной и ложной информации, призывов к терроризму, материалов насильственного характера. Третьим способом служит самостоятельный мониторинг сети Интернет сотрудниками оперативных подразделений. К четвертому способу можно отнести применение специализированных программных средств для автоматизированного сбора и анализа информации, создание легендированных учетных записей для доступа к закрытым сообществам. Использование технических средств для преодоления ограничений доступа выходят за пределы гласной деятельности и требуют проведения оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» (п. 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») или иных оперативно-розыскных мероприятий с соблюдением условий, предусмотренных ст. 8 данного закона.

Особенностью работы с публичными каналами, группами и ботами является необходимость документирования всей цепочки получения информации для последующего использования в доказывании.

При обнаружении признаков преступления сотрудник оперативного подразделения обязан зафиксировать данный факт. Одним из вариантов дистанционной фиксации интернет-переписки является ее осмотр, производимый с использованием компьютера, подключенного к сети Интернет. В соответствии со статьей 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в случае изъятия документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий должностное лицо, осуществляющее изъятие, составляет протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Говоря об осмотре как о следственном действии, необходимо отметить, что статья 176 УПК РФ предусматривает два наиболее подходящих варианта: осмотр предметов и документов. В вышеуказанных случаях целесообразно использовать протокол осмотра электронного документа (электронным документом предлагается считать интернет-страницу)[1].

Протокол осмотра, предусмотренный статьей 176 УПК РФ, проводится до возбуждения уголовного дела при обнаружении признаков преступления в цифровом пространстве. К протоколу прилагаются электронные носители информации, полученные или скопированные с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Например, при осмотре социальной сети был обнаружен документ формата World, который был скопирован на CD-диск[2].

1 Карлов А.Л. Использование в доказывании по уголовным делам сведений, составляющих тайну связи, расположенных в сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. № 2. С. 142-146.

2 Губарева Е.К., Калентьева Т.А. Особенности фиксации информации, содержащейся в сети Интернет // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 161-168.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании регламентируется статьей 89 УПК РФ и Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России и Минобороны России от 27 сентября 2013 года № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления, постановления о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности, сопроводительных документов и приложений, содержащих полученную информацию.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать ряд предложений.

1. Целесообразным является совершенствование правовых оснований, использования мониторинга открытых источников в Федеральном законе «Об оперативно–розыскной деятельности» при выявлении противоправной деятельности в цифровом пространстве.

2. Важно определить условия и порядок процессуального оформления результатов мониторинга, а также требования к фиксации полученной информации при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

3. В этой связи ключевое значение имеет создание межведомственных методических рекомендаций для правоприменителей по работе с цифровыми следами в мессенджере Telegram и иных платформах. Они должны содержать алгоритмы действий сотрудников оперативных подразделений при обнаружении признаков преступлений в цифровом пространстве, типовые формы процессуальных документов, используемых при работе с цифровыми следами, перечень необходимых технических средств и программного обеспечения. Методическое обеспечение должно учитывать динамичное развитие цифровых технологий и регулярно актуализироваться с учетом появления новых функциональных возможностей мессенджеров и способов цифровой конспирации.

4. Кроме того, требуется внедрение автоматизированных систем анализа больших данных, систем машинного обучения для выявления паттернов противоправного поведения, систем распознавания запрещенной символики и контента должно сопровождаться правовой регламентацией порядка их применения и использования полученных результатов в доказывании.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования разработанных предложений для совершенствования уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, разработке методических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов, подготовке программ профессионального обучения специалистов по противодействию преступности в цифровом пространстве. Предложенные направления совершенствования правового регулирования порядка проведения оперативных мероприятий в сети Интернет направлены на устранение пробелов в законодательстве, обеспечение единообразия правоприменительной практики, повышение эффективности деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.

Вместе с тем, несмотря на общий посыл Постановления о том, что суд вправе вернуть уголовное дело прокурору для устранения таких препятствий его рассмотрения, которые исключают возможность постановления приговора или иного итогового судебного решения по делу и не могут быть устранены в судебном разбирательстве (абз. 1 пункта 1), в тексте документа он не всегда выдерживается. Например, судам рекомендуется возвращать уголовное дело прокурору для производства экспертизы (пункт 3), для принятия решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), в том числе в связи с непричастностью обвиняемого к совершению преступления, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, но производство продолжено по желанию обвиняемого (пункт 5). Ориентируя суды на устранение такого рода недочетов путем возвращения уголовного дела в досудебное производство, Верховный Суд РФ пренебрегает сущностью института возвращения уголовного дела прокурору, создает почву для дополнительного расследования. При выполнении такого рода требований следователи не смогут в полной мере руководствоваться положениями пункта 18 Постановления. При таких обстоятельствах правоприменитель остается дезориентирован.

Вряд ли можно согласиться с тем, что в УПК РФ отсутствуют четкие предписания о порядке производства по уголовным делам, возвращенным прокурору для устранения нарушений закона. Полагаем, законодателю надлежит внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон. При этом следует исходить из правовых позиций Конституционного Суда РФ, в большинстве решений которого содержатся положения о порядке устранения нарушений закона. Выделить их из текста постановлений и определений сложно, но профессионалу в области уголовного процесса вполне под силу. Однако требовать этого от правоприменителя нельзя. Это обязанность законодателя.

Магомедова З.И.,
кандидат юридических наук
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности сектантов и организаторов сект

«Секта» – как слово и как сущность – является иностранным порождением. Секта в переводе с латинского secta переводится как «школа» и «ересь». По своей сущности секта – это некая отделившаяся от общности часть, имеющая отличия от большинства.

Слово «секта» имеет, скорее, отрицательную коннотацию в российском обществе, однако не всегда секта, сектанты, организаторы, учредители и руководители сект противоправны. В широком смысле слова секты могут быть и оздоровительные, и религиозные, и научные, и музыкальные, и иные другие.

В УК РФ слово «секта» не содержится.

Статья 239 УК РФ предусматривает ответственность за создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а также за руководство таким объединением. Статья 282.1 УК РФ предусматривает ответственность за создание экстремистского сообщества. Статья 282.2 УК РФ предусматривает

ответственность за организацию деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации.

По официальной статистике МВД РФ, приводимой в СМИ, с января по апрель 2025 года зарегистрированы 1996 преступлений террористического характера (+94%) и 741 преступление экстремистской направленности (+36,2 %)[1].

Безусловно, что явления внешней нестабильности негативно влияют на государство и граждан, являясь питательной средой для негативных социальных изменений.

Государство должно соблюдать баланс между частными интересами лиц, обеспечивая соблюдение их конституционных прав и свобод, и публичными государственными интересами, направленными на защиту традиционных национальных ценностей и устоев общества.

Особую опасность для общества представляют тоталитарные секты.

Правоведы-криминалисты знают, как тяжело квалифицировать деятельность организаторов сект и доказать их виновность. Здесь велика опасность посягнуть на конституционные устои свободы слова и вероисповедания. Сама методика расследования преступлений экстремистской направленности включает в себя законодательную базу, криминалистическую характеристику, следственные действия и экспертизы.

Формат доклада не предполагает полного освещения всех аспектов указанной методики. В рамках настоящих тезисов мы коснемся лишь наиболее интересных и проблемных, на наш взгляд, моментов.

И.А. Ильин заметил, что «религиоведческая безграмотность есть факт нашей жизни, проистекающий из того, что жизнь в расколдованном мире есть жизнь с низкой религиозной культурой»[1, 9].

Практически все фигуранты по вышеуказанным статьям УК РФ указывают на то, что инкриминируемые им действия представляли собой культово-обрядовые действия, совершаемые в рамках свободы вероисповедания: молились, пели, совершали обряды.

Деятельность секты становится противоправной, если она приобретает противоправный, экстремистский характер.

А.И. Бобков выделяет в рамках религиозного экстремизма: исторический, философский, социологический, феноменологический, психологический, юридический[2].

Национальные религии характеризуют самоидентичность народа. В условиях потери идеалов обществом начинается поиск иных духовных начал. Эту потребность закрывают во множестве возникающие квазирелигиозные организации.

«Экстремизм» в буквальном переводе означает «внешний». На практике квазирелигиозные организации являются «внешними» по отношению к государству.

Например, 5 июля 2000 года Пресненский районный суд г. Москвы постановил решение, согласно которому религиозная организация Армия Спасения не может быть зарегистрирована как самостоятельная религиозная организация. Суд сослался на то, что часть 5 статьи 13 Конституции РФ запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя

1 В России выросло число террористических и экстремистских преступлений. Приводим статистику. URL: https://47news.ru/articles/279036/ (дата обращения: 21.01.2026).

2 Бобков А.И. Аксиологический смысл концепта «Религиозный экстремизм» // Экстремизм – новые вызовы региональной безопасности : сборник материалов международной научной конференции / под ред. Д.Л. Проказина. Бараул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. С. 9-13.

и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Далее суд установил, что в Уставе организации насаждаются казарменная дисциплина и беспрекословное подчинение членов религиозной организации ее руководству, а с другой стороны, с руководства и организации в целом снимается всякая ответственность за деятельность ее членов. Суд сделал вывод о том, что Устав исходит из неизбежности нарушения российского законодательства членами организации в процессе исполнения приказов и предписаний Армии Спасения»[1]

В 1995 году Комитетом по спасению молодежи от тоталитарных сект, негосударственной организацией, сотрудничающей с Русской Православной Церковью, было направлено письмо в Савеловскую межрайонную прокуратуру г. Москвы с жалобой на действия членов руководства Общины-заявителя. Письмо Комитета по спасению молодежи, в частности, содержало утверждение о том, что Свидетели Иеговы обременяют своих последователей непомерными взносами, значительно ухудшающими материальное положение их семей, а также разжигают ненависть к «традиционным» религиям.

По материалам рассмотренных в РФ уголовных дел в отношении участников экстремистских и тоталитарных сект и их организаторов доказательствами организации и осуществления деятельности организации, признанной в установленном порядке экстремистской, являлись:

1) осуществление сбора денег с членов секты;

2) распределение ролей участников секты;

3) проведение собраний (очно и дистанционно);

4) обслуживание зданий, помещений, предназначенных для отправления культовых обрядов;

5) распределение денежных потоков от взносов адептов;

6) хранение и распространение экстремистских материалов;

7) выработка и доведение до адептов секты мер конфиденциальности и способов сокрытия деятельности (подготовка к возможным допросам, разработка системы тайных сигналов-оповещений).

До возбуждения уголовного дела необходимо получить заключение эксперта и заключение специалиста. В рамках данных экспертиз и исследований могут быть решены вопросы культурологического, филологического, психологического, исторического, политического характера, свидетельствующие о наличии в материалах экстремистского контента.

Так, Ю.С. Каркошко указывает на то, что фоноскопическая экспертиза позволяет идентифицировать по голосу и речи субъекта, совершившего экстремистское преступление. Объектами этой экспертизы служат сохраненные на материальном носителе продукты речевой деятельности (аудио- и видеозаписи), приобщенные к уголовному делу в качестве вещественных доказательств.

Современные религиозные экстремистские секты зачастую носят гибридный характер, сочетают в себе черты различных культов, что осложняет их идентификацию и исследование, в связи с чем получение заключения специалиста до возбуждения уголовного дела хотя и не является обязательным, но представляется необходимым.

1 Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.10.2006. Дело «Московское отделение Армии Спасения (Moscow Branch Of The Salvation Army) против Российской Федерации» (жалоба № 72881/01).

Круглый стол
«ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ»

Волынкин Е.Н.,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О потребности оперативной информации в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков

Подразделения по контролю за оборотом наркотиков, в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в борьбе с наркопреступностью неизбежно соприкасаются с насущностью приобретения значимых информационных ресурсов. С целью адекватного определения сущности в необходимости получения сведений, представляющих оперативный интерес, следует основываться на толковании категории «информационная потребность».

В некотором роде указанное понятие нуждается в конкретизации, а с другой стороны – в трактовании его пределов, в связи с которыми информация становится обязательной. В первую очередь информационная необходимость связана с определенным количеством ключевых социальных потребностей, что определяет важность исследования психофизиологических факторов. Кроме того, она выражается в форме общественно значимого феномена, подлежащего оценке в контексте социального характера этого явления. Наряду с этим концепция «потребность» содержит экономическую сущность, позволяющую ее трактовать с точки зрения экономических тенденций.

Под информационными потребностями надлежит толковать устремленность субъекта к накоплению умений и навыков, присущих всем индивидам, выражающуюся в их специфических уникальностях и реализующуюся в форме определенных запросов на информацию[1].

На основании изложенного мы полагаем, что суть понятия информационной потребность с точки зрения противодействия незаконному обороту наркотических средств абсорбирует важнейшие ресурсы и источники сведений, систему их обнаружения, а также способы их практического использования.

Приведенные элементы, образующие ключевую суть информационной потребности в деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков (далее – ОКОН), вовсе необязательны для включения в само ее определение. Понятийный разбор данного термина, на наш взгляд, допускает двойственность – все зависит от контекста: применяется ли он в научной или практической деятельности.

В научной перспективе информационная потребность в борьбе с незаконным оборотом наркотиков представляет собой область теории информационных процессов, рассматривающую тенденции происходящих явлений и реализации уголовно-правовой, криминологической и иной информации, а

1 Кузнецов О.А. Лях А.Н. Информационные системы для руководителей. М. : Экономика. 1970. С. 24.

также аргументирующую потребность в использовании этих сведений для квалифицированной борьбы с преступностью в указанной сфере[1].

Таким образом, под информационной потребностью ОКОН, проявляющейся в процессе осуществления ОРД, следует понимать действия, сопряженные с получением, систематизацией, учетом полученных данных и обеспечением возможности их использования в борьбе с наркопреступностью.

Из этого следует, что нужда в актуальных сведениях – это непрерывный цикл действий, включающий в себя поиск, сбор, анализ, обработку и применение полученных данных. Кроме того, необходимо исследовать особенности и тенденции этих сведений, а также разрабатывать их значимость для решения конкретных задач в противодействии преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств.

Как справедливо отмечает С.С. Овчинский, оперативно-розыскная информация обладает рядом ключевых функций. К ним относится получение сведений из окружающей среды, снижение степени неясности, выявление взаимосвязей между некоторыми прецедентами и случаями. Вместе с тем полученные сведения гарантируют направленную и обратную связь между ведущими и зависимыми частями различных ресурсов. Информационное пространство ОРД по своей сути обширно и охватывает большое количество форм, факторов, процессов и характеристик[2].

Мы полагаем, что представленные сведения формируют информационный актив ОКОН, целью которого является поддержка оперативно-розыскной деятельности в обозначенной области и облегчение урегулирования сложностей, возникающих при расследовании наркопреступлений.

Анализ практики свидетельствует, что информация обеспечивает все стадии организации деятельности ОКОН, начиная с осуществления подготовки оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), в процессе решения о начале их осуществления, вплоть до реализации полученных данных.

Важно отметить, что в своей работе подразделения по контролю за оборотом наркотиков активно используют разнообразные сведения, поступающие как из внутренних, так и из внешних источников, охватывающих другие социальные сферы. Систематизация информационных потоков, их актуальность, надежность и всесторонний характер позволяют сотрудникам ОКОН более результативно выполнять поставленные задачи, направленные на предотвращение и раскрытие преступлений, связанных с нелегальным распространением наркотических веществ, а также на оказание помощи в поиске скрывающихся преступников, совершивших данные деяния.

В конечном счете оперативная информация охватывает широкий спектр данных, служащих основой для управленческих решений. Сотрудники подразделений по борьбе с наркотиками анализируют значительный объем сведений в процессе подготовки и проведения ОРМ. Имеющиеся исходные данные, интегрируясь в процессе санкционирования, приобретают ранг оперативно значимой информации.

Под оперативной информацией понимаются недавно полученные данные, которые сотрудники ОКОН признают ценными для выполнения задач ОРД в данной области. Оценка полезности информации производится непосред-

1 Высоцкий А. Изучение информационных потребителей и запросов // Теоретические проблемы информатики. М. : ВИНИТИ. 1968. С. 16; Бородина В.И. Информационные потребности различных категорий потребителей // Информационные потребности специалистов. Киев : Знание. 1970. С. 42.

2 Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. М., 2000.С. 19-20.

ственно оперативными сотрудниками, исходя из ее релевантности и потенциала для достижения целей ОРД в рассматриваемой сфере[1].

Потребности подразделений по контролю за оборотом наркотиков формируются их специфическими задачами в области борьбы с нелегальным оборотом наркотических средств. Следовательно, при определении необходимой оперативной информации следует опираться на комплекс задач, которые выполняет конкретный сотрудник ОКОН.

Реализация стоящих задач в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков осуществляется на основе анализа оперативной обстановки, определяющей режимы оперативного обслуживания наиболее криминогенных территорий и объектов тем или иным ОКОН. Важным компонентом оперативной обстановки являются демографические характеристики и процессы (численность населения, пол, возраст, национальные особенности, миграционные процессы, особенности общественной жизни, традиции, обычаи), а также правосознание и общественное мнение, их тенденции.

Поэтому в данной ситуации при анализе потребностей в оперативной информации важно учитывать организационный принцип распределения функциональных обязанностей, предопределяющих внутреннее построение подразделения, разделения его на составные части и функциональные обязанности сотрудников. При этом некоторое число сотрудников ОКОН закрепляется для оперативного обслуживания зон, а остальные – для ведения борьбы с наркопреступлениями определенных видов или на конкретных объектах.

Следует подчеркнуть, что установление оптимального объема оперативной информации для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представляет собой комплексную задачу. Как указывалось ранее, оперативная информация, представляющая собой совокупность данных, поступающих из разнообразных источников, служит инструментом для исследования широкого спектра социальных явлений, связанных с предотвращением и раскрытием, в нашем случае наркопреступлений. Любой процесс познания является многогранным и диалектическим, предполагающим постепенный переход от неполных знаний к более углубленному пониманию. В конечном счете познание сводится к целенаправленному получению человеком информации об окружающей действительности.

Познавательная деятельность в оперативно-розыскной сфере имеет специфический характер, поскольку осуществляется уполномоченными субъектами, преимущественно с использованием конфиденциальных источников, методов и средств, в целях сбора информации[2]. Так как любая познавательная деятельность объединяет мышление и практику, роль оперативной информации заключается не только в изучении явлений, связанных с изменениями в криминальной среде в результате подготовки или совершения наркопреступлений, но и в достижении определенных целей, в данном контексте – противодействия наркопреступности.

Для разработки результативных стратегий борьбы с наркотрафиком и раскрытия соответствующих преступле-

1 Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / под ред. В.И. Попова. М. : ИНФРА-М., 2002. С. 32; Галимова М.А., Галимов О.Х. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: первые изменения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVI международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2023. Ч. 1. С. 134.

2 Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М. : Академия МВД СССР. 1977. С. 51.

ний требуется использование информации, поступающей из разнообразных источников. Эти сведения должны быть целенаправленными и включать точные детали в отношении неправомерных действий лиц, которые подозреваются в организации или осуществлении преступлений, связанных с наркотическими средствами.

Анализ показывает, что для выявления нужд в актуальной информации сотрудник подразделения по контролю за оборотом наркотиков должен обладать прежде всего основательным пониманием оперативной ситуации на вверенной ему территории. Во-вторых, ему необходим нестандартный подход к анализу данных, содержащихся в материалах дел оперативного учета и т.п. В-третьих, он должен знать сильные и слабые стороны конфидентов, оказывающих помощь в борьбе с наркопреступностью и, в-четвертых, он должен обладать высоким уровнем профессиональной компетентности.

Поэтому мы считаем, что определение оптимального объема оперативной информации не должно сводиться к жестким рамкам, ограничивающим круг явлений и событий, о которых сотруднику ОКОН необходимо собирать сведения. На наш взгляд, для наиболее эффективного определения потребностей в оперативной информации следует, исходя из конкретных задач, сформировать список объектов, в отношении которых требуется получение данных. Также необходимо определить круг лиц, способных получить или предоставить данную информацию, и установить объем данных, достаточный для решения текущих или внезапно возникших задач в сфере борьбы с нелегальным оборотом наркотиков.

Одной из сложностей при определении оптимального объема оперативной информации, необходимой для борьбы с наркопреступностью, является баланс между потребностями в конечных и промежуточных данных. Часто сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков сталкиваются с ситуацией, когда необходимо решить, стоит ли начинать оперативно-розыскное мероприятие, планировать его, основываясь лишь на имеющейся непроверенной в полном объеме информации, или же собрать дополнительные сведения. В этом случае определение информационных нужд тесно связано с прогнозированием. Прогноз, по сути, является экстраполяцией данных, полученных в результате анализа прошлых и текущих событий, на будущее.

Важно отметить, что при анализе потребностей в оперативной информации сотрудник подразделения по контролю за оборотом наркотиков, изучив имеющиеся данные, предусматривает возможность получения новых сведений. Он также определяет, достаточно ли имеющихся и ожидаемых материалов для результативного проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В этой связи стоит выделить два вида прогнозов: а) прогноз о получении информации; б) прогноз о применении информации. На наш взгляд, первый прогноз касается ожидаемого результата сбора дополнительных данных и их интеграции с уже имеющимися сведениями. Однако мы считаем, что сам по себе данный результат не имеет практической значимости, так как его ценность определяется только при использовании полученной информации.

Представляется, что второй прогноз позволяет сотрудникам ОКОН заблаговременно оценить ожидаемые данные с точки зрения их потенциальной полезности и целесообразности, в том числе затрат времени и ресурсов на их получение.

Таким образом, прогнозирование обеспечивает научное обоснование для определения оптимальной потребности в оперативной информации в контексте борьбы с нелегальным оборотом наркотических средств.

Никитин Е.Л.,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальные вопросы использования доказательств, основанных на результатах оперативно-розыскной деятельности, государственным обвинителем по уголовным делам о наркопреступлениях

Вопросы использования доказательств, основанных на результатах оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства уже давно входят в сферу вниманияученых и практических работников[1]. В настоящее время статья 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» среди возможных направлений использования результатов ОРД прямо называет сферу уголовного судопроизводства. Причем такое использование исходя из содержания этой нормы допустимо как в рамках информационного обеспечения деятельности участников уголовного процесса со стороны обвинения (для подготовки и осуществления следственных и судебных действий), так и для решения собственно процессуальных задач (в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, а также в доказывании по уголовным делам). Вместе с тем наличие не до конца разрешенных теоретических проблем уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной наук в рассматриваемой области, присутствие в законодательстве пробелов, неопределенных, отсылочных, а в ряде случаев и неоднозначных норм, регулирующих процедуры получения и представления результатов ОРД, формирования уголовно-процессуальных доказательств и их использования в доказывании, создают сложности в правоприменении. В частности, указанные обстоятельства влекут за собой образование нестабильной и в чем-то противоречивой правоприменительной практики. В ее рамках процессуальными участниками уголовного судопроизводства такие доказательства периодически признаются недопустимыми и исключаются из процесса доказывания по уголовному делу, что нередко ведет в конечном счете к его прекращению или вынесению оправдательного приговора суда.

Определенную сложность непосредственного использования результатов ОРД в качестве доказательств создают механизм и специфика их получения, основанная на применении норм не процессуального, а оперативно-розыскного законодательства, которое к основополагающим принципам ОРД относит конспирацию, а также сочетание гласных и негласных методов и средств, и предполагает широкое использование помощи лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе. В этой связи важно помнить, что, с одной стороны, п. 36.1 ст. 5 УПК РФ определяет результаты ОРД как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности», а с другой – ст. 89 УПК РФ прямо запрещает использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к уголовно-процессуальным доказательствам. В этой связи возникает потребность в системном толковании положений ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», предполагающей введение результатов ОРД

1 Назаров М.В. Изменение существующей парадигмы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 127-139.

в орбиту уголовно-процессуального доказывания через процедуру собирания, проверки и оценку доказательств, и ст. 74-89 УПК РФ, определяющих требования, предъявляемые к доказательствам и процедурам их получения.

На этапе получения и документирования результатов ОРД их законность обеспечивается, в том числе уполномоченным прокурором, надзирающим за исполнением законов в ОРД согласно ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», путем применения актов прокурорского реагирования[1]. В досудебных стадиях уголовного процесса процессуальные и надзорные полномочия реализуются надзирающими прокурорами, которые руководствуются ст. 37 и другими нормами УПК РФ. В развитие этих норм ведомственные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора РФ[2] предписывают принципиально реагировать на неправомерное совмещение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, при необходимости изучать дела оперативного учета и иные оперативно-служебные материалы на предмет соблюдения порядка представления результатов ОРД, проведения оперативно-розыскных мероприятий с непосредственным исследованием носителей информации. В случае выявления в материалах дела доказательств, полученных с нарушением законодательства, прокуроры должны признавать их недопустимыми и принимать решение об их исключении в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ.

К сожалению, надзорная деятельность прокуроров в досудебных стадиях уголовного судопроизводства не всегда препятствует появлению в материалах уголовных дел доказательств, не отвечающих требованиям допустимости. В связи с этим на прокуроров – государственных обвинителей (далее – гособвинителей) возлагаются обязанности проверить качества этих доказательств при их использовании в доказывании[3]. Изучая материалы уголовного дела по наркопреступлению, прокуроры должны в первую очередь обращать внимание на наличие и содержание следующих документов: рапорт об обнаружении признаков преступления либо сообщение о результатах ОРД, подписанное руководителем оперативно-розыскного органа, которым представлены материалы; постановление о представлении результатов ОРД; постановление о проведении конкретного ОРМ (в соответствии с требованиями закона); копия судебного постановления о проведении конкретного ОРМ (в соответствии с требованиями закона); постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей (при необходимости рассекречивания сведений, содержащихся в материалах, отражающих результаты ОРД); оперативно-служебные документы (акты, рапорты, справки и др.), отражающих ход и результаты ОРМ, процедуру изъятия (получения) документов и предметов; предметы и документы, полученные при проведении ОРМ (носители аудиоинформации, носители видеоинформации, носители фотоинформации и т.п.).

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» сформулированы критерии надлежащих доказательств, основанных на результатах

1 Подр.: Никитин Е.Л. Теоретические и правовые проблемы обеспечения прокурором законности оперативно-розыскной деятельности : монография. М. : РУСАЙНС, 2024. 370 с.

2 Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 № 544; Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального прокурора РФ от 19.01.2022 № 11.

3 Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 № 376.

ОРД, которым эти материалы должны соответствовать. При этом согласно установке Верховного Суда РФ в случае признания полученных на основе результатов ОРД доказательств недопустимыми их недостатки не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, проводивших ОРМ.

В каждом случае реализации оперативной информации путем проведения ОРМ «проверочная закупка» гособвинитель должен проверить и убедить суд в выполнении требований о проверке первичной оперативной информации путем проведения иных ОРМ[1]. Также ему необходимо проверить и констатировать перед судом отсутствие провокационных действий оперативных сотрудников в рамках ОРМ «проверочная закупка», к которым могут относиться: любые действия, связанные с оказанием давления на человека (например, проявление активной инициативы «покупателя» в контактах со «сбытчиком», повторные предложения, несмотря на первоначальный отказ, настойчивые напоминания, повышение цены за приобретаемый наркотик выше средней; ссылки на абстинентный синдром и др.)[2].

В отдельных случаях в материалах уголовных дел прокурорами выявляются факты наличия постановлений о представлении результатов ОРД, рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, постановлений о проведении ОРМ, которые выносились или утверждались ненадлежащими должностными лицами[3]. В ряде случаев в материалах уголовных дел такие обязательные постановления отсутствовали[4]. При отсутствии таких постановлений в материалах уголовного дела гособвинитель, как правило, заявляет суду ходатайство об их истребовании, что позволяет выполнить установленные законодательные требования и не допустить исключение доказательств.

Вместе с тем в ряде случаев нарушения носят настолько значимый характер, что исправить ситуацию в рамках процессуальной деятельности прокуроров не удается. Например, Верховный Суд РФ недопустимыми доказательствами признал результаты обследования жилых помещений К. и Р., проведенных с участием понятых в рамках ОРД, в ходе которых были обнаружены и изъяты наркотические средства. В судебном заседании было установлено, что данные ОРМ были реализованы после неоднократно проведенных «проверочных закупок», когда факт преступной деятельности был фактически подтвержден. Верховный Суд РФ посчитал, что они были осуществлены с целью сбора новых доказательств противоправной деятельности этих лиц и отметил, что ОРМ не могут быть направлены на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. Фактически, по его мнению, в жилых помещениях проведены обыски до возбуждения уголовных дел и с нарушением требований, установленных ст. 182 УПК РФ[5].

1 О практике рассмотрения Европейским Судом по правам человека жалоб о нарушении прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 25.04.2011 № 69-12-2011.

2 О практике использования рекомендаций Европейского Суда по правам человека при производстве проверочной закупки : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 18.02.2013 № 36-11-2013.

3 О некоторых положениях межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 24.03.014 № 69-12-2014.

4 Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 20.12.2012 №12-12677-12.

5 О порядке проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.09.2017 № 36-11-2017.

Хавабу Э.М.
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях специальной военной операции

Специальная военная операция (далее – СВО) Российской Федерации на территории Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 г., определила формирование подразделений МВД России при военно-гражданских администрациях отдельных регионов, куда уже в июле 2022 г. для оказания содействия в становлении подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД) и поддержания правопорядка были направлены временные группировки из числа действующих сотрудников региональных правоохранительных органов субъектов Российской Федерации.

30 сентября 2022 г. в соответствии с волеизъявлением жителей исторически российских регионов и на основании соответствующих договоров произошло воссоединение Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей с Россией. Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» в четырех новых субъектах Российской Федерации введено военное положение.

Согласно Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» задачи по обеспечению правопорядка на территориях, где введено военное положение, возлагаются на МВД России. В связи с этим правоохранители, впрочем, как иные структуры и ведомства, столкнулись с новыми, на практике ранее не встречавшимися условиями организации и ведения работы, поскольку никогда ранее нашим государством не проводилась специальная военная операция. В новейшей истории со времен Великой Отечественной войны ни наша страна, ни ее отдельные регионы не находились в условиях военного положения.

Безусловно, эти обстоятельства внесли на новых территориях России существенные коррективы в деятельность правоохранительных органов в целом и оперативных подразделений ОВД в частности.

Статистика преступлений террористической и экстремистской направленности, фиксируемая на территории новых регионов, говорит об активной работе спецслужб противника по привлечению жителей к подготовке и непосредственному совершению этих преступлений. Противник в постоянном режиме занимается обработкой населения путем запугивания или вброса недостоверной информации, что может влиять на настроение граждан и общества, укреплять уверенность в недружественном настрое по отношению к органам правопорядка, непосредственно к полиции. Это создает условия, при которых возникают закономерные трудности для оперативных подразделений ОВД в получения информации о криминальных процессах, о лицах, к ним причастных, как непосредственно в предоставлении гражданами оперативно значимой информации, так и в рисках для безопасности сотрудников, их жизни и здоровья. При этом на безопасность сотрудников также существенно влияет близость линии боевого сопротивления, угроза ракетных обстрелов и авианалетов, в том числе беспилотных летательных средств, дронов-«разведчиков» и дронов-«убийц».

Изменение в структуре и динамике преступности предопределило специ-

фику задач, решаемых оперативными подразделениями ОВД в условиях СВО. К таковым следует отнести: обеспечение безопасности в прифронтовых и приграничных регионах; усиление режимных мероприятий и контртеррористической защищенности объектов; противодействие экстремизму и разжиганию межнациональной розни; обеспечение правопорядка в местах дислокации воинских подразделений и среди мобилизованных граждан.

Выполнение названных задач выявило ряд проблем: некоторый языковой барьер, незнание требований российского законодательства, в том числе некоторой частью сотрудников, пришедших на службу из украинской полиции (Запорожская и Херсонская области) и подразделений милиции Народных Республик Донбасса; трудности в становлении судейского корпуса, органов прокуратуры, юстиции и адвокатуры; риски и угрозы для здоровья и жизни сотрудников ОВД и мирного населения, связанные с проведением боевых действий.

Правопорядок поддерживается и обеспечивается при умении получать на системной основе качественную оперативно значимую информацию. В условиях, когда негласный аппарат еще не сформирован, а выполнение полицейских задач возлагается на сотрудников, в основном прибывших из других регионов, не знакомых, как правило, со спецификой, историей, сложившимися традициями и ментальностью новых регионов, до недавнего времени живших по законам другого государства, на первое место в получении такой информации выходит личный сыск и гибкость его применения.

Личный сыск как способ или метод получения оперативно значимой информации является неотъемлемой частью арсенала сотрудника оперативного подразделения ОВД. Богатый практический и теоретический опыт, сформированный прежними поколениями стражей порядка, невозможно переоценить. Однако реалии сегодняшнего дня, динамичное развитие общества, развитие цифровых технологий, изменение модели поведения людей, определенная их открытость в какой-то части в социальных сетях и закрытость при непосредственном общении диктуют необходимость изучения особенностей поведения граждан, в том числе в стрессовых ситуациях, связанных с постоянным риском для здоровья и жизни.

К тактическим особенностям личного сыска в условиях СВО следует отнести: специфику внедрения в криминальную среду, связанную с противодействием СВО, и легендирование сотрудников; использование возможностей личного сыска для документирования деятельности запрещенных групп и лиц; тактику установления доверительных отношений и вербовки информаторов в новой обстановке; противодействие техническим средствам контроля и наблюдения со стороны противника; обеспечение личной безопасности.

Вышеизложенное определяет особенности проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий в рамках личного сыска в условиях СВО.

В частности, опрос граждан производится в психологически напряженной ситуации, что предполагает специальные приемы беседы с травмированными, напуганными или агрессивно настроенными лицами; получение информации от вынужденных переселенцев и лиц, находящихся в зоне боевых действий.

Наведение справок и сбор образцов для сравнительного исследования связаны с опасностью и ограничениями зоны боевых действий, сложностями верификации документов и информации в обстановке разрушенных инфраструктур и архивов, проблемами взаимодействия с официальными инстанциями на новых территориях.

При наблюдении и прослушивании телефонных переговоров в условиях повышенной бдительности и контртеррористической деятельности существуют риски быть принятым за диверсанта, шпиона или лазутчика, а использование технических средств сопровождается подавлением сигналов и активной работой систем радиоэлектронной борьбы. Кроме того, необходима соответствующая окружающей обстановке адаптация методов пешего и автомобильного наблюдения.

Исследование предметов и документов в контексте фальсификаций и информационной войны предполагает выявление поддельных документов, связанных с мобилизацией, эвакуацией, статусом участника СВО; анализ информации в социальных сетях и мессенджерах, насыщенных фейками и пропагандой.

Указанные особенности требуют пристального внимания и анализа как со стороны правоприменителя, так и научного сообщества, с целью выработки специальных методик и практических рекомендаций, повышающих эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий в условиях СВО.

Помелов А.А.
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

О проблемах ведомственного нормативного правового регулирования ОРМ «проверочная закупка»

Проверочная закупка как один из эффективных методов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) активно применяется оперативными подразделениями различных государственных органов для противодействия преступности. За прошедшие годы с момента закрепления проверочной закупки как одного из видов оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) различными субъектами ОРД накоплен огромный опыт проведения и использования результатов данного мероприятия. Львиная доля всех проверочных закупок связана с выявлением и пресечением преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ. Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по результатам проведения проверочных закупок, в том числе наркотиков (далее – ПЗ) показывает, что типичными документами, оформляемыми в ходе его подготовки и проведения, являются: постановление о проведении ОРМ, рапорт, акт осмотра и вручения денежных средств, технических средств, акт добровольной выдачи, объяснения участвующих лиц и др. Для подготовки и проведения ПЗ задействуются участвующие – отдельные лица, как правило, привлекаемые для удостоверения факта, хода и результатов данного мероприятия. Аналогично помощь данных лиц используется для наиболее сложных в организационном плане ОРМ, таких как контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение. Участие граждан при подготовке и проведении ПЗ в качестве участвующих лиц закреплено действующим нормативным правовым актом МВД России с 2018 года[1].

1 Перечень изменений, вносимых в Наставление об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденное приказом МВД России от 4 апреля 2013 г. № 001 : приказ МВД России от 21.12.2018 № 009.

Указанным лицам разъясняются обязанности по сохранению в тайне сведений, ставших им известными в ходе подготовки или проведении ОРМ в соответствии с ч. 1 ст. 17 профильного закона[1] (далее – закон об ОРД). Обязательность их участия при подготовке и проведении проверочной закупки наркотиков отражается в соответствующих документах: актах осмотра и вручения денежных средств, технических средств и др. При выявлении признаков преступления в ходе проведения вышеуказанного ОРМ соответствующие акты вместе с другими документами представляются и приобщаются к материалам уголовного дела и используются в процессе доказывания.

Указанный НПА ведомственного характера с 2018 года фактически закрепил обязательность привлечения участвующих лиц при проведении проверочной закупки и их участия при подготовке и проведении данного ОРМ. Результаты ОРД по итогам проведения ПЗ в отсутствие участвующих лиц (представителей общественности) органами предварительного расследования, прокуратуры по вышеуказанной причине рассматриваются как полученные с нарушениями закона, и ставится вопрос об их законности.

Данный факт подтверждается и результатами проведенного в 2015-2022 гг. исследования, в ходе которого проведен анализ материалов уголовных дел, возбужденных по результатам проведения проверочных закупок наркотиков. В результате исследования не зафиксировано ни одного факта возбуждения уголовного дела по результатам проверочной закупки наркотиков, проведенной в отсутствие участвующих лиц (представителей общественности)[2].

Вместе с тем ведомственное нормативное правовое регулирование вопроса привлечения участвующих лиц (представителей общественности) в ходе подготовки и проведения ПЗ не корелирует с нормами закона об ОРД и решениями высших судебных инстанций (ч. 5 ст. 6 ФЗ об ОРД не содержит требования на участие понятых в ходе проведения ОРМ)[3].

Так, согласно ст. 17 закона об ОРД, отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности. Буквальное толкование вышеупомянутой нормы права позволяет сделать однозначный вывод о том, что привлечение лиц для подготовки и проведения ОРМ, в том числе и по контракту, является правом, а не обязанностью органов, осуществляющих ОРД.

До внесения изменений в ведомственный НПА необходимость и целесообразность участия граждан в каждом случае проведения указанного ОРМ определялась субъектами ОРД индивидуально с учетом анализа складывающейся оперативной обстановки, плана мероприятий и возможности обеспечения конспирации.

При рассмотрении практики проведения ПЗ одним из ключевых аспектов, существенно осложняющим проведение данного мероприятия является необходимость оформления различных документов; актов осмотра и вручения денежных средств, технических

1 Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ,

2 Подр.: Помелов А.А. Привлечение участвующих лиц (представителей общественности) при проведении проверочной закупки наркотиков // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности : материалы всероссийского научно-практического семинара. Красноярск, 8 апреля 2022 года. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2022. С. 43-46.

3 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мязиной Марии Юрьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 6 и 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и статей 170, 176, 177 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2014 № 2557-О.

устройств, актов осмотра покупателя, участника перед и после проведения ПЗ и др. (всего согласно ведомственного НПА – восемь, без учета документов, выносимых на стадии подготовки мероприятия). В ходе проведения анализа материалов ОРД, представляемых в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовных дел по результатам проведения ПЗ, количество оформляемых в ходе и непосредственно сразу после его окончания составляет – двадцать и более документов, в зависимости от условий проведения. В среднем время, затрачиваемое на написание одного документа, составляет от пятнадцати до тридцати минут, что значительно усложняет документирование факта и результатов проведения ПЗ. Составление различных по наименованию и форме документов в рамках одного и того же мероприятия, по сути являющихся взаимосвязанными частями одного целого ОРМ ПЗ, на наш взгляд, является следствием ошибочного представления о его структуре и механизме осуществления. Так, трудно представить себе возможность проведения ПЗ без осмотра и вручения денежных средств, осмотра покупателя до и после проведения ОРМ, добровольной выдачи приобретенных предметов, веществ и общего единого замысла, соединяющего все эти элементы в единое целое ОРМ.

Вместе с тем необходимо отметить, что результаты проведения ПЗ находят свое отражение в итоговом документе – акте проверочной закупки. В нем фиксируются и описываются основные этапы его проведения, в т.ч. по которым в настоящее время составляются отдельные документы (вышеуказанные различные акты осмотра и вручения денежных средств, технических устройств, осмотра покупателя, участника перед проведением ОРМ и др.) Составление различных документов, которые по сути дублируют положения другого единого документа – акта проверочной закупки, представляется излишним и существенно усложняет проведение и оформление его результатов.

Для понимания и выяснения логики принятия тех или иных решений, в том числе в рамках рассматриваемой проблемы, проведем сравнительный анализ ведомственного нормативного правового регулирования проверочной закупки.

Впервые как вид оперативно-розыскных мероприятий оно было закреплено в Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 года № 2506-1 и именовалось «Контрольная закупка». В статье 6 данного закона было указано, «для решения задач органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в соответствии с правилами конспирации применяются:…п. 4) контрольные закупки». После принятия в 1995 году закона об ОРД в перечень оперативно-розыскных мероприятий были внесены изменения. В п. 4 статьи 6 закона об ОРД в качестве одного из ОРМ было закреплено «Проверочная закупка». В действующих на тот момент времени НПА МВД России вплоть до 2018 года не содержались требования об обязательности привлечения в данных ОРМ участвующих лиц, как и составлении каких-либо актов досмотра покупателей, осмотра и вручения денежных средств, осмотра транспортных средств и т.п. Вместе с тем необходимо отметить, что при подготовке и проведении ПЗ сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел составляли документы, в которых фиксировали различные этапы данного мероприятия, среди которых одними из распространенных являлись акты осмотра и вручения денежных средств, специальных технических средств, акты досмотра покупателя до и после проведения ПЗ, акты досмотра транспортного средства. Необходимость и правила их состав-

ления вырабатывались самими субъектами ОРД в процессе практической деятельности путем подготовки и внедрения методических рекомендаций. Отсутствие нормативного закрепления конкретного перечня составляемых документов и их образцов при проведении ПЗ не препятствовало оперативным подразделениям органов внутренних дел успешно применять проверочную закупку для противодействия преступности на протяжении четверти века, используя при этом творческий подход и вариативность действий.

Изменения ведомственного НПА 2018 года, которые закрепили перечень, и образцы документов обязательных при оформлении ПЗ были продиктованы попыткой предусмотреть все возможные аспекты данного ОРМ и исключить ошибки при использовании его результатов. Однако в ходе анализа правоприменительной практики установлено, что это привело к значительному усложнению проведения проверочной закупки.

В связи с актуальностью рассматриваемого вопроса поддерживаем мнение о совершенствовании и оптимизации деятельности оперативных подразделений[1].

Проблема чрезмерной формализации порядка проведения и оформления ПЗ требует корректировки действующего ведомственного законодательства.

Хусаинов Р.Р.
кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России

Этапы раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

В общей массе преступлений в России, как и в целом в мире, наблюдается стабильно высокий уровень незаконных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков. В настоящее время наркобизнес характеризуется как один из самых организованных и высокотехнологичных. В стремлении получения сверхприбылей от незаконной деятельности преступный элемент использует высокие технологии как в организации, так и в изготовлении, перевозке, распространении и отмывании наркотических средств. Использование телекоммуникационных технологий, новые способы производства, новые приемы транспортировки, хранения, сокрытия и реализации позволяет налаживать межрегиональные, межгосударственные и транснациональные связи и способствует успешному отмыванию «грязных» денег, полученных в процессе незаконного оборота наркотиков. Ситуация с распространением наркотических средств в нашей стране заставляет признать, что Россия превращена в главный объект глобальной героиновой агрессии[2].

Анализ материалов оперативных разработок в сфере противодействия незаконному обороту наркотических

1 Железняк Н.С. Оптимизация как средство против провокации или фальсификации при проведении проверочной закупки наркотиков // Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования : материалы международного научно-практического семинара / отв. ред.: Д.В. Ким, Н.Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. С. 94-100.

2 Кобец П.Н. Анализ в сфере незаконного оборота наркотических средств и психологических веществ и лиц, их употребляющих, в современной России // Вестник МВД России. 2015. № 3. С.113.

средств и психотропных веществ и психотропных веществ показывает, что наркоторговля технологически не может вестись преступниками-одиночками и поэтому является групповым преступлением[1]. Ранее в нелегальном обороте использовались наркотики растительного происхождения, которые в основном поставлялись за сотни и тысячи километров из стран Средней Азии, что требовало значительного времени, разработки сложных маршрутов, с риском быть обнаруженными. На современном этапе в нашей стране наиболее распространены синтетические наркотики, которые изготавливаются в лабораторных условиях, что значительно сократило время доставки и расстояния. К тому же бесконтактный способ реализации наркотиков намного усложняет работу правоохранительных органов в их изобличении. В большинстве случаев организаторы и крупные поставщики остаются в тени, а к уголовной ответственности привлекаются мелкие распространители.

Вышеизложенные факты требуют от сотрудников оперативных подразделений проведения многоэтапных и сложных оперативных комбинаций, с применением специальных технических средств. Организация таких операций требует серьезной подготовки, разработки плана проводимых мероприятий. Анализ работы борьбы правоохранительных органов позволил выявить наиболее типичные и распространенные способы совершения рассматриваемых видов преступлений. Выявление преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков необходимо разделить на отдельные этапы или элементы, что позволяет определить алгоритм действий преступного элемента и подготовить свой план противодействия.

Весь алгоритм проводимых мероприятий по противодействию незаконному обороту наркотиков можно разделить на следующие этапы:

– получение оперативной информации и проверка её достоверности;

– проведение дополнительных для получения подтверждающей информации и принятие решения о проведении оперативной разработки;

– проведение оперативной разработки с целью документирования преступных деяний выявленных лиц;

– анализ полученных результатов оперативно-розыскной деятельности и передача в следственные подразделения для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

– оперативное сопровождение предварительного следствия и оказание необходимой помощи следствию и обеспечение дополнительной информацией.

Анализ оперативной обстановки на обслуживаемой территории или объекте является исходной точкой для решения задачи в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Наличие такой задачи подтверждает существование проблемной ситуации, без устранения которой невозможно добиться цели. Для достижения этой цели потребуется пройти все изложенные этапы, при этом на каждом из них будут решаться свои специфические задачи.

Основной задачей на начальном этапе является поиск источников получение первичной оперативной информации о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков на обслуживаемой территории или объекте. Очевидно, что оперативно-розыскная информация становится важнейшим гарантом достоверности истинности по уголовным делам, поскольку при оперативно-розыскном установлении обстоятельств совершен-

1 Морозов А. В. О некоторых вопросах документирования преступлений, совершаемых участниками организованных групп в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник МВД России. 2015. № 1. С. 20.

ного преступления также существуют свои гарантии достоверности[1]. Информация, представляющая оперативный интерес, поступает в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Полагаем, необходимо согласится с мнением, что только в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий возможно организовать получение достоверной информации о тайных планах, намерениях и устремлениях подозреваемых в противоправной деятельности, заблаговременно создать надежные позиции по предупреждению и раскрытию преступлений[2]. Однако необходимо отметить, что информация может поступать и из иных источников, например, при проведении аналитической работы, в рамках имеющихся в ОВД баз данных, анализа результатов проведенных отдельных операций или оперативно-розыскных мероприятий, результатов работы оперативных сотрудников «личным сыском», получение информации от иных субъектов оперативно-розыскной деятельности и т.д. Первичная информация может быть получена и из гласных источников информации. На практике имеются множество примеров, когда первичная информация поступает из гласных источников (заявления и обращения граждан, представителей общественных, государственных и иных организаций, материалы средств массовой информации, информация имеющейся в социальных сетях и т. д.), но после их проверка и реализация требуют использования оперативно-розыскных методов и средств.

Задачи следующего этапа не менее важны первого, ведь именно на этом этапе определяются перспективы дальнейшей реализации первичной информации. На этом этапе получаем данные, подтверждающие ранее полученную первичную информацию, которая является основанием для организации оперативной разработки. Данная форма является самой сложной в оперативно-розыскной деятельности и требует использования всех имеющихся у оперативных подразделений сил, средств и методов, в том числе проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Поэтому, чтобы своевременно определить необходимость и начало оперативной разработки, требуется выявить наличие проверенной и достоверной информации.

Задачи третьего этапа являются наиболее объемными и сложными, решение которых обеспечивает достижение поставленной цели. Этот этап характеризуется тем, что на этой стадии выявляются места, время, способы совершения преступлений, устанавливаются основные участники преступной деятельности, определяется роль каждого участника и проводится документирование их преступной деятельности. Оперативные сотрудники на основе ранее полученных оперативных данных составляют план оперативно-розыскных и иных мероприятий. Так как в большинстве своем оперативным подразделениям известны способы совершения преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотиков, планируется проведение оперативных комбинаций, которые ранее уже неоднократно ими проводились и уже доказали свою эффективность. Но при этом необходимо учитывать сложившуюся на определенный период времени оперативно-розыскную ситуацию, ведь не бывает одинаковых преступлений и раскрытие каждого из них требует индивидуального похода.

Задачи четвертого этапа по объему меньше предыдущего, но их решение является тоже важной, так как он связан

1 Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник. М. : Инфра-М, 2014. С. 370.

2 Климов И.А. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. М. : Юнити. М, 2014. С. 310.

с уголовно-процессуальной интерпретацией результатов оперативно-розыскной деятельности. Вопросы передачи результатов оперативно-розыскной деятельности от оперативного сотрудника следователю сопровождается некоторыми сложностями, если еще учесть фактор нестабильности и некоторого несовершенства нашего законодательства, то проблема реализации оперативных данных в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом еще более осложняется. Поэтому без реализации задач рассматриваемого этапа вся проведенная работа останется лишь оперативной информацией и не будет способствовать достижению основной цели по выявлению и раскрытию преступлений.

Наконец, задачи, решаемые на последнем этапе, связанные с оперативным сопровождением предварительного следствия, возникли в последние десятилетия. Этот этап связан с необходимостью преодоления мощного противодействия со стороны преступного элемента правоохранительным органам (подкуп и запугивание потерпевших, свидетелей, представителей правоохранительных органов, использование коррумпированных связей в органах власти и др.). Оперативно-розыскным органам все чаще приходиться сталкиваться не только с изощренными приемами и методами сокрытия преступлений и их последствиями, но и с организованным противодействием изобличению виновных. Особенно такое сопротивление характерно организованным преступным формированиям, которые в основном и занимаются незаконным оборотом наркотиков. Анализ современной практики показывает, что такая работа со стороны оперативных подразделений стала необходимостью. Государство обязано защищать своих граждан от любых противоправных посягательств, в том числе и в связи участием, содействием их уголовному судопроизводству.

В статье вкратце были рассмотрены основные этапы по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Подведя итог, можно предположить, что процесс выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, имеет определенную модель и состоит из пяти (условно разделенных) этапов. Каждый этап является обязательным и их выполнение может обеспечить достижение поставленной задачи по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Кузьмин Н.Т.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

О необходимости судебного санкционирования проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в мобильных зданиях или сооружениях

Одним из оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), предусмотренных п. 8 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), является «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – обследование).

В структуре каждого ОРМ выделяются несколько основных элементов, одним из которых является объект. Как

правило, объектом ОРМ является то, на что оно направлено, или в отношении кого проводится. Таким образом, объекты ОРМ должны содержать информацию, имеющую потенциальное доказательственное значение, или имеющую значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

В зависимости от типа проверяемого объекта различают следующие основные разновидности обследования:

обследование недвижимого объекта (помещения, здания, сооружения или участка местности);

обследование движимого объекта (транспортные средства).

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД обследование может быть проведено в отношении определенных объектов, таких как помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства.

Согласно ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на неприкосновенность жилища, в соответствии с ФЗ об ОРД допускается на основании судебного решения и при наличии информации:

о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;

о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Чтобы не допустить нарушения конституционных прав граждан, на этапе подготовки ОРМ сотруднику оперативного подразделения необходимо установить, является ли объект обследования (в нашем исследовании – мобильное здание или сооружение) «жилищем», поскольку от этого зависит необходимость получения судебного разрешения на проведение рассматриваемого ОРМ, а также другие особенности организации и тактики обследования.

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»[1] ст. 139 УК РФ была дополнена примечанием, определившим понятие «жилище». В соответствии с этим примечанием под жилищем понимается:

индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями;

жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания;

иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания.

В соответствии с ГОСТ Р 58759 – 2024[2] мобильные (инвентарные) здания или сооружения; бытовка, передвижной дом, вагон-дом, вагон-общежитие, инвентарное помещение – это здания или сооружения комплектной заводской поставки, конструкция которых обеспечивает возможность их передислокации.

Согласно приложению А к СНиП 10-01-94[3] здание – это наземное строительное сооружение с помещениями для

1 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод : Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ.

2 ГОСТ Р 58759 – 2024. Здания и сооружения мобильные (инвентарные). Классификация. Термины и определения : введ. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 26.12.2024 № 2025-ст.

3 Система нормативных документов в строительстве основные положения» (СНиП 10-01-94) : постановление Госстроя России от 17.05.1994 № 18-38.

проживания и (или) деятельности людей, размещения производств, хранения продукции или содержания животных. Здания и сооружения представляют собой возведенные объекты строительства, комплекс помещений различного назначения (хозяйственного, производственного, культурного, бытового и др.).

Здания подразделяются на жилые и нежилые по функциональному назначению. Жилое здание представляет собой капитальное строение, предназначенное для продолжительного проживания людей. Нежилые здания используются для широкого спектра деятельности, включая производство, торговлю, сферу культуры и образования, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, административное управление и другие цели, исключающие постоянное проживание.

Приложение А к СНиП 10-01-94 указывает, что сооружение – это единичный результат строительной деятельности, предназначенный для осуществления определённых потребительских функций. Т.е. сооружениями признаются инженерно-строительные объекты, назначением которых является создание условий, необходимых для осуществления процесса производства путём выполнения тех или иных технических функций, не связанных с изменением предмета труда, или для осуществления различных непроизводственных функций.

Согласно п. 1.2. Правил дорожного движения[1] транспортное средство – устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Если у конструкции есть шасси любого типа, в том числе и колесное, то такая конструкция уже становится транспортным средством. Автодом, бытовка на колёсах и т.п. тоже считается транспортом, но не самоходным, а прицепным.

Чаще всего в качестве мобильных зданий или сооружений выступают бытовки. В зависимости от способа перемещения, различают следующие разновидности бытовок:

бытовки контейнерного типа – блоки, которые легко транспортируются благодаря своим компактным размерам и свойствам модульности, могут использоваться для временного проживания людей во время проведения разнообразных работ;

бытовки на колесах – автомобильный прицеп, адаптированный для проживания или обустройства иного помещения (офиса, столовой).

Мобильные бытовки используются строительными и вахтовыми бригадами, выездными специалистами для работы в полевых условиях. Они необходимы научным и геологоразведочным экспедициям, наладчикам и монтажникам промышленного оборудования, сельскохозяйственным и дорожно-строительным организациям. Ими пользуются передвижные выставки, цирки шапито, ремонтные бригады и другие организации. В зависимости от размеров и оснащенности мобильные бытовки могут эксплуатироваться в качестве мобильного жилья, передвижной лаборатории, административного или служебного помещения, контрольно-пропускного пункта, мобильного санузла, столовой, кухни, туристического, спасательного, исследовательского пункта, торговой точки, раздевалки, места отдыха.

Таким образом, мобильные здания или сооружения, а также конструкции, установленные на шасси любого типа, чаще всего используются как вспомогательные помещения. Однако, учитывая положения ст. 139 УК РФ, они могут быть признаны жилищем, как иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания. При этом важно учитывать, что помещение или строение должно быть именно предна-

1 О Правилах дорожного движения : постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090.

значено, а не просто приспособлено для временного проживания.

Решая вопрос о необходимости судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении обследования рассматриваемых объектов, сотруднику оперативного подразделения необходимо учитывать, что мобильные здания или сооружения, такие как бытовки, передвижные дома и т.п. могут использоваться для временного проживания. Такое их использование может быть связано, например, с трудовой деятельностью в отдаленных регионах, экстремальными или чрезвычайными ситуациями. Учитывая подобные обстоятельства, следует рассматривать мобильные здания или сооружения как места проживания граждан, что обуславливает потребность в дополнительной защите их прав и получении судебного разрешения на проведение ОРМ обследование.

Полуянов С.А.,
кандидат юридических наук
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий с позиций провокаций по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков

Практика применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) столкнулась со случаями квалификации оперативно-розыскных действий как провоцирующих преступления. Вопрос о провокации стал возникать при проведении так называемых «оперативно-розыскных мероприятий ведомственного санкционирования».

На сегодняшний день провокация различных преступлений в той или иной степени признана недопустимой во многих странах мира, таких как США, Англия, Франция и других, в том числе и со стороны органов правопорядка.

Так, согласно параграфу 40,05 ст. 40 УК штата Нью-Йорк, если агент с целью возбуждения уголовного преследования провоцирует объект к совершению преступления, которое тот не намеривался совершить, его действия рассматриваются как «вовлечение в ловушку» и объявляются противоправными[1].

Данную позицию относительно провокации преступлений разделяет и Европейский Суд по правам человека. Так, по делу Де Кастро против Португалии он установил: «Действия двух сотрудников полиции вышли за рамки действий тайных агентов, поскольку спровоцировали совершение преступления, и нет никаких оснований считать, что без их вмешательства преступление имело бы место»[2].

В практической деятельности оперативных сотрудников при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в борьбе с преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков, следует обратить внимание на п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средства-

1 Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) : сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 1998. С. 116-117.

2 Чуркин А.В. Соотношение оперативного эксперимента и провокации преступления. М., 2007.

ми, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»[1], согласно которому результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также о проведении лицом всех подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

Отсюда следует, что оперативные сотрудники до проведения ОРМ должны располагать достоверной информацией о его противоправной деятельности (заявление, сообщение, материалы дела оперативного учета и т.п.), а также в ходе проведения самого ОРМ не провоцировать его к совершению преступления.

Практическая деятельность оперативных сотрудников показывает, что, как правило, провокация при проведении ОРМ, связанных с незаконным оборотом наркотиков, нередко имеет место при проведении такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка.

В зависимости от исходной информации, а также тактических задач проверочная закупка может проводиться в целях фиксации действий лиц, обоснованно подозреваемых в сбыте предметов и веществ, изъятых из гражданского оборота, для получения образцов для исследования, документирования фактов противоправной деятельности, выявления организаторов и всех соучастников незаконного оборота предметов и веществ и оказания незаконных услуг, установления каналов их поступления, а также в целях задержания проверяемых лиц с поличным.

Если с наличием достаточных оснований для ее проведения, как того требует постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», проблем не возникает, то подбор лиц, осуществляющих закупку («закупщиков») является существенной проблемой. В данном случае имеет большое значение подготовка данных лиц к проведению оперативно-розыскного мероприятия. Неправильное или неправомерное поведение «закупщика» может быть расценено в дальнейшем судом как провокация, например, шантаж «закупщиком» подозреваемого сбыть ему наркотик.

Также в данном постановлении уточняется ряд позиций, в частности, где идет речь о проверочной закупке: «В тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов ОРМ, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно ст. 7 и 8 указанного закона. Исходя из этих норм, ОРМ может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего ОРД сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния. Результаты ОРМ могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла

1 О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Российская газета. 2006. № 137. 28 июня.

на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

Таким образом, Верховный суд РФ указывает на два условия отграничения ОРМ от провокации:

– наличие у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений;

– проведение лицом подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния.

На практике встречаются и другие виды провокации при проведении ОРМ, различные в основном между собой по способу и субъекту их совершения. Одним из таких способов, как уже было отмечено выше, является склонение «закупщиком» наркозависимого лица поделиться имеющимся у него наркотиком путем шантажа.

Особого внимания заслуживает проведение повторных проверочных закупок у одного и того же лица. В п. 7.1 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденного Президиумом Верховного суда РФ 27 июня 2012 г., указывается, что проведение очередной проверочной закупки должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления.

Таким образом, обобщая изложенное, представляется, что под провокацией следует понимать получение оперативными сотрудниками доказательств совершения обоснованно подозреваемым в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия, без наличия поступившего заранее какого-либо сообщения (информации) о его противоправной деятельности, а равно совершенное путем неоднократных просьб (уговора), шантажа или угроз, в том числе в связи с повторным и необоснованным проведением в отношении него таких мероприятий.

И чтобы не допускать случаев провокации в ходе проведения ОРМ, необходимо:

во-первых, до начала проведения ОРМ в отношении обоснованно подозреваемого располагать достоверной информацией о его противоправной деятельности (заявление, сообщение, материалы дела оперативного учета и т.п.);

во-вторых, не допускать случаев использования в отношении подозреваемого неоднократных просьб (уговаривания), шантажа или угроз;

в-третьих, не проводить повторные ОРМ без новых на то мотивировок, задач и целей, т.е. безосновательно;

в-четвертых, обладать не только информацией о причастности конкретного лица к незаконной деятельности, но и предать установленным обстоятельствам процессуальную форму, которая позволит использовать их в доказывании по делу. Придание данным доказательствам процессуальной формы должно отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства, так как в противном случае данные доказательства будут признаны недопустимыми, а действия оперативных сотрудников, в ряде случаев, провокационными.

Беспамятнов Р.В.,
кандидат юридических наук
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Особые условия, влияющие на раскрытие и расследование преступлений: некоторые вопросы международно-правового и российского регулирования

Особые условия, корректирующие организацию борьбы с преступностью в целом, а также раскрытия и расследования преступлений, в частности, имеют теоретико-прикладной характер в связи с участившимися случаями чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также с проведением специальной военной операции на Украине. В частности, при наступлении стихийных бедствий будут иметь место сложности предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанные с транспортной (не-) доступностью конкретных объектов, нарушением телефонной и иной связи и т.д.

Между тем в УПК РФ, Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и других российских нормативных правовых актах особенности раскрытия и расследования преступлений во время действия особых условий не затрагиваются. В то же время данный вопрос актуален не только для российских реалий, но уже давно рассматривается и на международном уровне.

В частности, еще на международной конференции в Венесуэле в 1974 г. был введен термин «катастрофа», который включал военные конфликты, стихийные бедствия, крупные промышленные аварии, эпидемии и т.д.[1]

В международных документах также обращается внимание на особенности функционирования государственных органов, в том числе относительно реализации прав граждан или их ограничения при появлении чрезвычайных/особых условий. Так, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах от 1966 г., в государстве во время чрезвычайного положения можно принимать различные меры[2], но только с учетом степени остроты положения и без дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения (ст. 4). Однако позволяется, согласно ст. 4, ограничение таких прав, как, например, на свободу и личную неприкосновенность (ст. 9), на гуманное обращение в местах лишения свободы (ст. 10), на свободное передвижение и свободу выбора местожительства (ст. 12), на судебное разбирательство в уголовном судопроизводстве (ст. 14) и т.п. При этом по ст. 4 возможна отмена ряда запретов на лишение лица свободы, сопряженного с каторжными работами (ст. 8), на принудительное трудоиспользование лица, находящегося в заключении (ст. 8), и пр.

В «Сиракузских принципах» 1985 г. толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах также предусмотрена в п. 25, 29, 39, 40 и др. возможность применения ограничений прав человека в чрезвычайных условиях (их перечень здесь обширен: международные конфликты и беспорядки, чрезвычайное положение, необ-

1 Действия персонала уголовно-исполнительной системы в чрезвычайных ситуациях: учебник / науч. ред. Б.Б. Казак, А.М. Киселев. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2005. С. 63.

2 Скорик Е.Н., Кокиев А.Ж. Исполнение уголовных наказаний в чрезвычайных условиях: некоторые международно-правовые аспекты // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1(58). С. 111-118.

ходимость защиты здоровья населения, предотвращения заболевания или угрозы физическому здоровью и пр. – прим. авт.). В этом международном документе также разрешается, например, ограничение права на свободу от произвольного задержания (п. 70). Вместе с тем закреплено, что объем правоограничений должен зависеть от характера и оснований введения чрезвычайных условий (п. 4), основываться на объективных факторах и ориентироваться только на достижение соответствующих целей, обеспечивающих потребности государства или общества (п. 6, 10, 11, 12).

Таким образом, на международном уровне условно определен не только перечень чрезвычайных/особых условий, но и то, что объем правоограничений лиц и полномочий соответствующих государственных органов зависит от особенностей самого установленного особого положения и целей его введения.

В России, к сожалению, единого подхода к тому, что следует относить к особым условиям, не имеется. В законодательстве, учитывая положения Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» и т.д., возможно определить такие виды особых условий, как чрезвычайное положение, стихийные бедствия, военное положение, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, деятельность незаконных вооруженных формирований,межнациональные,межконфессиональные и региональные конфликты, чрезвычайные ситуации техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, аварии и пр.[1]

При этом, по всей видимости, перечень особых условий не имеет исчерпывающего характера, поскольку имеет место постоянное изменение социальных, природных, экономических, военно-политических и иных процессов, влияющих на деятельность любого государства и общества. Их можно разделить на явления, имеющие в той или иной степени объективный (например, стихийные бедствия, техногенные аварии и пр.) или субъективный характер (чрезвычайные ситуации военного характера, контртеррористические операции и т.п.). Кроме того, особые условия можно отметить, как значительные (в частности, введение военного или чрезвычайного положения) или менее существенные (например, ограниченные по территории распространения стихийных бедствий).

Таким образом, констатируем, что любой вид особых условий специфично влияет на деятельность в целом правоохранительных органов, что требует отдельного комплексного исследования и дальнейшего совершенствования оперативно-розыскного, уголовно-процессуального и иного российского законодательства.

1 В частности, см.: Овсянников А.Д. Деятельность следственных подразделений в особых условиях (в условиях чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов) // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : сборник материалов межвузовской молодежной научно-практической конференции / под общ. ред. А.М. Багмета. М., 2018. С. 157-159; Усманов Д.Р., Ковалев Т.В. Особенности обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности в особых условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86). С. 235-237; Озеров И.Н. О сущности и классификации особых условий при организации раскрытия и расследования преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3 (41). С. 98-107.

Скибенко А.Ю.
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Оперативно-розыскное обеспечение поводов для возбуждения производства при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора: постановка проблемы

Оперативно-розыскное обеспечение поводов для возбуждения производства при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора – один из наименее урегулированных в законодательстве и изученных вопросов в юридической науке. И это при том, что в теории уголовно-процессуального права термин «повод» активно применяется при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора еще с советского периода[1].

По ст. 397 УПК РФ перечень таких вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, обширен (более 20 позиций – прим. авт.), в том числе о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, об отмене условно-досрочного освобождения, об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного, о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, и т.д. Разрешение данных вопросов имеет большое значение, поскольку они фактически изменяют приговор суда, а также влекут изменение организации взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов в части достижения целей наказания, определенных в ст. 43 УК РФ.

Согласно же ст. 399 УПК РФ, поводами к возбуждению производств в стадии исполнения приговора, имеющей межотраслевой характер[2], преимущественно являются представление уголовно-исполнительной инспекции либо иного учреждения или органа, исполняющего наказание (ст. 29, 46, 175 и др. УИК РФ), и ходатайство осужденного (ст. 175 УИК РФ).

Однако в ст. 78, 175 и др. УИК РФ, как и в ст. 399 УПК РФ, прямо не закреплена возможность оперативно-розыскного обеспечения поводов для возбуждения производства при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора.

При расследовании уголовного дела возможно использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) согласно ст. 89 УПК РФ. С учетом того, что многие вопросы, перечисленные в ст. 397 УПК РФ, фактически корректируют приговор суда, возникает закономерный вопрос: почему же в стадии исполнения приговора подобное законодательно не предусмотрено.

При этом ст. 89 УПК РФ не распространяется на стадию исполнения приговора, а гл. 47 УПК РФ и ст. 29, 78, 175 и др. УИК РФ никаких соответствующих положений о возможности использования результатов ОРД на этой стадии уголовного судопроизводства не содержат.

Между тем некоторые вопросы, разрешаемые в стадии исполнения приговора, непосредственно связаны с незаконными действиями осужденного в виде злостного уклонения от отбывания различных наказаний, признания при отбывании лишения свободы злостным

1 См.: Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979; Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. Томск, 1972.

2 Николюк В.В., Пупышева Л.А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Российское правосудие. 2021. № 1. С. 97-106; Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю., Крамаренко В.П. Исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 4(52). С. 485-492.

нарушителем, злостного уклонения от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, и т.д., что требует оперативно-режимного (оперативно-розыскного) обеспечения деятельности учреждений и органов, контролирующих поведение осужденного (освобожденного лица). При этом, в соответствии со ст. 84 УИК РФ, в исправительных учреждениях осуществляется ОРД, а по ст. 18.1 УИК РФ уголовно-исполнительные инспекции осуществляют первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также некоторых других категорий осужденных. Более того, ОРД является составной частью режима в исправительных учреждениях как средства исправления осужденных (например, ст. 9, 82 УИК РФ), что также подчеркивает ее значение для достижения целей применения наказаний.

В итоге получается, что значительная часть результатов деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, связанной с осуществлением оперативно-розыскных полномочий, законодательно не может использоваться при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (что представляется нелогичным – прим. авт.).

Полагаем, что подобные обстоятельства, характеризующие поведение осужденного, следует выявлять оперативно-режимными (оперативно-розыскными) и иными средствами, а также учитывать при подготовке администрацией учреждения или органа, исполняющего наказание, соответствующего представления как повода к возбуждению производства при исполнении приговора.

На основании сказанного, очевидна необходимость разработки теоретико-правовых основ оперативно-розыскного обеспечения поводов для возбуждения производства при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора.

Гайбашев Р.Н.
Академия управления МВД России (г. Москва)

Судебный контроль при проведении обследования жилых помещений: проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства

В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) оперативные подразделения для решения задач оперативно-розыскной деятельности вправе осуществлять оперативно-розыскное мероприятие, предусмотренное п. 8 ч. 1 ст. 6 – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (обследование). Согласно ст. 1 и п. 1 ч. 1 ст. 15 названного федерального закона обследование может проводиться гласно.

Проблема судебного контроля за оперативно-розыскными мероприятиями, затрагивающими конституционные права граждан, остается одной из наиболее дискуссионных в современной юридической науке. Особое значение приобретает вопрос обследования жилых помещений – действия, непосредственно вторгающегося в сферу неприкосновенности жилища, гарантированной ст. 25 Конституции РФ. Несмотря на четкую законодательную установку о необходимости судебного санкционирования такого вмешательства, практи-

ка выявляет системные пробелы в механизме реализации судебного контроля.

Законодательная база, регулирующая данный вопрос, базируется на положениях Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативнорозыскной деятельности» (ст. 8, 9), УПК РФ (ст. 165) и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Нормативно закреплено, что обследование жилого помещения допускается исключительно на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Однако именно эта оговорка становится источником наиболее острых коллизий в правоприменении.

Как справедливо отмечает А.Ю. Шумилов, неопределённость формулировки «случаи, не терпящие отлагательства» создаёт почву для субъективного толкования оперативными сотрудниками своих полномочий. Сходной позиции придерживается И.Л. Хромов, подчёркивающий, что отсутствие четких критериев приводит к расширительному применению исключения, подрывающему саму идею судебного контроля[1].

Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к оценке обоснованности внеплановых обследований. В ряде решений суды ограничиваются формальной проверкой наличия рапорта оперативного сотрудника, не углубляясь в анализ достоверности изложенных сведений. Как указывает Н.С. Железняк, суды зачастую не требуют представления совокупности доказательств, подтверждающих наличие признаков преступления, что снижает эффективность судебного контроля[2].

Особую озабоченность вызывает процедура уведомления суда о проведенном обследовании в порядке ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Законодательно закрепленный 24-часовой срок на практике нередко нарушается, причем такие нарушения зачастую не влекут за собой каких-либо правовых последствий.

На наш взгляд, ключевая проблема заключается в отсутствии четко регламентированного механизма фиксации фактического момента проведения оперативно-розыскного мероприятия. Без объективной и достоверной отметки о времени начала и завершения обследования невозможно в полной мере обеспечить соблюдение процессуальных гарантий, предусмотренных законом.

В отсутствие такой фиксации возникают существенные практические трудности. Во-первых, становится проблематичной достоверная проверка соблюдения, установленного 24-часового срока уведомления суда, предусмотренного ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Во-вторых, существенно затрудняется реконструкция хронологии действий оперативных сотрудников, что осложняет последующую судебную проверку законности проведенного мероприятия.

Не менее значимой представляется проблема, связанная с процедурой обжалования результатов обследования. Как показывает практика, лица, чьи конституционные права были затронуты проведением оперативно-розыскных мероприятий, зачастую сталкиваются с существенными ограничениями доступа к материалам дела ввиду наличия у них грифа секретности.

В результате возникает очевидный дисбаланс между двумя фундаментальными интересами: необходимостью

1 Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С постатейным приложением нормативных актов и документов / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Издательский дом Шумиловой И.И., 2001. 319 с. (Библиотека оперативника (открытый фонд)). Алф.-предм. указ.: с.308-310.

2 Железняк Н.С. Судебный контроль ОРД: мы - против! // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2(81). С. 114-117.

сохранения конфиденциальности оперативно-розыскной деятельности и гарантированным Конституцией РФ (ст. 46, 48) правом гражданина на защиту и доступ к информации, затрагивающей его законные интересы.

Подобный дисбаланс неизбежно подрывает основополагающий принцип состязательности судебного процесса. Лицо, чьи права нарушены, фактически лишено возможности полноценно ознакомиться с основаниями принятого решения, что существенно затрудняет формирование и представление возражений и контраргументов. В конечном счете это ведет к снижению доверия к судебной процедуре как эффективному механизму защиты прав.

По нашему убеждению, данная проблема требует законодательного урегулирования. Необходимо разработать четкие, предсказуемые критерии допустимого ограничения доступа к материалам при обжаловании, которые, с одной стороны, будут обеспечивать сохранение конфиденциальности оперативнорозыскной деятельности, а с другой – гарантировать реальную возможность защиты прав граждан в судебном порядке. Такой подход позволит достичь баланса между публичными и частными интересами, укрепив тем самым доверие к правосудию.

Анализ зарубежного опыта показывает, что в странах Европейского Союза и США судебный контроль за подобными мероприятиями предусматривает более жесткие требования к обоснованию необходимости вмешательства. Например, в Германии требуется представление суду свидетельских показаний и доказательств исчерпания альтернативных способов получения информации[1]. В США действует принцип «исчерпания иных возможностей», что минимизирует случаи внесудебного вмешательства[2].

Для преодоления существующих правовых пробелов и совершенствования механизма судебного контроля за обследованием жилых помещений требуется комплекс взаимосвязанных мер.

Прежде всего необходимо устранить неопределенность в трактовке понятия «случаи, не терпящие отлагательства». Это возможно путем законодательного закрепления исчерпывающего перечня таких ситуаций. В него целесообразно включить обстоятельства, объективно требующие незамедлительных действий: непосредственную угрозу жизни и здоровью людей, реальную опасность уничтожения доказательств при промедлении, а также необходимость пресечения преступления, совершаемого в данный момент. Подобная конкретизация исключит произвольное толкование норм и повысит правовую определенность.

Существенно усилить доказательственную базу ходатайств могло бы обязательное приобщение к ним аудио или видеоматериалов, объективно подтверждающих экстренность ситуации. Не менее важно требовать от инициаторов мероприятия развёрнутого обоснования невозможности предварительного получения судебного разрешения. Такие меры позволят избежать необоснованных вторжений в частную жизнь и обеспечат соблюдение процессуальных гарантий. Для повышения эффективности судебного контроля при обследовании жилых помещений нужно ввести обязательное аудио или видеопротоколирование всех материалов ходатайства (рапортов, справок, оперативных сводок), чтобы исключить их фальсификацию. Следует закрепить четкие критерии оценки «экстренности» ситуации: требовать указания фактов, подтверждающих неотложность действий, хронологии событий и перечня безуспешных альтернативных мер. Участие прокурора в рассмотрении хо-

1 Müller H. Recht der Straftatermittlung. München, 2022. S. 156.
2 Smith J. Search and Seizure: A Treatise on the Fourth Amendment. Chicago, 2021. P. 214.

датайств о внеплановом обследовании усилит надзор за законностью действий оперативных служб.

Для соблюдения 24-часового срока уведомления (ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об оперативнорозыскной деятельности») необходимо внедрить электронную систему регистрации оперативно-розыскных мероприятий с фиксацией времени начала и завершения обследования. К уведомлению нужно прилагать технические метаданные (логи, скриншоты, временные метки). За несвоевременное уведомление следует установить дисциплинарную и материальную ответственность, включая возможность отмены результатов обследования при грубых нарушениях.

Чтобы сбалансировать конфиденциальность ОРД и права граждан, надо разработать регламент частичного раскрытия материалов при обжаловании: он позволит знакомиться с основаниями решений (без доступа к секретным методикам), получать деперсонифицированные копии постановлений и привлекать независимых экспертов. Лицо следует уведомлять о проведенном обследовании в течение 72 часов, если это не угрожает безопасности источников. Также важно закрепить право на компенсацию за необоснованное вмешательство в жилище, даже если уголовное дело не возбудили.

При адаптации зарубежного опыта надо учесть российскую специфику: из германской модели взять требование обоснования невозможности альтернативных методов; из американской системы – принцип «исчерпания иных возможностей» (закрепить в ст. 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»); из практики ЕСПЧ – критерии соразмерности вмешательства (оценка серьёзности правонарушения, наличия подозрений и степени вторжения в частную жизнь).

Реализация этих мер повысит правовую определенность при проведении ОРМ, снизит произвольное толкование норм, обеспечит баланс между безопасностью и правами личности и укрепит доверие к судебной системе как гаранту конституционных свобод. Совершенствование судебного контроля за обследованием жилых помещений – юридически и социально значимая задача, от которой зависит устойчивость правового государства в России.

Нечаев А.С.

Межмуниципальный отдел МВД России на особо важных и режимных объектах г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Совершенствование методов борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ на особо важных и режимных объектах в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины

В связи с проведением Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины (СВО) остро востребовано расширении производственных мощностей объектов военно-промышленного комплекса (ВПК), и, как следствие, широкий набор кадрового персонала предприятий, в частости работников механизированного и ручного труда, что в совокупности с оттоком кадров из вышеуказанной среды в зону проведения СВО создало условия привлечения на должности рабочих граж-

дан без предварительной оперативной проверки.

Дефицит кадров, в перспективе порождающий срыв государственного оборонного заказа, позволяет осуществлять их набор среди лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности по различным статьям УК РФ, в частности по ст. 228 и 228.1 УК РФ, лиц наркозависимых и не являющихся должным образом социализированными. Данные обстоятельства создали благоприятные условия для развития на территории особо важных и режимных объектов, доступ за периметр которых строго ограничен, сетей распространения наркотических средств и психотропных веществ, в преобладающем большинстве среди рабочих. Основные группы наркотических средств и психотропных веществ, которые распространяются на таких территориях – каннабиоидная (гашиш, каннабис), реже амфетаминовая (производные N-метилфедрона, мефедрон, амфетамин).

Основные риски, исходящие из вышеописанной ситуации, помимо общего ухудшения здоровья населения, представляют собой: во-первых, снижение качества выпускаемой для нужд СВО продукции, работы по которой выполняли лица, находящиеся в состоянии наркотического опьянения, что, в свою очередь, может иметь критические последствия во время ведения боевых действий при защите национальных интересов Российской Федерации; во-вторых, ряд лиц, являющихся наркозависимыми, используют финансовые кредиты и микрозаймы с целью приобретения наркотиков, тем самым являются потенциальными исполнителями террористических актов (диверсий) за незначительное вознаграждение со стороны спецслужб Украины или иных враждебных Российской Федерации государств. Крайне низкое обеспечение жизни, происходящее из-за систематической покупки наркотиков, несмотря на адекватное денежное довольствие по основному месту работы, в совокупности с наркотическим опьянением также способствует возможному осуществлению преступных, силовых акций, в том числе на территориях особо важных и режимных объектов, доступ за периметр которых строго ограничен.

В связи с вышеизложенным актуальность борьбы с незаконным оборотом наркотиков на объектах ВПК крайне высока. Осложняет ситуацию отсутствие в межмуниципальных отделах МВД России на особо важных и режимных объектах профильных подразделений по контролю за оборотом наркотиков. В связи со спецификой деятельности таких межмуниуипальных отделлов на объектах оперативного обслуживания исключается постоянное присутствие патрулей наружных служб, а также сотрудников, имеющих возможность осуществлять профилактику преступлений по территориальному признаку.

4 июля 2025 года на крайне высокую актуальность проблемы при проведении совещания Совета Безопасности акцентировал внимание Президент РФ Владимир Путин: «Одно из важнейших направлений правоохранительной деятельности – борьба с незаконным оборотом наркотиков». В марте 2025 года на расширенном заседании коллегии МВД России Президент РФ требовал активизировать борьбу с синтетическими наркотиками, а также расширять взаимодействие силовых структур в сфере борьбы с наркоугрозой.

В ходе совершенствования профессиональной подготовки сотрудников межмуниципальных отделов МВД России на особо важных и режимных объектах необходимо систематически проводить теоретические занятия, определяющие структуру проведения практических мероприятий, с целью более эффективной реализации данных мероприятий.

Нами определены следующие направления практических методов борь-

бы с незаконным оборотом наркотиков на территориях особо важных и режимных объектов, доступ за периметр которых строго ограничен.

Профилактический. Проведение инструктажей с работниками ФГУП «Охрана – Росгвардии», иными ведомственными либо частными охранными организациями, осуществляющими физическую охрану периметра территории особо важных и режимных объектов. Особое внимание стоит уделять досмотру лиц, заходящих на данную территорию перед рабочей сменой, т.к. в подавляющем большинстве случаев наркотики беспрепятственно проносятся через контрольно-пропускные пункты (КПП) охраняемого периметра, после чего распространяются либо употребляются лицом, их пронесшим, непосредственно на территории. Также работникам охраны стоит обращать внимание на места потенциальных «закладок» с наркотиками, обычно такие места имеют какой-либо характерный визуальный ориентир. Проводить обязательное задержание, а также последующее проведение личного досмотра сотрудниками ОВД лиц, находящихся в состоянии, схожим с состоянием наркотического опьянения.

С целью выявления нахождения мест хранения, а также употребления наркотиков в рамках проведения оперативно-профилактических мероприятий (проведении обыска в случае возбужденного уголовного дела) целесообразно привлекать сотрудников Центра кинологической службы МВД России со служебными собаками. В частности, проводить обследование раздевалок работников, подвалов, чердаков, подсобных помещений, не задействованных в производственном процессе. Возможно задействовать уинологичекую службу на КПП при входе работников на территорию объекта.

Оперативно-розыскной. Проводить оперативно-разыскное мероприятие «наведение справок», выраженное в выборочной проверке лиц из числа рабочих по учетам информационного центра МВД России, особое внимание обращать на ранее судимых по ст. 228, 228.1 УК РФ граждан, впервые претендующих на должность на особо важных и режимных объектах, доступ за периметр которых строго ограничен, работников, замеченных в состоянии, схожем с состоянием наркотического опьянения. При обнаружении на объекте ВПК признаков употребления наркотиков (использованные шприцы для подкожных инъекций, полимерные емкости, использованные для ингаляционного употребления наркотиков каннабиоидной группы, пакеты с комплементарной застежкой со следами порошкообразного вещества и т.д.) исходить из территориального притяжения работников к вышеуказанному месту с целью их дальнейшей проверки.

Целесообразно устанавливать высокую степень взаимодействия с представителями Службы безопасности особо важных и режимных объектов, доступ за периметр которых строго ограничен, иметь возможность задействовать граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе вышеуказанной службе, с целью получения оперативно-значимой информации, касающейся проверяемых лиц, а также мест возможного сбыта наркотиков на территории объектов.

При получении предметной информации о совершении противоправной деятельности в области незаконного оборота наркотиков конкретным лицом целесообразно завести дело оперативного учета в отношении вышеуказанного лица с целью документирования фактов преступной деятельности. В рамках дела оперативного учета провести ОРМ «наведение справок» для получения сведений о движении денежных средств на счетах проверяемого лица, провести анализ движения, выявить закономер-

ности, характерной для сбыта и приобретения наркотиков. Также провести ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи», в результате которых установить причастность, либо не причастность проверяемого лица и иных граждан из его окружения к незаконному обороту наркотиков. С целью оптимизации использования временного ресурса для проведения вышеуказанных ОРМ возможно взаимодействие с органами государственной безопасности, курирующими режимный объект, в отношении работника которого проводится проверка. При подтверждении информации, но недостаточном количестве фактов противоправной деятельности для возбуждения уголовного дела выявить контакт из окружения проверяемого лица, который добровольно примет участие в проведении ОРМ «проверочная закупка».

Освоение вышеуказанных методов сотрудниками межмуниципальных отделах МВД России на особо важных и режимных объектах позволит более эффективно выявлять и пресекать преступления в области незаконного оборота наркотиков. Систематическое проведение профилактических мероприятий, а также точеная реализация ОРМ «проверочная закупка» качественно снижают степень распространения наркотиков, т.к. помимо ликвидации источников сбыта иные, не попавшие в зону оперативного внимания лица, причастные незаконному обороту наркотиков, из чувства страха уголовного преследования прекратят либо значительно снизят объемы сбыта наркотиков на территории особо важных и режимных объектов, доступ за периметр которых строго ограничен.

Секция
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ НИКАРАГУА»

Железняк И.Н.,
кандидат юридических наук, доцент
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Поляков Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Дэвид Лазо Валле
Управление по борьбе с наркотиками Национальной полиции Республики Никарагуа

Маршруты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Центральной Америке

Незаконный оборот наркотиков в Центральной Америке представляет собой серьезную проблему, в том числе и в Республике Никарагуа. Этот регион стал важным коридором для незаконного оборота наркотиков, особенно кокаина, из стран-производителей Южной Америки (Колумбии, Боливии, Перу) в США и другие страны.

Центральная Америка, благодаря своему географическому положению между Южной Америкой – основным регионом производства кокаина и Северной Америкой – основным рынком сбыта, представляет собой естественный транзитный коридор. Центральноамериканский перешеек служит своего рода «мостом», где сходятся морские, наземные и воздушные пути, используемые преступными организациями для перемещения незаконных грузов. Исследователи отмечают этот регион как ключевое геополитическое пространство, где плотность границ, территориальная проницаемость и ограниченное присутствие государства в труднодоступных джунглях способствуют проведению незаконных операций со стороны преступников[1].

Республика Никарагуа граничит на севере с Республикой Гондурас, на юге – с Республикой Коста-Рика, на востоке – с Карибским морем, а на западе – с Тихим океаном, что делает ее стратегически важным пунктом для наркоторговцев.

Правительство Республики Никарагуа принимает активные меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, создавая специальные полицейские подразделения и налаживая сотрудничество с другими службами региона для реализации стратегии «Стена сдерживания», направленной на укрепление безопасности граждан и предотвращение незаконного оборо-

1 Подр.: Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотиков (международного наркотрафика) в Республике Никарагуа (с переводом на испанский язык) : отчет о научно-исследовательской работе. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. 26 с. URL: http://www.lib.sibli.ru.

та наркотиков. Тем не менее проблема сохраняется, поскольку с увеличением полицейских операций в местах использующихся маршрутов незаконного оборота наркотиков преступники меняют их. Это требует постоянных и скоординированных действий на региональном и международном уровнях.

В этой ситуации Управление по борьбе с наркотиками Национальной полиции Республики Никарагуа проводит систематическую оперативную, профилактическую и стратегическую работу по устранению проблем и факторов, которые как способствуют, так и препятствуют борьбе с наркотиками. Данные свидетельствуют о том, что преступники, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, постоянно ищут новые рынки и маршруты.

Исследования показывают высокую динамику международных рынков, где определяющими факторами являются выгоды и риски. Наркотики становятся все более доступными во всем мире, что делает их более доступными для потребителей, которые часто становятся жертвами мощной и манипулятивной индустрии.

Анализ маршрутов незаконного оборота кокаина показывает распространение морских, воздушных и наземных маршрутов, что способствует глобализации этой проблемы. Современные тенденции свидетельствуют о контрабанде наркотиков с помощью микропоставок, почты, ручной клади и грузов, перевозимых воздушным или наземным транспортом.

Благодаря вмешательству в систему незаконного оборота наркотиков со стороны военных и полиции, а также в координации с региональными антинаркотическими агентствами, были выявлены новые маршруты незаконного оборота наркотиков, обусловленные меняющимся характером наркоторговли. Это объясняется усилением антинаркотического контроля, вынудившим преступные организации искать новые маршруты незаконной деятельности. В связи с этим были выявлены основные приграничные маршруты, что привело к ликвидации этих сетей[1].

Динамику наркотрафика в Центральной Америке можно понять с помощью теории «эффекта воздушного шара», которая объясняет, как усиление полицейского давления в одном регионе приводит к перемещению наркотрафика в другие регионы с меньшим контролем. Этот подход помогает объяснить, почему маршруты наркотрафика постоянно меняются; например, при росте активности полиции в Карибском бассейне увеличивается наркотрафик через Тихий океан или по суше, и наоборот. Таким образом, маршруты не являются фиксированными, а гибкими и адаптивными, зависящими от уровня надзора, международного сотрудничества и конфликтов между преступными организациями.

Маршруты доставки. К ним относятся тихоокеанские и карибские коридоры, используемые в основном для транспортировки больших партий наркотиков из Колумбии, Эквадора, Боливии и Перу к побережью Центральной Америки. При этом преступниками используются быстроходные катера, рыболовные суда и полупогружные суда (самодельные подводные лодки). Эти маршруты позволяют использовать обширные океанские просторы и низкий уровень контроля во многих районах.

1 Подр.: Поляков Н.В. Тактика производства следственных действий при расследовании незаконной транспортировки и перемещении наркотических средств, психотропных веществ и других контролируемых веществ (по материалам отдельных стран Центральной Америки и Карибского Бассейна): учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022.

Тихоокеанский маршрут. Это наиболее используемый и считающийся основным маршрут на протяжении последнего десятилетия ввиду простоты морских перевозок. Характеристики: навигация на скоростных катерах, рыболовных судах или полупогружных аппаратах, курсирует по водам Колумбия → Эквадор → Коста-Рика → Никарагуа → Сальвадор → Гватемала → Мексика, его предпочитают преступные группировки из-за большей грузоподъемности и меньшего контроля. Также можно упомянуть такие ключевые точки, как залив Фонсека, используемый (Гондурас – Сальвадор – Никарагуа), расположенный на никарагуанской территории Тихого океана и южных берегах Гватемалы.

Карибский маршрут. После операций в Тихом океане часть контрабанды переместилась в Карибский бассейн. Характеристики: транзит через воды Карибского моря из Колумбии и Венесуэлы; пролегают через небольшие острова, рифы и трудноконтролируемые районы; соединяется с Гондурасом, Никарагуа, Коста-Рикой, Панамой, а затем далее в Мексику или напрямую в США. Районы использования: регион Москития (Республика Гондурас и Республика Никарагуа), никарагуанское Карибское море, Бокас-дель-Торо и район Колон (Панама).

Наземные маршруты (Мезоамериканский коридор). После доставки морем или по воздуху большая часть наркотиков пересекает Центральную Америку по суше. Основной маршрут: Панама → Коста-Рика → Никарагуа → Гондурас → Сальвадор/Гватемала → Мексика. Характеристики: Использование основных дорог и нерегулярных пунктов пересечения границ. Использование транспортных средств со скрытыми отсеками. При этом стоить отметить высокую представленность местных преступных групп, выступающих в качестве перевозчиков наркотиков.

Попав на территорию Центральной Америки, грузы перевозятся по автомагистралям, пересекающим Панамериканское шоссе, через регионы джунглей, такие как Петен (Гватемала), и труднодоступные районы, такие как Дарьен (Панама), которые являются стратегическими пунктами из-за своего географического положения и ограниченного присутствия правительства.

Воздушный маршрут (хотя и меньше, но все еще существует). Небольшие самолеты взлетают с секретных аэродромов на юге и приземляются в сельских районах Центральной Америки. Известные регионы: Москития (Гондурас/Никарагуа), Петен (Гватемала), Северная Коста-Рика, Дариен (Панама).

Эти маршруты предполагают использование небольших самолетов и импровизированных взлетно-посадочных полос, особенно в отдаленных районах Гондураса, Гватемалы и Белиза. Они используются для быстрой перевозки грузов среднего размера, используя обширные сельские районы, где отсутствует управление воздушным движением.

Социальные, экономические и связанные с безопасностью последствия. Незаконный оборот наркотиков через Центральную Америку имеет серьезные последствия, в том числе:

а) рост насилия и территориальных споров между преступными группировками;

б) принудительное перемещение общин из-за вооруженных конфликтов между преступными организациями.

Таким образом, маршруты наркотрафика представляют собой не только физические коридоры, но и оси социального и политического влияния,

которые перестраивают систему безопасности и регионального управления.

Изучение незаконного оборота наркотиков в Центральной Америке можно рассматривать с нескольких точек зрения.

Геополитический подход анализирует территориальный контроль и конкуренцию между государствами и преступными группировками.

Социологический подход изучает воздействие на сообщества, криминальные социальные сети и динамику маргинализации.

Экономический подход объясняет торговлю наркотиками как высокодоходный подпольный рынок.

Криминологический подход изучает организационную структуру преступных групп, их стратегии сокрытия и мобильности.

Наркоторговле благоприятствуют внутренние условия региона:

– география: густые джунгли, обширные береговые линии и многочисленные отдаленные острова и прибрежные государства: страны с большой береговой линией и сухопутными границами, которые трудно контролировать. Ограниченные возможности государств по наблюдению на море и в воздухе, что облегчает передвижение тайных катеров и самолетов;

– участие местных преступных группировок облегчает хранение и транспортировку наркотиков.

Основная задача правоохранительных органов Республики Никарагуа заключается в защите двух морских фронтов. В частности, залива Фонсека, являющегося высокорискованной точкой пересечения двух стран в Тихом океане, а Ла-Москития представляющей собой логистический узел, где пересекаются карибские нарко марштруты, воздушные и наземные пути.

Для пресечения преступных потоков предлагаются следующие действия:

1) расширить морское наблюдение. Осуществлять совместные ночные патрули. (Военно-морские силы и Национальная полиция) в южной части Тихого океана и заливе Фонсека, отдавая приоритет использованию быстроходных катеров для противодействия преступникам;

2) усилить контроль и технический досмотр грузовых и личных транспортных средств на основных дорогах (сухопутный коридор), уделяя особое внимание обучению сотрудников полиции по обнаружению тайников с наркотиками.

3) укрепить механизмы обмена разведывательной информацией с правоохранительными органами Республик Гондурас и Коста-Рика относительно схем полетов и подозрительных воздушных судов, пролетающих над регионом Москития, для содействия в борьбе с использованием тайных взлетно-посадочных полос.

Ладыга А.И.,
кандидат экономических наук
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Поляков Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Антонио Кольман
Институт криминалистики Национальной полиции Республики Никарагуа

Наркоситуация в Республике Никарагуа

В Республике Никарагуа с 2013 г. реализуется межведомственный план Национальной полиции и армии Никарагуа по защите страны от организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и сопутствующих преступлений. В 2018 г. этот план , официально получившим название «Стена сдерживания» – Антинаркотическая стратегия Республики Никарагуа, был консолидирован в качестве правительственной стратегии в соответствии с указом Президента № 18-2018.

Создание стратегии «Стена сдерживания» Республики Никарагуа, которая направлена на обеспечение мира и безопасности народа Никарагуа, стало возможным посредством реализации различных мер по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и связанными с ним преступлениями[1].

Эта стратегия предполагает реализацию мер и развитие потенциала в этой области в сотрудничестве и координации с международным сообществом, с которым Республика Никарагуа также сотрудничает в борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Стратегические направления:

1) улучшение координации в борьбе с незаконным оборотом наркотиков;

2) профилактика наркомании;

3) укрепление механизмов контроля за незаконным оборотом наркотиков;

4) сдерживание незаконного оборота наркотиков и связанной с ним преступности;

5) укрепление международного сотрудничества в области с незаконным оборотом наркотиков.

Цели стратегии стена сдерживания:

1) совершенствовать информационные системы;

2) обновление и усиление набора инструментов, процедур и нормативных актов, действующих в стране в данной области;

3) укрепление национальной политики в области безопасности; модели восстановления прав и социальной справедливости; модели здравоохранения, семьи и общества; модели деятельности Национальной полиции; и модели гражданской власти;

4) укрепление механизмов мониторинга, проверки, контроля, распределения и сбыта регулируемой продукции (как на национальном, так и на международном уровне);

5) укрепление механизмов межведомственной и международной координации и сотрудничества;

1 Подр.: Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотиков (международного наркотрафика) в Республике Никарагуа (с переводом на испанский язык) : отчет о научно-исследовательской работе. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. 26 с. URL: http://www.lib.sibli.ru.

6) укрепление нормативно-правовой базы Отдела финансового анализа, а также потенциала никарагуанской армии, Национальной полиции, прокуратуры, судебных органов.

С положительной стороны отметим уменьшение количества преступлений, совершенных организованными преступными сообществами, что связано с реализуемым государством комплексом мер, в том числе и эффективным применением Стратегии «Стена Сдерживания». Значительный вклад в противодействие незаконному обороту наркотиков вносят и Вооруженные силы Республики Никарагуа, учитывая значительную протяженность границ (1231 км сухопутная граница, морская составляет 800 км, из них 320 км тихоокеанской береговой линии), которые зачастую проходят в труднодоступных и малонаселенных местностях, в том числе с горным рельефом и заболоченными низменностями. В последние годы государство привлекает вооруженные силы к борьбе с наркотрафиком в приграничных зонах, сухопутные войска – на континентальной части, военно-морские силы – на морском направлении. В составе военно-морских сил Никарагуа, например, в 2011 г. сформировано отдельное подразделение (численностью 300 человек), основной задачей которого является борьба с международным наркотрафиком.

Так, в ходе одной из операций сотрудники разведки никарагуанской армии обнаружили 102 килограмма кокаина, в Плайя-Тесоро, в Салинас-Гранде, департамент Леон.

Кроме того Национальная полиция нанесла серьезный удар по наркоторговле в общине Эль-Маримберо, расположенной в муниципалитете Вилья-Нуэва департамента Чинандега, где было изъято 264 килограмма кокаина и задержаны причастные к этому лица.

Благодаря стратегии «Стена сдерживания», реализуемой Национальной полицией в борьбе с международным оборотом наркотиков и организованной преступностью, на пограничном посту Эль-Гуасауле, муниципалитет Сомотильо департамент Чинандега, было изъято 120 173 килограмма кокаина.

Кроме того, Национальная полиция изъяла 531 килограмм кокаина и грузовик в ходе операции, проведенной на полицейском контрольно-пропускном пункте, расположенном в 100 метрах к востоку от перекрестка Марбелья, в муниципалитете Сан-Рафаэль-дель-Сур, департамент Манагуа.

Видится, что залогом эффективной работы Национальной полиции Республики Никарагуа является реализация основных положений Национальной стратегии «Стена сдерживания» (период действия 2026-2030 гг.); постоянный обмен оперативной информацией с коллегами из стран Латинской Америки и Карибского бассейна; использование научно-технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия объектов, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательств.

Решение указанной задачи становится возможным в том числе благодаря эффективной подготовке сотрудников компетентных органов стран Центральной Америки и Карибского бассейна. Огромный вклад в подготовку сотрудников Национальной полиции Республики Никарагуа вносит Учебный центр (филиал) СибЮИ МВД России в г. Манагуа, где на протяжении 8 лет на постоянной основе проводятся курсы повышения квалификации для специалистов правоохранительных органов и специальных служб региона, которые получили высокую оценку со стороны наших коллег[1]. Только в 2025 г. на базе филиала реализованы 30 дополнительных профессиональных программ –

1 Подр.: Поляков Н.В., Ладыга А.И. Особенности наркоситуации в Республики Никарагуа // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 129-133.

программ повышения квалификации, обучены 550 сотрудников компетентных органов иностранных государств.

Поляков Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Вильфредо Элой Каррaско Каррaско
Управление по борьбе с наркотиками Национальной полиции Республики Никарагуа

Осмотр места происшествия при расследовании контрабанды наркотиков в странах Латинской Америки и Карибского бассейна

Задачами осмотра места происшествия при расследовании контрабанды наркотиков являются:

1) поиск, обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления, обнаруженных на месте происшествия, свидетельствующих о незаконном перемещении и транспортировке наркотиков (как правило, материальных следов, которыми выступают сами наркотические средства, психотропные вещества, их упаковка и т.д.).

Например, национальным флотом и полицией Уругвая расследуется происхождение десятков сумок с наркотиками, обнаруженных на пляже в Роче, на курорте Сан-Антонио. Следователи считают, что партию наркотиков собирались доставить с берега на корабль в море, но по какой-то причине преступники потерпели кораблекрушение и сумки оказались на берегу. Также на месте происшествия нашли перевернутую лодку[1].

Перед правоохранительными органами стоит непростая задача установления личности преступников, и большую роль в этом ыирают изъятые в ходе осмотра микрочастицы;

2) изучение и фиксация обстановки с целью выявления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (например, мест расположения объектов, тайников и т.д.);

3) поиск, обнаружение, осмотр и изъятие средств подготовки, совершения и сокрытия преступления (например, специальной литературы или видеороликов, раскрывающих способы сокрытия наркотиков на (в) тех или иных объектах);

4) получение поисковой информации о членах организованной группы, причастных к контрабанде наркотиков, скрывшихся от следствия или ранее не установленных.

Анализ судебно-следственной практики по делам о контрабанде наркотиков позволяет выделить наиболее типичные места, в которых производится осмотр места происшествия; к таковым, по нашему мнению, относятся:

– зона таможенного контроля и помещения, расположенные в ней;

– пункты пропуска через внешнюю границу (автомобильные, железнодорожные, морские, речные, озерные, воздушные, пешеходные, смешанные);

1 Подр.: Поляков Н.В., Ладыга А.И. Особенности наркоситуации в Республики Никарагуа // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 129-133.

– учреждения транспорта и почтовой связи (железнодорожный вокзал, автовокзал, аэропорт, морской порт, почтовое отделение, магистральные сортировочные центры, авиационные отделения перевозки почты и т.д.);

– транспортные средства и оборудование, предназначенные для перевозки

(легковые и грузовые автомобили, автобусы, мотоциклы, прицепы, полуприцепы, воздушные судна, водные судна, лодки, подводные лодки, железнодорожные вагоны, цистерны, контейнеры и т.д.).

Так, сотрудники Национальной гражданской полиции Республики Эль-Сальвадор в рамках двух тактических операций, которые проводились в г. Сакатеколуке и около поселения Эль-Аматилью, выявили и изъяли две партии наркотиков, перевозимые на двух автофургонах из Республики Никарагуа в Гватемалу и Мексику. В обоих случаях автомобилями, следовавшими из Республики Никарагуа, управляли никарагуанские граждане. В первом случае транспортировка осуществлялась в автомобиле в двух специально оборудованных в топливном баке тайниках. В общей сложности изъято 1518 килограммов кокаина на сумму 37,926 миллиона долларов США (самое крупное изъятие кокаина на территории Сальвадора за последние 10 лет)[1].

Полицией Колумбии, Перу в территориальных водах не раз обнаруживались подводные лодки, в том числе и самодельные, перевозящие наркотики (кокаин, марихуану) из Колумбии и Перу[2].

Сложность обнаружения самодельных подводных лодок заключается в том, что, как правило, они осуществляют движение в подводном положении на глубине нескольких метров, а также производятся не из металла, а полимерных материалов, что вызывает существенные трудности при их обнаружении по типу физических полей.

Если рассматривать пример контрабанды наркотиков морскими путями, то, как правило, наркотики размещают в контейнерах под видом бытовых товаров или же используются конструктивные особенности судна.

Так, в Панаме изъято более 20 тонн предназначенных для сбыта в странах Европы наркотических средств, спрятанных в контейнерах. Сотрудники правоохранительных органов считают, что организованная преступность использует универсальность торговых судов для перевозки наркотиков, главным образом из южноамериканских портов на Тихом океане в Панаму, откуда они отправляются в Европу[3].

Национальной полицией Колумбии изъяты 1,4 тонны гидрохлорида кокаина в контейнерах с грузом бананов, которые направлялись в порт г.Антверпен. Наркотик обнаружен в ходе осмотра товаров после того, как полиция получила оперативную информацию о некоторых контейнерах с грузом экспортных бананов. Во время осмотра контейнеров сотрудники Управления по борьбе с наркотиками обнаружили 2 контейнера с 1400 прямоугольными пакетами, обмотанными лентами разного цвета, с порошкообразным веществом,

1 В Сальвадоре изъято 1,5 тонны кокаина // DW Made for minds. URL: https://www.dw.com/es/decomisan-en-el-salvador-15-toneladas-de-cocaína/a-55251742 (дата обращения: 11.03.2026).

2 Подр.: Поляков Н.В. Тактика производства следственных действий при расследовании незаконной транспортировки и перемещении наркотических средств, психотропных веществ и других контролируемых веществ (по материалам отдельных стран Центральной Америки и Карибского Бассейна) : отчет о научно-исследовательской работе. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022.

3 Панама предупредила о росте поставок наркотиков в Европу // DW Made for minds. URL: https://www.dw.com/es/panamá-alerta-sobre-un-incremento-de-droga-en-contenedores-hacia-europa/a-59676464 (дата обращения: 11.03.2026).

которое при проведении исследования подтвердило содержание гидрохлорида кокаина с массой 1,4 тонны[1];

– различные жилые и нежилые помещения (виллы, дома, квартиры, комнаты в общежитиях, гаражи, чердаки, погреба, подвалы и т.д.);

– участки местности (места незаконного пересечения границы, тоннели, тропы, участки дорог, места сброса наркотиков, тайники и т.д.).

В некоторых странах Америки, например, в Мексиканских соединенных штатах, распространенным способом контрабанды кокаина и марихуаны в США является использование подземных и подводных тоннелей, специально прорытых для данных целей[2].

Например, в штате Аризона в заброшенном ресторане быстрого питания был обнаружен подземный тоннель, второй выход которого находился в частном доме в Мексике. Внутри тоннеля находилось все необходимое: электричество, сигнализация, насосы для откачки воды, инструменты, вентиляция, рельсы. Транспортировку по тоннелю осуществляли на специальной тележке, позволяющей перевозить большие партии наркотиков. Аналогичный тоннель был обнаружен в здании г. Сан-Диего (США), он вел в складское помещение, расположенное в г. Тихуана (Мексика) и проходил на глубине 10 метров, длиной 400 метров, высотой 4 метра, шириной 1,5 метра. За последние 10 лет полицией обнаружены и уничтожены 100 таких тоннелей[3];

– иные места, имеющие значение для уголовного дела (например, места задержания подозреваемых).

От общих положений, касающихся осмотра места происшествия, необходимо перейти к тактическим особенностям данного следственного действия по уголовным делам, возбужденным по фактам контрабанды наркотических средств и психотропных веществ.

На подготовительном этапе следователю необходимо:

1) получить информацию о месте, в котором планируется проведение следственного действия (адрес точного местоположения, расположение относительно других объектов и т.д.);

2) по результатам изучения материалов уголовного дела, в частности показаний допрошенных лиц, представленных результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д., сформировать представление о характерных следах, которые могут находиться в указанном месте и свидетельствовать о преступлении;

3) составить примерный план следственного действия, в котором указать, какие объекты необходимо исследовать для обнаружения следов преступления;

4) определиться с оптимальным составом участников следственного действия, которые должны принять участие в осмотре места происшествия (специалист-криминалист, сотрудники оперативных подразделений, кинолог, представители общественности и др.);

5) произвести тщательный инструктаж участников следственного действия с целью соблюдения мер безопасности, например, при осмотре отдельных участков местности и тайников, в которых преступниками могут быть заранее установлены ловушки в виде взрывных и сигнальных устройств;

1 Подр.: Поляков Н.В., Карраско В.Э. Организационно-тактические особенности осмотра при расследовании незаконного перемещения и транспортировки наркотиков в странах Америки и Карибского бассейна // Научный компонент. 2023. № 1. .

2 Подр.: Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотиков (международного наркотрафика) в Республике Никарагуа (с переводом на испанский язык) : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. 112 с.

3 Подр.: Космодемьянская Е.Е., Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотических средств и психотропных веществ : отчет о научно-исследовательской работе Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018.

6) подготовить материальные и технические средства, необходимые для фиксации хода и результатов осмотра места происшествия, а также обнаружения и изъятия следов преступления.

На месте следователь должен определить границы осмотра места происшествия и способ его производства. Границы осмотра могут включать в себя не только само место, но и прилегающую территорию.

Большинство криминалистов сходятся во мнении, что выбор того или иного способа осмотра места происшествия осуществляется исходя из сложившейся следственной ситуации на момент осмотра[1].

Рабочий этап осмотра места происшествия можно разделить на две стадии: общий (статическая стадия) и детальный (динамическая стадия) осмотр.

При общем осмотре следователю необходимо ознакомиться с местом предстоящего осмотра, что делается без изменения обстановки.

При детальном осмотре следователь изучает обстановку места происшествия в целом и каждого объекта в отдельности; в частности, он должен тщательно произвести анализ имеющейся обстановки и попытаться мысленно воссоздать обстановку совершенного преступления с целью выдвижения версий относительно возможных мест сокрытия наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.

В ходе осмотра места происшествия необходимо обнаружить следы, указывающие на лиц, причастных к преступлению, а именно отпечатки папиллярных узоров, следы обуви, биологические следы (волосы, кровь, слюна), микрочастицы, предметы, случайно оставленные преступниками. Для наиболее полного производства осмотра целесообразно привлекать к участию в нем соответствующих специалистов, которые могут помочь в обнаружении следов, их правильном закреплении и изъятии.

Места обнаружения наркотиков (тайников) и они сами подробно описываются в протоколе осмотра места происшествия с указанием индивидуальных признаков, фотографируются.

Протокол составляется в ходе осмотра или непосредственно после его окончания, его подписывают все участники следственного действия; в протоколе полно и объективно, в то же время без излишней детализации, избегая неопределенных выражений, отражают все действия следователя и все обнаруженное, с тем чтобы читающий получил достаточное представление об обстановке места происшествия, следах и иных предметах, могущих иметь значение для дела, и чтобы в случае необходимости имелась возможность по описанию осуществить реконструкцию места происшествия; вне зависимости от упоминания в описательной части протокола в его конце перечисляют все изъятые и прилагаемые к протоколу объекты; протокол набирают на компьютере или разборчиво пишут от руки[2].

В ходе осмотра целесообразно использовать фотосъемку для фиксации предметов, тайников и следов.

Таким образом тактика производства осмотра места происшествия при расследовании контрабанды наркотиков зависит от исходной следственной ситуации, а также оказываемого противодействия со стороны защиты.

1 Харатишвили А.Г. Особенности расследования контрабанды наркотиков на первоначальном этапе : автореф. дис. ..... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

2 Краткие рекомендации по участию специалиста в осмотре места происшествия : методические рекомендации. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014.

Поляков Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент
Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Роберто Хосе Гарсия Флорес
Управление полицейской разведки Национальной полиции Республики Никарагуа

К вопросу о производстве обыска в Республике Никарагуа

Одним из наиболее значимых следственных действий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является обыск. В соответствии со ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Никарагуа (далее – УПК РН). Обыск в жилом помещении, либо в его отдельных частях, в местах осуществления предпринимательской деятельности или офисах, проводится при наличии судебного решения, для получения которого необходимо в письменном виде направить ходатайство с указанием оснований для его производства[1].

Обыск проводится в период с 6 до 18 часов. Однако, обыск может быть проведен в любое время суток при согласии проживающего лица или его представителя, либо в случаях, не терпящих отлагательства, при которых судья выносит постановление в течение не более одного часа после направления ходатайства прокурора или начальника полицейского подразделения, отвечающего за расследование. В постановлении о производстве обыска должна содержаться информация, подтверждающая его неотложность. Копия судебного постановления о разрешении производства обыска вручается владельцу или жильцу помещения, в котором проводится обыск, либо при отсутствии такового – его представителю, а при отсутствии последнего – любому совершеннолетнему лицу, которое находится на месте, желательно родственникам собственника.

Должностные лица, проводящие данное следственное действие, должны стремиться обеспечить неприкосновенность частной жизни. О результатах производства обыска составляется протокол, подтверждающий соблюдение правовых норм. В случае отсутствия лиц на месте производства обыска об этом указывается в протоколе. Результаты производства обыска вносятся в протокол. Протокол подписывается присутствующими; если кто-то отказывается от подписи либо не подписывает, об этом в протоколе делается соответствующая отметка (ст. 220 УПК РН).

Обыск может проводиться как по месту жительства, так и по месту, указанному подозреваемым в ходе допроса.

Важно отметить, что указанное следственное действие необходимо проводить максимально быстро, пока остальные участники преступления не предупреждены об обнаружении наркотиков сотрудниками национальной полиции. Для проведения обыска необходимо получение судебного решения, однако по делам анализируемой категории целесообразно проводить обыск в случаях, не терпящих отлагательства.

Для производства обыска следует привлечь к участию специалиста-химика, специалиста-криминалиста для фото и видеофиксации следов, а также

1 Подр.: Поляков Н.В., Ладыга А.И. Особенности производства обыска в Республике Никарагуа // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. Ч. 2. С. 284–285.

дополнительных оперативных сотрудников для обеспечения безопасности его проведения. Способы сокрытия наркотиков разнообразны, поэтому следует привлечь к участию специалиста-кинолога.

Анализ судебно-следственной практики Республики Никарагуа и других стран Центральной Америки и Карибского бассейна показывает, что наиболее часто обыск при расследовании данных преступлений проводится:

– по месту жительства подозреваемого. Так, в районе Типитапа Республики Никарагуа в доме Густаво Адольфо Сантоса Флореса проведен обыск в связи подозрением его в краже. При проверке мобильного телефона Сантоса Флореса, обнаружена информация, связанная с незаконным оборотом наркотиков (текстовые сообщения и фотографии). После чего подозреваемый доставлен в отделение национальной полиции, где во время допроса он заявил, что его родственник, псевдоним «Гусь», занимается сбытом наркотиков. В доме подозреваемого проведен обыск, в ходе которого изъято 3 кг кокаина, два пистолета «Макарова», 42000 долларов США, 3 сотовых телефона, 2 автомобиля[1].

В случае задержания организованной группы обыск проводится одновременно у всех подозреваемых в рамках заранее спланированной тактической операции, для чего должна создаваться следственно-оперативная группа;

– в транспортных средствах. Так, сотрудники пограничной службы Республики Никарагуа района Ривас остановили оранжевый грузовик «Freightliner», с грузовым фургоном, которым управлял 48-летний костариканец Кристобаль Алексис Кастиё Видаль. Водитель и груз вызвали подозрения, поэтому грузовик был перевезен на парковку Управления судебной помощи для проведения обыска, где при разборке грузовика в нем обнаружен тайник с 79 упаковками кокаина весом 83 кг.

Кроме того сотрудники Национальной полиции Республики Никарагуа провели операцию на 48,5 километре дороги в направлении Ла-Бокита, Дириамба-Карасо, в ходе которой остановлен пикап «Bans», водитель которого пытался скрыться. При проведении тщательной проверки пикапа на полу обнаружен тайник, в котором хранились 350 упаковок с кокаином, общим весом 418,24 кг;

– в хранилищах грузов;

– в местах передачи грузов. Так, сотрудники отдела по борьбе с наркотиками Департамента Новая Сеговия Республики Никарагуа провели обыск в районе Санта-Роза, в районе спортивного поля, муниципалитет Сан-Фернандо, в ходе которого изъято 5 мешков, содержащих 249 упаковок марихуаны, общим весом 216 кг, 1 пикап «Toyota» синего цвета.

На 224-ом км шоссе Окоталь-Манагуа, Национальная полиция обыскала автобус, который осуществлял пассажирские перевозки по маршруту Халапа-Манагуа, задержав 21-летнего Яксона Эмилио Руиса Севию и 20-летнего Ёльмера Рауля Оливера Каско, которые перевозили один нейлоновый мешок красного цвета. Осмотрев мешок, полицейские обнаружили 60 прямоугольных пакетов, обернутых скотчем, в которых находилась трава зеленого цвета. Экспресс тест показал положительный результат на марихуану, весом 26,4 кг[2].

1 Подр.: Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотиков (международного наркотрафика) в Республике Никарагуа (с переводом на испанский язык) : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. 112 с.

2 Подр.: Поляков Н.В. Тактика производства следственных действий при расследовании незаконной транспортировки и перемещении наркотических средств, психотропных веществ и других контролируемых веществ (по материалам отдельных стран Центральной Америки и Карибского бассейна) : отчет о научно-исследовательской работе Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. 27 с.

На том же контрольном пункте, расположенном на 224 км шоссе Окоталь-Манагуа Национальная полиция обыскала автобус, который осуществлял пассажирские перевозки на маршруте Халапа-Манагуа, задержав 41-летнего Рональда Антонио Альвареса, при котором обнаружили сумку черного цвета. В сумке найдены 17 прямоугольных пакетов, обернутых скотчем, в которых находилась трава зеленого цвета. Экспресс тест показал положительный результат на марихуану, весом 7,5 кг;

– на рабочем месте подозреваемого;

– в иных местах.

Преступники могут даже подыскивать специальные места, которые в значительной степени маскируют их незаконную деятельность. Например, в сотрудниками национальной полиции Гондураса обнаружена тайная взлетно-посадочная полоса, на которой брошен самолет с признаками незаконной перевозки кокаина[1].

Если эти места удалены от границы или пункта таможенного досмотра, то о производстве обысков немедленно направляются отдельные требования соответствующим правоохранительным органам с санкционированными постановлениями. В целях оперативности действий возможна передача этих требований и постановлений по факсимильной связи с одновременной высылкой оригиналов служебной почтой. Промедление может привести к утрате важных доказательств[2].

На стадии подготовки к обыску важно получить ориентирующую информацию о месте его проведения: расположении, количестве комнат и подсобных помещений, наиболее удобных путях для незаметного подхода к месту обыска, о дополнительных выходах из помещений, где предполагается проведение обыска и др. Эти сведения помогают следователю заранее спланировать и организовать поисковую работу, принять меры предупреждающие возможность незаметного выноса искомых объектов с обыскиваемого участка местности, из помещения заинтересованными лицами по прибытии следователя на место или в процессе обыска[3].

При проникновении в жилище наиболее эффективным видится легендированый либо силовой способ.

Обыск необходимо провести таким образом, чтобы исключить уничтожение преступниками улик. Для этого необходимо прибыть на место скрытно и рассредоточено, автотранспорт оставить в таком месте, чтобы он не был заметен из окон квартиры (дома), где должен проводиться обыск. За окнами этой же квартиры (дома), имеющимися запасными выходами устанавливается наблюдение с целью воспрепятствовать выходу находящихся в обыскиваемом помещении лиц, а также для обнаружения возможно выброшенных во время обыска предметов[4].

Прежде чем приступить к проведению обыска, следователь инструктирует его участников, объясняя каждому его обязанности. После этого приступает к исследованию материальной обстановки. Исследование начинается с

1 Подр.: Поляков Н.В., Флорес Р.Х.Г. Организационно-тактические особенности производства обыска в Республике Никарагуа // Научный компонент. 2023. № 2 (18). С. 39-46.

2 Бычков В.В., Пашнин А.В. Особенности тактики выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ «Монополистические действия и ограничение конкуренции» и ст. 188 УК РФ «Контрабанда» : учебное пособие. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2006. 157 с.

3 Участие специалиста в процессуальных действиях : курс лекций. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2009. С. 103-105.

4 Авдеев В.Н., Безруких Е.С., Рытьков А.А. Организация работы органов и подразделений внутренних дел по пресечению, раскрытию и расследованию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : учебно-методическое пособие. Калининград : КЮИ МВД России, 2004. С. 50.

общего обзора места обыска. Целью обзорной стадии является знакомство с обстановкой: наличие жилых помещений, количество и расположение комнат, наличие подсобных помещений, кладовых, лестничных площадок, балконов, подвалов и др. При этом намечается последовательность осмотра всех объектов на месте обыска. Кроме того, в обзорной стадии, исходя из характера искомых объектов (размера, габаритов, веса и др.) определяются места, наиболее подходящие для их сокрытия, и решается вопрос о возможности и целесообразности применения поисковых технических средств для обнаружения разыскиваемых предметов, документов, ценностей. Наконец, в процессе общего обзора конкретизируются задачи каждого участника обыска. Далее следователь приступает к детальному обследованию материальной обстановки, в ходе которого проводятся поисковые мероприятия. При этом широко используются тактические приемы, основанные на психологии и научной организации труда. Из числа психологических приемов важное значение имеет наблюдение за обыскиваемым. Ни один человек, участвующий в обыске и в той или иной степени заинтересованный в его результатах, не может оставаться равнодушным наблюдателем. Обыскиваемый всегда внимательно следит за действиями следователя, и, когда тот приближается к месту сокрытия искомых предметов, его эмоциональное напряжение усиливается, появляются признаки повышенного возбуждения, волнения. Поэтому необходимо вести постоянное наблюдение за обыскиваемым лицом, всякий раз отмечая изменения в его поведении. Это поможет вовремя сориентироваться, уделить больше внимания тем участкам, при обследовании которых наблюдалось повышенное нервное напряжение обыскиваемых. Однако использование данного приема всегда требует осторожной оценки поведения присутствующих при обыске заинтересованных лиц, поскольку эмоциональные реакции могут быть вызваны и иными причинами[1].

Обследуя помещения, мебель, чемоданы и т.п., необходимо сопоставлять их внешние и внутренние размеры, их габариты и вес, так как это позволяет обнаружить скрытые емкости. При обыске в служебных помещениях необходимо также обращать внимание на признаки тайников в предметах мебели, вентиляционных и других технических люках и отверстиях. Обыск рекомендуется начинать с рабочего места: письменного стола, сейфа и т.д. Обязательно исследуются настольные календари и ежедневники, которые могут содержать важную информацию о связях обыскиваемого, их телефонах, адресах, времени и местах встреч и т.д. В связи с тем, что в последние годы значительно увеличилось количество незаконной транспортировки, провозимой в транспортных средствах, зачастую приходится обыскивать транспортные средства, использовавшиеся для перемещения через границу. Задержав подозреваемого, обязательно обыскивают купе в поезде, каюту на морском судне, автобус или личный автомобиль. При обыске обеспечивается присутствие специалистов (инженера, механика). При подготовке к обыскам необходимо посмотреть справочную литературу, в которой описаны места на судне, в вагоне железнодорожного поезда, в автобусе, где могут быть оборудованы тайники. Такую же информацию о возможных тайниках, о пустотах, технологических люках можно получить и у специалиста. Также, как и при других видах обыска, следует обращать внимание на негативные обстоятельства (свежий блеск на головке шурупа, отсутствие шпатлевки у люка и др.). Ав-

1 Участие специалиста в процессуальных действиях. С. 103-105.

тобусы и автомобили желательно обследовать на смотровых ямах и специально оборудованных площадках[1].

Национальная полиция проводит обыск транспортного средства, морского или воздушного судна без согласия его водителя, пилота или собственника, по основаниям, предусмотренным соответствующим законодательством, или при наличии достаточных оснований полагать, что имело место совершение преступления (ст. 239 УПК РН). Проведение обыска в общественных местах, открытых для общественности и не предназначенных для проживания, не требует судебного разрешения. К данной статье не применяются временные ограничения, установленные законом для производства обыска в жилище. Ответственные за помещения должны быть уведомлены о производстве обыска, если такое уведомление не может негативно повлиять на ход расследования.

Например, полиция Валье-дель-Каука обнаружила кокаин в запасном колесе автомобиля, в котором ехали два брата из Андалусии в Черритос.

В процессе обыска применяются приемы психологического воздействия на обыскиваемого, цель которых показать бесполезность скрывать дальше искомые следователем предметы или документы. Такое воздействие нередко оказывает эффективное использование поисковой техники, получившее название тактического приема демонстрации возможностей технических средств. При этом воздействие может оказывать не только обнаружение искомого или части разыскиваемых вещей, но и любых других скрытых предметов[2].

Все обнаруженные в ходе обыска предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела подробно описываются в протоколе обыска и фотографируются по правилам криминалистической фотографии.

Поляков Н.В.,

кандидат юридических наук, доцент

Учебный центр (филиал) Сибирского юридического института МВД России в г. Манагуа Республики Никарагуа

Хувания дель Сокорро Лопес Харкин

Следственное управление Национальной полиции Республики Никарагуа

Организационно-тактические особенности предъявления для опознания в Российской Федерации и Республике Никарагуа

Предъявление для опознания является важнейшим тактическим средством проверки подозрения и доказывания виновности в ходе расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В связи с этим указанное следственное действие вызывает интерес не только со стороны ученых-криминалистов, но и практических сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

1 Бычков В.В., Пашнин А.В. Особенности тактики выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ «Монополистические действия и ограничение конкуренции» и ст. 188 УК РФ «Контрабанда» : учебное пособие. Челябинск : Челябинский юридический институт МВД России, 2006. 157 с.

2 Участие специалиста в процессуальных действиях : курс лекций. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2009. С. 103-105.

и сотрудников Национальной полиции Республики Никарагуа.

Производство опознания в Российской Федерации регламентировано ст. 193 УПК РФ. Порядок производства предъявления для опознания в Республике Никарагуа регламентируется Конституцией, Законом 406 от 13 ноября 2001 г. (далее – УПК Республики Никарагуа).

Необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Никарагуа не содержится понятие опознания. В ст. 233 УПК Республики Никарагуа указано, что Национальная полиция может проводить опознание лица, чтобы его идентифицировать.

Далее логичным видится сравнить виды предъявления для опознания производимые следователями в Российской Федерации и Республике Никарагуа.

Так, в ст. 193 УПК РФ прописаны следующие виды опознания по объекту:

1) предъявление для опознания лица;

2) предъявление для опознания трупа;

3) предъявление для опознания предметов.

Так, в частности в ч. 1 ст. 193 УПК РФ отмечено, что следователь может предъявить для опознания лицо или предмет. Для опознания может быть предъявлен и труп.

В ст. 233-235 УПК Республики Никарагуа перечислены следующие виды опознания по объекту:

1) предъявление для опознания лица;

2) предъявление для опознания трупа (который, как и в России предъявляется в единственном числе);

Возможность предъявления для опознания предметов, в уголовно-процессуальном законе Республики Никарагуа прямо не прописана, но анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что данный вид опознания проводится сотрудниками Национальной полиции.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Никарагуа, как и в российском законодательстве упоминаются два вида предъявление для опознания по форме:

1) в натуре;

2) по фотографии.

Статья 235 УПК Республики Никарагуа предусматривающая проведение опознания по фотографии гласит: «В случае необходимости опознать скрывшееся лицо, когда нет возможности обеспечить его присутствие, его фотография вместе с другими фотографиями статистов, может быть предъявлена опознающему, при соблюдении определенных правил». К данным правилам относятся следующие:

1) исключить подсказки в отношении лица, которое необходимо опознать;

2) исключить оказание какого-либо давления на опознающее лицо, чтобы оно опознало кого-то конкретно или поспешно;

3) исключать любую предварительную демонстрацию каких-либо фотографий опознающему лицу. Полиция должна проявлять полную беспристрастность при проведении опознания по фотографии. Опознание, проведенное ненадлежащим образом, может негативно повлиять на последующее опознание в суде, которое может повлечь вынесение оправдательного приговора, вследствие чего преступник может остаться безнаказанным;

Для признания данного следственного действия доказательством необходимо предоставить суду данные опознающего лица и сотрудников полиции, которые провели данное следственное действие. В суде свидетель (потерпевший), который опознал обвиняемого будет допрошен. Стороны обвинения и защита и другие участники процесса, могут допросить свидетеля (потерпевшего), каким образом было проведено опознание по фотографии.

Чем больше фотографий предъявляется опознающему, тем больше вероятность правильности его выбора, следовательно, следственное действие проводится с большей точностью. В протоколе данного следственного действия необходимо указать не только требуемые национальным законом обстоятельства, но и сомнения, возникающие у опознающего, для обеспечения наибольшей беспристрастности и объективности. Полиция и прокуратура должны обеспечить истинное воссоздание событий, которые могут повлиять на обвиняемого, отрицательным или положительным образом.

В УПК РФ указано, что опознающим может являться потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый. В УПК Республики Никарагуа нет ссылок на то, кто может выступать в роли опознающего. Основываясь на законах логики, можем предположить, что в роли опознающего в ходе проведения опознания в Республике Никарагуа могут являться те же участники уголовного процесса, что и в России (потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый).

Предъявлению для опознания в Российской Федерации предшествует подробный допрос опознающего относительно примет преступника и его действий в момент совершения преступления. Согласно ч. 2. ст. 193 УПК РФ опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Статья 233 УПК Республики Никарагуа содержит похожую норму гласящую, что предъявлению для опознания предшествует допрос опознающего: «перед началом опознания опознающий должен описать преступника и сказать знает ли он его или видел его лично или на фотографиях ранее. Кроме того, опознающий должен указать в каком месте и в связи с чем он видел данного человека».

Судебно-следственная практика в Российской Федерации и Республике Никарагуа свидетельствует о том, что в ходе допроса выясняются следующие обстоятельства:

1) обстановка, в которой допрашиваемый воспринимал искомый объект (длительность, условия и т.д.) и в связи с каким событием;

2) состояние, в котором находился допрашиваемый перед началом события, во время и после него;

3) физическое состояние допрашиваемого (нет ли дефектов зрения, уровень запоминания объектов и т.д.);

4) характерные приметы и особенности воспринимаемых объектов.

Подбор объектов, предъявляемых для опознания.

Часть 4 ст. 193 УПК РФ говорит о том, что лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех.

В ст. 233 УПК Республики Никарагуа также указаны требования, предъявляемые к статистам, которые должны быть внешне схожими с опознаваемым. Однако в УПК Республики Никарагуа не указано, в каком количестве лица должны предъявляться для опознания. Сотрудники Национальной полиции Республики Никарагуа отмечают, что число предъявляемых лиц должно быть не менее пяти.

В ходе опознания в Республике Никарагуа приглашается опознаваемое лицо и ему, как в Российской Федерации, предоставляется право выбора места между другими, схожими с ним по внешним признакам лицами. После разъяснения прав и обязанностей, опознающему предлагается указать, учитывая все меры предосторожности, находится ли среди присутствующих то лицо, которое он упоминал.

Особенностью предъявления для опознания живых лиц в Республике Никарагуа в отличие от России является то, что опознание всегда проводится в условиях, исключающих визуальное восприятие опознающего опознаваемым, то есть «за стеклом». В Российской Федерации такое опознание проводится в целях сокрытия данных свидетеля или потерпевшего, а также в целях исключения психологического давления на него со стороны подозреваемого или защитника.

Статья 234 УПК Республики Никарагуа указывает на множественность опознаний следующим образом. Когда нескольким лицам предстоит опознать одно лицо, каждое опознание происходит по отдельности, исключая общение между опознающими. Если одному лицу предстоит опознать нескольких лиц, такую процедуру можно провести единовременно. Для того чтобы не искажать предварительное или судебное следствие, таким же образом, как и при опознании по фотографии, полиция должна исключать какие-либо нарушения, которые, как правило, возникают не преднамеренно, а по неосторожности. Нарушения могут касаться подозреваемого или его характерной черты лица. Это имеет большое значение, поскольку признание опознания недействительным либо проведенным с нарушениями порядка влечет за собой невозможность использования данного доказательства в суде.

Как было упомянуто ранее, в протоколе следственного действия, который составляется полицией, уместно указать сомнения выраженные опознающим. При этом необходимо проявлять максимальную беспристрастность и объективность. Подобные сомнения позволят сторонам процесса в суде допросить свидетеля, который опознал обвиняемого, для того, что повысить степень достоверности данного следственного действия. Кроме того в Республике Никарагуа часто проводится опознание во время судебного разбирательства. Если опознание в ходе следствия не проводилось, то опознание в суде может обладать большей ценностью, так как опознающий имел контакт с подозреваемым только при совершении преступления. В этом случае суд может воочию наблюдать сомнения опознающего[1].

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Республики Никарагуа и Российской Федерации, регламентирующее производство такого следственного действия, как предъявление для опознания, имеет много схожих положений, регулируется на основе принципа законности.

Одновременно с этим имеются специальные правовые нормы отличные от российского законодательства. Так, национальное законодательство Республики Никарагуа не предусматривает участие понятых при производстве следственных действий и предъявления для опознания в частности[2].

Представляется, что учет тактических особенностей производства отдельных следственных действий при расследовании незаконного оборота наркотиков и реализация их в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов позволит сформировать качественную доказательственную базу по уголовным делам анализируемого вида[3].

1 Подр.: Поляков Н.В. Методика расследования контрабанды наркотиков (международного наркотрафика) в Республике Никарагуа (с переводом на испанский язык) : учебное пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2025. – 112 с.

2 Подр.: Поляков Н.В. Тактика производства следственных действий при расследовании незаконной транспортировки и перемещении наркотических средств, психотропных веществ и других контролируемых веществ (по материалам отдельных стран Центральной Америки и Карибского Бассейна) : отчет о научно-исследовательской работе. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2022. 27 с.

3 Подр.: Поляков Н.В., Харкин Х. Сравнительно-правовой анализ организационно-тактических особенностей предъявления для опознания в Российской Федерации и Республике Никарагуа // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2023, № 1.

План-график выпуска учебных
и научных изданий № 7

Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики

XXIX международная научно-практическая конференция

(2-3 апреля 2026 г.)

Материалы конференции

Ответственный редактор Д.В. Ким

ISBN 978-5-7889-0392-7



Часть 1

ISBN 978-5-7889-0393-4



Редактор Е.Н. Варыгина.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписан в печать 27.03.2026. Вышел в свет 20.04.2026.
Формат 60x84/8. Бумага типографская. Гарнитура Book Antiqua.
Печать офсетная. Уч. изд. листов 28,8 (45 усл. печ. л.)
Тираж 100 экз. Заказ

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.